

Администрация МО ГО "Сыктывкар"
Управление культуры администрации МО ГО
"Сыктывкар"

СЫКТЫВКАР

литературный альманах

Повести

Рассказы

Стихи

Очерки

Статьи

Сыктывкар
Издательство ООО «Полиграф-Сервис»
2010

84 (2Рос=Рус) 6
С 95

**Проект доктора филологических наук
Владимира Николаевича Демина**

**С 95 СЫКТЫВКАР: Литературный альманах / Составители
А.В. Канев, А.Е. Бернштейн, А.А. Иевлев, Л.Г. Ханаева, А.Г. Попов.
– Сыктывкар: Издательство ООО «Полиграф-Сервис», 2010. – 250 с.**

ISBN 5-7555-0788-0

84 (2Рос=Рус) 6

Редактор-составитель А.В. Канев

Общественная редколлегия

Валерий Козлов
Виктор Шевцов
Альберт Бернштейн
Андрей Канев
Алексей Иевлев
Людмила Ханаева
Андрей Попов

***Авторы благодарят за финансовую поддержку проекта
Управление культуры администрации МО ГО «Сыктывкар» и лично
главу администрации МО ГО «Сыктывкар» Романа Валерьевича
Зенищева.***

ISBN 5-7555-0788-0

© А.В. Канев, составление, 2010
© А.А. Иевлев, составление, 2010
© А.Е. Бернштейн, составление, 2010
© Л.Г. Ханаева, составление, 2010
© А.Г. Попов, составление, 2010
© Управление культуры админ. МО ГО «Сыктывкар», 2010
© Издательство ООО «Полиграф-Сервис», 2010

ЛЮБИМОМУ ГОРОДУ И ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ

«Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...» - так и хочется воскликнуть слова этой известной песни, когда берёшь в руки очередной выпуск ежегодного литературного альманаха «Сыктывкар». Как это прекрасно и действительно здорово, когда умные чиновники дают возможность писателям высказываться публично перед читательской аудиторией. Благодаря чему и развивается литературный процесс нашего северного региона.

«Сыктывкар»-2010 выходит в люди в знаменательный год двумя значительными датами. Первая – это 65-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941-45 годов прошлого столетия, а вторая пусть более провинциальная, зато тоже наша, столице республики Сыктывкару исполняется 230 лет. Более двух веков назад именным указом Императрицы Екатерины II Усть-Сысольск и был наречён городом. Именно этим двум событиям в истории коми народа и всего народа российского и посвящена эта книга.

В жизни самого литературного альманаха произошло тоже два знаменательных события. Коллектив редакционной коллегии издания был во второй раз номинирован на соискание государственной премии Республики Коми в области культуры, а муниципальное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система» выпустило в свет путеводитель «Литературный альманах «Сыктывкар». Заинтересованный читатель в нём сможет найти разделы, посвящённые «Именному указателю авторов произведений, героев очерков, критических и краеведческих материалов», «Алфавитному указателю произведений», а также «Драматургии», «Очеркам», «Критике, литературоведению, краеведению», «Прозе» и «Поэзии».

Присутствует, к сожалению, и трагическая нотка. Ушли из жизни постоянные активные авторы альманаха, члены профессионального писательского союза Александр (Рафаил) Клейн, Виктор Демидов и Александр Парначев. В этой книге альманаха, как и во многих предыдущих, присутствуют произведения этих литераторов. Потомки их не забудут, а труды литературные не канут в Лету. Жизнь идёт вперёд, а память о них остаётся.

Новый альманах полон имён известных (Н.Мирошниченко, В.Силкин, Н.Щукин, Ю.Инов, Т.Ломбина, И.Белых) и новых для читателя (В.Гоголь, Ю.Соболева, А.Василенко), этим он и интересен.

Приятного тебе чтения, читатель!

**Олег Елфимов,
начальник Управления культуры администрации МО ГО
«Сыктывкар»**

РАЗНЫЕ ДНИ ВОЙНЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОЛДАТА (печатается с сокращениями)

I. Начало войны

У каждого человека своя судьба, у каждого солдата – своя война. И военный период у каждого начинался по-своему.

Меня, учителя средней школы Министерства путей сообщения, призвали в Красную армию в 1939 году. Школа относилась к железнодорожному ведомству и была расположена в небольшом поселке Лев Толстой при довольно крупной железнодорожной станции. Прежнее название этого населенного пункта – село Астапово, которое стало известно всему миру в 1910 году, когда в квартире начальника станции Озолина умер великий писатель, покинувший свое родовое имение Ясная Поляна. Но это просто к слову.

Вообще-то в то время существовал закон, освобождающий учителей сельских школ от службы в армии, но война с Финляндией внесла свои коррективы. Стали из нас, вновь призванных, ускоренно готовить лыжников, но война закончилась 12 марта 1940 года, и потребность в солдатах-лыжниках отпала.

И тогда было принято решение готовить из нас танкистов на базе танка Т-26.

Учеба была ускоренной и очень напряженной. Располагалась наша часть в селе Красное недалеко от Минска.

Вскоре произошло еще одно событие, накалившее международную обстановку: наше Правительство предъявило требование Румынии о возвращении нашей стране территории Бессарабии. Срок ультиматума заканчивался 28 июля в четырнадцать часов.

Нашу танковую часть подняли по тревоге, и мы своим ходом понеслись к границе, которая проходила по Днестру. Командиром моего танка был лейтенант Володя Ершов, с которым мы потом еще раз встретились, совсем в другой обстановке, и мне довелось быть свидетелем честного выполнения им воинского долга и гибели его. Мы успели прибыть в приграничный поселок Кассиль, чтобы своим присутствием обеспечить выполнение ультиматума. Наши танки стояли на берегу, стволы были направлены на противоположный берег. Этот конфликт закончился мирно, но все понимали, что войны рано или поздно не избежать: в Европе, как тогда говорили, уже «пахло порохом».

Ровно в четырнадцать часов через Днестр был наведен понтонный мост, и наши кавалерийские части переправились на тот берег.

После завершения операции с Бессарабией нашу часть перебросили в Пирозово, большой населенный пункт на бывшей территории Польши западнее г. Белостока. Бывшее панское имение, где нас пытались разместить вначале, совсем не соответствовало требованиям размещения танковой части. Пришлось личному составу подразделения заниматься сложными хозяйственными вопросами: рубили и корчевали лес, строили склады, казарму.

Министром обороны в то время был Тимошенко С.К., Маршал Советского Союза. Он ввел в армии жесточайший порядок, жесткую дисциплину. Нас учили и закаляли, хозяйственные и учебные нагрузки были трудными, питание и условия жизни – спартан-

ские. Закалка, физическая сила, выдержка – как все это помогло выжить и выстоять в тяжелейших условиях последующих событий.

Весной 1941 года, как только сошел снег, мы стали строить танкодром. Каким-то образом просочилась информация, что в апреле-мае состоятся большие армейские маневры. В апреле мы получили новые танки, это были мощные машины KB. Их поставили на площадки, укрыли брезентом, поставили часовых. Но изучали мы их в классе только по картинкам и чертежам. Практические же занятия мы проводили по-прежнему на старых машинах Т-26.

Неизвестно откуда появились слухи о том, что на границе неспокойно. Стало известно, что немцы захватили каких-то наших солдат. Тем не менее, наши командиры постоянно нам говорили:

- Есть приказ из Центра: сохранять спокойствие, усилить наблюдение, не поддаваться на провокации.

Не знаю, верили ли сами командиры этим указаниям. Некоторые из них открыто говорили о предстоящей войне.

21 июня, в субботу, мы, как и все предыдущие дни, работали на танкодроме, завершая его строительство. В этот день уже под вечер в нашу часть приехал командующий Белорусским военным округом генерал Павлов. Осмотрев танкодром, он выразил удовлетворение нашей работой. После его отъезда командиры подразделений передали его приказ:

- Завершить сегодня же все работы по танкодрому. Завтра подъем перенести на два часа позднее.

И мы продолжали работу до глубокой ночи.

Но в четыре часа утра дежурный закричал:

- Подъем!

Мы были готовы побить дежурного: он нарушил приказ командующего, лишив нас дополнительных часов так необходимого отдыха.

- А вы выйдите, посмотрите, что творится.

В первые секунды мы подумали, что уже начались ожидаемые маневры: в воздухе были самолеты, слышались разрывы. Но когда мы увидели, что в километрах 4-5 от нас горела почти вся деревня, в которой жили офицеры нашей части с семьями, то стало ясно, что это война.

Вступает в действие команда «боевая тревога».

Мы быстро оделись, выхватили из пирамид танковые пулеметы и побежали на танкодром, где стояли новые танки KB.

И первый ужас войны: все восемнадцать человек караула были мертвы.

Нам некогда было раздумывать о том, кто и как без единого выстрела ликвидировал караул. У нас не было ни опыта, ни воображения, чтобы как-то оценить случившееся.

Большинство наших командиров, живших в соседнем селе, погибли при артобстреле. Не прибыл в часть и командир дивизии генерал-майор Борзилов (уже позже в 70-х годах я получил информацию, что он погиб, не выбравшись из окружения). Командование на себя взял дежурный по части майор Лапутин, Герой Советского Союза за участие в боевых действиях в Испании, слушатель Академии. Он в нашей части был на стажировке.

Оказавшись на танкодроме у новых танков KB, мы вначале были в некотором замешательстве, поскольку изучали их только по картинкам. Но с этой заминкой мы быстро справились, расчехлили танки, открыли люки. Но в танках не было боеприпасов, которые

хранились на складах. Склады, конечно, были закрыты, а где находились ключи, никто не знал. Последовала команда майора:

- Сбивайте замки, срывайте крыши, грузите боеприпасы.

Времени вскрывать ящики, набивать диски, раскладывать снаряды по гнездам у нас не было. Грузили ящиками, навалом. В пакете «Вскрыть по боевой тревоге» был указан порядок действий и маршрут движения на исходные позиции. Под командой майора Лапутина мы прибыли в какой-то лес. Вскоре туда прибыл командир нашей роты капитан Ефимов. Командиры получили карты, им поставили задачу. Мы замаскировали танки и занялись размещением боекомплекта.

Настроение у нас было приподнятое, мы были готовы к возможному сражению. Поступила информация от разведки: на нас движется колонна танков. Мы это восприняли довольно спокойно, поскольку чувствовали свою силу: нас много, танки наши новые и крепкие, слева от нас стрелковый полк, справа – гаубичный. Мы стоим в лесу на возвышенности, дорога, по которой могут пойти танки противника, проходит по открытой низменности, неудобной для развертывания в боевой порядок. Мы были уверены, что если на дороге появится колонна немецких танков, мы с ними сумеем справиться.

Прошло довольно много времени, а противник не появился. Командиры стали нервничать, их нервозность передалась и нам. Неизвестность в боевой обстановке очень опасна. Повторная разведка установила, что немцы ушли в обход. Наше пребывание в лесу на этой позиции стало бессмысленным. И командиры поставили новую задачу:

- Выходить на дорогу, двигаться в направлении хутора Волилы.

Танки Т-26 было решено оставить на танкодроме. Для них просто не было экипажей. Оставили также группу из нескольких солдат для уничтожения танков, другой техники и складов. В этой группе были знакомые мне ребята, но я никогда больше их не видел и ничего не знаю об их судьбе.

Все ринулись на дорогу. А на дороге в это время уже двигался в три-четыре ряда сплошной поток: машины, отдельные пушки, повозки, люди, скот, семьи пограничников, местное начальство. В этой толпе выделялись группы летчиков с приграничных аэродромов, где еще на земле были разбиты их самолеты. Некоторые из летчиков были в экипировке.

Вклиниться в этот поток было почти невозможно. И все же поодиночке танки как-то вклинились. И случилось неизбежное: часть рассредоточилась, управление потерялось, каждый экипаж был предоставлен сам себе. Мы не знали, где другие танки, а те не знали, где мы. К исходу дня прибыли на хутор Волилы, но там наших танков не оказалось. Их следы были, а самих танков нет. На хуторе всего несколько пустых домов. В воздухе все время кружит самолет противника, наблюдает.

Наступает вечер первого дня войны. Откуда-то поступает информация (откуда – не помню), что танки ушли на Белосток. А впрочем, другого пути у нас не было. Ушли мы из этого хутора, переночевали в поле, а с рассветом снова с большим трудом вклинились в людской поток.

Когда совсем рассвело, появились самолеты и стали бомбить дорогу. В такой скудности людей и техники на дороге бомбы всегда разили без промаха. Самолеты заходили на бомбежку конвейером: одни улетали, другие прилетали. На дороге паника, каждый спасает себя. Мы вынуждены были уйти с дороги и двигались параллельно ей полем.

Жара стояла неимоверная, мы уже стали ощущать недостаток пищи и воды, на исходе горячее.

Солдат только тогда по-настоящему солдат, когда он состоит в своей части, при своем командире, в кругу своих товарищей по службе. В таком положении он решителен, боеспособен, силен и чувствует себя в относительной безопасности. Он, можно, сказать, счастлив. Будет команда, и он готов ее исполнить. Но стоит только по какой-то причине утратить один из этих компонентов, и солдат уже не тот. Самое страшное – это потерять во время войны свою часть. Солдат, потерявший свою часть, несчастный человек. Он может стать легкой добычей противника, он может быть признан своими же дезертиром с вытекающими отсюда последствиями по суровым законам войны.

К исходу второго дня прибыли мы в Белосток. Там – паника, неразбериха, все перепуганы, никто ничего не знает и никому до нас нет дела. Решили двигаться дальше. На выезде из города нас остановили:

- Кто такие, куда прете?

А мы и сами не знаем ответы на эти вопросы. Мы не знаем, кто нам эти вопросы задает. Здесь мы впервые почувствовали, что значит для солдата потерять свою часть. Показали мы личные документы, которые были у нас на руках, но для военного времени этого было недостаточно.

Нас направили на западную окраину города. Здесь уже были танки других неизвестных нам частей: в основном легких Т-26, совсем немного тяжелых КВ. Танков нашей части не было. Здесь мы узнали, что формируется новая танковая группа, которой будет командовать комбриг Потатурчев. Его я знал лично, когда проходил службу курсантом в 32-ом батальоне части, которой он командовал. Но в Белостоке я его лично не видел.

Поступили сведения, что какие-то подразделения немецких танков вырвались вперед и движутся к Белостоку. Мы стали готовиться к обороне. Следует отметить, что расстановка и маскировка техники делались наспех, организация обороны была весьма неопределенной. Те танки, у которых кончилось горючее, закопали, превратив тем самым их в неподвижное орудие.

На третий день с рассветом появились в поле зрения немецкие танки. Они построились в боевой порядок и готовились на большой скорости проскочить нашу линию обороны и оказаться сзади нас. Мы начали их обстреливать прицельным огнем с большого расстояния.

Мы стреляли с места и очень точно. Потеряв несколько танков, немцы повернули назад. Преследовать их мы не могли, поскольку у нас уже не было горючего.

Это был первый наш боевой успех на третьем дне войны, в котором я принимал участие. Это было мое настоящее боевое крещение. По окончании боя нас построили, объявили благодарность. А затем неожиданно для нас переформировали, мой экипаж сняли с танка. И дали новое задание:

- Вы направляетесь на железнодорожную станцию Волковыск. Там стоит эшелон с танками. Ваша задача разгрузить танки и подготовить их к боевым условиям. Выполняйте. В вашем распоряжении грузовой автомобиль. Следующее задание получите на станции.

Поехали. Нас никто не спросил наши фамилии и кто мы такие, нас ничем не снабдили, мы не получили приказа на руки. Все только на словах. По дороге нас остановили. Смотрим: отделение автоматчиков и с ними полковник в новенькой с иголки формы, что сразу бросилось в глаза.

- Кто вы такие и куда направляетесь?

Я обратил внимание, что лычки на рукаве пришиты неправильно. Но не придал тогда этому значения.

Мы, как могли, объяснили. Кроме личных документов у нас ничего подтверждающего наши слова не было.

Полковник начал кричать:

- Вы драпаете с передовой. Вы знаете, как поступают с дезертирами в военное время? Положите оружие и отойдите на два шага назад.

Мы отказались выполнить эту команду. Автоматчики, сопровождающие полковника, взяли оружие на изготовку. Мы сделали тоже самое. Тогда полковник изменил тактику: он разделил нас на три группы и каждой группе дал свое направление. Ту группу из четырех человек, в которой оказался я, он направил в недалекую рощу, предупредив, что там уже должны быть направленные им люди. В роще мы увидели штабную машину, рядом на траве отдыхал офицер в форме капитана. Мы доложили ему по всей форме, но он с нами разговаривать не стал. Он оказался в этой роще тоже по направлению того же полковника.

- Следуйте по тому приказу, который получили ранее, - таково было решение капитана. Но мы уже не знали, куда мы должны следовать, и по-нашему настоянию капитан взял нас в свою команду.

Мы сели в его машину и поехали по лесной дороге. В одном месте мы выехали на домик лесника. Он дал нам хлеба и указал несколько направлений, по которым мы могли бы двигаться дальше. Но капитан, взявший на себя командование, тоже не представлял куда мы должны ехать. Каково же было удивление, что через несколько часов мы оказались на том же месте, где и встретили капитана. Но теперь на этом месте уже было человек двадцать солдат, несколько бензовозов и офицер в форме полковника. Капитан по всей форме доложил ему о своей сборной команде. Но тот, удрученный сидел под деревом на траве, обхватив голову руками. Он устало поднял на нас глаза:

- Идите туда, откуда пришли.

Мы, конечно, никуда не пошли и остались в этой же группе и здесь же заночевали.

Утром следующего дня на нас вышла большая группа военных под командованием майора Калинина, с которым я был лично знаком, поскольку в 1940 году служил в батальоне, которым он командовал. Он меня хорошо знал: мне поручалось делать в батальоне политинформацию, я выпускал стенгазету, организовывал самодеятельность. В этой же группе оказался лейтенант Володя Ершов, который был командиром танка, когда мы входили на территорию Бессарабии. Невозможно передать словами, какое испытываешь счастье, когда в этой неразберихе и круговерти первых дней войны вдруг встречаешь знакомых сослуживцев еще по мирному времени.

Кстати, я безмерно благодарен Володе Ершову, что он позволил мне в свое время по моей настоятельной просьбе из радиста переквалифицироваться в артиллериста.

Я толком не знал, что за команда пришла вместе с майором Калининым. Многие были без оружия. Оружие было только у нас, бывших танкистов.

Утром нас покормили, и мы продолжили движение на восток. По дороге миновали город Слоним. Здесь мы увидели уничтоженный немецкий десант. Десантников своевременно увидели еще в воздухе, и ни один из них живым не коснулся земли.

За несколько десятков километров до города Барановичи нас остановили и рассортировали: вооруженные в одну сторону, невооруженные – в другую. Группу без оружия куда-то увели, а во главе нашей команды появился какой-то майор. Своей фамилии он не назвал. В нашей группе остался лейтенант Володя Ершов. Нас отвели на усадьбу большого совхоза, где мы и переночевали. Утром нас построили, попытались как-то организовать, но в спешке это плохо получалось. Поставили нам задачу:

- Мы следуем по направлению в Минск.

В нескольких километрах от нас находится село, занятое немецким десантом. Необходимо уничтожить десант, выйти на дорогу и далее следовать в Минск.

Так мы и пошли: ни полк, ни батальон, просто команда. К этому времени мне уже удалось поменять оружие: винтовку старого образца на самозарядную винтовку Токарева – СВТ – с плоским длинным штыком.

Дорога подвела нас к небольшому мосту через сухой овраг. У моста мы поставили гаубицу. Скорее для устрашения, поскольку снарядов у нас не было. Затем с дороги свернули в лес. Там на опушке нам уточнили задачу:

- Впереди овсяное поле. За полем на возвышенности село, которое занято немецким десантом, отрезавшим нам дорогу. Задача: овсяным полем сблизиться с противником, огнем и в рукопашном бою уничтожить десант. Затем снова выйти на дорогу и продолжить движение в направлении на Минск.

Как только мы оторвались от кромки леса, начался обстрел. Стреляли по полю и довольно плотным огнем, но видеть они нас не могли. Хотя могли, конечно, ориентироваться только по шевелящимся колосьям. Были попадания, убитые и раненые оставались лежать в поле, в овсе.

У кромки поля Володя Ершов поднялся во весь рост:

- За Родину, за Сталина, за мной.

И тут же упал, сраженный крупнокалиберным пулеметом. (По звуку стрельбы крупнокалиберный пулемет легко отличить от автоматной очереди).

Когда на опушке леса мы получали задание, то нас в команде было человек сто. Не меньше роты. А когда поднялись в атаку, то нас оказалось не больше взвода. До немецких окопов от края поля было более двадцати метров. Добежали. Завязалась рукопашная. Многих мы уложили на месте, часть десантников оторвалась от нападавших и тем же полем правее нас устремилась в лес. Мы постреляли им вслед, но без особого успеха.

Потом собрали погибших и похоронили всех в одной братской могиле. Нашли мы и Володю Ершова, его похоронили отдельно.

Все эти погибшие, и многие сотни тысяч или миллионы других погибших числятся по военной «бухгалтерии» пропавшими без вести. Об этом я подумал не тогда, в сорок первом, когда закапывал наспех солдат, с которыми даже не успел познакомиться, а сейчас, когда пишу эти строки в середине семидесятых годов. И никто никогда не узнает, где похоронены эти герои, как Володя Ершов, до конца выполнивший свой воинский долг.

В этом бою я получил ушиб плеча, у товарищей, с которыми я остался на ночевку в селе, были легкие ранения. Утром мы встали, в селе нас кое-как накормили и мы пошли далее.

Не без приключения миновали мы населенный пункт Червень. По дороге еще раз напоролись на подозрительный заградотряд, но, как и в прошлый раз, не подчинились его попытке нас разоружить. Так мы добрались через два дня до Могилева. Там нас задержали, отказались слушать наши объяснения, закрыли в одном из помещений и поставили часового. Через несколько часов к нам пришел старший политрук и беседовал с каждым из нас. Убедившись, что мы не диверсанты, он направил нас на формирование отряда защитников Могилева.

- Эвакуация из города продолжается, и ваша задача состоит в том, чтобы как можно дольше задержать противника на подступах к городу, - таково было его объяснение ситуации.

Формирование длилось целый день, постоянно вливались новые люди, приходили только что мобилизованные, даже без военного обмундирования. Нас с товарищами разделили в разные подразделения, поскольку мы были уже кадровыми военными. В моей группе было человек сто, меня определили в пулеметчики. Поздно вечером нас привели в какое-то место и приказали окапываться:

- Это будет ваш рубеж защиты города.

Надо копать окопы, а лопат нет. Послали людей в ближайший хутор, собрали там лопаты и начали копать. К утру я подготовил свою позицию. Но с рассветом налетели самолеты, стали бомбить. И на этом для меня боевая операция закончилась.

Очнулся я уже в госпитале в момент погрузки раненых в вагоны: госпиталь эвакуировался в город Рославль. Последствия контузии не нанесли мне большого вреда и спустя неделю в группе выздоравливающих меня отправили в Воронеж. Примерно через месяц, снабдив необходимыми документами, меня с группой таких же как я, отправили в Сталинград.

В Сталинграде нас еще раз переформировали, меня, как и положено, отправили в танковое подразделение. Затем нас, группу танкистов, направили в Челябинск. Ехали мы в теплушке очень долго. Но мы уже были солдатами, у нас есть документы, есть харчи, есть цель. И мы были счастливы. В Уфе нас остановили на два дня на санобработку. Причина простая: говоря по-русски, вши заели.

Так закончился недолгий и не самый страшный для меня, как оказалось потом, период начала войны.

И что же в активе: один танковый бой, один рукопашный и тысяча других коллизий, которым трудно найти объяснения. Как известно, командующий Белорусским военным округом за допущенные ошибки в первый период войны был расстрелян. Один ли он был виноват в том, что случилось...

В первых числах апреля 1996 года я получил телеграмму: «Отец тяжело болен, приезжай».

Через сутки я уже входил в палату для ветеранов войны.

Отца я узнал не сразу. За тот год, что я не видел его, он словно высох, стал маленьким и почти невесомым. Он накинул на плечи халат, и мы вышли в коридор.

- Ты приехал в командировку или тебя вызвали? – начал он выяснять.

- В командировку, - зная щепетильность отца, я несколько покривил душой.

На самочувствие он не жаловался. «Так, мол, сердечко немного пошаливает, но это началось не вчера».

Заведующий отделением, с которым я беседовал в тот же день, был совсем другого мнения:

- Едва ли сможем помочь вашему отцу. И ваш отец знает об этом. Его сердце просто выработало свой ресурс. Возраст, военные годы – все это оставляет свой след.

Я спросил врача, что он может посоветовать в этой ситуации.

- Мы недельку подержим его в больнице. Даем ему укрепляющие лекарства. Нет, нам ничего не надо. У нас в больнице все медикаменты есть. Ну, а потом посмотрим. Видимо, его следует забрать домой.

Я приезжал к отцу каждый день. Мы под руку прогуливались по коридору или отдыхали в фойе. И говорили, говорили.

- Знаешь, я время от времени публиковал маленькие рассказы о войне в местной газете. И вот вспомнил еще четыре интересных эпизода. Давай я расскажу их тебе. И, если я не успею это сделать, то ты их запиши и передай редактору.

Я пообещал.

- И еще. Ты помнишь, что я по твоей просьбе описал свою воинскую судьбу. Я не уверен, что у меня это хорошо получилось. Я нарушал хронологию, перескакивал с одного события на другое, мог где-то допустить ошибку в названии населенного пункта. Одним словом, в этом, что я написал, нет законченной формы и систематизированного изложения. Едва ли я успею это сделать. Посмотри мои записи, если тебе будет интересно.

- Папа, я все сделаю.

Через неделю я забрал отца домой, а еще через три дня 15 апреля он тихо во сне скончался. Ему было по паспорту 83 года.

Я записал его четыре рассказа и отдал их редактору. Спустя некоторое время эти рассказы, в сокращенном виде и на украинском языке появились в городской газете. Один из этих рассказов с его фотографией, где он в сержантской форме, и со вступительным словом редакции был опубликован под рубрикой: «Сколько бы не жил, но все же рано остановилось сердце ветерана». Отца похоронили на воинском кладбище с троекратным салютом. Провожали его в последний путь сотни людей: его ученики разных выпусков, коллеги по работе и десятки ветеранов и горожан, многим из которых он помог в жизни своим деятельным участием.

Один из рассказов про Володю Ершова вошел в текст повествования. В следующих разделах найдут свое место и остальные.

II. В Челябинске. И снова на фронт

Здесь, в Челябинске, находился запасной танковый полк под командованием подполковника Борзенко. В полку проходили формирование и обучение танковые экипажи. Нас, вновь прибывших, распределили по учебным ротам, и началась напряженная учеба. Скоро стало ясно, что меня учить не надо, я хорошо знал танковое дело, отлично стрелял из всех видов оружия. Еще до армии я проходил высшую вневойсковую подготовку, знал артиллерию, топографию, приборы. Меня назначили старшиной учебной танковой роты и инструктором. Молодых бойцов я обучал всем премудростям армейской службы, старых танкистов переучивал на знание новой танковой техники и тактики.

Об одном тактическом приеме надо сказать отдельно. В мирное время нас учили, что из танка надо стрелять прицельно с короткой остановкой. Но у немцев мы увидели совершенно другой тактический прием: их танки начинают стрелять с момента развертывания в боевой порядок и на ходу. И для них неважно, если снижается количество попаданий: все равно стрельба наносит какой-то урон противнику и не дает подняться пехоте. Конечно, при этом увеличивается расход снарядов, но кто на войне их считает.

Мы тоже стали применять этот прием, и, как выяснилось, он себя оправдал.

Жить в Челябинске в бытовом плане было очень трудно. Борщ варили из сушеной крапивы, мороженой картошки и воблы. У поваров даже была инструкция, как готовить мороженную картошку, чтобы она не имела сладкий привкус. Но в жизни эта инструкция не помогла.

Жили мы в зрительном зале Дома культуры, спали на многоэтажных нарах, причем на верхние нары было удобнее попасть с балкона. Зима 1942 года была очень лю-

той, и это сильно осложняло нашу жизнь и жизнь горожан. Но это было не самое страшное, страшными были сообщения с фронтов.

Здесь я впервые услышал песню «Священная война». Меня и моих товарищей она глубоко взволновала, и мы ее очень быстро разучили. В нашей роте было много украинских ребят, а украинцы, как известно, умеют хорошо петь.

Как-то отправляясь строем на обед, мы запели эту песню. По обеим сторонам дороги, по которой мы шли, постепенно собирались люди. Кто-то из толпы попросил нас пройти еще раз с этой песней.

- Ребята, тверже шаг! Ведь мы идем по своей земле. И отбивайте так, чтобы стекла в окнах дрожали, чтобы песню нашу слушали и соседние улицы, - так я подбадривал солдат, которых вел на обед.

И мы прошли еще раз туда и обратно, с подъемом исполнив: «Вставай, страна огромная». Походили новые люди, я видел взволнованные лица, а слова «Украина золотая, Белоруссия родная, ваше счастье молодое мы штыками стальными оградим» вызывали у людей слезы. Они плакали, не стесняясь.

Нас, военных это внимание тоже волновало, оно повторялось ежедневно. Такое единение армии и народа укрепляло нашу веру в победу.

Этот эпизод у меня в памяти остался на всю жизнь. Я уверен, что ребята, которые были тогда со мной, также навсегда запомнили эти прохождения с песней. Мы тоже вытирали слезы, а мужчины не так часто плачут.

И еще одно воспоминание челябинского периода берedit мою душу.

Через наш учебный полк и, в том числе, через учебную роту, в которой я был старшиной, прошли тысячи и тысячи солдат: новобранцев, прибывших с фронта на переформирование, и многих других. Тысячи лиц и судеб прошли передо мной, и кого-либо запомнить в этой людской карусели было очень сложно.

Но были и те, которых я долго помнил и помню сейчас. В их числе солдат по фамилии Зюзов. В 40-ом году, когда я сам был курсантом в учебном батальоне, он был у нас старшиной. Высокий, широкоплечий старшина, сибиряк. Очень русский человек. Нам, прибывшим из гражданской жизни, было очень трудно на первых порах. Старшина Зюзов жестко требовал от нас, чтобы мы стали такими же, как он. Сильными, быстрыми, умелыми, выносливыми. И мы становились такими еще и потому, что он все делал вместе с нами. И я до сих пор верю, что сумел выжить на войне благодаря тому, что у меня был такой учитель жизни старшина Зюзов. Вольно или невольно я сам, будучи старшиной учебной роты, старался подражать ему.

И вот весной 42-го года он преподавал мне новый урок. В наш учебный полк он прибыл с фронта. Худой, оборванный, предельно уставший. Я его встретил, как брата, как отца. Тогда мы провели в разговорах целую ночь в моей каморке. Я спросил его, что я могу для него сделать.

- Дай мне, Ефим, пару дней отдохнуть. Найди мне хорошие сапоги, новое обмундирование и сделай так, чтобы меня отправили на фронт как можно быстрее. Ты понимаешь, что мне нечего делать в учебной роте.

Я выполнил просьбу своего бывшего учителя. Когда он с очередной командой и с новыми танками отправился на фронт, я написал рапорт своему командиру полка подполковнику Борзенко с просьбой командировать меня на фронт вместе с Зюзовым. И в очередной раз получил отказ.

- Обученные тобой люди сделают на фронте куда больше, чем ты сам. Так что учи больше и лучше. Это будет твой вклад в победу, - таков был ответ командира.

Незадолго до этого разговора несколько наших командиров были награждены правительственными наградами, и этот факт был весомым аргументом у командира полка о необходимости нашей работы.

Спустя несколько месяцев, я снова вернулся к просьбе об отправке меня на фронт.

- Давай договоримся так, - предложил Борзенко, - когда подготовишь себе замену, я тебя отпущу.

А пока шла напряженная учеба. Все дни проводили на танкодроме в районе Копейска. Снег по пояс, морозы до 40 градусов, а мы отрабатывали задачу за задачей. Больше всего, конечно, стреляли: с места, с ходу, с короткими остановками. Изучали тактику боя. Люди овладевали наукой воевать, завод готовил танки, мы формировали роты. И отправляли с новыми танками на фронт.

Однажды прибыл на формирование мой бывший командир роты Ефимов. От него я узнал о судьбе нашего полка после того, как полк был противником рассеян. Полк так и не собрался, и Ефимов прошел по таким же мытарствам, как и я. Но ему все же удалось повоевать на танке в другой части. От него же я узнал о судьбе некоторых моих однополчан. В частности об Арамисе Агабеляне, с которым я вместе призывался из Л.Толстого и с которым вместе служил. Мы потеряли друг друга в первый день войны. От Ефимова я узнал о его гибели. Честно признаюсь, мне было стыдно перед Ефимовым: люди воюют и погибают, а я в Челябинске нахожусь уже почти год в глубоком тылу.

В апреле 43-го года мой командир наконец-то отпустил меня, и я с вновь сформированным танковым полком был отправлен на фронт.

На башнях наших КВ было написано: «Наш ответ за Сталинград». Отправляли нас торжественно, мы были хорошо экипированы.

Наши воинские дороги начинались от населенного пункта Сарепта – это где-то под Сталинградом. Битва за Москву и Сталинградская операция уже были позади, и в Красной Армии было уже совсем другое настроение.

Другое настроение было и у немцев, которые попадали в плен.

А война продолжалась, фронт с боями откатывался за запад. Мне довелось участвовать в боях за Великие Луки, запомнил также Луферы. Когда мы вошли в Великие Луки, то увидели, что город полностью разрушен, лежал в руинах. С вокзальной площади город просматривался насквозь, виднелись только печные трубы.

Особенно мне запомнились бои за Овчары, где немцы создали мощный укрепленный пункт. За нашими танками шла пехота, но противнику удавалось плотным огнем отсечь ее.

Нам приходилось возвращаться и все начинать сначала. А отход был очень опасен, приходилось под обстрел подставлять моторную часть танка. Но все обошлось.

Довелось участвовать в боях за Невель. Говорили, что дивизии, в которую входил наш танковый полк, присвоили звание «Невельской». А вообще-то наш полк назывался «Пятый отдельный гвардейский полк резерва главного командования».

Поговаривали, что наш полк должен был в скором времени выйти на переформирование. И для этого командир полка должен был передать три танка в какую-нибудь другую часть. Начальник штаба нашел такую часть, и нас передали в 14-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Там нас приняли, показали место расположения и оставили до утра. Находились мы где-то на подступах к Витебску. Под впечатлением успешного продвижения наших войск командование намеревалось захватить этот город сходу. Но перед Витебском была мощная долговременная оборонительная линия, и дело застопорилось.

Утром нам поставили такую боевую задачу.

Три наших танка, захватив по пути батальон пехоты, место нахождения которого было указано прямо на местности, должны были проломиться через оборону, углубиться и где-то в районе населенного пункта «Городок» захватить высоту и тем самым «оседлать» участок главной дороги. По замыслу это должно было как-то помочь в разрешении Витебской проблемы. Руководил нашей группой капитан из дивизии, которой мы были приданы. Он же был командиром и головного полка.

Сейчас, когда пишу эти строки, я могу предположить, что наши действия могли быть разведкой боем или отвлекающим маневром. Не исключаю, что таким образом нас хотели хоть как-то использовать, поскольку едва ли мы заранее учитывались в планах военных операций, будучи переданными в стрелковую дивизию за несколько часов до постановки задачи. В конечном итоге, для нас выполнение этой задачи обернулось трагедией. Впрочем, война всегда состоит из побед и трагедий.

Под командованием назначенного командиром группы капитана мы двинулись в заданном направлении. Капитан находился в танке, идущем в хвосте нашей группы. Неожиданно мы выскочили на поляну, где на бетонной площадке была установлена зенитка. Ее обслуга, увидев нас, стала спешно переводить ствол пушки в горизонтальное положение. Мы ускорили движение и корпусом танка сбили зенитку, обслуга которой разбежалась. Мы поняли, что уже находимся на территории, контролируемой противником. Тем не менее, никаких действий немцев против нас не было.

После этого командир уточнил путь дальнейшего движения: необходимо было преодолеть небольшую поляну, за которой якобы должен был находиться разыскиваемый нами батальон. Поляна нам сразу показалась подозрительной, но приказ есть приказ...

Мы начали движение, соблюдая интервал между танками, и буквально метров через сто первый из танков лег на днище в болоте. Моему экипажу было приказано вытащить его. Это не только не удалось сделать, но и второй танк также засел в трясине. Третий же танк под командованием капитана развернулся и пошел прочь.

Мы подавали ему сигналы, но он на них не реагировал. Так мы оказались представленными сами себе. Два экипажа, десять человек.

С наступлением темноты мы выбрались из танков на сухое место, выкопали окопы. Еще раз попытались вырвать танки из топи, но снова не удалось. Мы перенесли из танков пулеметы в окопы на случай ведения боя. Правда, не очень представляли, с какой стороны может появиться противник.

Один из нас вызвался пойти по следу ушедшего танка и, если удастся найти его, то установить связь с ним. Он ушел и больше не вернулся. Нас осталось девять человек. Посоветовавшись, решили в пешем порядке вернуться к своим. Вечером мы вывели танки из строя, испортили орудия, захватили носимое оружие, гранаты и оставили наш лагерь.

Один раз ночью мы наскочили на немецкий пост. Они обстреляли нас, мы – их. Мы пустились в бег и потеряли друг друга. Так нас осталось четверо. На исходе четвертых или пятых суток нашего блуждания мы снова вышли на какой-то пост и залегли, не открывая огонь. Нас обнаружили, и вскоре мы услышали обращение на русском языке:

- Ребята, не стреляйте. Выходите, здесь свои.

По нашим предположениям мы уже действительно должны были выйти к своим. Мы поднялись и пошли навстречу голосам. Мы и сообразить не успели, как окружили нас десятка два солдат, сорвали с нас оружие, куртки. Видимо, нападавшие приняли их за

кожаные. Так мы попали в руки власовцев при немецком командовании. Все. Дальше был плен. Это произошло 16 октября 1943 года.

Судьба моего отца удивительна и противоречива. Трудно понять, как в юности он, не окончив 6-ти классов школы, смог поступить в университет и с отличием закончить его. Еще более невероятным является тот факт, что почти полтора года он находился в плену у немцев и выжил, хотя фашисты во время войны методически уничтожали поголовно всех евреев во всех странах Европы, вовлеченных в войну. А как понять удивительное везение, что после плена ему удалось избежать сталинских лагерей, поскольку все попавшие в плен считались предателями.

Официальная статистика, ставшая известной только в наше время, говорит, что из трех с половиной миллионов пленных, около двух миллионов были репрессированы как предатели.

Из отрывочных рассказов отца и его родственников, а в пору моего детства еще были живы два его брата, сестра и родной дядя по отцу, я попытался восстановить ранний период его жизни.

Он родился тринадцатым ребенком в семье, после него родились еще две девочки. Но большинство его братьев и сестер умерли в младенчестве, и он остался самым младшим ребенком.

В предвоенные годы у него было трое братьев и две сестры. Разница в возрасте между ним и самым старшим братом была огромна. Судя по фотографии конца 20-х годов – не менее двадцати лет. Отец был старше своего племянника, сына старшего брата, всего на несколько лет.

Учился отец в школе далеко не лучшим образом. В шестом классе у него были две перекламеновки, но он сдал только один экзамен, и его оставили на второй год. Тем не менее, он пошел в сентябре в школу в седьмой класс, нарушая тем самым решение педсовета. Так вольнослушателем он проходил в школу два месяца.

В конце концов, однажды на урок пришел директор.

- Я требую, чтобы ты немедленно вышел из класса в эту дверь и отправился в свой шестой класс, - потребовал директор.

- В шестой класс я не пойду. И в дверь не выйду, - ответил отец.

- Как это не выйдешь, - начинал закипать директор.

- А вот так, - и отец выпрыгнул в окно.

На этом его учение в школе закончилось.

Его отца такой поворот событий нисколько не смутил:

- Сапожником можно быть и с шестиклассным образованием.

И посадил его рядом с собой подмастерьем и стал учить его несложным операциям по ремонту обуви. Но чаще всего отцу приходилось выполнять всевозможные поручения: отнести отремонтированную обувь заказчику или выполнить какие-то покупки.

Однажды отец его послал отнести кому-то из заказчиков обувь.

- А что будет, если я не пойду, - вдруг почему-то взбунтовался его сын.

И тут мой дед не говоря ни слова, запустил в своего подмастерья колодку с такой силой, что она повредила дверь, которой тот успел прикрыться.

- Уходи с моих глаз, и чтобы я тебя больше не видел, - прокричал в гнев мой дед.

Отец мой выпрыгнул в окно, поскольку он, как мы уже знаем, умел это делать. И они действительно больше никогда не встретились; ни мой дед, ни мой отец не проявили ни слабости характера, ни благоразумия.

Отец поступил в фабрично-заводское училище при кожевенном заводе, и его поселили в общежитии. Домой он вернулся после смерти своего отца в 1930 году, уже работая рабочим после окончания ФЗУ на заводе.

III. Плен и лагерь

Нас привели в дом, который можно было назвать, судя по обстановке, штабом какого-то небольшого подразделения. Принявшие нас власовцы отнеслись к нам вполне лояльно. По дороге в штаб я успел выбросить свои документы и предупредить товарищей, что с этой секунды являюсь Семеном Коноваловым. Я специально назвал себя по фамилии жены, чтобы в дальнейшем придерживаться этой версии и не путаться в показаниях. Все остальные данные обо мне должны полностью соответствовать настоящим.

Допрос вели немцы весьма профессионально: допрашивали каждого в отдельности, причем каждого последующего спрашивали о предыдущем. Один из моих товарищей все-таки назвал моего настоящую фамилию, сделал он это специально или случайно никогда я уже не узнаю.

Трех моих попутчиков увели, а меня оставили в этой избе. Вскоре начался интенсивный обстрел села, штабисты выбежали из дома и укрылись в щелях. Я остался в избе один. Я понимал, что убежать я не смогу, наверняка выход из дома оставался у них в поле зрения. Нашел я в доме какую-то еду, наскоро поел. Потом мне на глаза попался наш автомат ППШ. Я завернул его в плащпалатку и вынес из комнаты в сени. Я не очень понимал цель своего поступка, сделал это просто на всякий случай.

Когда обстрел закончился, штабисты вернулись в дом и почти сразу обнаружили пропажу. Я отнекивался, как мог:

- Не знаю. Не брал....

Пришел в дом капитан, и ему доложили о случившемся. Он не раздумывая, приказал меня расстрелять. Для исполнения приказа вызвали какого-то солдата, пожилого и очень грузного. И повел тот меня на расстрел, прихватив в одном из дворов лопату и вручив ее мне.

Сейчас, когда пишу эти строки, я испытываю какое-то внутренне напряжение. А тогда я чувствовал отупение и почти равнодушие. «Вот и все...»

Пожилый солдат вывел меня из села, мы пересекли шоссе и остановились в метрах в двадцати от дороги. Здесь рос низкий кустарник, дальше начинался небольшой подъем и несколько выше был виден чахлый лесок.

День был пасмурный, наступали сумерки. Солдат приказал мне копать, я, копнув раза два, бросил лопату и сел и на траву. У меня совсем не было сил. Он приказал мне встать и повернуться к нему спиной. Я заметил, что он волнуется, он не сразу вставил рожок в автомат. У него дрожали руки. Я механически выполнил его команду, но выстрела все не было нескольких долгих секунд. Я повернулся вполоборота к нему, и в это мгновение он выстрелил. Я почувствовал удар в грудь, это подстегнуло меня, и я бросился бежать. Бегу, падаю, меня направляют. Он дал вслед мне несколько коротких очередей, но не побежал за мной. Я добежал до леса и упал, из-за куста наблюдаю за ним.

Он постоял в нерешительности минуту-другую и пошел в село.

Рана на груди оказалась касательной, я перевязал ее скрученной в жгут рубашкой. Полежал, успокоился. И двинулся в путь, плохо представляя в лесу направление. А под утро неожиданно наскочил прямо на замаскированный немецкий дозор. Штык в живот, и «стой, руки вверх». Теперь это были немцы другого гарнизона. Меня привели в расположение части, записали мои данные. Я опять назвал все правильно, кроме имени и фамилии. Меня отвели в какой-то сарай, где уже было семеро пленных и в их числе – летчик. Охраняли нас полицаи из местных.

Через какое-то время в сарай, игнорируя сопротивление охранника, ворвались двое местных парней, которые оказались просто местными мародерами. Им понравилась куртка летчика, и они пытались силой сорвать ее. Но нас было больше, и они, получив от нас то, что заслужили, с угрозами ушли.

В тот же день нас отвели в тот самый городок, который так и не был еще занят нашими войсками, и поместили в местную тюрьму. Каким-то образом вместе с нами за решеткой оказалась группа моряков.

На другой день меня и одного молодого парня на машине вместе с несколькими власовцами привезли в большое белорусское село. Там нам дали возможность искупаться в бане, обработали и перевязали рану, сытно и вкусно накормили, обеспечили куревом и дали возможность поспать.

Утром по одному нас водили в штаб. Со мной беседовал старшина в немецкой форме, который представился российским немцем, бывшим студентом какого-то ленинградского технического вуза. Беседа длилась не менее двух часов. После расспросов обо мне и моей семье мой собеседник переводил разговор в обсуждение политических вопросов, в которых мы стояли на разных позициях. Впрочем, я пытался уходить от однозначных ответов.

Беседа продлилась и на следующий день. Власовец рисовал передо мной радужные перспективы службы в армии Власова, уверяя меня, что после победы немцев они, власовцы, и их единомышленники будут управлять Россией. И еще он пытался доказать мне превосходство немецкой расы над всеми остальными. Тут наша беседа полностью зашла в тупик.

- Если есть превосходство всех немцев над всеми, - сказал я, - то должно быть превосходство каждого над каждым. В таком случае, в чем состоит ваше превосходство надо мной?

Конечно, это было слишком дерзко, и мой собеседник перешел от уговоров к открытой угрозе:

- Я загоню тебя в такой лагерь, где ты будешь медленно умирать, но подохнешь обязательно.

И он отправил меня в лагерь на окраине Витебска. Здесь я встретился с очень хорошими людьми. Особенно мне запомнился Афанасий Дмитриевич Шипило. Это был настоящий человек, воин, коммунист. Он был явным лидером в группе пленных.

- Да, мы попали в плен. На войне кроме наград, смерти, ранений есть еще и плен. В плен попадают и офицеры и генералы. Раньше попадали князья и короли. Но мы и в плену не должны потерять себя, должны остаться солдатами своей страны.

Так он высказывался неоднократно, и вокруг него образовалась некоторая группа. Мы помогали друг другу, поддерживали веру в победу. Если требовалось, то и осаждали отдельных товарищей.

Почему-то Шипило был информирован лучше других. У него были какие-то связи, в том числе и с партизанами, которых в Белоруссии было очень много. Мы стали готовить

побег, но неожиданно нас перевезли в пересыльный лагерь в Каунасе, форт №6. Лагерь этот был переполнен, и мы целую неделю жили на улице, спали на земле. Кормили раз в сутки баландой.

В лагере зверствовал один полицай по кличке Москвич. Он всегда носил с собой метровую палку, на которой было выжжено слово «дисциплина». Вот этой палкой он и наводил порядок. Потом, находясь уже в другом лагере, я узнал, что этого Москвича прикончили.

Из Каунаса нас повезли куда-то вглубь Германии. У нас забрали ремни, шнурки и посадили в товарные вагоны по сорок человек.

Едва отехали от Каунаса, как поезд остановили прямо в поле. Вывели всех, постригли, раздели наголо, всю одежду забрали и нас нагишом снова посадили в вагоны и повезли. Оказывается, что в одном из вагонов выломали пол, и несколько человек поодиночке спустились между рельсами и ушли. Везли нас долго. Мы в вагонах без одежды буквально замерзали. Время-то было конец октября. По дороге люди умирали, и мы их складывали в одном месте, а на стоянках выносили.

На последней станции нам выдали одежду, но не было никакой возможности найти свою. Уже потом пытались обмениваться между собой, чтобы одежда подходила более или менее по размерам.

Наш новый лагерь находился в населенном пункте Зандбостель и имел номер 10А. Лагерь был огромным. Ряды бараков, насколько хватает глаз, образовали целые улицы. Каждый барак отделен от других проволокой и имеет номер, три барака образуют блок. Каждый блок огражден от других двумя рядами проволоки. На углах блока вышки, на каждой солдат, пулемет на турели и мощный прожектор в ночное время. На ночь на проволочное ограждение подается напряжение, это иногда видно по искрению.

Ежедневная норма еды: две картофелины средней величины, сто граммов хлеба, пол-литра отвара из брюквы, кружка эрзац-кофе. Все без сахара и соли. Соль выдавали по одной ложке в неделю в ладонь. Поднимали нас в пять утра в любую погоду и отводили за пять километров на раскорчевку уже вырубленного леса в заболоченной местности. Это была настоящая каторга.

В этом лагере мы снова объединились с Шипило. Он и здесь навел какие-то связи.

Нары были голые, без каких-то подстилок; вещей у нас тоже не было. Поэтому каждый день каждый из нас мог занимать любое свободное место.

Но вокруг Шипило снова образовалась группа единомышленников, и у нас в бараке был свой угол.

Был в нашем бараке некто по фамилии Шагов. Он говорил, что ранее был секретарем райкома партии, а в 37-ом году был репрессирован. Он был явным антисоветчиком и всячески пропагандировал власовские цели. Более того, руководство лагеря поручило ему проведение ежедневной читки газеты, которую издавали власовцы. Эти читки Шагов превращал в клеветнические выпады на нашу страну, всячески восхвалял немцев. Нас никак не устраивала такая политинформация. И вот Шипило убедил переводчика, который ежедневно приносил газету в наш барак, что Шагов читает газету плохо, невнятно, и эту читку надо передать мне. Переводчик, а он был весьма тупым мужиком из села где-то под Харьковом, на это согласился, и каждый день эта газетенка попадала мне в руки. Я старался читать ее критически. Уже был конец 43-го года, и у немцев появились термины «сокращение фронта» или «отход на заранее подготовленные позиции». И я этим трактовкам давал соответствующие комментарии.

За время моего пребывания в плену произошло множество событий, и не все отложилось в памяти. Но были события, которые запомнились на всю жизнь. В их числе случаи, когда мы в лагере ликвидировали стукача по кличке Агроном, который доносил на нас немцам. Едва ли я забуду, как получил двадцать пять ударов резиновым шлангом за участие в массовом отказе от работы, когда нам перестали давать хлеб в составе и без того скудного питания. Обо всех случаях не расскажешь.

О двух ключевых событиях, в которых решалась моя судьба – жить или не жить – я не могу не рассказать.

«Бдительные» служители карательных советских органов, державшие меня под контролем долгие семь с лишним лет после моей демобилизации в 1946 году, десятки раз задавали один и тот же вопрос в разных вариантах:

- Как ты, еврей по национальности, выжил в немецком плену? Рассказывай, как ты служил фашистам.

Этот вопрос мне задавали в органах и в тамбовском селе, куда я приехал на родину жены, и затем в городе Бердичеве, где мы стали жить постоянно с августа 1947 года.

Да, эта война стала причиной гибели 6 миллионов евреев. Эта опасность постоянно угрожала и мне. В плен евреи попадали очень редко: их расстреливали сразу же в момент пленения, определяя их по характерной семитской внешности или, чаще всего, по предательству какого-нибудь подонка из своих же. Этой возможности погибнуть мне удалось счастливо избежать.

И все же однажды (подчеркиваю, однажды) такая реальная угроза нависла надо мной. Вначале пошла молва, я не знаю источника этих слухов, что в лагере существует группа пленных, состоящая из евреев, которая готовит то ли восстание, то ли побег. Этого ни в коем случае нельзя допустить (опять же по слухам), поскольку при этом может погибнуть множество людей, не причастных к этой организации. Для этого надо выявить всех членов этой «банды», поэтому всех надо осмотреть без одежды на предмет выявления нательных признаков национальной принадлежности. Была создана специальная комиссия, состоящая из немецкого офицера, врача и нескольких солдат для поддержания порядка, которая и проводила соответствующее обследование. Я понимал, что это конец. Меня могло спасти только чудо.

Комиссия пришла в наш барак незадолго до конца рабочего дня у немцев и начала обследование. Народу в бараке много, более трехсот человек. Я не тороплюсь. Комиссия, расположившись в середине барака, пропускает по одному человеку из одной части барака в другую. Проверив примерно половину узников, комиссия прекращает работу: конец рабочего дня. Педантизм немцев удивлял нас даже в боевой обстановке, а здесь в нормальной для них жизни распорядок дня – это закон.

На другой день обследование продолжается. Офицер через переводчика командует:

- Проходят проверку только те, кто не прошел вчера.

Узники расходятся по разные стороны барака. Я в той толпе, что прошла проверку вчера.

На этот раз чудо случилось...

На заводе отец быстро стал ударником, и его фамилия не сходила с доски Почета. Он не отказывался ни от какой работы и ради заработка даже соглашался на сверхурочную, в том числе и на самую грязную - чистку канализационных коллекторов. Можно только представить, что находилось в коллекторах, куда сбрасывались все

отходы после переработки шкур. Может быть, так и работалось бы отцу до самой пенсии на этом заводе, если бы не одно событие.

На какой-то праздник ударникам труда выдавали подарки. Одним из этих подарков были такие нужные отцу ботинки, и он, как передовик труда, реально на них рассчитывал. Но их отдали другому работнику, у которого показатели были ниже, чем у отца.

Отец не скрывал своего возмущения.

- Понимаешь, - оправдывался мастер цеха, - он тоже ударник труда. Но у него дома трое детей. Кроме того, он очень нужен заводу.

- Значит, я заводу не нужен? - и отец с обеда уже не вернулся на работу. Не пошел он на работу и на другой день.

И мастер цеха, и главный инженер приходили к нему домой, уговаривали:

- Ефим, не дури. Дадим тебе эти ботинки в следующем квартале. Да и куда ты пойдешь со своим шестиклассным образованием...

- Не волнуйтесь, я не пропаду, - храбрился отец. - Я в Москву поеду, там наверняка найду работу.

Возможно, упоминание Москвы просто вырвалось у него из-за его юношеской запальчивости. Но слово не воробей... Действительно, почему бы не поехать в Москву.

А тут, на беду или на счастье, какой-то приятель через три дня собирался ехать в Москву к какой-то своей тетке.

- Поехали вместе. На первое время она нас устроит, а там видно будет, - предложил он.

И они поехали в Москву. На вокзале приятель сказал отцу:

- Ты подожди меня здесь пока я найду по адресу свою тетку. А потом я за тобой приду.

Но он больше не пришел. Денег на обратную дорогу у отца не было, и он спланировал по вокзалу день, другой. Спал на скамейке в зале ожидания, пока не попал в поле зрения дежурного милиционера. Он рассказал тому какую-то вымышленную историю, правдой в которой было только то, что у него не было денег.

Милиционер то ли из жалости, то ли просто чтобы избавиться от него, посадил моего отца в поезд на Воронеж. Так отец оказался в этом городе, который стал для него знакомым. Он попытался устроиться куда-то на работу, но кожевенных заводов в Воронеже не было.

И опять счастливый случай. Отец в полной растерянности сидел на скамейке на каком-то бульваре и неожиданно увидел земляка, которого едва знал. Рассказал ему свою печальную историю, и тот, оказавшись работником завода, взял его с собой в общежитие, в котором жил сам. А на другой день устроил его на курсы сварщиков на своем же заводе. Так мой отец стал сварщиком. В этом же году он поступил на рабфак Воронежского университета, и, сдав несложные экзамены, стал его студентом.

IV. Плен и Ноенкирхен

Чудеса раз за разом не случаются. Я понимал, что рано или поздно меня выявят или кто-то просто продаст.

Идею подал Шипило:

- Надо как-то попасть тебе в ту группу, которую направляют на сельхозработы.

Идея неплохая. Я уже чувствовал, что силы мои на исходе: от тяжелого труда и крайне скудного питания я превратился постепенно в скелет, обтянутый кожей, десны распухли, зубы шатаются, в голове мысли только о еде. Но как попасть в этот список. За все время нашего пребывания в бараке на эти работы взяли всего 2-х или 3-х узников из 350 человек.

Шипило обещал все узнать.

Мы и раньше знали, что в нашем огромном лагере, где были бараки французов (кстати, «французы» на самом деле оказались поляками, служившими во французской армии), югославов, итальянцев (кстати, экзекуцию за отказ от работы надо мной выполнил именно итальянец по приказу коменданта), в комендатуре работали писарями несколько таких же пленных, как и мы, уже находившихся в плену с сорок первого года, немного освоившие немецкий язык и немецкую службу. Вот как раз они и занимались оформлением всяческих документов, связанных с функционированием лагеря.

Шипило нашел контакт с одним из писарей, но тот сказал, что этим занимается совсем другой человек и за красивые глаза он это делать не будет: ему надо сделать какое-то подношение. Но какое подношение я мог сделать в лагере?

И все же такой случай представился. На Рождество в январе 1944 года югославы, которых тоже было предостаточно в этом лагере, но в другом бараке, получили посылки из дома, от Красного креста и от югославской диаспоры, живущей в Америке. Русские же не получали ничего, так как страна не подписала в свое время соответствующую конвенцию. И вот югославы изъявили желание поделиться с русскими скопившимся у них съедобным добром. На тачке мы привезли это богатство в свой барак. Как разделить на 350 человек эти совершенно разные продукты: галеты, сухари, конфеты, печенье, сухофрукты, маргарин в пачках. Всю ночь выработывали эквиваленты и с криком, шумом, угрозами делили между собой. Нам с Шипило на двоих досталась одна пачка маргарина. Мы эту пачку делить не стали и передали знакомому писарю, чтобы он передал другому писарю.

Прошел январь, потом февраль, а результата все нет. Мы уже решили, что с нашим подношением писарю мы прогорели. И только в начале марта на утреннем построении немец скомандовал:

- Шипило, Коновалов – в комендатуру!

Мы вначале испугались, ибо такие вызовы ничего хорошего не сулят. Но испугались мы зря: это, наконец, сработала пачка маргарина. Нас повели в баню, потом переодели, выдали полбуханки хлеба и 50 грамм колбасы. Вывели нас за ворота, а там уже стоит небольшая группа людей: югославы, итальянцы и французы, которые на самом деле поляки. Вот от них мы узнали, что нас повезут к бауэрам.

Это была обнадеживающая неизвестность.

Посадили нас в поезд и повезли. На каждой небольшой станции поезд останавливался, и каждый раз за кем-то приходили. Когда поезд прибыл на станцию Хоненбург, мы оставались в вагоне последними. За нами пришел старик с винтовкой и красной повязкой на рукаве. Он повел нас через небольшой городок Хоненбург, затем по мосту пересекли реку Люи и скоро оказались в небольшом селе Ноенкирхен, чье название означало по всей видимости – Новая Церковь. Село небольшое, всего одна улица.

Эта местность интересна тем, что она расположена ниже уровня моря и ниже уровня упомянутой реки, берега которой являются дамбами. Вся территория этого района разделена каналами на отдельные, равные между собой участки. Такая планировка обеспечивает нормальное увлажнение почвы и ее плодородие. Район оказался весьма

благодатен для садоводства, и назывался он «черешневым дном». Хорошо было развито и скотоводство. Где-то потом каналы соединяются в один большой канал, из которого вода мощными насосами сбрасывается обратно в реку.

Меня очень удивил такой способ ирригации, почему я так подробно остановился на этом.

В селе нас двоих разместили в барак, где уже жили 14 таких же, как мы. А через день меня передали хозяину, у которого мне предстояло работать. Было ему в то время 63 года. Звали его Рудольф фон Хузен. Потом в беседах с ним выяснилось, что он потомственный барон. Но Гитлер упразднил все звания и титулы, и этому барону пришлось вступать в фашистскую партию.

Ранее он занимался перевозкой морем леса из России. Он рассказывал, что в 1905 году он был в Петербурге и видел расправу казаков над демонстрантами. Вообще-то по его рассказам было видно, что немцы имеют довольно необъективное представление о России: мы в их «представлении» были дикарями, «медведями».

Работа у хозяина была несложной, но трудной и однообразной: уход за скотом, корчевка пней в саду, чистка канала от ила.

Как-то этот барон привел ко мне немецкого парня, которого призвали в армию, с тем, чтобы я посоветовал, как ему лучше всего уберечь себя на войне. И я поступил очень неосторожно: посоветовал сдаться ему в плен. Спустя некоторое время с такой же просьбой обратился вахтман, и я не только ему дал такой же совет, но написал для него соответствующее письмо, которое, я так считал, может облегчить его участь при сдаче в плен.

О том, что война для немцев проиграна, они уже понимали. Кто надеялся на чудо, а многие боялись возмездия.

Как потом оказалось, за мной числился и еще один «грех». Дело в том, что фронт находился уже в 30 километрах от нашего села, и в небе стали периодически появляться наши самолеты, которые сбрасывали листовки с предложением немцам прекратить сопротивление во избежание ненужного кровопролития. Нам было приказано собирать эти листовки и сдавать вахтману для уничтожения. Я же несколько листовок сохранил и потом читал их пленным. И этот факт оказался зафиксированным.

Потом произошел еще один случай, после которого барон возненавидел меня и решил расквитаться со мной. И причина этого заключалась в следующем.

В нашей сельхозкоманде, назовем ее так, была девушка Лида Ширяева из-под Харькова и очень молодой белорусский парень Федя Колесников. Лида всячески жалела и опекала этого Федю, как старшая сестра, и сама не заметила, как стала его женой. В положенный срок родилась у них девочка, которую называли Машей. Какое-то время ребенок был с матерью, но потом у Лиды ребенка забрали и отвезли в какое-то детское учреждение. Так немцы поступали со всеми такими детьми. Лида очень переживала и однажды со слезами просила меня, чтобы я поговорил с хозяином о возвращении ей ребенка. А вернуть его можно только в том случае, если хозяин даст согласие на его воспитание. Я пообещал поговорить с ним без какой-либо надежды на успех и, не зная, как построить разговор.

К этому времени мы уже знали, что большое хозяйство, где мы работали, принадлежит его жене, а барон при своей жене, как это называют у нас, примак. Она это хозяйство получила по наследству, и может сама передавать его в наследство по линии крови. И если жена с ним разведется, то он сразу превращается в батрака.

- Лида очень просит вас забрать ребенка обратно, - сказал я хозяину. – Она обещает вам, что оплатит за это хорошей работой.

Хозяин презрительно фыркнул и отказался продолжать разговор. И тогда я «вынул камень» из-за пазухи:

- Если вы этого не сделаете, то Лида утонит в канале и оставит записку, что ребенок от вас.

Хозяин схватил лопату или вилы и бросился на меня. Я перескочил через канаву с водой. И уже с другого берега добавил:

- И мы все подтвердим этот факт.

На другой день хозяин вместе с Лидой поехали в город и забрали ребенка. Как хотелось бы узнать судьбу девочки Маши, в которой мне довелось тогда принять самое деятельное участие.

Я знал и чувствовал, что хозяин меня возненавидел. И понимал, что добром это не кончится.

Действительно, в конце апреля 1945 года после окончания работы, когда нас уже закрыли в бараке, к нам заходит вахтман и с ним человек в форме и с оружием:

- Коновалов, собрать вещи и на выход.

Я все понял. Передал ребятам бритву, другие хозяйственные принадлежности. Одному оставил адрес семьи в России. И вышел, чтобы не вернуться.

Ехали недолго. Привезли меня в тюрьму городка Штаде. Принявший меня офицер вскрыл пакет, который был у сопровождавших меня, и зачитал мне текст с перечислением моих прегрешений: сокрытие листовок, неверное толкование возмездия, советы сдаваться в плен вновь призванных. По мере чтения раздражение офицера нарастало. Его вердикт был кратким:

- Шпион. В камеру.

Камеры все просматриваются, народу в них много, среди них есть и немцы.

Часов в двенадцать ночи налетели самолеты и стали бомбить город. Немцы, которые сидели в камерах за какие-то свои провинности, стали кричать конвою:

- Ведите нас в бомбоубежище.

И охранники стали нас выводить.

В городе паника: крики, огонь, стрельба.

Рядом с тюрьмой стояла зенитная пушка и прожектор. За пределами прожектора – крошечная тьма. Я бросился в темноту и убежал. Охрана меня не преследовала – она раньше заключенных скрылась в бомбоубежище. А я подался назад в Ноенкирхен и пришел туда под утро. Там я спрятался недалеко от дома хозяина в стоящем на виду старом брошенном автомобиле.

Как я и рассчитывал, никому в голову не пришло меня искать.

Через одну из работниц я предупредил одного из своих товарищей о своем намерении идти в город Бокстегуд, в котором уже находились англичане. Через два дня мы были уже в расположении английских войск. Случилось это 29 апреля 1945 года.

Это уже была свобода.

Нас разместили в лагере, где уже были человеческие условия: хорошее питание, кровати с белыми простынями, сменили нам одежду.

Одним словом, это были нормальные человеческие отношения.

Там я встретил несколько человек из тех, с кем был в лагере военнопленных до работы у бауэра. Радости не было предела.

А 1 Мая англичане устроили нам хороший праздник. По заказу разноплеменной публики мы, русские, спели «Катюшу». И потом на «бис» еще раз.

Да, это была долгожданная свобода. Но она оказалась очень короткой.

Мои родители познакомились в университете, полюбили друг друга, и к окончанию учебного заведения уже были мужем и женой.

Четыре года их готовили в университете как биологов-генетиков, но на пятом курсе их вдруг стали готовить как педагогов.

Тем не менее, отец хорошо изучил вопросы генетики, на практике в овцеводческой ферме наблюдал и изучал передачу наследственных признаков в разных поколениях овец, написал несколько работ по этой теме. Преподавателем этой дисциплины в университете был один из основателей советской генетики профессор Дубинин. Отец много рассказывал об этой науке, а впоследствии я сам прочитал несколько книг на эту тему, в том числе и книги профессора Дубинина.

Получив дипломы с отличием и направление в заштатный поселок Лев Толстой, родители стали работать преподавателями в местной школе.

В 1941 году мы с мамой эвакуировались на ее родину в село Алгасово Тамбовской области.

Именно в это село отец и приехал отец после демобилизации, но произошло это далеко не сразу.

V. Новые мытарства. Начало оттепели

Третьего мая за нами прибыли представители нашего командования и завезли нас, бывших военнослужащих Красной Армии, в какой-то другой лагерь, лишив нас возможности выходить за его пределы. Сформировали из нас роты, назначили нам командиров, и стали использовать на различных работах: разбор завалов, демонтаж железнодорожной ветки. И одновременно «работали» с нами органы госбезопасности, СМЕРШ: допрашивали, выясняли, подозревали в предательстве, в пособничестве врагу. Кого-то арестовывали и отвозили куда-то, кого-то отпускали. Я, естественно, восстановил свою настоящую фамилию.

Когда проверяющим стало известно о моем высшем образовании и знании немецкого языка, я был назначен начальником отдела кадров строительного батальона, сформированного из бывших военнопленных. Этому батальону, который был по численности равен полку, было поручено демонтировать завод синтетического бензина и отправить его в Советский Союз. Работа оказалась очень сложной, никакой документации не было, а немецкие специалисты отказывались с нами сотрудничать. Мне приходилось всем этим заниматься, и конца моей службы не было видно.

Но и здесь помог счастливый случай. В начале 46 года началась подготовка к выборам в Верховный Совет, а по нашему избирательному округу кандидатом в депутаты был выдвинут генерал танковых войск Богданов. Я же был назначен доверенным лицом. На митинге, организованном для встречи с кандидатом, мне поручили выступить. Мое выступление, видимо, понравилось генералу. Он расспросил меня, кто я такой, и в конце беседы задал вопрос:

- Почему ты служишь до сих пор? Ведь есть приказ о том, чтобы учителей демобилизовать сразу после окончания войны.

Я этого не знал. Он посоветовал мне после выборов подать рапорт об увольнении, и в случае отказа, обратиться к нему, как к депутату.

После выборов я так и поступил. Получив очередной отказ в демобилизации от своего руководства, я написал генералу Богданову. Его положительный ответ носил рекомендательный характер. Однако, в случае отказа, он оставлял за собой право откомандировать меня в свою дивизию. Дело закончилось тем, что мой начальник вынужден был меня отпустить с дополнительным условием: я должен был разработать план-график эвакуации части из места нахождения в Ригу. Для этого надо рассчитать количество вагонов, эшелонов, составить поименно списки команд.

Наконец документы на передислокацию завода были оформлены, и я отбыл из части. Не без приключений через Варшаву добрался до Бреста. Там комендатура пыталась меня задержать без видимых на то причин. Но в момент моих переговоров на платформе с комендантом рядом тронулся какой-то состав, и я на ходу запрыгнул в проходящий вагон.

Добравшись до Москвы, я направился в отдел кадров Министерства путей сообщения, которому по логике вещей я был подведомственен, надеясь там получить направление на работу. Вначале мне пообещали подыскать работу в системе образования этого министерства, но вопрос никак не решался в течение нескольких дней, и мне стало понятно, что мне здесь рассчитывать не на что.

Так я оказался в селе Алгасово Тамбовской области, где находилась в эвакуации моя семья, а жена работала завучем в средней школе. Там же был принят на работу и я.

Работа пошла у меня хорошо. За шесть лет я соскучился по школе, и я старался, как мог. И в коллективе пришелся ко двору. А вот местному начальнику ОГБ капитану Очакову ко двору не пришелся. И вот стал он меня постоянно вызывать, преимущественно ночью. И я был вынужден отвечать на его вопросы примерно такого содержания:

- Почему немцы всех евреев (в его лексике – жидов) уничтожают, а тебя сохранили? Почему?

- Ты учился у немцев на курсах? На каких?

- Какие долговременные задания ты получил от них?

- Сообщи адреса тех, с кем ты был в плену?

Я пытался отвечать спокойно, но это не всегда получалось.

Заканчивался этот разговор всегда угрозами:

- Ты у нас работать не будешь. Я загоню тебя туда, где Макар телят не пасет...

Дело дошло до того, что меня вызвал начальник районо и сказал, что Очаков требует моего увольнения. Он же предложил мне съездить в Москву и прояснить как-то документально мое положение.

Я поехал в Москву, пробился к Министру и получил справку: «... один факт пребывания в плену не является препятствием учительской работе». Это еще больше взбесило Очакова:

- ... со света сживу, сгною..., - и так далее.

Я понимал, что дело может кончиться арестом. И тогда я решил переехать на свою родину в город Бердичев. Летом 1947 года я съездил туда, и в горono меня заверили, что работа мне и моей жене будет предоставлена. Когда же мы в конце августа приехали в Бердичев, то нам сообщили, что работы нам не будет, а обещание было ошибочным.

Наше положение оказалось более чем затруднительным: без работы, без квартиры, без средств существования. Мы остановились на квартире брата: в одной комнате площадью 18 квадратных метров стали жить две семьи из шести человек.

Когда же жена пошла в горком, чтобы стать на партийный учет, ей вдруг предложили должность инспектора горно. А в середине сентября нашли работу и мне в украинской школе на самой окраине города, практически уже в сельской местности. В октябре дали нам комнату в коммунальной квартире, где на четыре семьи была одна кухня.

Казалось, что жизнь наша как-то убога. Но до идиллии было далеко. Через какое-то время мое «дело» пришло в Бердичев, и начался второй акт трагикомедии, который можно было бы назвать: «бдительные органы выявляют врагов».

Начались бесконечные вызовы на разные явочные квартиры ОГБ, тоже ночью и те же вопросы. Занимался этим уже полковник Бойко. «Дело» мое все пухло и пухло. Полковник создавал фон страха перед наказанием за якобы совершенное преступление, и на этом фоне он пытался меня завербовать в информаторы. Я на это согласия не давал, но он выспрашивал о моем окружении, о якобы предосудительных высказываниях моих товарищей по работе.

Ни одного раза ни на кого я никаких показаний не давал.

Порой работа органов «стоящих на страже» просто поражала своей топорностью и примитивизмом. Вот такой пример. Однажды на каком-то семинаре, проходящем в эпоху активной борьбы с космополитизмом, я заметил, что едва ли следует считать космополитом того, который, допустим, одобрительно высказался о качестве какой-либо вещи или другого изделия зарубежного производства. О носках, например, или о рубашке. Через некоторое время следует вызов меня в органы в 12 часов ночи, где мне объясняют совершенно серьезно, что моя позиция расходится с линией партии (кстати, этот вызов - свидетельство наличия «стукача» в педколлективе).

Или другой пример. Сотрудники органов порой придумывают просто смехотворные поводы для моего очередного вызова. Однажды меня вызвали, опять же поздно вечером, якобы для того, чтобы я помог какому-то сотруднику, который учится заочно, сделать работу по немецкому языку. И для этого меня везут в другой город, в областной центр, о чем я узнаю уже в дороге. А на самом деле меня в очередной раз пытаются склонить к сотрудничеству. И в очередной раз получают отказ.

В 1950 году меня не укомплектовали в качестве преподавателя немецкого языка. Причина старая, но аргументация новая: мол, я не имею соответствующего образования. Это был абсолютно ложный аргумент, поскольку в нашем коллективе были учителя вообще не имеющие образование. Чаша моего терпения оказалась переполненной, и я совершил очень рискованный шаг: я написал письмо Сталину. Через две недели меня вызвали в обком партии и устроили мне форменный разнос в грубейшей форме: «Как вы смели? Вы за это ответите» и так далее и тому подобное. На мое счастье ответ из Москвы был положительным: меня укомплектовали по двум предметам. И все же я срочно поступил в институт иностранных языков и за два года закончил его.

А потом умер Сталин.

В конце 1953 года Бойко вызывает меня в ЗАГС и показывает мне папку с моей фамилией. Папка оказалась пустой.

- Я прошу извинения за причиненные вам неприятности, - сказал он. - Поймите, мы действовали так, потому что так было надо. Вы же вели себя достойно.

Наши нормальные отношения с Бойко сохранились до самой его смерти. Так закончились мои испытания войной.

Повторюсь: на войне у каждого солдата – своя судьба. И зависит она от такого огромного количества случайностей, что просто невозможно предсказать, что произойдет через час, через секунду. Как невозможно предсказать, куда попадет пуля случайного выстрела. И у каждого солдата судьба уникальна. Я же рассказал о своей, которая началась в тридцать девятом, а закончилась только в пятьдесят третьем. И за которую мне не стыдно смотреть в глаза тем, с кем оказался рядом в сорок первом. И тем, с кем долгие годы состоял в ветеранском содружестве.

Испытания, действительно, закончились, но война жила в моем отце до последнего дня его жизни. Вспоминаю такой случай в конце 70-х годов. Мы с отцом гостили на даче моей старшей дочери. Я занимался чем-то в саду, отец отдыхал в доме, смотрел телевизор.

Вдруг из дома я услышал крик зятя:

- Ефим Львович потерял сознание! Скорее...

Я забежал в дом. На весь дом гремел телевизор, шел какой-то фильм про войну. Отец бледный лежал на кровати и как-то растерянно и виновато моргал:

- Ой, напугал вас. Простите меня. Смотрел кино, а там показывали атаку. Танк мчался на вражескую пушку, а немцы судорожно переводили ее на прямую наводку. И наши не успевали. Как-то во мне всколыхнулось все... Напугал вас. Простите.

В одном из стихотворений на военную тему я написал:

И мой отец обойму лет кровавых

Прошел, прополз, проплыл, преодолел.

И с той поры ночами в снах кошмарных

Он в танке все горел, горел, горел.

Войны не помню я, ни голода, ни стужи,

Ни похоронок, от которых крик и стон.

Но с ветеранами я плачу, почему же,

Как будто пламенем я тем же опален.

В положенный срок отец вышел на пенсию, собирался перечитать множество книг, которые не успел прочесть раньше. Но неожиданно его захватила общественная работа, которую он сам себе придумал.

Кто-то из его знакомых обратился к нему, что ему не засчитывают военный стаж. И отец стал писать по инстанциям, добиваясь принятия нужного решения. И добился. У другого знакомого, как ему казалось, неверно рассчитан размер пенсии. Отец и эту проблему смог решить.

И потянулся к нему народ, знакомые, приятели знакомых. Объем переплюски у отца рос, как снежный ком. Отцу пришлось заводить специальные папки. Так он, не обладая в необходимом объеме юридическими знаниями, стал общественным ходатаям по делам десятков, а может быть и сотен просителей, зачастую не очень грамотных. И, конечно, все это делалось только на общественных началах.

В короткие встречи, когда заезжал к родителям, отец рассказывал мне о своих «победах», а порой и огорчениях в этой работе. Отец считал, что он своим участием просто помогает людям. Тогда и я считал так же. И только теперь я в полной мере понимаю значимость его работы: он восстанавливал справедливость. Или, точнее, веру людей в справедливость. Для этого требовалось желание, сочувствие, вера в достижение цели и скрупулезность.

Однажды в числе испытывавших на себе эти качества, оказался и я невольно. Это была довольно интересная и многоходовая история. Как-то в середине 70-х годов в одном из журналов «Глюкауф» я увидел рекламу недавно выпущенного одним из западногерманских издательств огромного альбома «Горное дело в искусстве». Мы с женой давно уже собирали книги и альбомы по искусству, а мне, как горному инженеру, особенно хотелось заполучить такое издание. Я попросил отца, чтобы он выяснил у редакции журнала адрес издательства и поступают ли эти альбомы в Союз для реализации. Отец получил ответ на эти вопросы, а поскольку в Союз эти книги не поступали, то он, видя мою заинтересованность, по собственной инициативе, заказал такую книгу.

Спустя месяц он получил из ФРГ увесистую бандероль, но к его удивлению на почте выяснилось, что посылка бесплатная. Отец посчитал, что издательство сделало такой подарок. Когда же он вскрыл посылку, то обнаружил в ней вместе с книгой счет на 174 западногерманских марок. Отца это нисколько не смутило. Он в свежем номере газеты «Известия» нашел таблицу соотношения валют к рублю, сделал несложный расчет стоимости книги в рублях и попытался отправить рублевой эквивалент стоимости в адрес издательства.

Напомню, что в Союзе граждане не имели права владеть какой-либо зарубежной валютой, а те, кто на этом попадались, надолго оказывались за колючей проволокой. Отец, не зная всех этих премудростей того времени, был очень удивлен тому, что ему отказали в переводе средств. На почте его послали найти решение вопроса в банк, а те послали его еще дальше, т.е. в Центральный банк страны. Отец написал соответствующее письмо в ЦБ, откуда пришел ответ, что подобные операции для граждан страны запрещены с ссылкой на какой-то приказ Минфина и Уголовный кодекс. И тогда отец написал письмо министру финансов СССР. Ответ этого ведомства не отличался от ответа ЦБ.

А тут в декабре того же года приходит ему письмо от издательства, в котором ему вежливо сообщают о числящемся за ним долге, незначительном по их мнению, но издательство не хотело бы этот долг при подготовке годового отчета заносить в статью незапланированных убытков. И поэтому ему предлагают попытаться оплатить столь незначительную сумму до конца года. И тогда отец собирает копии всех отказов и направляет их в ЦБ и Министру финансов с припиской, что если ему не помогут оплатить его долг, то он вместо оплаты его отправит в издательство всю отказную переписку. Угроза отца возымела успех: ему со всяческими оговорками «в порядке исключения» разрешают оплатить стоимость книги, если он переведет в ЦБ некую сумму, которая оказалась намного выше рассчитанной отцом по таблице соотношения валют. Впрочем, все и так догадывались, что официальный курс валют и фактический очень сильно разнятся. Отец завершил операцию, которую можно назвать «поединком с Центральным банком», а я на свое 40-летие получил от отца уникальный подарок. Я тогда считал, что я являюсь единственным обладателем в стране этого фолианта. Случайно, спустя два десятилетия, я узнал, что такой же книгой обладает бывший Министр угольной промышленности СССР. Уверен, что ему не довелось испытать подобные перипетии.

Этот пример я привел только для того, чтобы показать с какой настойчивостью отец добивался разрешения проблем, обращающихся к нему ходатаев.

И еще один эпизод из активной деятельности отца.

Почти в каждом городе, населенном пункте, оккупированном фашистами, где проживали лица еврейской национальности, захватчики полностью уничтожали всех евреев, включая грудных младенцев, женщин, стариков. Места массового уничтожения везде стали называться «Бабьим яром» по аналогии с наиболее известным местом расправы в Киеве. Было несколько таких мест и в Бердичеве, где фашисты расстреляли около 30 тыс. евреев. В их числе была сестра отца Рахиль со своими детьми.

Возникла идея сделать место наиболее массового расстрела памятным с установкой соответствующего обелиска. Местные власти всячески противились этому под разными, порой смехотворными, предложениями. И все же отцу, а он был в составе инициативной группы, удалось «пробить» непробиваемость местных чиновников, и два таких обелиска в двух рядом находящихся местах расправы были установлены.

Как-то в один из моих приездов в отпуск отец показал мне эти обелиски. И все же местные власти не могли «не подгадить» в последствии: воспользовавшись тем, что огромные ямы для захоронения казненных были вырыты посреди колхозного поля, ими были дана команда распахать узкие тропинки к памятным знакам. Нам с отцом пришлось добираться до обелисков по пахоте. И я видел, что люди, для которых дороги эти могилы, каждый раз протаптывают новую тропинку.

В 1991 году была издана в Киеве книга «Бердичевская трагедия» с подробным описанием казни и истории установки памятных знаков. Об установке обелисков в ней есть такие слова: **«это произошло благодаря усилиям нескольких энтузиастов, в частности, ветерана войны Ефима Львовича Бернштейна, неумоимо писавшего и обращавшегося во все инстанции».**

Завершая подготовку рукописи отца к публикации, не могу не отметить, что далеко не все эпизоды его военной биографии и мытарства после войны вошли в нее.

У всех ушедших из жизни черточка между двумя датами – это все, что осталось от их жизни. Поэтому я и восстановил записи и рассказы отца, чтобы его долгая, сложная и праведная жизнь не была только черточкой.

И я безмерно рад, что мне удалось это сделать.

И еще я сожалею, что я не смог сделать это при его жизни. Я склоняю голову перед его памятью и корю себя за опоздание.

(Подготовка рукописи воспоминаний и комментарии выполнены сыном автора А.Е.Бернштейном).

Николай ЩУКИН

ПРОШУ СЧИТАТЬ МЕНЯ СОЛДАТОМ

Когда земля в огне пылала,
И всех страна к борьбе призвала,
А горе сразу общим стало,
То каждый мысленно сказал:
«Путь предстоит суровый мне,
Но не сверну с него куда-то.
В какой бы ни был стороне
Прошу считать меня солдатом!»

Страна в борьбе не отдыхала,
Трудней, наверно, не бывало,
И горя большего не знала,
Но каждый мысленно сказал:
«Путь предстоит суровый мне,
Но не сверну с него куда-то.
В какой бы ни был стороне
Прошу считать меня солдатом!»
Победу нам тогда добыли
Отцы, что с нами не дожили,
Лишь бы счастливыми мы были,
Чтоб каждый мысленно сказал:
«Путь предстоит суровый мне,
Но не сверну с него куда-то.
В какой бы ни был стороне
Прошу считать меня солдатом!»
И вот уже мы сами деды,
Нам дорог каждый день победы.
И чтоб всегда светлело небо,
Нам надо мысленно сказать:
«Путь предстоит суровый мне,
Но не сверну с него куда-то.
В какой бы ни был стороне
Прошу считать меня солдатом...»
Перевод с коми Алексея КАРПОВА

БАРЖА ПЛЫВЁТ

В посёлках в сёлах бродит горе,
И не уйдёшь ты от судьбы.
Плывёт баржа вниз по Печоре,
В ней доски – это на гробы.

Троянский конь повсюду скачет,
На нём сидит старуха смерть.
Старуха мать у гроба плачет,
Ей внуков не дано иметь.

Её сынок от пули спасся,
Он дважды побывал в Чечне.
- О, боже мой, какое счастье!
Женись. Родите внуков мне...

Вот на ремне висит наш Славка,
Спокойно, просто, уж не пьёт.
Соседка маленькая Клавка
Кричит: - Пожертвуйте на гроб!

Но всюду слышит: - Денег нету...
Скупой наш нынче стал народ.
Троянский конь бежит по свету,
Баржа с досками всё плывёт.

Павел БУЛАТОВ

ПТИЦА ВОРОН

Прокричала птица ворон надо мною,
Жалобно, тоскливо, отпевая.
Пеленою, белой пеленою,
Словно саваном, пороша укрывает.

Коченеют пальцы, коченеют,
Исподволь прокрался в сердце страх,
Не успев скатиться, леденеют
Слезы на обветренных щеках.

И не тает снег, ложась на веки,
Зарываясь в волосы седые,
Словно он сомкнул глаза навеки,
И нарушить сон уже не в силах.

И дыханьем, некогда горячим,
Обжигавшим девичьи уста,
Не согреться, впредь, огонь утрачен,
Не разжечь, лампаду, вся пуста.

Спеленало в чистом поле, схоронило,
Вдалеке от слез фальшивых с причитаньем,
Вести смерти - птицей вороном кружило,
Да и он, замерзнув, рухнул бездыханным.

Но сожму в ладонях скользкий посох,
Мертвыми губами улыбнусь,

Я и сам прекрасно знаю, поздно
Что-нибудь менять, да ну и пусть...

Виктор ДЕМИДОВ

РАЗГОВОР С ДЕРЕВЬЯМИ

Хорошо ли вам колышется,
Вам поётся на ветру?
Хорошо ли листьям дышится
То в прохладу, то в жару?

Прикоснусь к щеке берёзовой
Человеческой щекой:
Ты утешь меня, любимая.
Ты утешь и успокой.

Я всего листочек Родины
На зыбкой ветке бытия,
Гроздь соплодия смородины,
Если вместе ты и я.

Хорошо ли вам колышется
В предвечерней тишине,
Хорошо ли песня слышится
На берёзовой волне?

ВЕРНУСЬ ДЫХАНИЕМ ВЕСЕННИМ

Уплыву я облаком вечерним,
Тронутым окалиной лучей,
И вернусь дыханием весенним, -
Весь земной и всё-таки – ничей!..

И пройду все степени цветенья,
Созревания в волнуемой ржи
На васильке небесного виденья
Ты волшебный взгляд свой удержи.

И подумай: «Он к друзьям уехал,
Но вернётся, верю, всё равно...»
Отзовусь я гулким звучным эхом,

Гибкой веткой постучу в окно.

Надежда МИРОШНИЧЕНКО

* * *

Ой вы, песни, ой вы, реки.
Ой вы, чудо-человеки.
Ой цветок, колючий вереск
И берёзовый настил,
Где меня зелёный берег
Красной рыбой угостил.

Ой вы, годы, ой вы, птицы,
Ой вы, зори да зарницы,
Ой ты, дальняя дорога
Да чужой, да добрый дом,
Поживу я здесь немного,
Чтобы много жить потом.

МЫ – РУССКИЕ

Моей маме, О.К. Кулагиной-Мирошниченко

Мы русские. И с нами шутки плохи.
Не надо трогать родовой земли
По злобе дня, на рубеже эпохи.
Уж вы и так погорелись, как могли.
Но одного вы не уразумели:
Ни высший разум и ни ЭВМ
Не просчитают русские метели.
И русский дух. И вам о том повем.
Не просчитают русского презренья
К чужим одеждам и чужим звездам
И позднего славянского прозренья,
Грядущего уже, как «Аз воздам...»

Мы русские. На нас пахали с веку
И попрекали совестью к тому ж.
Мы не в обиде – было б больше света!
Так нет: всё темень, всё беда, всё глушь.
Мы русские. Мы крови не пролили
Ничьей в своём отеческом дому,
Хоть это нас в застенках изводили

По миллионам, не по одному.

Но есть предел терпенью и прощенью.
Не всё нам строить церкви на крови.
Мы русские. Мы не хотим отмщенья.
Но не касайтесь родовой земли.

* * *

Скучно, когда начинается ложь.
Начистоту ж говорим.
Скучно, когда, кто казался хорош,
Больше не кажется им.

Скучно о прежнем веселье тужить.
Скучно о будущем лгать.
Скучно надеждой пустой дорожить.
Было бы что потерять.

Скучно цепляться за ломанный грош,
Не накопив ничего.
Скучно, когда начинается ложь.
Может, скучнее всего.

Владимир СИЛКИН

СРОКИ

Шарик солнечный привязан
К парку тоненьким лучом.
Подпирают небо вязы,
Дышат ветры горячо.

Все расписано в природе,
Каждому отмерен срок.
И не зря так шумно бродит
По березам сладкий сок.

Рыба в Язуе играет,
Утку селезень зовет.
Кто-то рано умирает,
Кто-то вовсе не живет.

АКСИОМА МОЛЧАНИЯ

Обидят, скажешь: «Ерунда!»
Смолчишь и это – не беда.
Закроешь уши – тишина,
Откроешь – на земле война.

И в первый, и в последний раз
Поймешь, что упустил свой шанс.
Молчаньем, что всегда хранил,
Ты сам себя похоронил.

БОР

Песнь соловьиная в этом бору,
Тишь первозданная здесь поутру.

Я полюбил этот лиственный храм,
Настежь открытый свободным ветрам.

И потому я счастливым живу,
Что понимаю и лес, и траву.

ПРИЕМ ВЗВОДА

Этот рыжий, а тот конопатый,
Этот, видно, любимец девчат.
В две шеренги застыли солдаты
И в строю терпеливо молчат.

Я смотрю на мальчишечьи лица,
Принимая по должности взвод:
С кем в разведку пойду, коль случится?
Кто со мною в разведку пойдет?

ЖИЗНЬ

Поговорили, разошлись,
Пообещав друг другу
Встретиться.
И это жизнь?
Конечно, жизнь,

Раз людям в будущее верится.

Андрей КАНЕВ

МАРШ-БРОСОК
(отрывки из третьего романа трилогии «След Ночного волка»)

Остановить колонну боевиков!

Оперативным дежурным по шестой оперативной зоне Северо-Кавказского региона, центром которой являлось горное селение Анаверди, стоял майор Владимир Иванович Селезнёв. Кто-то из очень умных и знаменитых сказал, что чем дольше живёт, тем больше любит и понимает собак. Это, по разумению Селезнёва было не совсем верно. Чем дольше он жил на свете, тем больше понимал того самого советского разведчика времён второй мировой полковника Исаева, известного современной молодёжи по анекдотам о Штирлице, когда тот говорил о том, что истинной любви достойны лишь дети и старики.

В Анаверди Владимир Иванович занимал должность заместителя командира по работе, или, как шутили сослуживцы, по борьбе с личным составом сводного отряда милиции особого назначения, командированного сюда из министерства внутренних дел республики Беломорье. Анаверди – горное селение, расположенное на административной границе Чечни и Дагестана, с разношёрстным по национальному составу населением, в некоторых слоях которого ваххабизм накрепко пустил свои корни.

Эта октябрьская ночь девяносто шестого года была холодна и звёздна. Где-то вдалеке неистово лаяли собаки, может волков отгоняли от овинов, может, запоздалую свадьбу осеннюю праздновали, кто их поймёт. На вечернем построении Селезнёв целую лекцию прочитал об элементарных правилах безопасности. А то выйдет такой ухарь из казармы ночным воздухом горным подышать. Он тебе и боксёр перворазрядник, и отличный стрелок с новыми лейтенантскими погонами, всё при нём. Подойдёт поближе к забору, рассупонит ширинку и стоит, отливает, балдеет, сигаретка во рту дымится... Хорошо ему бестолковому, да невдомёк будто, что огонёк от его цигарки виден на многие километры. Снайперу самый лакомый профессиональный кусок, как арбуз перезрелый раскроить пулей головёнку стриженую. Вот тебе и все дела.

А потом строго спросил:

- Ну что поняли хоть, или нет...

Молчание было ответом.

- Есть вопросы?

- Ничка нет...

- В таком случае, если ещё кого увижу такого потенциального «груз-200», заставлю сожрать окурки и всю пачку сигарет...

Строй дружно грохнул:

- Ха-ха-ха... Гы-гы-гы...

Селезнёв подождал, пока молодцы успокоятся, и скомандовал:

- Становись, равняйся... Смирно! Вольно... Заступающему в ночное дежурство караулу остаться. Остальные разойдись!

Задно с вечерней поверкой и инструктаж караула произвёл.

Ещё совсем недавно Селезнёв по тревоге отряд поднимал. В десять вечера это было. Сумерки уже легли на Анаверди. Всё было тихо и спокойно, только собаки выли и твкали на восходившую луну. Как вдруг ни с того ни с сего в центре села ураганным огнём из автоматов с трассерами началась дикая перестрелка. Личный состав поднялся в считанные секунды, занял оборону в отрытых фортификационных сооружениях. Обзвонили стоящие рядом отряды, погранцов, «взвэшный» батальон контрактников, никто ничего не знал. Всё выяснилось после того, как связались с местными ментами. На вопрос к оперативному дежурному:

- Что там у вас за война в центре села происходит?

Тот сонно сообщил:

- Сами сначала не знали... А потом оказалось, что один уважаемый человек празднует свадьбу своей дочери, и родственники перед тем, как отправить молодожёнов баиньки устроили им салют из всех видов автоматического оружия, которое есть в семье.

- А что за автоматы на руках? – спросил на всякий случай Селезнёв, хотя ответ знал уже наверняка.

- Официальные, у членов ополчения...

В полночь Владимир Иванович отзвонился с докладом в Кизляр в ГУОШ (Главное управление объединённого штаба). Связист отряда лейтенант Мишка Рубаник долго крутил ручку аппарата засовской связи, пока на том конце механическим голосом ответил оперативный дежурный штаба:

- Говорите, «Тайга», вас слушают.

«Тайга» - это был позывной шестой оперативной зоны. Селезнёв доложил, решив не сообщать о свадебной канонаде трассерами:

- «Башня» (позывной ГУОШ), за прошедшие сутки во вверенном подразделении без чрезвычайных происшествий. Командир на месте. Ответственный по гарнизону майор Селезнёв. Примите сводку...

И стал диктовать дежурному на том конце связи закодированную таблицу суточного отчёта по показателям несения службы. Слышимость была неважной. Как назло ожила рация, на их волне какие-то абреки стали громко переговариваться на своём языке, смеяться. Потом вдруг на русском с акцентом:

- Эй, русские свиньи, берите в руки свои жопы и убирайтесь вон с нашей родины...

- Пока ты тут сидишь, мой брат у тебя дома твою мать, жену, сестру и дочку трахает, как в юности молодых ослиц...

Рубаник аж подскочил на стуле:

- Вот козлы ублюдочные...

И хотел было, что-то ответить, но Владимир Иванович его удержал:

- Не отвечай, сделай рацию потише, а то мне дежурного из Кизляра плохо слышно.

Лейтенант убавил звук, продолжая ворчать:

- Всё равно они все пидорасы, и мы их всех победим и заставим жить по нашим законам, вот сволочи... - и ещё долго в том же духе.

Приняв ежесуточную сводку, кизлярский дежурный сообщил:

- «Тайга» примите телефонограмму.

Майор взял ручку, открыл журнал приёма телефонограмм, приготовился записывать:

- Готов...

Механический голос с расстановкой между словами, чтобы были понятны, стал диктовать:

- Телефонограмма, секретно, от такого-то числа, номер такой-то... Такого-то числа в районе селения Бухтараш с боем административную границу Чеченской республики и Дагестана перешёл большой отряд боевиков, направляющийся в сторону селения Мартан-Аул. Известно, что примерная численность бандформирования порядка двухсот боевиков, по оперативным данным руководит незаконным бандформированием злостный участник НВФ (незаконных вооружённых формирований) Дакка Ботураев, 1970 года рождения, уроженец станицы Атамановской Чечено-Ингушской АССР. Известно, что данное бандформирование в станице Георгиевской пересело на автомашины и движется в сторону селения Занди с целью уничтожения по пути следования блокпостов федеральных войск и дальнейшего пересечения административной границы между Чечнёй и Дагестаном в районе Занди. В зоне вашей ответственности банда появится предположительно в районе Анаверди завтра такого-то числа приблизительно в шесть часов утра. Приказываю принять все меры к остановке колонны боевиков, рассредоточению и уничтожению данной банды своими силами. Местный отдел милиции в лице начальника полковника Мудова Исы Баратовича отказался принимать участие в данной операции. О результатах проведения операции докладывать незамедлительно. Начальник ГУОШ генерал-полковник Баранов». Конец связи.

- Отбой связи, - продублировал Владимир Иванович.

Он ещё раз перечитал телефонограмму, поднялся из-за стола. «Вот она и начинается, - подумал Селезнёв, - настоящая война, со стрельбой, а не просто тупое противостояние... Каждый сидит на своём ПВД (пункт временной дислокации) и сам себя охраняет от местных отрядов самообороны, вооружённых порой не просто до зубов, а даже лучше, официальных подразделений федеральных войск и милиции...» Ему, «афганцу» в прошлом, стало даже немного легче морально от того, что, наконец-то, закончится режим ожидания. Ведь, как известно, хуже нет, чем ждать и догонять... Майор глянул на лейтенанта:

- Михаил Семёнович, - обратился он к начальнику связи.

- Я слушаю, - вскинулся, задремавший было под собственное ворчание, Рубаник.

- Сиди на телефонах за старшего, - направляясь к двери сказал Селезнёв, - интересную информацию я принял, пойду докладывать Колыванову... А ты не спи, понял?

Рубаник тоже поднялся на ноги:

- Ну, что вы, товарищ майор... Выйду на свежий воздух проветрюсь.

Они вышли оба из узла связи, лейтенант закурил, как положено, в кулак, и быстро затушил огонёк. Ведь известно, что если прикуривают группой от одной спички, то третий прикуривающий – подарок вражескому снайперу, так что лучше побыстрее задуть спичку. Владимир Иванович покачал головой:

- Эх, курильщики-самоубийцы...

И направился в штабное помещение, где за дощатой перегородкой был кубрик захандрившего ни с того ни с сего командира. Время уже приближалось к часу ночи. До предположительного боестолкновения оставалось ещё пять часов.

Кусок колбасы в голодный год

Капитан Колыванов за первую чеченскую компанию был в спецкомандировке на Северном Кавказе уже во второй раз. В прошлом девяносто пятом их отряд стоял в Киз-

ляре, охранял здание штаба ГУОШ. Там хоть люди были вокруг, какая-то жизнь происходила. Да и весна опять же, как говорится, время цветения сакуры... А тут сидят на ПВД, как кроты, лишний раз за ворота носа не высунешь. Осень за воротами и явно, увы, не болдинская... Какая тут жизнь, особенно служба. Продукты питания на исходе, приходится очень сильно экономить, а он не может решить вопрос с ГУОШем о пополнении запасов продовольствия. Вот как в стену лбом бьётся, и всё тут.

Один ответ продуктами питания вы должны были обеспечить себя сами по постоянному месту дислокации. Так и обеспечили, только вот не хватило. Того, что положено на одного бойца спецназа на месяц, хватает только на неделю. Не он придумал такие нормы. Напрягли всех спонсоров, директоров практически всех предприятий их родного Усольска. Он сам по директорам с протянутой рукой ходил. И везде практически одно и то же.

Придётся, тебя, конечно же, встретят, как человека, ещё бы родная милиция меня бережёт, и всё такое прочее, тем более ОМОН. Усадят в кожаное кресло в шикарном кабинете с кондиционером и телевизором во всю стену, а разговор практически везде по одному и тому же сценарию, будто под копирку писан. Ты этому генеральному директору какого-нибудь занюханного общества с ограниченной ответственностью про долг перед родиной, про тяготы службы, про недофинансирование органов правопорядка, про растущую преступность, про войну в Чечне, про заниженные нормы отпуска продуктов на сотрудника. А тебе в ответ:

- Уважаемый, я вас искренне понимаю, но поймите и вы нас. В стране экономический кризис, еле-еле концы с концами сводим. А работягам зарплату нужно каждый месяц платить. Откуда же мне взять, у меня лишнего нет...

И на твою тираду расскажет свою, да ещё с картинками. Секретарша, конечно, чайку-кофейку принесёт с сушками и конфетками на тарелочке. Гендиректор, как это обычно бывает практически во всех подобных кабинетах, призывно потрёт друг о дружку потные ладони с предложением:

- А что, может коньячку?

А ты ему традиционное:

- Я на службе не пью...

И снова начинаешь свою песню про долг перед родиной, про тяготы службы, про недофинансирование органов правопорядка, про растущую преступность, про войну в Чечне, про заниженные нормы отпуска продуктов на сотрудника. А тебе снова в ответ об экономическом кризисе в стране, о том, что все свободные капиталы находятся в обороте...

А ты ему бумагу из папочки с гербовой печатью с просьбой о спонсорской помощи отряду, выезжающему в спецкомандировку на Северный Кавказ. И никуда ему уже не деться, и он морщится, но берёт из твоих рук эту бумажонку, словно гранату без чеки берёт, осторожно кладёт её на краешек рабочего стола и чуть ли не раскланивается перед тобой:

- Хорошо оставьте, мы на совете директоров рассмотрим, что можно сделать... Я ведь не один решаю финансовую и спонсорскую политику предприятия, не один...

И это в твоих глазах надежда, авось выгорит благое дельце, а в его наглых зенках такая безнадёга на твою просьбу, что хоть тут же у него в кабинете вешайся и делу венец. Противно же, ходить с протянутой рукой, да и за государство, которому служишь верой и правдой – обидно...

Такие мысли бороздили большую и круглую колывановскую голову. А ещё он думал о том, что с местными ментами никак контакта не наладит. Со всеми подчинёнными оперативной зоне сводными отрядами милиции нашёл линию поведения, подчинил командиров вроде как, и вологодских гаишников, чурек из Марий-Эл, и даже подмосковных омонцев, что стояли совсем неподалёку от них с другого конца Анаверди, а вот с красноярцами, ну никак общее дело не клеилось.

Селезнёвым, этим майором из министерства, командовать приходится, а он Колыванов на земле-то перед ним кто? Ноль без палочки, какой-то там зам по службе командира Усольского отряда милиции особого назначения. Так что по возвращении на базу, хлебнёт он, поди, от него горяшка в отместку за нынешнее подчинение. Проверками какими-нибудь замучает, он ведь там целый старший инспектор отдела воспитательной работы с сотрудниками. Внутренняя милиция нравов считай.

А личный состав, который привёз с собой, ну балбес на балбесе, как подобрались. К сожалению не он подбирал, а кадры МВД ему уже готовые кем-то там составленные списки вручили. Начальник связи Рубаник пропойный алкаш, у доктора гонору, будто он, по крайней мере, замминистра, не меньше, один Бутиков свой, отрядный, опять же изъян: не пьёт почти, работают с ним в одном кубрике, а расслабиться не с кем...

Вот и затосковал капитан Колыванов, третий день из кубрика почти не выходит, лежит, типа простудился, а сам тяжкие думы думает, наматывает депрессняк, как сопли, на кулак. И к себе никого не подпускает.

Видел это всё Селезнёв, а как решить проблему не знал. Пока не придумал. Больше всех «Мягкая мебель», как звали Колыванова за глаза подчинённые, из подведомственных отрядов сошёл с командиром подмосковного ОМОНа, капитаном Сергеем Серовым. Вот его-то и необходимо подключить. Командира надо вытаскивать. Владимир Иванович связался с ним по переносной рации:

- «Семнадцатый», говорит «ноль-третий», ответь мне.

- Слушаю вас «ноль-третий».

- Необходима встреча.

- Когда.

- Если есть возможность, то прямо сейчас.

Серов помолчал, видимо, прикинул срочность своих отрядных дел, ответил:

- Буду через двадцать минут, конец связи.

- Отбой...

Сергей Серов был не просто большим, а огромным сто пятидесяти килограммовым человеком, который влёкую подтягивался на перекладине два десятка раз. За это, видать, и проникся к нему уважением тоже не слабый телом Колыванов. Он выполнил своё обещание, его «уазик» через двадцать минут въезжал на территорию ПВД Усольского ОМОНа. Поговорили Селезнёв и Серов коротко, тот сразу понял проблему, и, пообещав вернуться через час, укатил в расположение своего отряда.

Когда Серов вернулся, уже вечерело. Селезнёв в эти сутки был ответственным от руководства по шестой оперативной зоне. Находился постоянно на узле связи. Подмосковный капитан сразу прошёл в кубрик к Колыванову. О чём они там полчаса беседы разговаривали только им да одному богу известно. Поехал к себе Сергей Сергеевич довольный. Уже садясь в «уазик» махнул Селезнёву рукой и подмигнул:

- Всё будет нормально, замполит, не переживай, оклемается, сейчас спит, не тревожьте...

И только глубокой ночью, получив из штаба ГУОШ телефонограмму о бандитской колонне, Владимир Иванович решил побеспокоить Кольванова. Примчался к нему в кубрик, а там во всю горел свет. Владимир Сергеевич сидел на койке и улыбался. Заметив Селезнёва, приветливо заговорил:

- Ты представляешь, Владимир Иванович, приходил вчера командир подмосковного ОМОНа Серов Сергей Сергеевич. Лечил, лечил тут меня, наговорил двадцать восемь арестантов о том, какая у нас жизнь распрекрасная. И сунул мне подарочек под подушку. Я сразу после его отъезда спать завалился, сунул руку, пощупал, э-э, думаю, удивил мать вашу, чекушку принёс, будто у нас своей усольской водки нету. И уснул, а сейчас вот проснулся, дай, думаю, усугублю и снова спать лягу, а это оказывается...

И Кольванов, радуясь, как ребёнок, долгожданной к Рождеству игрушке, победно поднял над головой солидный кусок палки пахучей сырокопчёной колбасы:

- Будешь со мной, а замполит?

Селезнёв тоже улыбнулся, сглотнул непрошенную слюну, наконец-то он видел прежнего Кольванова, значит, его план по приглашению в качестве душевного доктора Серова блестяще удался:

- Конечно же, буду, только потом...

- Ну, потом, так потом, - и командир запасливо сунул колбасу снова под подушку, - докладывай, что там случилось?

Селезнёв протянул ему бумагу:

- Вот, только что получили из штаба ГУОШа, я сразу к вам...

Кольванов взял в правую руку телефонограмму, а левой указал на табурет:

- Присаживайся...

Он читал, и губы у него шевелились. Прочитав первый раз, перечитал снова. Основательно вникнув в суть документа, поднял на майора суровый взгляд:

- Значит так, сейчас два часа ночи. Это не факт, что они тут пишут, будто духи, прям как по расписанию московских электричек, придут к нам к шести часам утра, могут и позже, а могут и гораздо раньше. Если у них стоит задача уничтожить блокпосты, то вырезать федералов лучше когда? - И сам себе ответил: - Правильно, ночью, ближе к рассвету, когда у человека самый сон. Согласен?

Селезнёв кивнул:

- Согласен...

- Личный состав поднимем в три, а сейчас ко мне на совещание в штаб: Бутикова, оружейника, доктора и начальника связи... Двести человек... Много для нас. Свяжись ещё с Серовым пусть часам к четырём подтягивается... И этих, кто ещё поближе, Мари-Элскую дикую дивизию подними, вот ведь малая народность...

Кольванов бодро вскочил с кровати и стал одеваться, а Селезнёв удалился выполнять указание командира. Как только заместитель вышел из помещения, Владимир Сергеевич засунул руку под подушку, вынул оттуда вохделённое лакомство, и, отхватив от куска острым, как лезвие бритвы, кнопарём, который всегда носил в кожаных ножнах на циклолотке, тоненькую пластинку, сунул её, словно сердечник таблетку спасительного валидола, под язык.

Вкус копчёного мяса мгновенно расплзся, растёкся не только по рту, но и по всему организму, изголодавшемуся по нормальной человеческой пище. Так вкусно Кольванову было лишь однажды, когда он, будучи на каникулах в деревне, впервые отведал пожаренной бабушкой парной свинины, тонко порезанные куски из только что заколотого и ещё не успевшего остыть Борьки. Это мясо было вкуснее всяких конфет. Он ещё отмах-

нул кругляшкѣ толщиной с кальку, сунул его в рот и теперь пососал его уже, как шоколадный трюфель.

Теперь можно было сделать вывод: «Жизнь-то, налаживается!»... Но опыт старшего оперативника подсказал. Полуголодные командиры учуют запах колбасы, так не одна «наседка» спалилась в хате на нарах после удачного «стука» на встрече с «кумом», который после беседы напоил «купчиком» и прикормил бутербродом.

- Не по-людски... - сам себе сказал Владимир Сергеевич и влил в себя сверху двух ломтиков Серовского подарка полстакана прохладнинской водки. Пусть уж лучше от него спиртным разит на совещании, это, как ни странно, поймут, а потом уж на завтраке разделят по братски подмосковное подношение...

Белые флаги над блокпостом

Как у всякого отряда у Усольского ОМОНа был на въезде в Анаверди свой блокпост, на котором велась проверка автомашин и граждан, осуществлялся досмотр переносимых и перевозимых грузов, граждан на предмет причастия к незаконным вооружѣнным формированиям. Подмосковный ОМОН осуществлял патрулирование на таком же блокпосту, только уже на выезде из занятого села.

Как и полагал Колыванов вокруг блокпоста и на лежащих рядом высотах, холмах, заняли оборону. Прибыли и подмосковный ОМОН, и, дышащий стойким перегаром, мариэльский отряд. Всего насчиталось около восьмидесяти штыков. Это уже что-то, а не два десятка, всё-таки. С таким войском можно воевать, хоть, как говорится, впереди нас рать, позади нас рать. По решению совещания медбрат Петров должен был неподалѣку от ПВД развернуть палатку полевого госпиталя с красным крестом на случай большого количества раненых.

Разворачивались в боевые порядки, было ещё темно. Утро, как и вечер, в горах скоротечно. Так же произошло и в этот раз. Солнце вдруг выскочило из-за недалѣкой горной гряды и осветило милицейские позиции. Утренний морозец тут же улетучился, и памяти о нём не осталось. Колыванов окинул полководческим взором будущее поле ратной славы российских милиционеров и снова, не обнаружив палатки с красным крестом, спросил у Бутикова:

- Слышь, Петрович, а где наш доблестный эскулап?

Тот тоже осмотрелся:

- Не знаю.

- Пошли кого-нибудь, пусть разыщут, и ко мне на доклад, почему до сих пор его тут нет.

Они лежали на крыше импровизированного блиндажа-«кукушки», выстроенного омовцами неподалѣку от ПВД, под прикрытием картофельных мешков с песком. Куда ни кинь глаз, везде расположились в напряжѣнном ожидании вражеской автоколонны боевиков милиционеры из Беломорья, Мари-Эл и Подмосковья.

- Сейчас сделаем... - ответил старлей и спустился с крыши.

Вскоре он вернулся.

- Владимир Сергеевич...

- Что? – оглянулся Колыванов.

- Ты не поверишь, как сказать-то? – пожал плечами заместитель.

Капитан начинал закипать:

- Что случилось, я тут с вами скоро в сказки багдадского двора начну верить...

- Доктор нажрался спирта и спрятался в автояму в дальнем боксе. В общем, там, куда все ссать ходят. Сидит, автомат обнимает и весь дрожит. Пытались вытащить, упирается. Говорит, что занял оборону в окопе и оттуда ни шагу назад...

- Да, дела... - почесал затылок Колыванов. – Ну и хрен с ним. Без него справимся. У каждого бойца, в конце концов, есть индивидуальный медицинский пакет. Разберутся...

- Я тоже так думаю, - согласился с ним Василий Петрович. – А ведь ещё совсем недавно каким героем ходил, зуб Пашкову вырвал, меня всё заставлял на поляроид фотографировать, как он в полевых условиях проводит такую сложную операцию... Вот ведь бывает как на войне...

- Полезай сюда, философ! – приказал ему капитан, - скоро время «ч».

Как только Бутиков улёгся рядом, в дальнем, смутно просматриваемом конце обороняемой дороги показались клубы пыли. В сторону Анаверди шла колонна. Колыванов вскинул к глазам бинокль, стал всматриваться в приближавшегося противника. К ним на блиндаж залез Серов:

- Ну что, командир, начинается?

- Начинается... - ответил ему Владимир Сергеевич. – Ещё с полкилометра и под первой машиной рванёт, мои ночью заминировали...

- Тогда и начнём, - напряжённо произнёс Бутиков.

Все смолкли в ожидании скорого боя. Вдруг тишину нарушил голос Колыванова:

- Первой в колонне идёт БМП... Странно, о бронетехнике у духов с ГУОШа ничего не сообщали...

- Хорошо идут, ничего не боятся, будто у себя в огороде, - эхом отозвался Бутиков.

- Психическая атака, - проявил излишнюю для омовца грамотность Серов, - как в кино про Чапаева...

Его слова повисли в воздухе без ответа, потому что быстро приближавшаяся к замершим в оборонительном порыве бойцам колонна вдруг остановилась в дыму и грохоте взрыва, прогремевшего под гусеницами боевой машины пехоты. Из «Уралов» посыпались врассыпную пассажиры в камуфляжах, заученно занимая оборонительные позиции. С обеих сторон затараторили «калаши», послышались первые взрывы гранат из подствольников... Колыванов, Бутиков и Серов тоже во всю мощь российского стрелкового оружия старались подавить сопротивление противника.

От ПВД к блиндажу примчался растрёпанный и взъерошенный связист лейтенант Рубаник, лицо его было неестественно красным, он, перебивая какофонию боя, закричал:

- Товарищ, капитан...

- Что тебе, Вася? – оглянулся Колыванов.

- Две срочные телефонограммы!

- Докладывай суть...

- Везде ль помаленьку ссуть... - вставил своё едкое, похотывая в пылу сражения, Серов.

- Первая о том, что колонна боевиков прошла западнее нашего блокпоста в районе селения Кануш-Юрт, а вторая, о том, что нам приказано срочно оказать помощь погранотряду, на их колонну, следующую с полевых учений, в районе въезда в Анаверди напала какая-то неопознанная банда!

Колыванов, Бутиков и Серов судорожно переглянулись, сглатывая сухими ртами, равнившиеся наружу ругательства.

- Твою дивизию... - только и сумел выговорить капитан Колыванов.

А Серов уже вскинул вверх руку с зелёной ракетницей, обозначающей приказ на окончание стрельбы. Сигнальная ракета взмыла в небо. После её появления стрельба несколько утихла, но не прекратилась. С противоположной стороны тоже пальнули зелёной сигнальной ракетой. Однако пальба всё равно не затихала.

- Хотя белые флаги выкидывай, - резюмировал нервно посмеивающийся Бутиков.

А Колыванов на полном серьёзе заорал вниз бойцам в блиндаже:

- Бойцы, внимание! Там у вас простыни, на бойницы вешаете от солнца, срочно их на какую-нибудь палку и машите!

Бутиков и Серов на два голоса вопили в разные стороны:

- Прекратить стрельбу!

- Это наши!

Вскоре приказание Колыванова было исполнено, и, словно флаги на башне, простыни взвились над «кукушкой». Стрельба постепенно стихла. От колонны отделился войсковой офицер и медленно направился в сторону атаковавших их милиционеров. Приблизившись, он заорал на поднявшегося из-за мешков Колыванова:

- Мать вашу, капитан, какого хрена вы тут творите!? Под суд захотелось?!

«Мягкая мебель» такого обращения со своей персоной не любил, ответил, хотя и был не прав, в той же наступательной манере:

- Ты мою маму, подполковник, не трогай! А то вот этот самый автомат тебе в жопу засуну... Мы тут колонну с боевиками по приказу ГУОШа ждали, понял?! А то, что вас чёрт пригнал, в том вины нашей ни на копейку нет!

Пограничник потёр потный лоб рукой и уже не так грозно продолжил:

- Ремонт БМП на вашей совести.

- Согласен, - вздохнул Владимир Сергеевич, - Как своих в часть направишь, прощу, к нашему столу, отпразднуем победу...

- Чью? – кисло улыбнулся подполковник.

Серов поднялся над мешками с песком, дружелюбно улыбнулся во весь огромный рот и развёл в стороны руки-оглобли:

- Чью, чью? Русского оружия...

- Если только... Согласен, - пограничник развернулся на каблуках и побежал разбираться с потерями.

- Отбой тревоги, всех по расположениям, - приказал Бутикову и Серову капитан Колыванов, слез с крыши «кукушки» и пошёл в расположение штаба накрывать на стол, в том числе, и колбаску сырокопчённую порезать. Да и местным ментам необходимо срочно отзвониться, что за «свадьбу» устроили на окраине Анаверди приезжие милиционеры.

Тринадцать пузырей связиста Рубаника

Подсчитали командиры потери от недавнего боя и ахнули эхом на все Кавказские горы. Стыд и срам, будто ни пограничники, ни омововцы не проходили никакой боевой стрелковой подготовки. Кроме БМП с оборванной гусеницей и контуженного от взрыва механика-водителя в личном составе нескольких подразделений не было ни одного даже легкораненого. Так что в ГУОШ было решено сообщить, что неопознанная банда боевиков неопознано скрылась в неопознанном направлении, не причинив пограничникам вреда в виде потери живой силы. Однако, боеприпасов, мол, в период боестолкновения было

истрачено столько-то, в результате подрыва фугаса не тяжело травмирована БМП и получил лёгкую контузию механик водитель пострадавшей в перестрелке бронетехники. А ещё решили не останавливаться на достигнутом, а провести совместные учения и соревнования по бадминтону.

За праздничным столом в штабе сидели четверо: со стороны омовцев Колыванов, Селезнёв и Бутиков, а от пограничников комбат подполковник Павел Леонидович Быстров, оказавшийся приятным собеседником из военной семьи, привычный к жизни в дальних гарнизонах. Быстров был человеком невысокого роста, поджарый с очень опасным острым взглядом. Его белокурые волосы не по-уставному нестрижено кудрявились по последней моде на затылке, что характеризовало Павла Леонидовича, как большого либерала.

Разговоры велись за столом обычные, всё больше с политическим уклоном о том, что дирижировать в пьяном виде немецким оркестром и похерить такую великую державу, как Советский Союз не смешно, а просто преступно. Да и Жирик в очередной раз выкинул фортель, предложив сравнить Кавказ напалмом с уровнем моря. Затем плавно перешли на баб, потом на зарплату и мизерность боевых.

В самый разгар застолья Быстров вдруг вспомнил:

- Мужики, в честь нашей горячей встречи, хочу сделать вам небольшой подарок, чтобы помнили хорошим словом.

- Валяй, - согласился разомлевший Колыванов, - только не представляю чего тебе в алаверды подарить?

- А ничего не надо, - махнул рукой подполковник, - живым оставили, и ладно...

И крикнул на улицу своему водителю:

- Артюхов, принеси-ка сюда коробку, что нам чабаны на стрельбище подогнали!

Кургузый и чумазый, пахнувший машинным маслом, Артюхов занёс в помещении коробку из-под армейских ботинок, на дне которой копошился чёрный, как смоль, щенок непонятной породы. Поставил её на пол под ноги командирам. Те, выйдя из-за стола, склонились над подарком.

- Вот! – С гордостью объявил пограничник. – Настоящая чабанских кровей среднеазиатская овчарка.

- Ну, ты даёшь, - первым пришёл в себя Серов. – Тебе, что на границе служебные собаки не нужны?

- Нужны, - пьяно мотнул головой подполковник, - но не такие. Это порода не служебная, а бойцовая, её отец местный чемпион по собачьим боям, это тебе не фунт изюма...

- Так это ещё и девица... - потрогал своим толстым и кривым указательным пальцем спящий комочек Колыванов.

И обратился к своим:

- Ну, кто берёт? Я-то собак не очень...

Бутиков отвёл взгляд в сторону, а вот Селезнёв смотрел на щенка почти с отеческой любовью, он вздохнул и произнёс:

- Я её возьму себе...

На этих словах в штаб вошёл дежурный связист прапорщик Буйницкий, высокий и худой человек с такой накачанной шеей, что казалось, будто это продолжение туловища:

- Товарищ капитан, разрешите обратиться?

Владимир Сергеевич строго исподлобья на него посмотрел:

- Ты что не видишь, командир в кои веки решил расслабиться, у меня гости, а тырываешься тут, орёшь, как сумасшедший...

- Говори, что там, - перебил командира майор Селезнёв.

На что Колыванов подумал: «Во-во, хлюст министерский... И ничего ему супротив не скажешь...», но, чтобы сохранить как лицо, так и честь капитанского мундира, не менее строго произнёс:

- Что там, выкладывай!

- Красноярцы сообщают, что на их блок-пост у моста через реку в районе Занди совершено нападение боевиков численностью человек тридцать. У них несколько раненых, двое тяжело. Бандиты ушли в горы в Чечню. Красноярцы просят помощи и боеприпасов, свои почти все расстреляли во время боя.

Колыванов моментально трезвел. Дело шло к вечеру. Вот, значит, и объявилась ожидаемая ими сегодня утром банда, ну хоть, не двести человек, как предполагали пере-страховщики в ГУОШ, а всего тридцать. Иначе красноярскому отряду было бы не устоять. Он рубанул воздух рукой:

- Значит так, Бутиков, готовься, сегодня уже не успеешь, завтра возьмёшь людей, боеприпасы, на «Урал» и совершите марш-бросок к красноярцам, вопросы?

- Нет вопросов, всё понял, - кивнул головой Василий Петрович.

- Буйницкий, поднимай своего старшего связиста Рубаника и выясняйте у красноярцев все подробности, пусть подготовит спецсообщение в Кизляр... Что ты топчешься, как курица перед родами?

- Так это... - промямлил прапорщик.

- Чего это? – сорвался на рык Колыванов.

- Пропал Рубаник, ещё с обеда, переволновался, наверно, когда колонну останавливали, да и день рождения у него сегодня...

- Как пропал, какой день рождения? – сыпал вопросами капитан. – Владимир Иванович, ты у меня замполит или как? Кто должен знать про дни рождения сотрудников? Кто должен контролировать процесс?

Крыть Селезнёву, как говорится, было не чем, хотя вины за ним большой не было, сбило с панталыку контроль за процессом бестолковое боестолкновение со своими же. Он ответил:

- Сейчас организую поиск... Насчёт дня рождения я знал, сегодня на построении собирался поздравить перед строем, насчёт пьянки предупреждал, чтобы не было, вроде бы всё предусмотрел...

- Ну, мужики, - встрял в разговор подполковник, - я так думаю, что у вас проблем и без меня хватает, пора до дому, до хаты...

- Да и я тоже поеду, - поддержал войскового гостя Серов, - в своём конце села прошуршу, авось ваш ходок и найдётся, как говорится, гости дорогие, не пора ли вам пора...

Вскоре гости расселись по машинам и разъехались по своим ПВД.

- Построить всех! – рявкал Колыванов, - вдруг ещё кого не досчитаемся.

При построении выяснилось, что не хватает ещё и водителя сержанта Валька Самохина. Распределил Селезнёв личный состав, свободный от караула, по группам, определил маршруты поиска, старших назначил и направил на поиски охламонов Рубаника и Самохина.

Поиски не преминули увенчаться успехом. Одна из групп обнаружила беглецов в самом опасном районе Анаверди, около Колхозного рынка. Сказать, что бойцы были пья-

ны в зюю, это ничего не сказать, это были уже не люди, а обыкновенный падающий на землю человеческий хлам. Их привели пред светлы очи громовержца Кольванова. Тот, увидев именованника и его славного поделника, просто от возмущения взвизгнул:

- Бутиков, общее построение, пусть замполит поработает с этим говном рода человеческого! А потом их в наручники и спать!

Строились молча, ибо не было человека страшнее в гневе во всём Беломорском МВД, чем «Мягкая мебель». Вид у Рубаника и Самохина в наручниках был плачевным. Они стояли перед строем и смешно покачивались в разные друг от друга стороны. Но никто не смеялся. Солнце от стыда за этих двух милиционеров юркнуло за горную гряду. Сразу стемнело. Караульный на воротах врубил прожектор. Ещё перед строем стояли Селезнёв и Бутиков. Молчание затягивалось. Где-то вдаль зловеще закаркал чёрный ворон. Этот могильный звук, словно разбудил замполита. И тот, зарокотал, сначала негромко, а потом всё зычнее и зычнее, будто казачий хор песню про дубинушку:

- Мало того, что эти два сотрудника милиции самовольно покинули расположение отряда без разрешения выше стоящего начальства. Мало того, что они с оружием, которое могли утратить, шлялись по самым опасным местам Анаверди. Мало того, что обстановка вокруг нашего отряда с местным населением и так напряжённая. Они ещё и позволили себе напиться как свиньи, уронив тем самым в самую грязь светлый образ российского милиционера!

И тут, видимо, не выдержав замполитского праведного напора старший связист лейтенант Рубаник пошатнулся, превысив уровень амплитуды относительно силы земного притяжения, и размахисто, не имея возможности опереться на руки, обраслеченные за спиной, шмякнулся перед строем о землю кавказскую. Форма его как-то уж слишком подо-зрительно звякнула.

Бутиков, словно виевскую фразу «Поднимите мне веки», загробно произнёс:

- Власов, Макеев, поднимите этому... связисту вертикаль!

Бойцы, выполняя приказ, подхватили дряблое тело Василия и придали ему более или менее строевой вид. Селезнёв шагнул к троице и стал обыскивать труженика проводов и азбуки Морзе. Вскоре первая бутылка водки была извлечена на свет божий. Она оказалась не единственной. Отовсюду, откуда только было возможно из-за пазухи, из рукавов, из всех карманов, коих в камуфляже огромное множество, из штанин, из внутреннего кармана бушлата, из бушлатного кармана на спине для капюшона, было извлечено двенадцать полуплитровых бутылок водки. Строй стоял, просто затаив дыхание, каждый мысленно считал количество тары. И тут замполит продолжил про мало того, что:

- Мало того, что эти два разгильдяя нажрались сами, они, как лазутчики ваххабизма, хотели пронести эту заразу, этот самый страшный наркотик для православной души, эту водку, в расположение отряда! Двенадцать бутылок водки! Как только умудрился ты спрятать в себе столько?

И тут Рубаник проявил силу воли, выдавил:

- Мне двасить... двасить восимь исполнилось... день рождения у меня... - и снова сквозь мускулистые руки потерявших бдительность товарищей соскользнул на землю, где и затих окончательно в грёзах о возвращении на родину героем чеченской войны.

В этот самый момент из штаба выскочил разъярённый Кольванов, видимо, наблюдавший всё цирковое представление через засиженное мухами окно из-за маскировочной окраски занавески:

- Разойдись! Все вон! Всех понюхать! Всех! Если ещё кто нажрался, всех уволю из органов!

Окончание истории с апостольской дюжиной водки старшего связиста было ещё более трагикомично, чем сцена с внезапным появлением на подмостках ПВД местного Зевса Кольванова. Наручники с провинившихся сняли, после чего накопивший, видимо, обиду водитель бросился с кулаками за права негров на Бутикова, их вскоре всё равно уложили спать. Рубаника в офицерский кубрик на второй ярус. На первом почивал рядом с буржуйкой на тёплом замполитском месте Селезнёв. Сначала среди ночи ему пришлось вытерпеть то, как долго и мучительно спяну выдаивал из себя сперму старший связист. Но это стерпеть было можно, против природы даже дурак не пойдёт, но когда Владимир Иванович услышал:

- День рожденья у меня, козлы, поняли, поняли... Водку они у меня всю забрали... Ха-ха-ха... Поняли? Хи-хи... буль-буль... хи-хи... буль-буль...

Селезнёв вскочил и молча силой отобрал у упиравшегося лейтенанта тринадцатую бутылку водки.

Страшные новости из Занди

На следующий день командный состав отряда омовцев-северян почти в полном наличии, исключая Бутикова, расквартированного в селении Анаверди ближе к вечеру ужинал под водочку, наконец-то, привезёнными из Кизляра свежими продуктами. Капитан Кольванов и его заместитель по работе с личным составом майор Селезнёв, старшина отряда прапорщик Саня Пронькин и доктор капитан медслужбы Владислав Всеволодович Петров, уже давно прощённый за свою нелепую трусость во время остановки колонны пограничников, сидели в летней времянке, приспособленной под навесом. Стол давненько не был таким щедрым, и лишь поэтому малопьющий в последнее время Владимир Сергеевич разрешил раскатать «беленькую».

Все были заняты едой. Содержимое бутылки уже подходило к доньшкуну. Домовитый доктор торопил события:

- Владимир Иванович, вы какой-то не настоящий замполит.

Селезнёв удивлённо вскинул брови:

- А что такое?

За доктора ответил Пронькин:

- Да вся беда в том, что слишком большие промежутки делаете, между бульками в стопарики, успеваем забыть вкус напитка...

- А-а, вы в этом смысле, - улыбнулся майор, - а то я уж подумал, что тут у нас яйца курицу учить начинают.

Кольванов на корню погасил назревающий конфликт:

- Так, офицеры и младшие офицеры, подкалывать и командовать замполитом тут только я имею права... Так что, Владимир Иванович, наливай по крайней на сегодня.

Селезнёв взял в руки бутылку:

- С превеликим удовольствием, командир, это у нас всегда пожалуйста, не зажавеет.

Разлив остатки водки, спросил:

- Каков будет тост?

Кольванов расплылся в улыбке, чувствовалось, что у него сегодня хорошее настроение:

- Тосты произносить, замполит, это твоя обязанность, но коли у тебя в запасе никакой байки нет, я скажу... - Он встал, все приподнялись следом: - Хочу поднять тост за

наших ребят, которые находятся у нас в отъезде, что-то никаких вестей от них нет, должны бы уже и вернуться, и с краснорядцами что-то связист докладывает связи нет... Так вот пусть их дорога закончится у родного порога и побыстрее!

Все сдвинули стопки, выпили, снова присели стали закусывать. От штабной сарайки подбежал дежурный связист прапорщик Лёва Буйницкий, он, когда волновался, всегда чуточку заикался:

- Товари-ри-щ, капитан, вас из главного управления объединённого ш-ш-таба к телефону, из Кизляра, полковник Балбуцкий требует срочно...

Колыванов поднялся из-за стола:

- Ну, раз требует, Лёва, значит, бегу и тапочки теряю... Владимир Иванович, оставляю вас за старшего, смотрите, чтобы у Пронькина с доктором не появилась бы под столом полторашка чистого, медицинского...

- Будьте покойны, - заулыбался Селезнёв, - услезу, а сам не смогу, стукачи донесут...

Встрепенулся и Владислав Всеволодович:

- Обижаете, командир, у меня спирт только для медицинских целей, а вот хлорочки много, могу на тарелочку отсыпать, чтобы до костей продрало, тоже своего рода – антисептик...

За столом засмеялись, Колыванов вошёл в помещение импровизированного штаба. Не было его минут десять. Начинало темнеть. Доктор сказал зам по тылу:

- Александр Ильич, иди, дай команду, чтобы завели движок.

Тот ушёл, вскоре вернулся:

- Мужики, я ещё дал команду, чтобы дневальные нам банный вагончик натопили.

- Правильно, - поддержал старшину-зампотыла Владимир Иванович, - водка без пара, здоровье на ветер...

И вдруг все увидели Колыванова, который вышел из штабных дверей. В левой руке у него была бутылка водки, которую он держал на манер гранаты за горлышко, будто кого хотел треснуть по голове. Все сразу поняли, произошло что-то страшное и совсем неожиданное. Плечи командира были опущены, он как-то сгорбился весь и тут же вроде усох, перестал быть «Мягкой мебелью». Шёл медленно-медленно, словно нёс за спиной и на плечах непосильную ношу, будто бурлак с картины Сурикова «Бурлаки на Волге». Первым не выдержал Селезнёв:

- Командир, что случилось?

Но его вопрос повис в воздухе. Владимир Сергеевич, молча, доволочка до вкопанной в землю скамейки, тяжело присел и, грохнув водку на крышку дощатого стола, бросил:

- Разлей всем по полной...

Селезнёв выполнил приказ, все взяли стопки в руки, Колыванов сидел, молча, опустив голову, словно рассматривал что-то в своей тарелке. Никто его не торопил. Он поднял лицо со слезами на глазах и твёрдым голосом произнёс:

- Мужики, только что сообщили из ГУОШа, что наши ребята на подъезде к селеению Занди подорвались на фугасе, заложенном боевиками, а так как машина была загружена боеприпасами, в том числе гранатами, и тротильными шашками... Всё детонировало...

Первым от шока очнулся доктор Петров:

- Они живы... Кто-то остался жив?

Колыванов опрокинул в себя стопку и обратился к Владимиру Ивановичу:

- Налей ещё...

Тот выполнил.

- Никого не осталось в живых. Мне сказали, что останки собирали в радиусе пяти-сот метров, необходимо завтра выехать на опознание частей и фрагментов тел, они хотят взять останки ребят в Ростовские холодильники для генетической экспертизы, идентификации и дальнейшего предъявления родственникам... Выьем и помянем, пусть им земля будет пухом и царствие небесное... или как там говорится?

Все молча выпили. Селезнёв снова наполнил стопки. Владимир Сергеевич продолжил:

- Завтра прибудет вертолёт, на опознание полетят доктор и замполит. Мне запретили оставлять отряд. Владимир Иванович, заклинаю, богом прошу, приказываю...

- Слушаю, командир...

- Сделай так, чтобы решение изменили. Я сегодня свяжусь с министерством, чтобы срочно присылали людей на замену выбывшим и похоронную бригаду, чтобы забрать тела наших ребят и отвезти непосредственно в республику. Все положенные экспертизы могут провести и у нас. А то сами знаете, что творится в Ростовских холодильниках, сам чёрт ногу сломит, останки могут безвозвратно потеряться...

Селезнёв кивнул головой:

- Всё сделаю!

Снова молча, не чокаясь, выпили, даже о закуске забыли, водка рта не обжигала.

Саша Пронькин словно очнулся:

- Владимир Сергеевич, нужно бы личный состав оповестить...

- Рано, - не согласился Колыванов, - сидим и ждём официальной телефонограммы. Придёт тогда и оповестим.

Снова разлили остатки водки по стопкам. От штаба к времянке с листом бумаги в руках прибежал Буйницкий. Он даже не пробовал ничего говорить, просто передал листок в руки командиру и, сгорбившись, отправился назад к своим аппаратам связи.

- Кто у нас сегодня ответственный от руководства по гарнизону, - спросил Колыванов.

- Я имею честь... - ответил Владислав Всеволодович.

Капитан взял в руки телефонограмму, прочитал её и положил на стол:

- Иди, строй весь личный состав, не задействованный в нарядах, зачитывать буду...

Когда отряд выстроился в две шеренги, уже совершенно стемнело, монотонно работал движок мини-электростанции, у ворот светил прожектор, небо безучастное к земным радостям и горестям всё было усыпано крупными неродными звёздами. Резко похолодало. С гор дул пронизывающий ледниковый ветер. Всё больше и больше чувствовалось приближение осени даже в таком тёплом месте, как Кавказ.

Десять лет просвета между войнами

На удивление в родном северном министерстве среагировали верно и достаточно активно, для того, чтобы вопрос решился в пользу погибших ребят и их родственников. Да и Селезнёв с доктором не подкачали. Сумели уговорить ответственных лиц из ГУОШа не торопиться с отправкой «груза 200» в Ростовские «холодильники». Вскоре из Беломорья прибыла «похоронная бригада», сопровождающий заместитель министра и люди на замену.

В отряде горестную весть восприняли трагически. Для ребят, в основном относившимся к войне, как к компьютерной игре, гибель товарищей стала неким водоразделом в их собственных судьбах. Оставалось в командировке провести ещё две недели. Они оказались самыми трудными в моральном и психологическом плане. Резко изменилось у северян отношение к местным жителям. Те, чувствуя это, перестали даже приближаться к ПВД.

Колыванов безбожно запил, даже Серову на этот раз не удалось справиться с его депрессией. Командование отрядом полностью упало на плечи Селезнёва. Дотянув до смены, их менял отряд Тюменского ОМОНа, сдав материальную часть ПВД, оставляемую по приказу ГУОШа, собрались в обратный путь. Назад летели грузовым военным транспортом из Моздока, дорога оказалась настолько быстрой, что её почти и не заметили. Проспали весь перелёт, приземлившись в Усольске омовцев встречало почти всё руководство республиканского министерства внутренних дел в полном составе.

Друзья и родственники первым делом рассказали о похоронах в закрытых гробах останков погибших в Чечне Бутикова, Самохина, Власова, Турышева, Митрохина, Петровского, Макеева и Пашкова. В каком из них, а может и в каждом понемногу, нашли упокоение останки красноярского солдата Егорки Непогодьева, одному богу известно. В Беломорье стояла уже настоящая зима со снегом и морозами. На фоне белого снега траурная процессия смотрелась ещё торжественней и печальней.

Селезнёв, сдав оружие и распустив личный состав отряда по домам, тоже направился до дому, до хаты. На душе было погано и безрадостно из-за гибели ребят, из-за того, что замучили «оэсбэшники» своими мерзкими вопросиками по поводу пьянок Колыванова. Ничего им не сказал ожидаемого Владимир Иванович, понимая, что сегодня его спрашивают по поводу Колыванова, а завтра Колыванова будут спрашивать о нём.

Лишь лежавшая в коробке из-под берцев крохотная лохматая Чара грела душу. Жена Марина, конечно же, обалдела от подобного подарка судьбы.

После положенного реабилитационного отпуска в десять дней майор Селезнёв приступил к своим обязанностям. Но только вышел, как его снова стали ненавязчиво агитировать в следующую командировку и снова заместителем командира сводного отряда по работе с личным составом, так как проявил себя сугубо с положительной стороны, только уже в Грозный для охраны Российской дипломатической миссии. Поездка отряда планировалась сразу после Нового года.

Селезнёв не знал, что делать, он бы и поехал, но невесёлую весть и мать, и жена восприняли однозначно отрицательно, обе до истерики. А ответ нужно было давать максимум через пару дней. И лучше если ответ будет положительным. Потому что в те годы первой чеченской войны с «отказниками» особенно не церемонились. Не хочешь нести службу на Кавказе, иди со службы вон, в народное хозяйство. Тем более, с комиссарской должности старшего инспектора бывшего в советское время политотделом нынешнего отдела воспитательной работы. Во всём пример должен показывать... Не знал, что делать Селезнёв, на службу ездил смурой, кошки на душе скреблись. Боролся в ней два мощных посыла любовь к родине и ответственное отношение к воинскому долгу с элементарной семейной корпоративностью.

В этот морозный декабрьский день в «колбасе», совершенно не приспособленно-го к приполярным холодам, венгерского «Икаруса» было особенно холодно. Люди кутались в шубы, из-за воротников поднимался к заиндевавшему потолку пар. Автобус скрипел всеми своими железными суставами. От дома до службы Владимиру Ивановичу было ехать пять остановок. Этим маршрутом он уже, наверное, за годы службы намотал не

один оборот вокруг Земли. В последнее время в «Икарусе» у Селезнёва произошло одно шапочное знакомство с «зелёным» майором. Как друг друга зовут, они не знали, просто здоровались, когда дорога случалась совместной, болтали на ничего не значащие бытовые темы, типа:

- Как дела?

- Да, как сажа бела...

Вот и всё. Вот и в этот раз взгляды их пересеклись. И невысокий, сухощавый майор с большой лысоватой головой, спрятанной под огромную форменную шапку, належавшую на уши, подошёл поближе:

- Привет, что-то случилось?

- Здорово, - нехотя ответил Селезнёв. – У меня, что на лбу написано?

Попутчик улыбнулся:

- Да уж, километровыми буквами... Так что случилось, может смогу помочь?

И Владимир Иванович вкратце рассказал свою историю. Майор внимательно слушал, а когда Селезнёв окончил свою печальную повесть потенциального дезертира, промолвил:

- Значит так, сначала познакомимся, меня зовут Дмитрий Сергеевич Боголюбов, а тебя?

Селезнёв без энтузиазма представился.

- На какой ты должности в министерстве?

- Старшего инспектора ОВР...

- Справки, доклады умеешь писать?

Владимир Иванович удивился:

- А разве кто-то не умеет? А что?

Боголюбов оживился:

- А вот что... Два дня назад у нас в управлении исполнения наказаний ввели новую структуру, вместо оргинспекторского отделения, создаём штаб. Вчера меня назначили начальником штаба, и я подбираю себе людей.

Он внимательно посмотрел на несколько ошарашенного собеседника и предложил:

- Пойдёшь ко мне старшим по особым поручениям, вроде как повышение, оправдываться перед твоим нынешним начальством не придётся, мол, пригласили, а моя хата с краю, мол, я бы и рад в Чечню, но не хочу такую хорошую должность упускать. Ну что, решаешь...

Внутри Селезнёва душа задрожала от внезапно свалившего на него счастья бескровного решения такого сложного, как ещё совсем недавно казалось, вопроса. А ведь это мысль, просто перейти в другую структуру. Вроде бы УИН и в составе МВД, но структура совершенно автономная, своя, как и пожарные. А в Чечню он ещё съездит, если будет необходимость, только, скажем, через годик, чтобы любимые женщины успели успокоиться.

Придя в служебный кабинет, первым делом написал рапорт о переводе и сбегал к Боголюбову. Тот познакомил с начальником УИН, крупным полковником с вьющейся шевелюрой седых волос. На рапорт была наложена положительная виза. Через два дня Селезнёв уже постигал пенитенциарную структуру республики Беломорье.

Карьера Владимира Ивановича в УИНе складывалась почти что безупречно. После трёх лет службы в штабе, он стал на год редактором многотиражной газеты для осуждённых под названием «За честную волю». А потом при передаче функций конвоирования

от внутренних войск УИНам, перешедшим в свою очередь из-под МВД под юрисдикцию Минюста России, был назначен заместителем по работе с личным составом в управление по конвоированию осуждённых.

Надо признаться, что времена выдались для службы замполитом не самые сархарные. Зарплату в конце девяностых служивым людям платили мизерную, никто не хотел идти служить. В конвое, специфическом подразделении, в котором сотрудники были в постоянном непосредственном контакте с осуждёнными жуликами, и постоянно несли службу по конвоированию, на тот момент был семнадцатипроцентный некомплект личного состава. Это аховое положение дел. Зачастую, графики несения службы приходилось составлять так, что сменившийся наряд, несколько часов отдохнув в казарме, так и не побывав в семьях дома, вновь вооружался и заступал на службу. А Селезнёва чуть ли не ежедневно на планёрках в УИНе призывали к ответу за некомплект. И что только он не делал, вплоть до рекламных акций на телевидении и в республиканском и городском военкоматах. Ничего не помогало решить проблему нехватки рядовых кадров.

В конце концов, здравомыслящему Владимиру Ивановичу надоело выступать в роли мальчика для битья, и однажды он сказал командиру и самому себе:

- Да пошли вы все...

И написал рапорт об увольнении по собственному желанию. Однако одного не учёл, что до минимальной пенсии ему не хватило всего ничего потерпеть, полтора годика. Устроился на работу в республиканское министерство образования и высшей школы главным специалистом в отдел капитального строительства по вопросам гражданской обороны и мобработе. И в ус бы себе не дул на мелкочиновничьей должностишке государственного служащего пусть даже на небольшой зарплате, зато спокойной должности. Да у них с Мариной родился долгожданный ребёнок, которого назвали в честь одного из дедушек – Федюней.

Через пару лет стал ощущаться острый дефицит финансовых средств. Марина тогда ещё трудилась за гроши учителем начальных классов в средней школе. Стал Селезнёв задумываться о возвращении на службу. Тем более что к тому времени государство одумалось и значительно, чуть ли ни в три раза повысило служивым денежное содержание и продаёк. Прикидывая заработать пенсию и вернуться в минообраз, задумано, сделано, стал везде, во всех правоохранительных структурах предлагаться в качестве восстанавливающегося, и нигде не пришёлся ко двору. Только в управлении противопожарной службы, к тому времени уже перешедшем из-под МВД под юрисдикцию МЧС России, его взяли на должность заместителя начальника отдела воспитательной работы и психологического обеспечения. Снова Владимир Иванович, восстановившись в звании майора внутренней службы, стал работать с личным составом.

За жизнь получилось, что он послужил в МВД, затем в уголовно-исполнительной системе, а теперь вот и в пожарной охране пригодился. И везде в его руках были судьбы людей, таких разных и таких порой под погонами одинаковых. Одно резко бросилось в глаза Селезнёву, и он сделал для себя конкретный вывод о том, что профессиональная деформация личности более всего происходит у сотрудников исправительных учреждений. На третий-четвёртый год службы эти люди в подавляющем большинстве начинают думать, как жулики, общаться, как жулики, да зачастую начинают и в быту поступать, как жулики. И не их в том по большому счёту вина. Ничего не попишешь, ежедневный тесный контакт с этой категорией человечества не минуемо накладывает свой отпечаток.

Затем в его градации шли сотрудники милиции. На них тоже работа накладывала зримый отпечаток, с одной лишь разницей, что человек мог всю жизнь прослужить в ми-

лиции и ни разу не столкнуться с настоящим преступником. Всё-таки милиционеры больше «живут на воле» и общаются в своей профессиональной деятельности с пока ещё вольными людьми. Не так как уиновские служажки за решёткой «срок тянут свой без приговора». Большую часть жизни, проводя за колючей проволокой. Однако тут был свой бич – снятие напряжения неумеренным водкопитием и стрельбой на даче по мишеням неучтёнными патронами из табельного Макарова.

Сейчас Владимира Ивановича, чем дальше он служил в ГПС, тем больше его удивляли пожарные. Честно говоря, в своей прежней службе он не привык к тому, что между офицерами могут складываться простые человеческие, почти гражданские взаимоотношения, без подсиживания, подстав и стукачества. Это были совершенно иные люди, рядом с ними никто и не задумывается о том, что служба пожарных связана с ежедневным проявлением, совершенно без высокого пафоса, героизма. Такие же взаимоотношения между служивыми людьми были только в армии, во время его срочной службы в Афганистане. А может, плохое забылось, а в памяти осталось только хорошее? И вот они, эти самые пожарюги, относились к своей жизни и участию в тушении пожаров попростому, без героического надрыва, без слюней и восторгов.

- А всё дело в том, - сказал как-то сам себе Селезнёв, - что в МВД и в УИНе давят и борются с людьми. Которых, в конце концов, можно побороть и сломать, и это возвращает сознание, а в ГПС пожарные воюют со стихией, мать её ети, а тут уж кто победит, и куда кривая вынесет, не известно...

На памяти Владимира Ивановича был такой случай, когда в Чечне во время боя боевики подорвали фугасом крытый «Урал» с солдатиками. Машина загорелась. Шёл бой, подъехала пожарная машина, из неё высыпали русские пожарные без бронников и автоматов и стали бесстрашно и спешно тушить автомобиль. Происходило это всё в эпицентре перестрелки. Так вот, ни одна пуля, ни одного пожарного даже не задела. Только спасти они никого не успели, потушив машину, обнаружили в кабине и в кузове несколько обгоревших трупов.

В какой-то момент Селезнёв вдруг ощутил, что ему сложно служить в ГПС. Он так служить просто не умеет, он всегда был готов к подковёрным игрищам, а таких просто не было в природе. Он, родившийся и выросший в прилагерном посёлке, с детства улицей был воспитан по-другому. Ему не хватало борьбы с окружающим миром и победы в кознях. И как только в аппарате МВД образовалась вакансия начальника отдела, Владимир Иванович сделал всё, чтобы перевестись назад на службу в милицию. А там вновь завертелось и закрутилось привычное и обычное: подсиди высшего, клюнь ближнего, нагадь на нижнего...

В МВД необходимо было доказывать свою лояльность службе по-другому. Например, за то, что он получил в срок и по должности звание подполковника, необходимо было отдать долг поездкой в полугодовую командировку в Чечню, куда особенно никто и не стремился. Шёл две тысячи третий год, год на Северном Кавказе неразберихи и бандитского беспредела второй чеченской компании.

Вот, видимо, и настал его срок второй командировки, сразу отдать долг и всё, чтобы потом не тыкали в глаза и за глаза, что многие по десять раз в Чечню смотались, а он, подполковник Селезнёв, был то всего один раз, да и то только в первую проигранную с хасавюртовским треском войнушку. И Селезнёв дал согласие на то, чтобы выехать в составе сводного отряда Беломорьевского МВД в качестве заместителя начальника оперативной группы по работе с личным составом.

Отряд был расквартирован в одной из станиц под Грозным. Война была совершенно другой, не похожей на первую. И каждый день давала о себе знать обстрелами, подрывами, захватами и бое столкновениями с бандформированиями.

Захват боевиков в Чечен-Ауле

Группу немедленного реагирования Беломорьевского ОМОНа подняли по тревоге. Местные сдали боевиков, которые остановились на ночлег в доме на окраине Чечен-Аула. По оперативным сведениям в одноэтажном кирпичном строении засели пятеро бандитов. Во главе пятнадцати человек отряда был уже подполковник Владимир Иванович Селезнёв. Подъехали на двух бронированных уазиках, один из которых в просторечии называют «буханкой». Выгрузились, встретил местный участковый капитан Заза Ахмедов, низкорослый чеченец с широким лицом и длинными сильными ручищами, в которых Калашников смотрелся детской пневматической китайской игрушкой с тем же названием. Он быстро спросил:

- Кто старший?

Грузный и одышливый Селезнёв, чувствуя всем почти двухметровым телом тяжесть армейского бронежилета, вышел из общей кучи своих бойцов, представился:

- Я старший, подполковник Селезнёв, заместитель начальника оперативной группы Грозненского района. С кем имею честь?

В это время со стороны дома с боевиками раздалась автоматная стрельба, прогремел одиночный взрыв гранаты, потом снова стрельба. Собравшиеся инстинктивно пригнулись. Чеченский милиционер коротко бросил правую кисть к козырьку, чувствовался в нём военный ещё с советских времён, единожды вбитую командирами дисциплину годами шариатского безвременья оказалось не перешибить:

- Я местный участковый, капитан Ахмедов...

И он протянул для знакомства руку:

- Заза...

Селезнёв протянул в ответ свою:

- Владимир...

Стрельба со стороны занятого боевиками дома не прекращалась.

- Командировочные значит, - как-то неестественно в складывающейся боевой обстановке улыбнулся Ахмедов.

- Да, сводный отряд милиции особого назначения с Беломорья...

Теперь подполковник в свою очередь коротко спросил:

- Капитан доложите обстановку!

Тот развёл в стороны громадными ручищами:

- Что тут особенно докладывать... Вон тот дом мы отрядом местной самообороны постарались окружить. У меня тут милиции раз, два и обчелся. Я да ещё сержант Каха Зазуев, он сейчас ополченцами руководит. Вооружённых всего десять человек. Боимся, что если рванут на прорыв, уйдут шакалы... Так что вы ко времени... Дом окружён глухим каменным забором в два метра, в этом сложность, вход и выход – один, не очень крепкие железные ворота, задней калитки нету... Одно хорошо, дом стоит чуть в низине, и весь двор просматривается, как на ладони. Сдаваться бандиты не собираются...

- Штурмовать не пробовали, - спросил Селезнёв.

- Нет, конечно, с кем штурмовать, в отряде самообороны одни юнцы, взрослых мужчин в ауле после двух войн совсем мало. Ещё плохо, что у нас гранат нету, а то бы

давно забросали, у них вон есть, в нашу сторону кидают, да не часто, видимо, совсем мало у них...

- Понятно, у нас гранат хоть жопой ешь, - нахмурился подполковник, и, уже обращаясь к своим бойцам, скомандовал, - значит так, разбиться на пятёрки. Один водитель остаётся с машинами, в первой пятёрке старший прапорщик Горанов, во второй лейтенант Полугрудов, остальные четверо со мной. Всем всё понятно?

- Так точно...

- Понятно...

- А раз понятно, Полугрудов, Горанов, берите своих бойцов и по периметру дома рассредоточиться так, чтобы видели друг друга, старайтесь занять высоты, как займёте позицию приготовьтесь по моей команде метнуть во двор по гранате, стрелять прицельно, боеприпасы беречь... Всё, пошли вперёд!

И бойцы помчались, пригибаясь под автоматным огнём боевиков, занимать позиции. Апрельское солнце уже перевалило за полдень, обычной жары не было. Толпа любопытствующих аборигенов затаилась в конце улицы, упиравшейся своим концом в ворота окружённого дома. Перестрелка не прекращалась ни на минуту. Среди оставшихся с подполковником бойцов были два снайпера. Владимир Иванович обратился к участковому:

- Заза, значит задача такая, вот тебе два бойца, сержант Кулиев и старшина Володин, они снайперы ты их сейчас отведёшь одного вон к тому дому, а второго вон к тем сараям, договорись с хозяевами, пусть разрешат им занять позиции на чердаках. Для связи по рации. Кулиев, ты будешь «вторым», ты, Володин, «третьим», я, соответственно, «первым». Понятно?

- Так точно...

- Все передвижения боевиков, если будете наблюдать, сообщать мне сразу же. – И обращаясь к участковому, - С высоты они бандюков вмиг перещёлкают. Сделаешь?

- Какие вопросы, командир...

- Только ты мне за них головой за каждого отвечаешь, понял, чтобы их там самих не порезали и в спину не стрельнули... Осознал задачу?

Капитан только руками замахал:

- Да всё понятно... У нас тут все уже давно мирные жители, никому войны не нужно, только вот эти ишаки свои фальшивые доллары из Грузии отработывают... - и произнёс, обратившись к милиционерам-снайперам, - Ну что, братки, пошли что ли, повоюем...

- Пошли, коли не шутишь, - глянул на него исподлобья Кулиев.

- У-у, ты какой серьёзный...

И они двинулись в указанном подполковником направлении. Владимир Иванович крикнул вдогонку удалявшимся:

- Капитан, и сразу сюда, помозгуем, как их брать будем!

- Понял...

Водитель и два оставшихся милиционера заняли оборону у машин. Подполковник сел в командирский «уазик», отключил блокирующую радиосигнал для возможных фугасов на дороге «Пелену» и связался по рации с дежурной частью объединённой группировки войск и сил МВД России в Ханкале, стал докладывать обстановку. Оттуда сообщили, что в сторону Чечен-Аула уже выдвинулись опергруппа Грозненского УВД, спецназ Грозненской комендатуры и группа омовцев из ханкалинской комендантской охраны, всего около ста штыков. На что, закончив сеанс связи, подполковник вслух сыронизировал:

- Вот-вот будут... Да если к ночи доберутся хорошо будет... Только мешать друг другу станем. Зачем столько войск на пятерых бандитов? Чтобы кучнее стояли, и в них сподручней попасть было...

Пока Заза расставлял по позициям снайперов, в голове Селезнёва родился дерзкий план захвата или уничтожения, как уж по ходу дела получится, боевиков. Автоматная стрельба утихла не надолго, а затем возобновилась с новой силой. Было слышно, как пули разбивают кирпичную кладку и рикошетят по железной крыше. С подполковником оставались ещё два бойца и водитель. Один из бойцов младший сержант Бойко мастерски владел гранатомётом. Как только вернулся капитан, Владимир Иванович собрал всех оставшихся у машин вокруг и стал говорить:

- Ты, Бойко, стреляешь из гранатомёта так, чтобы обязательно попал во входную дверь в дом, сумеешь?

Боец пожал плечами:

- Не сомневайтесь, товарищ подполковник...

- Вот и славно. Затем сразу садись к нам в «буханку». Твой выстрел последует сигналом для остальных, закидать дом и двор гранатами...

Почти одновременно глухо защёлкали «эсвэдэшки» снайперов, и тут же ожила рация:

- «Первый», я «второй», у «духов» один «двухсотый»...

Со стороны дома из окон стрельба усилилась. В сторону ополченцев и милиционеров полетели две гранаты. Селезнёв посветлел лицом:

- Принял, «второй», молодец, продолжайте в том же духе. Конец связи... Я же сказал снайпера сработают, одного духа грохнули... Продолжаю излагать план операции. Далее, после того, как гранаты сработают, мы на «буханке» разгоняемся и кормой вышибаем железные ворота. Таким образом, оказываемся во дворе дома. Начинаем штурмовать его. Как только машина прорывается во двор наши милиционеры и твой, Заза, сержант перелезают через забор, и атакуют дом через окна со всех сторон... Вот и всё. Бандитов, если кто из них ещё будет жив, вяжем...

- Прямо Суворов, - присвистнул участковый, - план принимается без возражений.

Подполковник поднял вверх свой толстый указательный палец правой руки и покачал им:

- Только у меня, Заза, есть одно очень жёсткое условие.

- Какое? - вскинул брови, - участковый.

- Сделай так, чтобы ни один из местных ополченцев, даже не сунулся во двор, чтобы под ногами не путались.

- Это сложно, - вздохнул капитан, - все ведь джигиты... Но сделаю.

- А теперь ты, Максимов, - указал на оставшегося милиционера подполковник, - и ты, Заза, бегом на позицию, довести до всех план операции по захвату дома, и мигом сюда назад. Всё пошли...

Посланцы метнулись к залёгшим вокруг дома сослуживцам и местным добровольцам. Водитель и подполковник сели в бронированную «буханку», Бойко занял позицию и изготовился к стрельбе из гранатомёта. Мотор «уазика» взревел, машина развернулась задом к воротам, готовая к штурму бандитского бастиона. Вскоре вернулись запыхавшиеся Ахмедов и Максимов, они залезли в «буханку» и тоже приготовились к штурму. Не переставая, с обеих сторон стрекотали автоматные очереди. Бойко прицелился и уверенно нажал на гашетку. Снаряд с грохотом вырвался из трубы и ровнёхонько лёг в

дверной проём. Дверь разлетелась в щепки, открыв вход в здание, которое утонуло в дыму.

Во двор и в окна со всех сторон полетели «эргэдэшки». Стрельба со стороны дома практически прекратилась, весь двор заволокло чёрным едким дымом с жёлтыми облаками песчаной пыли.

- Газуй! – заорал, чуть ли не в самое ухо водителю, Селезнёв.

Машина дёрнулась, двигатель заревел с ещё большей силой, Через пару секунд со скрежетом от удара сложились на крыше «уазика» железные ворота, и он проскочил в задымлённый двор. Пассажиры этого бронированного тарана высыпали во двор и бросились к дверному проёму. В этот же миг с забора со всех сторон стали сыпаться атакующие бандитское логово милиционеры. Только слышался общий гул голосов, из которого прорывались отдельные непечатные фразы и слова.

В окна сунулись и застрекотали автоматы. Громовой рык Селезнёва перекрыл общий гвалт:

- Прекратить перекрёстный огонь, заходим в дом!

Штурмующие ринулись в окна и двери строения. В дымном месиве внутреннего помещения началась недолгая рукопашная схватка. Капитан Заза Ахмедов и Селезнёв оказались на мгновение плечом к плечу. И вдруг Владимир Иванович краем глаза увидел, как ствол пистолета в руках одного из духов практически упёрся в бок участкового. С воплем:

- Заза, падай!

Он с разворота пнул правую с пистолетом руку бандита и одновременно навалился всей тушей на капитана, прижимая его к полу. Грохнул выстрел, пуля отчётливо шмякнулась в покрытый линолеумом пол в полуметре от головы Ахмедова. Влетевший в дом за ними лейтенант Полугрудов короткой очередью срубил стрелявшего.

Двое из пятерых бандитов, оставались ещё живы, и они тоже оказали смертельное сопротивление атакующим. Но вскоре духов скрутили в наручники и выволокли во двор. Вынесли во двор и трупы остальных. В доме было обнаружено много стрелкового оружия, боеприпасов, деталей взрывных устройств, а также ваххабитской пропагандистской литературы и сидидисков с выступлениями лидеров незаконных бандформирований и лжемуфтиев.

Выйдя во двор на свежий воздух, Ахмедов кинулся обнимать Селезнёва:

- Брат, ты мне жизнь спас... Теперь век не забуду и буду тебе должник, и все мои родственники тебе всегда помогут в жизни...

Владимир Иванович дружелюбно улыбался и похлопывал участкового по спине:

- Да ладно, Заза, чего на войне не бывает, когда-нибудь даст бог, сочтёмся...

После уверений в вечной дружбе они обменялись номерами мобильных телефонов. «Вот ведь, - подумал Селезнёв, - нежданно-негаданно среди чеченцев обзавёлся братом, мало ли действительно, когда и пригодится...»

Основные силы правопорядка, направленные Ханкалой к месту боя, прибыли как раз в тот момент, когда Селезнёв докладывал об окончании операции. Потерь со стороны местного населения и милиции не было, были только легкораненые и контуженные, но это не потери, это так для девчонок бравада...

Анжелика ЕЛФИМОВА

* * *

Сыктывкару

Не провожаешь и назад не ждешь,
Обута ли, сыта, во что одета...
В упор не видишь, счета не ведешь
Таким как я,
Меня как будто нету.

Знакомимся по новой, но опять
Глядишь в меня, меня не замечая.
При редких встречах, слушай, вдругорядь,
Хоть покраснел бы что ли, я не знаю...

В переводе с коми Игоря Вавилова

* * *

Ты мне не верь, так будет лучше,
Приворожу - найдешь печали.
Мне завтра станет тесно, скучно,
И утром скроюсь в дальней дали.

Не тешь надеждой сердце, ладно?
Тогда и горя не случится.
Все проще.
Ляг со мною рядом,
И ночь пусть долго-долго длится...

В переводе с коми Николая Кузьмина

Тамара ЛОМБИНА

ДАВНЫМ-ДАВНО В ДЕТСТВЕ (рассказ)

Какая чудесная весна! Тепло. Черемуха зацвела, не город, а волшебный сосуд с черемуховыми духами. В такие минуты ощущения полного счастья всегда страшно: долго так продолжаться не может, очень уж хорошо. Я такая молодая, совсем девчонка, но каждому встречному мне хочется сказать о том, что я самый богатый, самый счастливый человек на свете: дома, в кроватке меня ждет чудо-чудное – моя первая доченька. И так хочется, чтобы все-все были счастливы. Люди кругом исключительно красивые и счастливые.

Забылась школа, ушла в прошлое, школьные друзья все реже встречаются на моем пути и вдруг... Петька, Ручкин!!! Я бросаюсь неожиданно даже для себя к этому нелепому и довольно странному человеку. Вот уж я, действительно, смогла оценить скорость нашей мысли: за эти несколько секунд память моя, добрее и благодарнее меня, как оказалось, прокрутила одну из самых больших историй, связанных со школой...

В шестом классе к нам пришла новая учительница математики. Класс, проводив на пенсию свою любимую Юлию Евгеньевну, настороженно молчал.

– Евдокия Михайловна Колужная, – представилась математичка. Она прочитала список учеников, мы все вставали, она внимательно смотрела на каждого, словно фотографируя. Меня она разглядывала, по моему, с особенным любопытством. Я долго стояла под ее взглядом. Это становилось тягостным и, неожиданно для себя, от растерянности я села.

– Что, ноги не держат? – довольно резко спросила она меня. Впервые в жизни я почувствовала неприязнь человека, которого вижу первый раз и с которым, возможно, несколько лет придется встречаться каждый день.

Каждая контрольная при Юлии Евгеньевне у меня превращалась в праздник. Вначале радость преодоления робости перед нерешенной задачей, потом логический поиск и осмысление и, наконец, решение на черновике. Теперь переписать и ждать после уроков, когда же она, любимая Юлия, проверит наши контрольные и объявит оценки. Она нас никогда не мучила до следующего дня, или до следующего урока.

– Ну что? – поднимала она в лучистых морщинках такое родное лицо, делала привычную паузу, мы замирали, – порадовали вы меня бешники (от 6 класса "Б"). И начался наш любимый праздник. Учительница никогда не ставила двоек, их не могло быть, бывало, что она не ставила оценки, говоря при этом, что ей не удалось научить, и она очень переживала это, больше самого виновника.

Непонятная, необъяснимая неприязнь новой учительницы сказалась сразу же на втором уроке, к которому я готовилась, как всегда тщательно и с удовольствием.

–Ткаченко, к доске, – прозвучал резкий голос, от которого мне стало неуютно.

Ребята почувствовали, что перед ними непонятная дуэль, но я ответила все-таки хорошо, не пропали даром уроки Юлии.

– Ну что ж, садись, – протянула Евдошка, так уже мы стали ее называть после первого же знакомства.

Кто имел когда-нибудь тетю, которая работает в той школе, где ты учишься, тот поймет, как трудно приходится племяннице, а у меня было две тети учительницы! Каждый мой шаг контролировался особенно пристрасно: не подведи, не умали авторитета.

На большой перемене того же дня ко мне подошла одна из них, которая с обидой спросила: «Как мне удалось докатиться, – она сделала трагическую паузу, – до тройки?»

– Я не получала троек, – искренне удивилась я.

– Как это не получала, – возмутилась тетушка, – а по алгебре сегодня?

– Нет, – пришло время удивляться мне, – у меня был хороший ответ, это какая-то ошибка.

После шестого урока в класс вошли Евдошка и моя тетя, которая к моему несчастью, была еще и моим классным руководителем.

Евдошка прошла к столу, а тетя села на последнюю парту.

– Это просто беспрецедентный случай, – как-то непонятно начала она, а у меня отчего-то упало сердце (а еще говорят, что предчувствий не бывает), – меня сегодня обвинили во лжи... Встань, Ткаченко.

Я поднялась, пытаюсь вспомнить какую-нибудь провинность.

– Итак, я значит поставила тебе, Наталья, три, в то время, как ты ответила на пять, так? – грозно сдвинула она брови.

– Так, – совершенно бесхитростно ответила я, и этим на какое-то время смутила Евдошку, но она гримасу смущения умело заменила гримасой возмущения.

– Пусть скажет класс, кто из нас лжет.

Я повернулась не столько за этим подтверждением, сколько просто за поддержкой к классу, но вместо лиц увидела затылки. И только маленький головастик Петька Ручкин, самый слабый ученик класса смотрел на меня... Повисла тягостная тишина. Все молчали.

Неожиданно для всех на своих кривых ножках поднялся Петька и сказал: "Она отвечала хорошо. Это точно!"

– Значит, мы с классом лжем, а Ткаченко и, с позволения сказать, этот отличник, как там его, – Евдошка нарочно долго стала искать фамилию Петьки.

Это стало похоже на пытку, только больно было не телу, а душе.

– Его фамилия Ручкин, – почувствовав какую-то необычайную отвагу, сказала я.

– А ты, лгунья, молчи, – отрезала учительница. И отчетливо прошептала, повернув лицо в сторону Петьки, – заморыш.

Вот так кончилось мое увлекательное путешествие в страну математику, навсегда. Мне теперь очень жаль, что ее красота осталась для меня терра инкогнито.

Уже позже я узнала, что Евдошка была маминной одноклассницей, которая не могла простить маме того, что маму, а не ее полюбил мой папа, а я была дочерью ненавистной соперницы. Вот, оказывается, как просто открывался этот ларчик. Только все равно грустно.

Мы идем по городу, на нас оглядываются прохожие. Я, – нарядная, яркая и счастливая, – бросаюсь на шею нелепому маленькому человечку, каких называют в городе бомжами. Он пытается сбежать от меня.

– Ты что, Петька, не узнаешь? – возмущаюсь я.

– Нет, я вас узнал, – отвечает он почему-то шепотом. Но я навязываю ему свои сумки и веду к себе. Он выглядит так, как обычно выглядят вернувшиеся из тюрьмы или бездомные люди. Петька страшно стесняется себя.

– Девушка, все в порядке? – спрашивает меня какой-то парень с богатырским разворотом плеч.

– Все прекрасно, – отвечаю, – вот одноклассника встретила. Смотрю в обветренное лицо Петьки и вижу, что у него дрожат губы, и вижу, что его левый глаз почему-то изуродован бельмом, и вижу, что он дурно одет, и вижу, что он не очень чист, и вижу, что он мне так же рад, как и я ему, и помнит то же, что и я.

Одноклассник мой, что тебя сломало?

Александр НЕКРАСОВ

ПИСЬМО С ОТВЕТОМ

В.Д. Сюткиной

Мне стало от твоих стихов светлей,
Теплее на душе, как летом:
Как будто через много дней
Пришло письмо с ответом.

А в том письме – любовь, любовь...
Свиданья до рассвета,
Где сердце чувствует без слов:

Душа душой согрета.

Как будто я под дождь попал,
Что льёт весенним ливнем.
И вспомнил, как о ней мечтал –
Любимой и счастливой.

Я ждал и ждал. Её всё нет.
Забыл мечтать об этом.
И, прожил много-много лет,
Пришло письмо с ответом...

7 июля 2010 года

СКАЗКА-БЫЛЬ

Попросила ты у Бога
Счастья и любви.
Повела тебя дорога
В небеса мои.

Загорелись звёзды ярко,
Освещая путь,
Где под радужною аркой
Днём цветы поют.

Велико небес участие,
Благодарной будь!
Наша встреча – нам на счастье,
А не на беду.

Я давно просил у Бога
Счастья и любви.
Их теперь у нас так много,
Боже, сохрани!

10 июля 2010 года

СОЛОВЕЙ

Я заливаюсь пред тобой, как соловей,
Преподаю руладу за руладой.

И кажется, что от любви моей,
Пни оживают, расцветая садом.

Я каждый день целую синь небес,
И, словно с другом, обнимаюсь с солнцем.
И потому, что ты на свете есть,
Мне так легко и радостно поётся.

Бегут, как дети, звонко ручейки,
Стремясь стать взрослыми, как реки...
Мы друг от друга были далеки,
Могли не встретиться вовеки.

И может, ты, услышав Божий глас,
Из сердца выплеснула строки,
И мысль любви, как звёздочка, зажглась,
Ведя друг к другу дни и ночи.

Я заливаюсь пред тобой, как соловей,
Преподнося руладу за руладой...
Всё потому, что без любви твоей
Мне ничего, наверное, не надо!

Сергей КОКОРИН

НАРДЫ

Есть древняя игра, зовётся нарды,
И в ней свои удача и расчёт.
Поют игре куплеты наши барды,
Но не узнать какой случится счёт...

Ложатся фишки чёрные и белые,
Как день и ночь, как Янь и та же Инь.
И в поле нард, как в поле жизни смелые
Есть смысл земли и неба та же синь.

Мой друг умело кубики кидает,
Ему всегда идёт «крутая» масть.
Ведь если дубль три раза выпадает,
Считай игра достойно удалась.

Я проиграл ему уже два раза,
Не отпускает ввевшийся азарт.
Азарт – такая страшная зараза,
Что не помогут проигрыш и фарт!

Игра прервалась, и досада гложет...
На огонёк зашёл знакомый «мент».
Вот так и жизнь всегда прерваться может
Внезапно и в один любой момент.

А наша цель - лови за хвост удачу,
Смелей, быстрее делай важный ход.
Пусть где-то там Фортуна горько плачет,
Мне всё равно по жизни повезёт.

Владимир ГОГОЛЬ

КРАСНОЕ ПЛАТЬЕ И БЕЛЫЕ РОЗЫ (повесть)

Привиделось Семёну, что он умирает. Он знал о том, что умирает, внешне был спокоен, но всё сознание его, всё естество, когда-то здорового крепкого мужчины протестовало, сопротивлялось. Живой ещё организм тянулся к жизни, цеплялся за неё остатками сил. Но, этих сил уже давно не хватало. Даже медикаментозная поддержка уже была неэффективна.

Семён болел давно, безнадежно. Эту болезнь под названием рак человечество лечить, ещё не научилось.

Иногда боль отпускала без укола, тогда он, как ему казалось, ободряюще поглядывал на жену, мол, ничего, выкарабкаюсь! Со стороны это выглядело вымученной гримасой. Жена приникала к нему поближе:

- Что, Сёмушка? Чего-то хочешь сказать?

«Сёмушка», - усмехнулось его, на миг просветлевшее сознание. Только смолоду так и называла, потом больше – Сеня, Сенечка, это в постели, когда в раж входила. Господи, как давно это было, будто век назад, будто в другой жизни.

Видимо кричал, боль подкралась незаметно, резанула, полыхнуло в мозгу, сверкнуло молнией! Вот сестра и укол всадила. Поплыло перед глазами, всё потемнело, боль отпустила. Странно, быстро отпустила, такого раньше не было. Новое лекарство, что ли? Так легко, спокойно стало, даже радостно, отчего-то. Давно забытое чувство. Не было повода для радости. А сейчас эйфория какая-то, лёгкость! Видимо, сильный наркотик, это его действие, - подумал Семён. И вдруг он явственно увидел себя, да, своё тело, лежащее на больничной кровати, вернее не лежащего, а в положении полусидящем. Так ему было удобнее последнее время. Жена с медсестрой заботливо устроили его в такой позе по его просьбе. Тогда он мог ещё о чём-то просить.

Что это с ним? Высохшая мумия, лицо желто-синее, нос заострился, глаза смотрят в одну точку, не моргая. Руки, лежащие поверх синего больничного одеяла, вытянулись вдоль тела. Не руки, а две безжизненные палки.

Рядом жена на табуретке сидит, склонилась над ним, плечи судорожно подрагивают, плачет. Медсестра прибежала в палату, встала в ногах его кровати, тоже плачет. Врач подошла. Успокаивает жену:

- Отмучался он, сейчас ему легче уже.

Кто отмучался? Да это же о нём говорят, это он на больничной койке вытянулся, это ему сейчас жена ладоною глаза закрывает.

Странно, глаза она ему закрыла, а он всё видит. И как плачет она молча, сдерживая рыдания, и как молоденькая медсестра выскочила в слезах из палаты. Видит и то, как врач, милая душевная женщина, столько сил приложившая и участия к каждому больному, и сейчас поглаживает его жену по плечам, успокаивает, слова говорит какие-то. Ей и самой-то не сладко, когда люди умирают, которым она от всей души хотела помочь, но не смогла.

Тело перевезли санитарки в «общую», в мертвецкую, положили на оцинкованный стол, которых здесь было с десяток. Накрыли простыней опять же с головой, опять же наружу торчали жёлтые исхудавшие ноги, теперь уже с биркой. На соседних столах под простынями лежали ещё два чьих-то тела.

И тут Семён обнаружил, что он видит какие-то мерцающие силуэты в темноте мертвецкой. Да! Это были души тех двух тел. Одна душа была мужского пола, другая женского. Как он их различил, самому непонятно. Силуэты лиц, только лиц, без тела. Да и лица в одной плоскости, зыбкие такие, как газообразное облачко, но со своими очертаниями. Они уже освоились тут, даже перекидывались какими-то фразами. Семёна они тоже приметили. По крайней мере, ему так показалось, что они дружелюбно посмотрели на него, как на вновь прибывшего.

- Отмучался? - спросил его мужской голос.

- Да! – Семён услышал как бы эхо своего голоса.

- Вот и славно! – прозвучал хрипловатый женский голос. И добавил – знала бы раньше, что так легко и свободно станет после физической смерти, не цеплялась бы так за жизнь. Сколько времени, сил и мучений потрачено впустую!

В мертвецкую вошли какие-то мужики, переложили тело на каталку и вывезли в другое помещение. Там на столе стоял гроб, обитый красной материей, с чёрными траурными оборками лент по краям, с белоснежным нутром, с маленькой подушкой в головах. Туда и положили тело Семёна. Вышел мужчина врач в своём халате салатного цвета, передал жене Семёна, теперь уже вдове, какие-то бумаги, сказал пару дежурных фраз и удалился в свой кабинет. Гроб с телом вынесли на улицу, погрузили в фургон. Семён наблюдал за всеми этими процедурами, передвижениями, отмечая каждую мелочь, но как-то отстраненно, бесчувственно, что ли. Он просто фиксировал в своём сознании события и всё. Для этого, ему не приходилось прикладывать ни каких усилий, просто он следовал за своим сознанием, что воспринимало в данный момент оно, туда он и перемещался. Ему не служили преградой двери, стены, потолки, те условности, которые при жизни доставляли немало хлопот. Он парил вместе со своим сознанием, или скорее ещё подсознанием, так как в полной мере он ещё не ощутил своего нового положения.

Гроб с телом выгрузили у подъезда его дома, занесли в квартиру на второй этаж. Установили на стол, стоящий посреди большой комнаты, служившей им «залом». Потом увезли на кладбище.

Гроб с его телом стоял на двух табуретках у самой могилы. Могила была устелена еловым лапником. Вокруг толпился народ. Говорили какие-то слова, высокопарные речи. Представитель месткома, представитель коллектива. Женщины плакали. В сторонке уже накрывался поминальный стол, с водкой, бутербродами, пластиковыми стаканчиками.

Прощание закончилось. Крышку возложили на гроб, крепкий молодой парень несколькими ударами молотка забил заранее наживлённые гвозди. Этот стук молотка звонко разнесся по округе. Вдова взвыла в голос, рядом хлюпали носами детишки-сироты. Их успокаивали, давали понюхать нашатырь, отвели от края могилы. Под траурную музыку гроб опустили в могилу, народ ритуально сбросил по горсти земли в могилу, далее своё дело завершили молодые работники кладбища. Быстро заполнили могилу землёй, нарастили холмик, установили памятник-временку, красную тумбу с пятиконечной звездой и фотографией покойного, под которой белой краской на красном фоне стояли даты рождения и смерти. Фотографию Семён узнал. Это он последний раз фотографировался на паспорт, когда ему было сорок пять лет. Вышел он на этой фотографии очень удачно. Хотели ещё портрет заказать, да всё опять же недосуг как-то было.

Неожиданно для себя, Семён оказался в могиле, в гробу, рядом со своим телом. Зачем ему это понадобилось? Всё внимательно осмотрел, почувствовал, если можно так сказать, атмосферу, в которой осталось его тело навечно. Удовлетворённый, выбрался наружу. Народ выпивал, не чокаясь за помин его души, за землю, чтобы пухом была, за вечную память. Говорили хорошие слова в его адрес, каким хорошим человеком он был, как его всем не будет хватать, как тяжело будет вдове с двумя ребятишками. Многие её подбадривали, обещали помощь в случае чего. В общем, всё, как обычно в таких случаях.

Вскорости кладбище опустело. Семён, ещё не понимая почему, остался здесь, что-то его не отпускало. Было смутное ощущение, что здесь он на месте. Неужели мне всё время быть здесь, недалеко от моей оболочки. Здесь тихо, спокойно, но скучновато будет проводить тут вечность. Хотя....

На территорию кладбища втягивалась новая траурная процессия. Впереди несли гроб с телом привлекательной женщины. Лицо её было спокойно, свежо и румяно даже. Впечатление такое, будто бы она спит. Искусство макияжа, подсказало Семёну сознание. В ногах покойной находилась призрачная душа.

- Привет, - окликнула его эта женская душа.

Это же та, из мертвецкой, опять вынырнуло сознание.

- Привет, красавица! – откликнулся Семён.

- Ха, нашёл красавицу, - жеманно откликнулась женская душа. Видел бы ты меня при жизни. Вон, взгляни на фотографию, это одна из самых удачных, - хвастливо заявила душа. В это время она прямо засияла, засверкала от длинной фразы или ещё от чего-то.

Да, на фото была роскошная молодая девушка, сходство с лицом покойной было, но на фото ей было лет двадцать, а возраст покойницы Семён не взялся бы определять. Женская душа откликнулась на его мысли:

- Не парься! Моя жизнь закончилась в сорок четыре года. Это написано на памятнике, чего уж сейчас скрывать....

- Хорошо выглядишь! Даже не истощилась за время болезни.

- А у меня по-женски заболевание было. Там всё зависит от стадии, от операции.

Кому как повезёт. Я недолго мучалась, вот в теле и осталась. Остальные по-разному, кто худеет, кого разносит, как бочонок, – она хрипло хохотнула. При этом гримаса её осталась неподвижной.

- Чему веселишься? – не удержался Семён.

- Сама не знаю, лёгкость какая-то непривычная, эйфория! Может, следствие наркоти, которой пичкали последнее время, или это постоянно так будет. У тебя не так, что ли?

- Да, всё так. И лёгкость, и эйфория, ощущение полёта.

- Так мы же летаем! Пока! Увидимся!

Процессия свернула с центральной аллеи. Семён опять вернулся к своей могиле. На кладбище не было пустынно и безлюдно. Кое-где на могилах колопились люди. Кто-то подкрашивал облупившуюся оградку, поправлял памятник, скамейку, столик. Где-то, на ещё свежих могилах, народ молча выпивал, затем шёпотом, в полголоса размеренно разговаривал.

Семён обратил внимание, что там, где на могилах были люди, всё время присутствует какое-то свечение, небольшой мираж. Где-то ярче, где-то более тускло. Люди не обращали на это внимания, они этого не замечали. Они не замечали, что души покойных, присутствовали при их визитах. Если люди занимались хозяйственными заботами, души тускло наблюдали за происходящим, они начинали «оживать», светиться ярче, когда поминали их имена, когда люди начинали разговаривать с ними, как с живыми существами. Происходила незримая связь между ними. Люди, выговорившись, чувствовали некоторое облегчение, они не знали о присутствии души, они несли свою, невыплаканную боль, своё горе сюда и, здесь, в кладбищенской тишине, выплёскивали это, а души воспринимали это, хотя чувств уже не испытывали. Воспринимали сознанием, почти равнодушно.

- Что, философствуешь? – прозвучал рядом голос с хрипотцой. Это была душа Анжелы, имя её Семён прочитал на памятнике.

- Зови меня просто Лика! Я так привыкла при жизни. Хорошо, Семён!? – не то спросила, не то попросила Лика.

- Хорошо! – ответил Семён, и опять удивился своему голосу.

- Ты, Семён, наверное, при жизни пел хорошо, - хохотнула Лика.

- Пел немного, когда в компании. А, почему ты об этом спросила?

- Голос у тебя приятный!

- А мне он таким не кажется, непривычный какой-то.

- И я свой не узнаю, эхом звучит!

Помолчали.

- Как всё прошло? – из вежливости спросил Семён.

- Нормально. Всё как у всех, как всегда, - ровным, спокойным тоном ответила Лика.

- Пополнение прибыло, - раздались сбоку, от ближайшей могилы, звуки, напоминающие дребезжание крышки эмалированного закипевшего чайника. Сгусток мерцающей массы, напоминающей лицо с явными признаками удивлённой маски, приближалось к ним. От могилы уходили два людских силуэта. Юноша, лет семнадцати, поддерживал под руку женщину лет сорока, одетую во всё чёрное.

- Свеженькие? – протребезжала удивлённая душа мужского рода, и продолжила:

- Игорь! Девять дней у меня сегодня. Вот, жена с сыном приходили, побеспокоили.

- Почему побеспокоили? – спросила Лика.

- Привыкайте, - с покровительственной ноткой в дребезжащем голосе, ответил Игорь, - каждое посещение ваших могил, это беспокойство вашего пребывания, вывод вас из состояния покоя, безмятежности. Хотя, вы ещё этого в полной мере не успели ощутить. Да и я тоже, - грустно протребезжал Игорь.

- Вам проще немного, вы и освоитесь быстрее, - вновь заговорил новый знакомец.

- Что у тебя с голосом? Почему так дребезжишь? – спросила Лика.

- Удавкой меня.... – Игорь помолчал и добавил:
- «Бомбил» я на своей машине, прирабатывал. Денег вечно не хватало, а тут сына учить надо было, за институт платить. Вот, я вечерами и тачковал часа по три-четыре. Вечером посадил парочку, парня с девушкой, повёз на окраину, а там.... Удавку на шею, потом ножом добили. Если бы сразу умер, ничего бы с голосом не было, а так, горло повредили, а убили ножом, вот от того и голос такой. Пел при жизни хорошо, на гармошке, на гитаре играл. В самодеятельности выступал, дипломы, грамоты были, а теперь вот такой дребезгун....

- Ладно, заболтался я с вами! Завтра увидимся.
- Что, опять здесь будешь? – спросил Семён.
- Нет! – продребезжал в ответ Игорь. Завтра вы там будете, там и увидимся.
- Где там? – переспросил Семён, но Игорь уже их покинул и светящейся точкой взмыл вверх, вертикально, плавно, но быстро.

- Ты что-нибудь поняла? – спросил Лику Семён.
- Что тут непонятного, - хохотнула Лика. Всё поэтапно, сегодня здесь, завтра там, у врат Петровых. На распределение, кому куда. Разберут наши грехи-добродетели по косточкам и определяют, кому ад, кому рай будет приютом.

- Ты веришь во все эти поповские сказки? Ты верующая? В церковь ходила, молилась?

- Да какая я верующая, - хохотнула Лика. В церкви пару раз была, из любопытства. Не понравилось! Какая там вера? Попы жирные, откормленные самцы, так взглядом и раздевают, аж слюни пускают. Помню, когда креститься ходила, подружка подбила на это дело, батюшка так меня по щеке гладил, по головке, что возбудился сам наверняка. Для этого и рясы у них придуманы, чтобы не заметно было. Но, меня, уже многоопытную женщину, не проведёшь! Он это понял, скомкал быстренько обряд, меня головой в котёл с водой окунул, всю причёску испортил, глаза размыл. Похоть свою он в эту купель спрятать хотел.

Лика помолчала, затем, вздохнув как-то по-бабьи, если этот всхлип можно было вздохом назвать, продолжила:

- Ещё пару раз ходила от безнадёги. Первый раз, когда диагноз свой узнала, второй раз – перед операцией. Как я тогда молила Господа! И откуда слова взялись? Ничего не помогло, никто меня не услышал! Сейчас и сама не знаю, есть Бог, или нет его. Всё равно мне! Это при жизни было страшно. Теперь то чего бояться? Муки там все придуманы телесные, котлы, сковородки там всякие. Чего варить они собрались? Нет тела моего, в земле оно зарыто, и я его не чувствую. А я вот она, бестелесная, чем сковороду раскалённую лизать буду? Языка-то нет! – Лика опять хохотнула с какой-то бесшабашностью.

Семён не мог для себя объяснить, как они оказались у могилы Лики. Да и не волновало его это. Просто отметил про себя, что они на её могиле. Памятник у Лики стоял, хоть и временный, но посолидней, чем у Семёна. Это был прямоугольник из нержавеющей стали, с портретом в одном и крестиком в другом верхнем углу. Могила была сплошь укрыта венками с лентами, указывающими своими надписями, от кого тот или иной венок. Как будто это имело какое-то значение. Возможно, и имело, для тех, кто этим хотел выразить свою скорбь, память, соболезнование. Как-то нелепо это всё смотрелось в отсутствие людей. Слабый ветерок и вороны, налетевшие на пиршество из оставленных на могиле продуктов, разметали, спутали ленточки с надписями, разбросали цветы с обломанными ножками.

- Завтра придут, поправят всё, - сказала Лика.

- Кто придёт? – не понял Семён.
- Не знаю точно! Родственники, знакомые. Ну, как принято, приходите на следующий день после похорон. И к тебе придут....

Действительно, утром на могиле у Семёна была целая делегация. Жена, дети, родственники жены, несколько её сотрудников. Семён пристроился на памятнике, возле звезды, выкрашенной бронзовой краской. Посетители заботливо расправили ленточки на венках, поправили подсохшие буртики могильного холмика, зажгли свечку, налили стопку водки, прикрыли куском хлеба и поставили в чайное блюдечко возле памятника. Жена тихо всхлипывала в платочек. Даже в горе своём она была тихой и старалась никого этим не обременять.

Делегация дружно, за исключением детей, выпила за усопшего раба божьего Семёна. Опять все говорили хорошие слова о нём, сочувственные слова вдове. Звучало: «Бог дал – Бог взял!», «Отмучался!» и опять сочувственно вдове: «И ты отмучалась! Почитай целый год по больницам! Легко ли это!».

Выпили по второй. Загомонили, заговорили погромче. Видимо, хорошо вчера меня поминали! – прикинул Семён. Вон, как на свежие дрожжи их растащило!

- Звезда-то как сияет на памятнике! – воскликнул кто-то их посетителей.

- Неужели меня приметили? – подумал Семён. - Да, нет! Это солнышко так осветило свежеевыкрашенную звезду!

Разговор людской слился в единый монотонный гул. Они выпили ещё, стояли, закусывали из принесённых с собой чашек-плошек. Только вдова с обступившими её детишками, молча стояли у свежей могилы. Им не было никакого дела до остальных, как, впрочем, и остальным до них.

- Да, чужое горе за своё не примешь! Чужую беду – руками разведу! – так сознание Семёна отреагировало на ситуацию.

С момента прибытия посетителей на свою могилу, Семён ощутил какое-то бремя, груз какой-то привязанности, какую-то связь с прошлым, с тем временем, когда он жил. Это было какое-то виртуальное чувство, даже не чувство, а непреодолимая тяга, раньше неведомая. Эта тяга глушила ту лёгкость, к которой он так быстро приспособился. Такое ощущение Семён испытывал, пока посетители не ушли. Он машинально проводил их уход. Нет, не взглядом, а сознанием-подсознанием, в чём он ещё не успел разобраться. Он всё воспринимал как бы со стороны, хотя так оно и было, но это было не взглядом со стороны, а восприятием событий нереальных, происходящих где-то и с кем-то, но вроде бы, как не с ним. К тому надо было привыкать.

После ухода посетителей, Семён почувствовал прямо-таки невесомость, опять вернулось ощущение эйфории, только многократно усиленное.

- Привет, Семён! Как всё прошло? – это Лика, совершая круги вокруг него, прямо-таки щебетала.

- Нормально! Чего опять веселишься?

- Тяжесть отпустила! Ощущение потери лёгкости меня растревожило. Наверное, так будет, когда нас будут навещать. Место встречи – наши могилы.

- Сообразительная ты!

- Мы, женщины всегда быстрее вас, мужиков, соображаем. Только не всегда нам это выгодно показывать. Сейчас-то что уже..., - и Лика опять издала звук, отдалённо напоминающий вздох сожаления.

- Чего это ты присох к памятнику своему? Никуда он теперь не денется! Меня так и тянет ввысь, сильнее, чем все эти дни.

- Меня тоже! – признался Семён.
- Ну, что, помчались! Что там ждёт нас? – Субстанция Лики засветилась ярче, уже не мерцая, а светясь ровным ярким светом.

Семён понял, что с ним происходит то же самое. И они вознеслись! Не было скорости, не было ощущения полёта, сопротивления среды. Не свистел ветер, не было никакого напряжения. Просто переместились и всё! Исчезло то, увеличенное ощущение лёгкости, на смену ему пришло привычное, обычное, к которому за это время стали относиться, как к само собой разумеющемуся состоянию.

Там, куда они вознеслись, царил полнейший хаос. Хаос перемещений! Перемещались мерцающие, светящиеся субстанции, души людей, покинувших свою оболочку, а вместе с ней и тот мир суеты, забот, хлопот, неразрешённых проблем, незавершённых дел и массу всего прочего, что уже не имело никакого значения.

Перемещения происходили спонтанно, в том пространстве, что было возможно охватить сознанием, было несколько ярусов. Души пересекали эти ярусы, свободно перемещались из одного в другой, перемещались вдоль и поперёк каждого яруса. Различия пространства этих ярусов отмечались разными цветами зыбкого пространства, от бледно-голубого, до синего, до цвета аквамарин, затем переход в слабые зелёные тона, далее в розовые, жёлтые.... Неземная такая палитра красок. Непривычные переходы одного цвета в другой. Если применить такое понятие, как горизонт, хотя слабо оно сюда подходило, то в одну сторону эти ярусы, с удалением, принимали более светлый окрас своих тонов, а в другую сторону, наоборот, темнели.

Семён с Ликой застыли в том месте, куда они вознеслись. Рядом перемещались души. В одиночку, парами, целыми толпами, вереницами. Кто-то исчезал из поля сознания, только успев появиться. Кто-то появлялся снизу. Некоторые из вновь появившихся душ застывали, осознавая, что с ними происходит, другие сразу перемещались выше по ярусам.

- Привет, новички! – раздалось уже знакомое дребезжание Игоря. – Я так и знал, что вы здесь застрянете!

- Привет, Игорь! Что это? Где мы? – спросила Лика.

- Это наше, а теперь и ваше вечное пристанище!

- Это и есть загробная жизнь?

- Нет! Понятие жизнь – понятие временное! Жизнь заканчивается смертью! А здесь вечное ваше пристанище. А то, что вечно, не может быть жизнью! Да вы не пытайтесь сразу во всём разобраться! Всё будет происходить постепенно, поэтапно. Оглянитесь, осознайте, чего вам хочется сейчас, что вас устроит.

- А Бог, он есть? Он здесь? Апостол Пётр, Ад и Рай существуют? – спросил Семён.

- Нет! – ответил Игорь. Здесь всё иначе, чем то, о чём говорят на Земле служители разных религий, сект, общин и прочего. Сами поймёте!

- Здесь все вместе, и грешники, и праведники? – спросила Лика.

- Скоро сами всё поймёте. Я ведь тоже здесь недавно. Всё самое страшное в вашей судьбе уже произошло и карта судьбы уже закрыта. А здесь вы сами себе найдёте место, которое будет вам соответствовать. Спектр очень широк и многообразен. Так же и ваш выбор.

- Привет, Игорь! – раздался рядом юношеский ломающийся басок. Ярким пятном светилось, намного мерцая, симпатичное юношеское лицо-душа.

- Привет, Юрочка! – продребезжал в ответ Игорь.

- Это что, свежие души?

- Да, они наши соседи по кладбищу. Я их вчера обнаружил там.
И, уже обращаясь к Семёну и Лике, Игорь продолжил:
- Это Юра! Он уже здесь давно. Я виновник его смерти. Невольно, - добавил Игорь.
Юра никак не прореагировал на слова Игоря. А тот продолжал:
- Сбил я его машиной, он в больнице умер, не приходя в сознание. Не видел я его, когда он из-за автобуса вышел. Глупо всё как-то произошло, быстро, непоправимо. В тюрьме сидел я за это. А вину свою до смерти чувствовал.
- А он знает об этом, ну, что это ты его убил? – спросила Лика.
- Знаю! – вклинился Юрий. – Что из того? Здесь это не имеет значения. Да скоро вы сами это поймёте.
- Да, Юра с вновь прибывшими душами может так разговаривать, а вообще-то здесь всё по-другому. Скоро сами поймёте.
- Всё время говорите, что скоро сами всё поймём. Как скоро?
- Скоро! – ответил Игорь.
- Куда вам теперь торопиться? Вы в вечности! – философски добавил Юрий, и покинул их, переместился в другой ярус.
- Осознавайте, осваивайтесь, перемещайтесь, находите более комфортную нишу для себя, - сказал Игорь. И добавил:
- До встречи! Увидимся! – затем плавно двинулся в сторону по ярусу, в ту сторону, где цвета были наиболее тёмными.
- Слушай, Семён, мне и так тут комфортно, легко и спокойно. Что ещё искать, перемещаться?
- Это вам только кажется! – раздался женский мелодичный голос откуда-то сверху. – Я вот уже почитай, как год по земному времени выбираю, всё мне не так, всё не по мне. Маюсь, мечусь туда-сюда, успокоиться не могу.
- Ничего, выберешь! Успокойся! Меньше будешь таскать с земли дурной энергии и успокоишься, - голос сбоку прозвучал назидательно, и удаляясь.
- Вот, так всегда! – опять мелодичный голос сверху. – Выскажется набегу, возразить не успеешь, а она уже исчезла.
- Да не исчезаю я, - вернулся голос. – А твои возражения мне ни к чему. Ты и сама всё прекрасно знаешь, понимаешь, только ноешь ты зря. Говорила тебе, не ходи на землю в неурочный час, не слушаешь, вот и маешься.
Голос исчез, как и появился, внезапно.
Сознание Семёна выхватило этот диалог, немного подержало в себе, затем весь смысл услышанного стёрся, исчез, как ненужная информация. Действительно, сколько в пространстве этом мыслей, фраз толкётся одновременно, хаос! А сознание вытаскивало и удерживало только ту информацию, которая ему была интересна. Он слышал параллельно щебетание Лики, только до какой-то поры он его не воспринимал. Только сейчас сознание отобрало для него ликины возгласы:
- Семён, давай вместе держаться. Хотя бы первое время. Мне так спокойнее, хорошо!?
- Хорошо! Вдвоём веселее! – согласился Семён.
- Давай прогуляемся, посмотримся, что мы зависли тут как два зонда гидрометцентровских?
- Давай!

Они двинулись вдоль своего яруса в сторону, где им казалось светлее. Они не прилагали никаких усилий, только сознание руководило ими. Они плавно двигались, как бы по

какому-то невидимому течению. Встречные души могли проходить сквозь них, так же и они двигались, не обходя препятствий, проходя сквозь встречные души, сквозь скопление душ. Всё было эфемерно, призрачно, зыбко, но спокойно и равномерно.

- Лика, а куда подевался тот мужчина, с которым ты была в мертвецкой, когда меня туда привезли? – вдруг, неожиданно сам для себя, поинтересовался Семён.

- Он из другого города, его родственники домой забрали хоронить, - ответила Лика.

Не успела она закончить фразу, как рядом раздалось:

- Привет! – И возник светящийся силуэт, который был тогда в мертвецкой.

- Привет, Михаил! – первой отреагировала Лика. – А мы только что о тебе вспоминали!

- Видимо, поэтому я и рядом с вами.

- Это Семён! Мы с ним соседи!

- Я узнал вас, Семён! Как вам тут?

- Пока непонятно много, а так всё очень даже нравится. Легко, спокойно. Вот, решили оглядеться. А вам как всё это?

- Тоже пока ещё не всё понятно, но ощущения такие же.

- Не понятно им, - проворчал стариковский скрипучий голос и исчез. Затем вернулся и добавил:

- Вот, побудете с моё тут, всё узнаете, только зачем вам это.... И опять исчез.

- Не обращайтесь внимания на него, он вечно ворчит, - раздался звонкий, явно девичий голосок. – Разрешите представиться, я Женя!

Рядом с ними перемещалось приятное девичье личико-душа, светясь каким-то особенным, розоватым светом.

- Я уже довольно давно тут, всё знаю. Если вас что-то интересует, я могу поделиться.

- Спасибо, Женя! – быстро ответила Лика. – А это не пойдёт нам во вред? Может, нам надо всё самим постигать?

- Да вы и будете всё сами постигать! Просто многие теряются первое время, от земных привычек держаться вместе не могут долго отвыкнуть. Нет, это не мешает ничему и никому. Только так вы долго в новичках проходите. – Женя звонко рассмеялась, - хотя, «новички» - это тоже земная привычка.

- Женя, почему ваш свет разительно отличается от остальных? Ваш лик, прямо, как земной! Розовый, цветущий! Радует сознание! – спросил Михаил.

- Невеста я непорочная, - с грустинкой в голосе ответила Женя.

У женщин есть интонация, отражающая чувства, пусть не в полном земном спектре, но различить можно, - отметил про себя Семён.

- Да! – ответила ему Женя. – Женские и мужские души отличаются этим. Мы сохранили немного эмоционального окраса вечного бытия. Особенно это заметно, когда мы начинаем обращаться к земному прошлому. Вы, мужчины, всю свою земную жизнь старались сдерживать свои эмоции, проявления чувств, даже тогда, когда они вас переполняли. Ваша сдержанность отражена и в фибрах вашей души, поэтому вы так отрешённо реагируете на всё. Женщины более эмоциональны, много негативной энергии выплёскивают, не держат её в себе, поэтому живут ровнее, дольше их век на земле.

- Говорят, что женщины дольше живут потому, что у них нет жён, - решил пошутить Михаил.

- У многих мужчин тоже нет жён, но жить на земле дольше от этого они не смогли. Не увеличился их биоресурс, их жизненный срок!

- Только из-за того, что ты невеста непорочная, так отличаешься от других? – продолжил начатую тему Семён.

- Нет, конечно! На это есть много причин! Вскоре вы сами всё узнаете! Есть души гораздо светлее моей. Душа принцессы Дианы – это вообще алый бутон! – с заметным восхищением произнесла Женя.

- Привет! – тут же раздалось рядом. – Опять, Женечка, расписываешь мою душу новичкам? – Рядом высветилось алое, переливающееся лицо-душа принцессы Дианы. Оно имело мимику, оно чуть заметно улыбалось. Да, улыбнулось и исчезло.

Женя засияла ещё ярче:

- Вот, так всегда! Только мельком! Слишком большая связь у неё с земным прошлым, много народу чтит её память, хранит любовь к ней в своих сердцах и от имени её творят благие дела земные.

- Вот так можно вызвать любую душу, одним воспоминанием? – удивилась Лика.

- Да! Вы же вызвали Михаила! – Женя опять громко рассмеялась. – В земной жизни спиритизмом не увлекались? Только там это во много раз слабее. Да и вызова не все ждут! Кого вызывают больше всех? Исторически известных личностей! Наполеон, Пушкин, Мать Тереза очень популярна, Ванга. Вот я их тут поминаю, а не торопятся. Занятия очень! Всё время в этих сеансах приходится им участвовать, на дурацкие вопросы отвечать. А люди этого не знают, или не понимают, до сих пор хотят своё будущее узнать. Чего его узнавать? Для всех живущих оно одинаково.... А этим душам успокоения нет, терзают их делами земными. Ко всем не успеть, кто понастойчивей, тот и добывается ответа!

Семён отметил про себя, что здесь, куда они переместились по ярусу, гораздо светлее, чем в том месте, куда они вознеслись с кладбища. Да и что-то в нём самом, в его сознании, изменилось. Почти исчезло ощущение беспричинной радости, ликования. Стало просто спокойно, уравновешенно, ощущения получили сбалансированность, устойчивость, если это понятие имело право здесь на существование.

Рядом парящая Лика, отвечая его ощущениям, воскликнула:

- Хорошо то как, - и запнулась на полуслове.

- Что, Господа хотела помянуть? – рассмеялась Женя. – Многие поминают, некоторые ищут его, спрашивают у всех. Каждый своего Господа Бога ищет, а его-то и нет. Сколько ликов старцев всяких принимали за Господа, сколько душ младенцев за ангелочков принимали! Пустое это всё! Души поповские всех мастей тут особняком держатся. Растерянные они! Многие истово верили, душевно! Страхи земные, на чём любая вера зиждется, они на земле и остались! Там, в людском водовороте судеб, на совести тех, кто это порождает, сеет в умы человеческие, вместо того, чтобы созидать, чтобы познать научно, прогнозировать развитие человечества, улучшать жизнь тех, кому ещё не вышел жизненный срок. Нет! Как возобладали этот принцип управления через страх людской, так незыблемо и правит до сих пор. Всё на страхе замешено, ради власти, богатства, величия! Как дамклов меч висит это проклятие страха животного над каждым смертным, и только смертью освобождает его от этого кошмара.

Во время этой тирады, Женя засверкала, как первая звезда на ночном небосводе.

- Откуда это в тебе, Женя? Для таких рассуждений ты ещё совсем дитя, - тихо спросила её Лика.

- Здесь информация доступна всем! Вы заметили, что здесь нет языкового барьера? Тот старец-ворчун вещал вообще на каком-то мёртвом для земного понимания языке. А принцесса Диана, она что, по-русски с нами общалась? Нет! Здесь вообще нет понятия

языка, потому, что никто не говорит, все общаются путём передачи мысли. Кому нужна эта мысль, тот её и поймёт, осознает, а кого это не касается, того и не коснётся. Та телепатия, о которой знают живущие – это тоже отголосок такого способа общения, только слишком слабо развитый, не у всех и не всегда даёт о себе знать. Иногда это приходит к живущим отсюда, к тем, кто помнит, с кем ещё сильна обратная связь. Мы многое ещё можем отсюда, но не всегда вмешиваемся в дела земные, каждый по своим принципам. Скоро вы сами это поймёте! Для своего спокойствия вы привыкнете абстрагироваться от остальных ощущений, от отголосков переживаний, воспоминаний, от привычных земных забот. Вам сейчас кажется, что вам всё по барабану, то, что происходит на земле, в том мире, где вы провели свой жизненный срок. Но это не совсем так. Вы ещё не привыкли к ощущению новизны, вы ещё только познаёте своё новое состояние, оно вам непривычно, и это на какое-то время оттесняет то прошлое, из которого вы пришли. Скоро сами всё это поймёте! А пока осваивайтесь, не стесняйтесь спрашивать, если возникнут вопросы! А они возникнут! Не обязательно спрашивать кого-то конкретно, вся информация витает вокруг вас. Задав просто абстрактный вопрос, вы тотчас получите ответ, который, возможно, витает вокруг уже не первый век, и адресован он не вам конкретно.

С этими словами Женя резко взмыла вверх.

Сколько он находился в таком состоянии, он не представлял, да и зачем это ему....

Голос Лики вывел его из этого состояния:

- Балдеешь, Семён?

- Да! Состояние удивительное! Полное раскрепощение, отрешение от всего. Так, даже после уколов наркотой не было. Там был перехлёст, какая-то беспричинная радость, или наоборот, тихая тоска. А здесь ощущение стабильности, именно то, чего так много времени не хватало! – И, немного помолчав, Семён добавил:

- Всю жизнь!

- Вот, об этом Женя и говорила! – вмешался Михаил. – Долго ещё мы будем земными мерками мерить!

- Ну, и что? А что у нас есть, кроме прожитой жизни? Пусть у каждого она своя, пусть кончина наша с вами похожая, но жизнь-то своя прожита! И я не хочу её так быстро забывать и сбрасывать со счетов. Может, это было самое лучшее моё состояние! Я чувствовала, любила, наконец! Я была всем нужна, на меня мужчины внимание обращали! Вот ты, Семён, ты видел мою фотографию, где я ещё до болезни! Ты бы прошёл мимо, там, на земле, отказался бы поухаживать за такой красавицей? Отвечай!

- Знаешь, Лика, не в обиду тебе будет сказано, но я при жизни не падох был до женского пола. Были в компаниях и красивые, и доступные женщины, но меня это не особо трогало. Видно, родился я таким однолюбом, таким и помер.

- Бывает! – многозначительно вставил Михаил. – А мне ты сразу понравилась, когда тебя только привезли в мертвецку.

- Вот уж! Что там-то могло понравиться? – недоумённо фыркнула Лика.

- Не скажи! Чувствовалась в тебе истинная женская натура, истинная красота, хоть и скрытая гримасой от болей, мучений и страданий. Мужчина всегда это чувствует, на уровне подсознания.

- Слушайте, а мы сейчас на каком уровне? Вы не ощущаете никаких перемен, в настроении, в разговоре? Да и внутри меня чего-то изменилось.... - Семён прислушивался к своему сознанию, к своему ощущению.

- Точно! Что-то происходит! – Михаил прямо заискрился, да и Лика тоже засветилась гораздо ярче.

- Поакkuratней с ярусами! – раздался сверху насмешливый женский голос. – Впали в нирвану, не заметили, как под нижним ярусом оказались, вот земное и всплывает в вас. Э-хе-хе! Новички! – голос исчез внезапно, как и появился.

- То-то душ здесь не встречается, - высказался Семён.

- Пошли этажом выше! – хохотнула Лика.

Так и сделали. Оказались точно в том месте, куда и вознеслись первоначально.

- Всегда и будете сюда возвращаться! – послышался чей-то голос.

- Почему? – успел спросить Семён.

- Это ваш вход в пристанище, он неизменен. – Ответил уже другой голос.

- А где Михаил? – успела спросить Лика, как тот тут же засветился рядом с ними.

- У тебя свой вход в пристанище? – спросила она его.

- Видимо так....

- Вот ещё один ребус нам ясен, - Семён обратил внимание, что яркость их потускнела. – Под ярусом мы светились гораздо ярче. Вы оба, это точно!

- Да и ты не отставал, как светофор польхал, - хмыкнула Лика.

- Почему в той стороне темней, посмотрим, что там, - предложил Михаил.

- Конечно! – чуть не в голос ответили Лика и Семён.

Не было ощущения, что они окунулись в темноту. Встречные души и души, идущие в том же направлении светились по-разному. Встречные души приобретали видимые очертания при близком приближении, и продолжали набирать свет. Попутные души, наоборот, теряли свою яркость, тем больше они тускнели, чем ближе продвигались к темноте этого яруса. Да и темнота сгущалась. Нет, этого не ощущалось, сознание всё воспринимало с той же определённой чёткостью, только гул информационный стал гуще, беспокойнее, временами прерывистый и резкий.

Семён ощутил сначала лёгкое беспокойство, хотя причины для этого внешне не наблюдалось. Беспокойство росло и крепло. Видно было, что и Михаилу было не по себе. Только Лика уверенно перемещалась в направлении темноты без каких-то признаков беспокойства. Затем и она потускнела, замедлила своё продвижение:

- Что-то мне, мальчики, нехорошо, тревожно, беспокойно стало. Давайте вернёмся!

- Хорошо! – хором ответили мужчины.

На обратном пути они не заметили, как проскочили то место, где у Семёна и Лики был вход в вечное пристанище. Они остановились только тогда, когда вновь обрели спокойствие и равновесие душевное. Да, да, душевное равновесие, из которого они были выбиты этим кратким походом.

- А ведь Игорь пошёл в ту сторону, - вспомнил Семён.

- Каждый выбирает по себе, - тут же откликнулся Игорь и засветился рядом с ними. – Вы перемещались мимо меня. Я тут недалеко был. Вы же углубились в темноту, видимо за ней, - он сверкнул чуть более ярко в сторону Лики. Затем продолжил:

- Вы не старайтесь быть всё время вместе, это ни к чему. Каждый в отдельности обретёт свой покой, найдёт свою нишу успокоения. У всех она разная, одинаковых душ нет. Вы ещё долго будете в состоянии мятущихся душ, пока обретёте вечный покой. Пока всё не пройдёте, все ярусы. Вам захочется всего попробовать, разного состояния покоя, но каждый обретёт только то, что он хочет. Это не так просто, как кажется на первый взгляд. Я этого ещё не испытал, не далеко от вас душа моя. Много мне Юрий поведал. Чем меньше мы тут мечемся, тем спокойнее нашим близким в их жизни земной. Когда мы успокоимся, определимся, тогда и им спокойней будет. Связь такая крепкая, пока память людская крепка, пока нас помнят, любят. А коллективно обрести покой гораздо сложнее,

вы так и будете смешивать свои ощущения с чужими. Ведь вы, мужики, почувствовали тревогу гораздо раньше, чем Лика, но продолжали следовать за ней, вопреки своим ощущениям. Вы доверились её ощущениям. Ну, Михаила можно понять, он и на земле ни одной юбки не пропускать, инерция. А вот ты, Семён, чего потащился так далеко? Стадное чувство? Ты не заводской ли? Больно въелось в тебя это чувство коллективизма!

- Фабричные мы, - выдавил из себя, немного обескураженный Семён.

- Всё едино! Привыкли там за жизнь всё гуртом решать и делать!

- А что в этом плохого?

- Ничего плохого, кроме того, что мозгами перестаёте думать самостоятельно при жизни, и тут в стадо сбиваетесь. Трудно вам придётся на первых порах! Вы пришиблены будете этой свободой, этим покоем, как освободившийся из зоны зека на первых порах. Я то это знаю! Всканивал месяц в одно и то же время, побудку боялся проспять. От кошмаров просыпался по ночам, жену тревожил. Так и ты, Семён, долго будешь отходить от жизни земной. Освоишься здесь, устаканишься, и затоскуешь! Тут легче всего привыкают, и покой обретают души творческих личностей. Дух свободы им ближе, они и при жизни были в душе свободны. Всяк по-своему, конечно. Чем больше свободы в их душах помещалось при жизни, тем быстрее они осваивались здесь. И в тот тёмный угол они всё чаще заглядывают, острых ощущений ищут. Лика, ты кем при жизни была? Чем занималась?

- Актриса я! Так, местная знаменитость в узких кругах, - усмехнулась Лика.

- Вот, Семён, видишь, какой вам разный покой нужен! – Игорь помолчал, затем всё тем же ровным дребезжащим голосом продолжил:

- Вы при жизни были разными, в одном небольшом городке жили, а не пересекались, наверное? Ты, Семён, часто в театр ходил? При жизни видел Лику?

- Один раз, теперь я вспомнил. В оперетту ходили с женой. Ты, Лика, в красном бархатном платье тогда была.

- Всё, что запомнилось, это красное бархатное платье, - хохотнула Лика.

- Нет, конечно, но платье больше всего! Ты просто царица в нём была! Я тогда ещё подумал, вот бы моей жене такое платье! Только куда она в нём пойдёт? На фабрику? Что там делать в таком наряде! Хотя, ей бы пошло! Ещё помню, что пела там ты очень весёлое что-то. А сейчас вот с хрипотцой голос то у тебя. Тогда чисто пела, звонко!

- От химии это у меня! Как химию прокапали, так голос и сел....

- Мы не под ярусом опять, всё о земном начали, - проявился Михаил.

- Нет, в ярусе! Утро видимо, на земле, вот в этом ярусе и проявляется земное по утрам, связь усиливается. Вы выше ещё не поднимались?

- Нет!

- Так, давайте, поднимемся! Для сохранения большего покоя! И вообще, первое время вам лучше подальше от земных воспоминаний держаться. Вас и так будут беспокоить в урочное время.

- Это как?

- Да просто всё! Девять дней, сорок дней, полгода, год, вы же это знаете! Вот, будут вас поминать, отвлекать от покоя и благодати.

- Они же там как лучше хотят!

- Да, темнота и серость это людская. Они же там про ад и рай думают, на своих весах взвешивают, кто из вас, куда способен попасть, своим, людским запоздалым судом. Этого-то они не ведают, как и мы с вами не ведали, пока жизненный срок не кончился. Ладно, скоро сами всё это поймёте. Пойдём этажом выше!

И что это сразу сюда не поднялись, - так сознание Семёна отреагировало на впечатления от нового яруса. Напряжение, возникшее от разговора с Игорем, исчезло моментально. Вернулся покой, душевная лень. Сознание тоже тормозило, вяло перебирая впечатления от встречающихся душ. Информационный гул не воспринимался совсем. Лица отделились в одну сторону, Михаил в другую, Игорь совсем выпал из сознательного ощущения. Каждый обретает свой покой, - всплыло из подсознания у Семёна.

Это он думал, что отфильтровал информацию. Однако это было не так. У него стали всплывать в сознании какие-то образы, совершенно ему незнакомые, вначале обрывки, затем более стойкие и яркие куски. Ощущение вспоминания сна, который прервал по будильнику, не вспомнил о нём в утренней суете, и только по прошествии какого-то отрезка времени, вдруг, как оглоблей по голове: сон в своих самых ярких красках настаивает, а с ним и сильное желание поделиться с кем-нибудь. Так и сейчас, он пытался понять, осознать, откуда всё это, как попало в его сознание?

- Это ты попал во всеобщее мировое сознание, вот тебе и кажется диким, что столько нового в тебе открылось, - голос был ровен, невозмутим и поучителен. – Ещё способен ли ты переварить всё то, что тебе сейчас доступно? Всё зависит от тебя! Где свой покой обретёшь, на сколько светел твой разум. Нет, не о грехах говорю, как тебе подумалось. Всё это на земле осталось. Просто здесь всё! Насколько ты готов к этому своему новому, непривычному ещё ощущению, как всё воспринимать будешь. Покой по-разному понимают все. Кто вечно наслаждается, отмахиваясь от всего, кто-то продолжает философствовать, но уже в свете новых ощущений. А есть и такие, кто земных дел не завершили, недорешали каких-то проблем, те своим кругом собираются, спорят, доказывают всё чего-то. Они в этом покой свой видят.

Семён так и не понял, кто это его просветил мимоходом.

- Не бог, это точно! – хохотнул тот же голос и замолк.

Конечно, Семён ещё не освоился, недавно он сюда попал, многое ему ещё неизвестно, но разговаривать с собой, как с мальчишкой....

Многое познавалось быстро, усваивалось незаметно, информация воспринималась только та, которая была доступна по уровню земного развития, которое являлось как бы базовым.

Прошло немало времени, отсчёта Семён не вёл. Здесь не было утра, вечера, ночи. Было одно и то же состояние безвременья, вечность. Первый раз он вспомнил о времени, когда его что-то растрожило, нарушило состояние покоя, нарушило ход его философски направленного сознания. Ему стало чего-то не хватать, что-то мешало. Незаметно для себя он очутился в первом уровне, затем под ним и далее на своей могиле. Девять дней! Да! Вот жена хлопчет у могилы, что-то поправляет, чего-то шепчет. Дети тут же, стоят, не зная как себя вести, не зная, что делать. А что можно делать на кладбище, у могилы отца через девять дней после его кончины? Они ещё не осознали до конца всей горечи утраты. В их детском сознании ещё никак не укладывается, куда, почему, зачем? Мать попросила старшую сходить по аллее к водоразборной колонке, ополоснуть стеклянную банку под цветы и набрать воды. Та, даже обрадовалась, что занятие нашлось, и младшая за ней потянулась.

Семён всё это наблюдал.

Когда дети ушли, жена не выдержала, заплакала навзрыд, прислонилась к памятнику пирамидке и, заглядывая в лицо Семёна на фотографии, запричитала. Негромко, но внятно, горячечным шёпотом:

- Сёмушка! Сенечка, родной ты мой, любимый ты мой! Как тебе там? Где ты, мой ласковый, мой надёжный? Плохо нам без тебя! Мне плохо, детям плохо! Кошка и то до сих пор о твои тапочки трётся и на дверь поглядывает. Всем нам плохо без тебя, Сёмушка! Ой, как плохо! Жить бы тебе ещё и жить! И за что нам судьба такая? Не увидишь ты, как девочки вырастут... Горе то, какое с нами приключилось, Сёмушка!

Жена плакала, причитала, поглаживая фотографию Семёна, заглядывала ему в глаза, как бы ища ответа, поддержки. Что можно найти в кусочке фотокартона, пусть и передающем образ любимого человека? Только его прижизненный взгляд в объектив, его улыбку, навеки замершую на губах. А этого слишком мало для любящего человека.

Пришли дети, поставили принесённые с собой цветы в банку и к матери с двух сторон прилепились, принялись утешать её, как могли. Просили не плакать, а то опять разболится голова, опять таблетки пить, а то и «Скорую» вызывать придётся. Успокаивали-успокаивали, да сами же и разревелись. Так и стояли, обнявшись, хлюпая носами, обливаясь слезами.

Семён всё это наблюдал. Отметил для себя, что-то, от чего он почти отвык, земное, чувственное сознание напоминает о себе. Как-то издавек, сквозь пелену забытья стало пробиваться что-то похожее на чувство, чувство жалости и сострадания к этим родным существам, скорбящим о его утрате. Скорбящим искренне, безутешно, безысходно.... Он с удивлением отметил это чувство, не более того.

К могиле подошли ещё люди, родственники жены. С цветами, с сумками. Выразили вдове своё сочувствие, возложили цветы, раскрыли сумки. Водка, вино, бутерброды.... Опять говорили много хороших слов о безвременно ушедшем Семёне, заканчивая свой спич словами: «Пусть земля ему будет пухом!», или желая ему царствия небесного.

Семён отметил про себя, что ни того, ни другого просто не может быть, но они ведь этого не знают.

Пробыли недолго «визитёры», стал накрапывать дождь и они засобирались. Жена в последний раз оглянулась на фотографию Семёна и последней вышла на аллею, ведущую к выходу кладбища.

Семён готов был уже вознестись в вечное пристанище, но зрелище удаляющейся фигурки жены и рядом идущих детей не отпускало, привораживало своей тоской. Картинку усугублял усиливающийся дождь. Они даже шагу не прибавили, будто не замечая дождя, шли ровно и медленно. Про такую ходьбу говорят: ноги не несут.

- Привет, Семён! – рядом раздался голос Лики. – Вот, и мои так же плетутся. Наревелись, расстроились, сейчас ещё промокнут. Твои раньше пришли, да и побыли дольше.

- Какая разница! – отозвался Семён.

- Нам никакой! Это им нужно. Мне только хуже от этого стало. Всё ноет, беспокоит что-то. Только отвыкать стала от земного, а сейчас опять беспокойство. Их не утешить, ничего им не поведаешь, только напугаешь.

Помолчали. И, не сговариваясь, вознеслись. Остановились на первом уровне.

- Что-то меня как будто беспокоит, забытое земное, что ли....

- Да и со мной что-то не в порядке, - ответил Семён.

- Земное ещё в вас сидит. Ещё не скоро выветрится. А у вас и подавно, парой вам суждено всё пройти, это вдвойне тяжелее. В одиночку проще, – голос произнёс это на одной ноте и потух.

- Да, - грустно произнесла Лика, - всё у нас с тобой в один день и час будет. Сороковины, годовщина....

- Что в этом плохого? – спросил Семён.

- А ничего плохого и нет! – с вызовом ответила Ли́ка. – Вдвоём веселей! С тобой твои разговаривали?

- Да, жена! Говорила, как любит, как им плохо без меня. Кошка и та тоскует.

- А ты? Подал какой-нибудь знак, что слышишь, что ты там с ними был?

- Нет! Не хотел пугать, девочки у меня ещё маленькие.

- Ну, и правильно!

- А твои разговаривали с тобой, Ли́ка?

- Да! Все хором возмущались несправедливостью судьбы, такая красавица в рассвете лет ушла. Всё это я слышала на похоронах своих. Тогда интересно было! Сейчас – скучно! – помолчав, добавила: вот, и покой возвращается. А ты как, всё ещё в связке с земным?

- Ещё да! – признался Семён.

Опять ровный и монотонный голос произнёс:

- Надо было пообщаться немного, ответить. Не так бы сейчас самому, да и им тяжело не так бы было. Они поймут, не испугаются. Ответы на свои вопросы получают и успокоятся. В следующий раз отвечай....

Много чего узнал Семён в вечном пристанище. Перемещался из уровня в уровень. Наблюдал, интересовался. Понял, что это вечное пристанище околоземное, лишь малая частица всего этого вечного пристанища космического, межгалактического и ещё какого, на размеры и восприятие которого у него не хватало фантазии. Сама планета Земля была песчинкой в том мире, а человек считал, что это центр космоса. Да, так считают земляне, пока они живут такой жизнью, пока они не могут заглянуть дальше, чем видят в свои примитивные телескопы. Да и видят они только то, что могут в этом плоскостном измерении. Всё вокруг гораздо оживлённей и интересней. На той же Земле проживают ещё несколько цивилизаций, о чём земляне и не подозревают. Лишь иногда, случайно натолкнувшись на что-то непонятное, человек начинает вещать о чуде, о каких-то сверхъестественных силах, выдумывая и фантазируя. Обычно, если такие встречи и случались, то человеку просто зачищали память, так как прочие, живущие на Земле цивилизации, более развиты и в своём физиологическом развитии, и в техническом. Человек до сих пор остаётся на самой нижней ступени развития в цивилизованном мире.

Остальные цивилизации прошли этот путь гораздо быстрее. Они расселились по другим планетам, некоторые были вообще продуктом других планет, других галактик. После смерти, выработав весь биоресурс, они все попадали в вечное пристанище. Как они выглядели при жизни, представить было сложно. Информация об этом была доступна в вечном пристанище, но базовой платформы сознания у Семёна не хватало для создания этих образов. Всё сводилось к каким-то банальным фигуркам зелёных человечков с антеннами вместо ушей.

Семён понимал, что это не так, но представить то, чего никогда не видел, о чём имел только теперь информационные сообщения, из этих обрывков образа не складывалось. Нет, ну и нет. Не в этом дело. Зато, сколько интересного узнавал Семён постоянно. Порой ему не верилось, что такое может быть, вернее не укладывалось в его сознании. Он знал теперь, что таких галактик, заселённых цивилизацией, около пятидесяти миллионов. Что в каждой галактике устроено всё не совсем так, как в той, где его родная планета – Земля. Что есть галактики, где планета, похожая на их Солнце, то есть «горячая» планета, совершенно белая, брызжащая искрами-кометами и размером больше Солнца в несколько сот раз. А где-то вообще нет такой горячей планеты в своём составе, там несколько десятков «тёплых» планет, которые ведут себя относительно друг друга по иным физиче-

ским законам, то, приближаясь одна к другой, как бы передавая своё тепло более остывшей планете, то, отдаляясь от неё, уступая место другой.

Некоторые галактики вообще имели по две-три планеты огромной величины с постоянной энергетической массой, с постоянной температурой, с общей оболочкой газовой атмосферы. Глобальность всего этого нового на первых порах поражала Семёна, пока он, освоившись с новым ощущением лёгкости перемещения в пространстве, не стал путешествовать не только по уровням пристанища, но и делать более далёкие вылазки. Вечное пристанище было всюду! Более привычен, конечно, свой, околоземный виток уровней. А витки Сатурна были настолько плотно заселены душами, что это принималось землянами за газообразную оболочку. Там существовал такой плотный поток информации, да ещё незнакомой и сложной для восприятия его сознанием, что Семён там долго не задержался. Скучно ему стало там. Это как первоклашке в аудитории университета на лекции по сопромату – первые яркие впечатления, а потом скука от непонятной информации.

Понравилась Семёну Луна и её обитатели. Да, Луна обитаема и сейчас, но видно, что были и лучшие времена на этой планете. Информация её обитателей была для Семёна более доступна, чем у других цивилизаций, за исключением землян, конечно. Так, Семён узнал, что Луна была обитаема существами похожими на людей, что земляне сейчас просто повторяют путь развития лунной цивилизации и приведут Землю к такому же плачевному состоянию, что и Луна в её теперешнем облике. Такие же пустынные ландшафты ожидают Землю в будущем, если другие цивилизации вовремя не вмешаются. Человек – единственное живое существо во Вселенной, которое возомнило себя невесть кем и чем, и приспособливает природу под себя, круша и ломая всё на своём пути, нанося непоправимый вред своей планете. Все остальные приспособляются к условиям жизни, а человек всё приспособливает под себя, для своего временного блага, комфорта, не понимая, что так бесконечно продолжаться не может. Поэтому и этот оазис – планета Земля, обречён на глобальные изменения или уничтожение. Вопрос времени!

Покой и нирвана длились недолго. Любопытство сознания перевесило. Оно стало впитывать в себя всё подряд, схватывая любую мысль, но, фильтруя из этого хаоса мыслей, обрывков чужого сознания, чужого опыта, знаний, то, что прозвучало бы как правила нахождения в Вечном пристанище. В сознании Семёна отложилось, что земная жизнь – это далёкое прошлое, она закончилась. То, как это случилось, почему, не имеет никакого значения. Всё! Возврата к биологическому существованию нет!

Только сейчас Семён понял, что жалости о прошлом не осталось. И не потому, что ему стало спокойно, комфортно. Нет! Просто он осознал, что вся эта суета земной жизни – прах, ничто! Не о чем жалеть! Даже какие-то мелкие успехи в его жизни, достижения не могли радовать его, как и грустить он не мог. Пустота! Только его сознание и новые ощущения привлекали. Общение с другими душами не требовало напряжения, каких-то усилий. Сознание оставляло ту информацию, которая его интересовала в этот момент. Хотя, какой момент? Времени здесь не существовало. Семён для себя ещё во многом не определился. Что из себя представляет это Вечное пристанище? Космос? Нет! Сознание сразу отреагировало на этот вопрос. Космос – это лишь часть той Галактики, которую видят люди, знают о ней немного, и всё! Эта Галактика, только песчинка в том, что создано Природой в этом мире. Сам Мир гораздо обширней, он безграничен.

Но какой-то край должен быть? – сознание Семёна продолжало мыслить категориями землянина. Должен быть у всего свой размер, формы, очертания, границы. Нет! – снова и снова отмечало сознание. Скоро ты это поймёшь. Иначе бы не было Вечного пристанища. Оно одно, для всего Мира! Здесь собрано всё, что принадлежит Миру! Весь

опыт всех живших когда-то телесной жизнью и имеющих разум. Разум, обогащаясь знаниями, превращаясь в сознание, сохраняется Миром в Вечном пристанище для дальнейшего развития разумных существ в Мире! Это очень сложно до сих пор для человеческого сознания, но есть существа разумные, которые превосходили человека в своём развитии, для них это более понятно, привычно. Они при жизни готовы были к этому, они не дорожили своей оболочкой, как человек, понимая, что это лишь миг в сравнении с вечностью. Поэтому и жизнь свою строили по-другому. Поэтому и жизненный срок их превышал средний срок жизни человека в три-четыре раза.

Да, они неоднократно посещали Землю, наблюдая за развитием человека, перенимая у человека то полезное, на что они не хотели тратить своё серое вещество, энергию своего жизненного разума. Они жили сотнями лет рядом с человеком, не боясь быть обнаруженными, так как жили в параллельных микромирах, недоступных человеческому разуму. Иногда они так плотно соприкасались, что самые наблюдательные из рода человеческого, всё же могли их обнаружить. Точнее не их самих, а следы их пребывания. Странно тогда поступали люди! Они пугались неизведанного, запугивали всех остальных! Вместо того, чтобы изучать и постигать, люди выставляли запреты, карали смертью насильственной, мучительной. Сами оставались в неведении, а пополняли Вечное пристанище душой с неординарным сознанием, чем и пользовались другие.

Люди, сами того не понимая, соблюдая только свой незыблемый покой земной, сохраняя свою мнимую власть, обогащали Общее сознание Вечного пристанища. Они прижизненно отнимали у человека право на свою точку зрения, они штамповали Общее сознание на Земле, передавая его из поколения в поколение как догму, не давая новым людям развиваться, не давая постигать Мир. Человек приходил в этот Мир слабым и беззащитным, таким же и уходил порой. В промежутке учился ремеслу, то есть способу выживать, добывая материальные блага, размножался, увеличивая количество таких же, как он, которые продолжали делать то же самое. Некоторые задумывались, в чём, собственно, смысл их жизни? Для чего они на Земле? Ответа не существовало! Вся нить бытия следовала однообразно – общество существовало для улучшения условий жизни какой-то кучки людей. Будь это архи древние племена, во главе которых стоял вождь, шаман и ещё кучка преданных вождю людей. Или современные шахи, короли, президенты, которые по сути своей те же вожди, только обрядившиеся в хорошие одежды, научившиеся говорить слова правильные в той или иной обстановке.

Многое на Земле поражало представителей других цивилизаций. Некоторые пытались вмешаться, что-то объяснить землянам. Но ничего из этого не вышло. Это было вопреки Природе! Каждая цивилизация шла своим путём развития, со своими достижениями, со своими ошибками. Всё это аккумулировалось из разрозненных сознаний душ в общую копилку Общего сознания Вечного пристанища.

Серое вещество, так на Земле привыкли мозг называть, в других цивилизациях ценилось выше всего. Они давно уже научились определять его потенциал у новорождённых, научились создавать условия для его развития и использования в полной мере. Это было достоянием цивилизации, этим гордились, если такое чувство было у той цивилизации.

У землян всё было как-то странно. Миром землян правили деньги! Выдуманные самими землянами ценности, такие, как золото, серебро, редкие камни. Вы думаетесь? Камни! Камни, за которые люди шли на преступление своих же законов, на смерть, то есть на потерю жизни, которой они так дорожили! Люди до сих пор добывали золото чуть не целыми кусками, то есть то, что лежало на поверхности. Уничтожая в войнах между

собой, по прихоти какого-нибудь правителя-вождя, сотни тысяч, миллионы себе подобных, человек даже не задумывается о том, что среди этих загубленных людей есть (были) такие, что унесли с собой в Вечное пристанище тайну решения многих проблем, которые существуют и поныне на Земле. Так куце и ограничено сознание человечества.

Много странностей в поведении человека! Сколько взрослого, здорового населения этой планеты не воспроизводит на свет потомства? Эти семейные узы, это сдерживание инстинктов возрождения. Единственный вид в природе, который тормозит и ограничивает своё воспроизводство. Разными способами, вплоть до угрозы физической расправы! Все твердят, что не хватает биомассы, чтобы прокормить всё население планеты. Человек и не пытается добыть себе пропитание, живёт запасами Природы, считая за достижение разведение домашнего скота и птицы, выращивание кормовых культур. Это притом, что биомасса Земли приращивается ежегодно, её переизбыток. Но человек привык восполнять свою жизненную энергию традиционными способами, возникшими на заре цивилизации, и отходить от этих принципов не желает. Он до сих пор не понимает, что ест не мясо, не хлеб из пшеницы, не овощи-фрукты, а углеводородное сырьё в виде сырой нефти. Производство продуктов для питания давно уже живёт за счёт денежной массы, полученной за добычу нефти, газа, за производство углеводородного топлива. Этот замкнутый круг давно уже втянул животик и кругом не является, но человек этого не видит, новых путей не ищет, хочет жить за счёт старых технологий. Не понимает, что эти ресурсы восстанавливаются гораздо дольше, чем используются. Нет, знаний на этот счёт у человечества хватает, но накатанная веками дорожка хорошо везёт в мире бизнеса, позволяет жить многим вокруг этого источника земных благ. Поэтому и считают: на наш век хватит, а там.....

Непонятно и то, что на одной планете один вид разумных существ не может сосуществовать, не может распределять ресурсы. Где-то на планете люди гибли от голода, где-то от холода, где-то от жары, где-то ютились на крохотных участках суши, где-то пустовали огромные участки земли. Всё было странно на этой планете для всех остальных цивилизаций. Станные способы передвижения, отсталые, закоснелые. Человек, в силу своей догматической политики, в силу своих устоев, повторял ошибки поколений сотнями лет. Он до сих пор не смог отказаться от колеса, как единственного способа передвижения. Это была рутина! Но человек с завидным упорством продолжал совершенствовать всё, что связано с колесом. Смешно! На Земле больше ста лет усовершенствовали один и тот же принцип двигателя. Слабые попытки изменить что-то в этой области так и оставались попытками.

Человек не мог телепартироваться, передвигаться в пространстве, во времени. Передвигаясь при помощи механических средств, таких, как автомобиль, мотоцикл, велосипед, железнодорожным транспортом, метро, летая самолётами, человек подвергает себя определённому риску. А сколько людей гибло при таких способах передвижения! Телепартация же совершенно безопасна. Но баснословные прибыли, которые получают транспортные компании, изготовители этого транспорта, затмевают разум. При таком порядке вещей на задний план уходит всё, и безопасность людей, которая тоже, кстати, является одной из индустриальных ветвей этого бизнеса, и экологическая безопасность самой планеты. Всё на потребу золотому тельцу. Поэтому человек варился в собственном соку, на своих ошибках, на примерах окружающего его мира. Но земной мир так мал, так же малы и примеры, созданные природой на этой планете. А другого мира, человек не видел.

Совсем недавно человек увидел Землю со стороны, воочию убедился, что она круглой формы. Да, многие утверждали это раньше, иные ещё раньше. Но кто этому внял? Сколько же времени пройдёт, чтобы человек понял то, что он знает на сегодняшний момент своего развития, это лишь крохотная частица. Что слишком много уделяет внимание человечество своему комфортному бытию. При чём комфортному не в области здоровья и долголетия, не в том, чтобы увеличить жизненный потенциал людей, особенно людей думающих, с большим потенциалом разума, с пытливым любопытством. Нет! Люди, имеющие большие деньги, получившие их различными путями, использовали их на постройку помпезных дворцов, крепостей, занимались сбором пресловутых камней, золота, платины, серебра. Строили недолговечные судёнышки в услужение своему самолюбию, скупали участки земли, на которых ничего не производили, изредка навещая этот участок с целью короткого времяпровождения со свитой друзей и знакомых, дабы им показать, чего они в этой жизни добились. Они так хотят, чтобы о них помнили после их физической смерти, но не понимают, как это сделать. Их фантазии скудны и недалёковидны в силу косности всего человечества. Придумав, свежую забаву, многие становились известны на некоторое время, о них говорили, их имя было на слуху. Им это было лестно, они этим гордились, утоляя своё тщеславие. Проку от этого не было ни самим, ни обществу, ни миру в целом.

Бывало, старшие поколения людей свои жизни посвящали обогащению, поднимали с нуля целые индустрии, увеличивая свой капитал с каждым последующим поколением. Но, как правило, сытые потомки уже не видели нужды в увеличении капитала таким путём, продавали дело своих пращуров, жили рентой с доходов, что тормозило развитие рода, тормозило совершенствование уровня развития. Конечно, они были образованнее своих предков, получали хорошее образование, воспитание, но на этом всё и заканчивалось. Этим можно было кичиться, это можно было выставлять напоказ, но проку от этого тоже не было.

Даже люди творческие, талантливые, чей талант и способности должны были на генетическом уровне передаваться из поколения в поколение, очень редко имели своих последователей в своём роду. Всего несколько исторических примеров можно найти, когда дело отца-художника, отца-писателя, отца-музыканта, композитора, продолжили их сыновья. Это отдельные случаи воспитания. Остальные потомки пожинали славу и богатство своих родителей и губили в себе и талант, и способность к жизни.

И человечество это всё пускало на самотёк! Неуправляемо существовало то, что так бесценно в мире природы – индивидуальность каждого разумного существа, его способность к развитию за свой биологический срок. Неразумно и расточительно ведут себя земляне. Поэтому и находятся в хвосте мировой цивилизации. Но они об этом даже не подозревают! Вот уж воистину: блажен, кто верует! Блажен в том смысле, что как тот деревенский дурачок, самый счастливый человек на всю деревню, потому, что он не знает, что дурачок. Девяносто процентов людей зрелого возраста занимаются в своей жизни ни тем, чем бы они хотели, ни тем, что им ближе и интересней, а тем, что даёт им больший доход в денежном эквиваленте! Это нонсенс! Прожить одну жизнь не так, как ты хочешь, а так, чтобы больше заработать и, естественно, больше потратить денег. Не зря ведь говорят, что счастлив тот, у кого работа совпадает с хобби. В одной притче про строителей выражена почти вся суть такого процесса на земле. Когда у строителей спросили, что они делают, ответы разделились, хотя все они делали одно дело. Кто-то сказал, что вкалывает, кто-то, что деньги зарабатывает, и лишь малая часть отвечала, что мост строят, чтобы людям удобней жить было.

- Привет! – хрипло ворвался в сознание Семёна голос Лики.
- Привет! – отозвался Семён. – Лика, меня тут такие мысли стали посещать, я нико-гда об этом не задумывался...

- Ты и сейчас не задумываешься, просто твоё сознание впитывает, как губка, всю информацию из Общего сознания, - прошелестела, пролетела мимо информация менторским, поучительным тоном.

- Меня тоже всё это время мучили размышления, - прохрипела Лика. – Мне так сложно всё это понять, хотя всё на поверхности.

- Это всё поможет вам приспособиться, найти своё место в Вечном пристанище, - прошелестел менторский тон в обратном направлении.

Семён хотел запомнить, какая это душа такая поучающая, чтобы познакомиться впоследствии, но услышал удаляющееся:

- Ни к чему-у-у....

- Да ну его зануду! – это уже Лика.

Издали донеслось:

- Я не зануда-а-а-а....

- Обсуждать кого-то тут не принято, - только и молвил Семён.

- Вот именно-о-о, - глухо донеслось издали.

- Лика, что же это такое творится на земле? Придумали сказочку про бога, выдают его во всех религиях по-разному и дураят народ. Сколько таких, верующих истинно и исто-во, готовых на смерть идти за веру. И идут, а его нет! Всё по-другому устроено. Когда же люди это поймут? Когда перестанут кормить попов, строить дорогостоящие храмы. Ладно, есть красивые храмы, мечети, замки, пагоды, пусть остаются, как память о ремесленни-ках, их создавших. Но, народ же должен прозреть! Понять, что мир создан иначе. Человек произошёл от обезьяны, эволюционным путём, это по Дарвину. И все с этим соглашают-ся. Но, в то же время талдычат о Боге, о создании всего земного, воздушного и водного пространства за шесть дней. Чуть собачья! Теперь то мы это знаем.

- Мы то знаем, а живущие нет, - ответила Лика и продолжила, - сколько знакомых, подруг, верят в эту сказку, отказывают себе в простых каждодневных вещах, несут на своих плечах запреты, постыются во вред здоровью, а как коснётся беда, молят Господа о милости, помощи и пощаде. Глух он к просьбам людским! Потому, что нет его. Сколько порушенных надежд, планов? Сколько исковерканных судеб связано с религией? А бога нет! Жутко становится, когда начинаешь это осознавать. Ладно бы тёмный был народец! Нет же! В космос летаем, под воду спускаемся на огромные глубины, компьютеры, мо-бильные телефоны, Интернет, который опутал весь мир связью, о которой и не мечталось ещё в моём детстве. Вот уж воистину, прогресс шагает семимильными шагами, и рядом эта дремота, попы в рясах с красными рожам, больше на бандитов смахивают, чем на праведников. Церквей, где только не настроили? Плевать, что на этом месте когда-то скотомогильник был, плевать, что в этом помещении сорок лет клуб был, что все сорок лет там пляски были, религию ту же с трибун охаивали. Лишь бы помещение, где кадиллом можно махать, аллилуйя басить. Где венчают, там же и отпевают, там же крестят. Там же службу ведут, народ наставляют, на выборы идти агитируют. Перепутали мирское и мерз-кое, лишь бы не работать, а денежки с дураков собирать. Народ от безысходности верит, бьёт поклоны в заплёванный, да затоптанный пол. Отстроят сарай, на крышу крест, вроде могильного, сотворят и всё, храм готов. Средневековье какое-то. И первые лица страны, партийные бонзы до недавнего времени, стоят смиренно перед главпопом, внимают! Раньше на партийных сборищах так же сидели и внимали другому попу, который мысли

другого бога им преподносил, как истину. Партийного бога, генерального! Завтра в дырники их запиши, и дырке молиться будут. Любой! Хоть той, что в деревнях в домике, что на задворках стоят, с сердечками в дверцах выпиленными. Лишь бы при власти, в сытости и покое!

- Лика, ты чего так разошлась? Аж, порозовела вся!

- Да, зацепил ты меня.... Насмотрелась я при жизни на всех этих господ при власти. Припрутся в театр, коньяку насосутся, потом за кулисы, в гримуборные лезут. Приобщиться им надо к культуре! К пухлым бюстам, пышным бёдрам, да стройным ножкам прикультуриться. Пузатые, потные, изо рта вонища, слюна течёт, глазки маленькие, свиначьи, а туда же, в кавалеры метит, мачо сраный! То же самое и в церкви. Они же похожи, как близнецы-братья. Только эти в дорогих костюмах, из-за бугра привезённых, а те в рясах замусоленных, воском заляпанных. Каждый короной увенчан, точно коронован, в законе, значит, авторитет. И кресты, цепи, как у бандитов. Чем больше крест на пузе, тем старше поп, авторитетней. И шестёрки вокруг них вьются, ручки лижут, головку, под хрен заточенную, к короне примеряют, за пайку служат, гундосят молитвы непонятные, бога нахваливают. Это-то понятно, им есть за что нахваливать, сыты пьяны, не перетрудились, не в шахте на отвале пахать, не на морозе кирпичи класть. А тем, кто в эту их обитель божью приходит за вспомоществованием, за поддержкой, в последней надежде, с молитвой за себя ли, за близких и родных своих, помог ли бог? Хорошая сказочка, бог всегда прав! Родился человек – так богу угодно, заболел, тоже богу угодно, умер во цвете лет, бог дал, бог взял! Я, именно я, хочу вот так сделать, а не иначе, и тут же – так богу угодно! Чушь несусветная! Всех вероотступников во все времена карали люди! Чего они вместились? Ждали бы суда божьего! Нет, не ждут, знают, что его нет, не покарает, сами скорей рот затыкают такому инакомыслящему, чтобы в страхе не только перед божьим судом держать свою паству, но и перед служителями культовыми, чтобы могли они головы людям морочить, паразитировать на чужом горе.

Да и люди тоже хороши! Грамотные, цивилизованные, в церкви у всех мобильники по карманам распаханы, на работе, в быту пользуются электроприборами, а гром гремит, молния сверкнёт, они лоб давай крестить, Илья-громовец на колеснице проехал, стрелы мечет! Ну, не дурость ли это, не серость людская!

- Всё так, Лика! Только человеку не ведомо, то, что здесь, в вечном пристанище, а верить во что-то хочется, так как слаб человек по сути своей, смертен.

- Да они так же, как вы, сначала в шоке, потом успокаиваются, находят свою нишу и не волнуют сознание поповскими бреднями, - пробурчал рядом чей-то голос. Затем продолжил. - Думаете, вы первые об этом здесь возмущаетесь? Да вечно так было! Сколько здесь народу за инакомыслие загубленных! Сейчас цивилизация на земле не позволяет людей преследовать за инакомыслие. А колдунов, ведьм, упырей всякого рода и племени тут, сколько с тех времён инквизиции, да и раньше. Но, и они не в обиде! Нашли тут покой и ни о чём не сожалеют. Пустое всё это! Мало ли глупостей на земле люди при жизни вытворяют! Войны одни чего стоят. Да все здесь примирились, делить нечего. Это на земле рвут из глотки друг у друга, готовы других на смерть посылать. Да, и во имя веры тоже. А как же? Это огромная власть над людьми, дающая и почести, и богатство, и, мнимую славу, желание оставить свой след. Джордано Бруно каждый школяр по всей земле знает, а папу римского кто помнит? А вашего главного по христианской вере, верховного божьего помощника, кто толком знает, и кто его предшественник был? То-то! Всё проходит, только пристанище наше вечно и необъятно! А верующих не ругайте! Они сами выбрали этот путь. Вы же не будете ругать человека, который любит другую музыку, отли-

чающуюся от ваших вкусов, читающего другие книги, не так понимая замысел художника, скульптора, архитектора, как вы это понимаете. Каждый выбирает по себе. Не было бы веры, что стало бы с этими людьми, кто знает? Пусть это будет их отдушиной, их выходом энергии и эмоций. Всё равно всё это временно, миг жизни короток, какой бы век не отпущен был природой, волей случая. Ладно, разворчался я тут с вами....

- А мне показалось, что это женский голос, да и лик тоже, – чуть не в один голос высказались Семён и Лика.

- И правильно показалось! После операции я! Пол менял, но природу не обманешь.... Голос удалился и смолк.

- Семён, у меня какое-то чувство беспокойства надвигается, тревожит что-то. Я так отвыкла от этого. А что это, не могу понять. Уже уровни меняла, там ослабевает это предчувствие, но тянет на этот уровень.

- Да и у меня тоже, только я не говорил тебе. Значит, приближается сороковой день. Опять нас навещат родственники, опять нам к своим могилкам возвращаться.

- Точно! Ты будешь своим объявляться, говорить с ними?

- Пока не знаю, по обстоятельствам. Не хочется пугать их. Да и услышат ли они меня?

- Услышат, милоч, услышат, - вмешался старческий тонкий голосок. – Сердцем услышат, душой, сознанием, если очень захотят. Не бойся их напугать, они ведь любят тебя, помнят только хорошее о тебе. Люди не злопамятны, особенно к усопшим....

- Спасибо вам!

- Вежливый, - усмехнулся голосок и замолк.

- Лика, знаешь, я вот тут подумал. Вот, если при жизни, на земле можно было бы рассчитывать на такое участие бескорыстное, как здесь, насколько легче и проще было бы жить. Родился ты со способностью рисовать картины, которые нравятся людям, рисуй, обучай других, передавай им свой опыт, не думай о хлебе насущном, не занимайся ничем другим, твори! Так же музыканты, поэты, писатели, ремесленники всех мастей. Да все живущие на земле. Чтобы не было этих мнимых ценностей, этого величия одних и ощущения безнадёги у других.

- Ты о пресловутом равноправии, что ли, - усмехнулась Лика.

- Нет, не совсем так. То есть, возможно, и об этом, но не в том виде, как его представляли коммунисты в своём светлом будущем. Я о том, что человек много сил в жизни тратит на выживание, а на созидательные, творческие процессы уже то, что остаётся. Ты вдумайся, человечество, в общем, тратит свои силы на созидание по остаточному принципу! Конечно, так оно долго будет тащиться в хвосте тех цивилизаций, о которых мы с тобой узнали. Конечно, люди ещё долго не пересекутся с этими цивилизациями, не начнут сотрудничать.

- А если пересекутся, то ты уверен, что начнут сотрудничать, а не воевать? Вот эти цивилизации не уверены, поэтому и не дают повода для контактов. Так, случайно где-то...

- И всё потому, что так странно устроена жизнь на земле, - задумчиво произнёс Семён.

- Так же устроена Селена была, - раздался ровный спокойный голос где-то совсем рядом.

- Это Луна, что ли? - переспросила Лика.

- Да, некоторые её так называют, но это не имеет значения. Вы же полюбопытствовали уже, побывали там, представляете, о чём я говорю?

- Да! – с грустинкой в голосе, отозвалась Лика. – Особенно меня поразили здания-призраки, которые стоят пустыми уже столько лет.

- Веков! – поправил голос, и продолжил:

- То, что сейчас происходит на земле, происходило на луне. Земляне повторяют путь другой цивилизации. Поэтому они не очень интересны для всеобщего сознания, особенно на современном этапе. Это – туликовая ветвь развития! Цивилизация землян прекратит своё существование тогда, когда планета земля не способна будет прокормить всех землян. Когда все ценности в виде ископаемых, в виде биоресурсов исчерпаются, тогда и рухнет эта цивилизация. И это произойдёт совсем скоро, по меркам мироздания, это тоже миг. Если к тому времени какая-нибудь планета будет иметь похожие условия существования, возможно, что-то похожее зародится на ней. Какой путь развития выберут те существа, которые эту планету будут населять, как они поведут себя в отношении окружающего мира, ещё неизвестно. Но, развиваться так, как развиваются земляне, им уже никто не позволит. Человек, не что иное, как один из видов млекопитающих, которым на уровне генетики был дан разум другими цивилизациями. В разных районах земли, разными цивилизациями. Даже обусловлены рамки мира, его размерность, местонахождение. Одна из плоскостей мира. За столько лет человек этого не понял, не оценил, расплылся свои возможности, живя в тепличных условиях такой прекрасной планеты. Разум был дан в расчёте на его развитие, а этого не происходит. Вернее происходит, но не в тех масштабах, как предполагалось. Человек не использует биологическую материю, данную ему природой, для заполнения, развития разума. Только самые упорные, самые любопытные и трудолюбивые люди заполняют свой мозг полезной информацией на пять процентов. Это расточительно! Но люди этого не понимают в массе своей. Они потребители этой планеты, а так бесконечно продолжаться не может. Теперь уже ясно, что время этой цивилизации истекло. Вмешиваться в этот процесс никто не будет, своих забот хватает. Если не разрушат эту планету земляне атомным оружием в своих междоусобных войнах, для своих сомнительных амбиций, а этого им никто не позволит сделать, то останется планета, как кладовая добытых и удобно сложенных полезных ископаемых. В сейфах банков будут храниться запасы золота, серебра, платины. Залежи меди, стали, алюминия и прочих металлов на заводах, фабриках, в разнообразных хранилищах. Запасы радиоактивных веществ, которые человек так до конца и не исследовал, пользуясь их поверхностными свойствами. Не используя всю возможность применения этой энергии. Всё это, да и многое другое, перейдёт в другие цивилизации, которые разумно могут этим воспользоваться. Так произошло на луне, это только то, что я помню.

- Кто вы? Откуда? – невольно вырвалось у Семёна.

- Я из другой цивилизации, человечеству она неведома. Так, прогуливался в этом секторе галактики, случайно попал в этот ярус, услышал обрывки вашей переписки. Вопрос этой планеты меня интересовал с момента её появления. Вот, и не упустил возможности пообщаться с новичками, которые ещё землёй пахнут. Ой! Только не обижайтесь! Я совсем выпустил из виду ваш обычай хоронить людей в землю. Я не это имел в виду. Хотя, такой расточительный обычай.... Да, очень расточительны земляне! Это непозволительная роскошь для этой планеты.

- Да сколько же вам лет? – встряла в разговор Лика.

- В своей биологической оболочке я просуществовал ровно двести календарных лет по вашим меркам. Я смог ответить на ваш вопрос лишь потому, что интересовался вашей планетой. Другим не задавайте подобных вопросов. Здесь не одни земляне. Здесь представители разных цивилизаций. Для большинства из них понятие время не существует.

Только особи, занимающиеся техническими проблемами, только они ещё сохранили понятие времени. И то в малых величинах. Мало кто ответит на вопрос, сколько часов в сутках. Вечность, вот критерий всего, вот к чему стремятся все цивилизации! А форма оболочки и форма существования не имеют никакого значения. А когда я покинул оболочку, когда выработал весь биоресурс, это не имеет значения, да и летоисчислению не подлежит. Крах цивилизации на луне я ещё застал. Это-то и сподвигло меня на изучение земли. Очень похожие развития событий.

- А как далеко до вашего сектора, уровня обитания? – спросила Лика.

- Вашего теперешнего уровня сознания не хватит и на десятую долю пути. Вы можете пока передвигаться только в ограниченном пространстве. Вы разве этого не ощутили?

- Да, я ощутил! – отозвался Семён. После прогулок длительных и удалённых долго приходишь в состояние покоя.

- Вот, это и есть затраты энергии вашего сознания. Пусть мизерные, быстро поддающиеся восстановлению, но затраты. Копите сознание, тогда и вам откроются многие интересные горизонты этого мира.

- Прозвучало как: «Учиться, учиться и ещё раз учиться...!», - буркнула Лика.

- Неплохое выражение! Кому оно принадлежит?

- Нам говорили, что Ленину, а кому на самом деле, не знаю.

- А кто такой Ленин?

- Так, один авантюрист, ввергший одну из самых больших стран земли в хаос и беспорядки, - раздался откуда-то сбоку голос.

- Но эта мысль его звучит очень правильно.

- Много чего прозвучало правильно из его уст и уст его соратников, только лучше от этого на земле не стало.

Оказывается, вокруг многие прислушивались к их беседе с незнакомцем.

- Он давно уже должен быть здесь, можете с ним побеседовать.

- Нет его тут! В мавзолее он! Никак не вознесётся. Нет покоя ему, всюду живые люди, трогают тело, поминают его. Не получается ему покинуть мир земной. Никак не обретёт покой.

- За что же это ему такое?

- Ну, если бы в наказание, а то, как бы почёт ему оказывают, память сохраняют. Сестра людская....

- Да, таких мерзостей в самых агрессивных цивилизациях нет.

- Да и пусть он там будет! А то и тут революцию устроит, бардак наведёт, - хохотнул чей-то басок.

- Тут делить нечего, революцию не сотворишь, - заметил спокойный и ровный голос.

Наступила тишина. Даже гул, ненавязчивый гул, обрывки чужого сознания, всё прекратилось на несколько секунд, или минут, или...

Затем всё стало как обычно.

- Как мощно! – восхитился чей-то голос.

- Да-а-а! – вразяжку отозвался другой.

- Колоссальная энергия, - подтвердил третий.

Это пришелец из тех далёких миров, из тех далёких цивилизаций так мощно ушёл в другие ярусы, что вызвал возгласы восхищения.

- Старается он нас понять, столько лет изучает, а всё равно не понимает, - по-бабьи вздохнула Лика. – И мужчина умный и рассудительный!

- Ну, ты даёшь! – ответил Семён.

- Могла бы, дала бы! – с вызовом ответила Лика. – Я на земле таких мужиков не встречала. Сила от него исходит, уверенность. К такому прислониться хочется, на всю.... А, о чём теперь-то говорить, - вновь вздохнула она.

- Под ярус вам пора, новички. Точно вам было сказано, земное попёрло, гости к вам, – голос прозвучал сварливо, неприветливо.

- Наверное, пора,- вздохнул Семён.

- Да, - откликнулась Лика.

Не сговариваясь, они спустились под нижний ярус через свой вход в пристанище, затем на кладбище.

На Земле было раннее утро. Они приземлились на скамейке в центральной аллее кладбища. На могилы было ещё рано, родные придут навещать чуть позже.

Семён почувствовал какую-то перемену в Лике. Она покраснелась, видно было, что с ней что-то происходит.

- Что с тобой, Лика? – спросил Семён.

- Сама не понимаю, - ответила та, и покраснелась ещё больше. Затем добавила:

- Знаешь, Семён, во мне столько нерастроченной энергии осталось, женской, материнской, что она, видимо, и даёт о себе знать. Вот, к тебе жена с детьми сейчас придёт, след твой на земле, память о тебе.... А ко мне подруги, да пару театральных неудачников-алкашей с ними за компанию. Помянут меня парой-тройкой рюмок водки, и на моей могиле будут в декольте к подругам заглядывать. А одного из них я, по-моему, даже любила. Может и рак у меня оттого, что детей в своё время не захотела. Против природы пошла, вот она и отомстила. А сейчас земное моё так разыграло, что сама бы на мужика кинулась, да не с чем. Всё моё обаяние в земле, в этом ящике лежит, гниёт. Для чего берегла, для кого? Всё принца ждала! Да где его возьмёшь, принца-то. На всех их не нарожали. Красота тоже природный дар, а я его расплескала по жизни. Могла бы мужика какого-нибудь осчастливить, да всё головку кверху держала, божественные мы! Какие там божественные? Такие же, из кожи и мяса, как и прочие тётки!.. Э-э-э-х! - опять тяжело вздохнула Лика.

- Успокойся ты, скоро вернёмся на уровень, там блаженство, покой, – как мог, успокаивал её Семён.

- Да плевать я хотела на тот покой! Я солнце хочу по утрам видеть, звёздное небо по ночам, тёплого дождика, хрустящего под ногой снега. Мужика хочу, любви хочу, жить хочу! Дышать хочу, запахи ощущать, плакать и смеяться, на машине с ветерком прокатиться, искупаться в прохладной речке в жару. Хочу, чтобы любимый мужчина руки мои своим дыханием согревал, заботился обо мне, любил меня, как никто на свете никого не любил. Всё это могло быть, и уже никогда не будет. Досадно, Семён! Глупая и никчемная жизнь моя была, пролетела, как бабочка, порхнула и исчезла безвозвратно.

- Что-то сегодня не так! – сказал Семён. В тот раз, когда было девять дней, было гораздо проще. А сейчас и меня будоражит всего, жалостью к себе исхожу, да и тебя жалко стало. Что это?

- Не знаю! Может быть, на годину ещё тоскливей будет?

- Да, будет ещё тоскливей, - раздался голос из-за ограды рядом. Вот, у меня как раз годину сегодня. Не выдержал, домой заглянул, не забыли ли, собираются сюда? Лучше бы не заглядывал!

Серым пятном душа нового знакомого переместилась на спинку скамьи.

- А что дома-то? – спросила Лика.

- Жена, дочь, и новый муж жены. Что самое поразительное, он уговаривает жену и дочь пойти на кладбище. Не по-людски это, говорит им. Дочь отмахивается, некогда ей. Жена тоже планов настроила на сегодня, выходной у них. Еле-еле он её уговорил. Странно это! Незнакомый человек... А тоскливей не только из-за моей такой ситуации будет, - продолжал новый знакомец, - тоскливей оттого, что забываешь, смиряешься, успокаиваешься, а земное опять будоражит, вспенивает всё по-новому, освежает. Тогда и жизнь свою понимать начинаешь по-новому, сожалеть о несделанном, нереализованном, ценить мелочи, которых при жизни не замечал. Из них-то жизнь и складывается.

У ворот кладбища показался автобус. Из него вышли люди и направились по главной аллее, расходясь каждый к своим могилам, вернее к могилам своих родных и близких.

- Моих не видно, наверное, ещё рано, детей жена жалеет, - первым отреагировал Семён.

- Моих тоже, - почему-то вздохнула Лика.

- А мои тут, да ещё и дочь с ними. А не собиралась. Ну, я к себе...

И новый знакомец скрылся за оградой, затем появился на памятнике.

- Лика, ты тоже на памятнике размещаешься? – спросил Семён.

- Опередил, я об этом хотела тебя спросить, - усмехнулась Лика, и добавила:

- Конечно! Там самое удобное место.

- Смотри, какое чинное семейство к нашему знакомцу пришло.

- Да, дамочка ещё та! Она и этого схоронит.

- То-то он её приучает могилку навещать, боится, что к нему не придёт....

- Эта не придёт, она другого живого найдёт, а на кладбище, или в церковь, таскаться не будет, - авторитетно заявила Лика.

- А дочь у него красивая! – заметил Семён.

- Да! Я её знала при жизни. Она к нам в театральную студию ходит заниматься. Способная девочка.

- На что способная? – спросил Семён.

- На всё! – коротко ответила Лика, и добавила – мои приехали.

У ворот кладбища остановилась машина, белая БМВ «пятёрка». Из машины вышли люди, три яркие, нарядные женщины в сопровождении двух мужчин. Мужчины тоже были не фабричной серостью, сразу видно было, боже Мужчины тоже были не фабричной серостью, сразу видно было, божема театральная. Один из них был с массивной тростью в руке. Из багажника достали корзину цветов.

- Ой, мои любимые! Белые розы! Влад расстарался, - вздохнула Лика. – Влад, это который с тростью. Его как-то собаки беспризорные, год назад, покусали, с тех пор с тростью не расстаётся. И ему идёт! – с неподдельной гордостью добавила Лика.

- Это его ты любила? – спросил Семён.

- Да! Только поздно это поняла. У нас всё сложно в этой среде, переспать с кем-то, это не зазорно, даже если об этом будет вся труппа знать. Менять партнёров, в порядке вещей. Может быть, поэтому и не женятся в своей среде актёры. А над словом «любовь» чуть не смеются, может потому, что часто его употребляют в текстах...

- Ладно, я к себе, посмотрю хоть на них вблизи. Что-то тошнѳхонько мне сегодня, Семён. Не было раньше такого....

Лика исчезла. Мимо скамьи прошли её коллеги, о чём-то мило беседуя, степенно и чинно. Свернули в сторону Ликиной могилы.

Семён остался один. Земное накрывало его. Ему показалось, что он даже запахи стал различать. Странно, пахло морем, зной и шум прибора ощущался так явственно, что

Семён огляделся вокруг, хотя знал, что в их городке моря нет. Ему показалось, что кто-то его тормозит.

- Что за наваждение? – подумал Семён. И вдруг увидел свою жену, Настю. Она стояла рядом с ним во весь рост, вокруг головы сверкал нимб, светящийся ореол....

- Настя? – спросил Семён.

- Ну, а кто же? - вопросом на вопрос ответила жена.

- А дети где?

- Дома, где же им ещё быть, отвечала Настя.

- Одни?

- Почему одни? С бабушкой. С мамой моей. Ты что забыл? Что с тобой, Семушка?

- Что случилось? Почему ты здесь?

- Семён, вставай! Хватит дурацких вопросов! – жена сдвинулась немного в сторону и прямо в глаза Семёну брызнуло яркое солнце. Белый раскалённый шар слепил, не давал возможности видеть ничего вокруг. Семён невольно зажмурился и... резко поднялся. Да-да, поднялся и сел на пляжном топчане. Оглядел своё тело. Вот ноги его, торс, руки. Семён погладил одну руку другой, потрогал себя за голову.

- Что, голова болит? – участливо спросила Настя.

- Как она может болеть, - начал Семён и осёкся. Спустил ноги с топчана и сел спиной к солнцу. Ступни ног обожгло горячим пляжным песком.

«Печёт реально, - подумал Семён. - И море реальное, вот оно, рядом плещется. Народ кругом. Что происходит?»

- Ты так уснул крепко, я тебя еле добудилась! Думала, сгоришь на солнце, полотенцем тебя укрывала. Сходи, окунься, приди в себя. Плохо на таком солнцепёке спать.

Семён мотнул головой, проснулся окончательно. Встал, прошёл несколько шагов, затем разбежался, и с шумом, с брызгами влетел в тёплые воды Средиземного моря. Он вынырнул из воды, проплыл метров тридцать, лёг на волну, раскинув руки, и засмеялся.

- Жив! Я живой, чёрт возьми! Всё это только сон! Сон на солнцепёке, вот что это было.

Волна радости, эйфории, прилив энергии распирали Семёна. Он быстро поплыл к берегу. Жена лежала на соседнем топчане, прикрыв лицо газетой. Семён обхватил её мокрыми руками, поднял с топчана и закружил, приговаривая:

- Настя, Настенька, Настёна моя....

- Пусти, сумасшедший! Люди кругом, смотрят же на нас, - возмущалась Настя. Но возмущалась не особо рьяно, а так, для порядка. Она обхватила Семёна за шею и тоже зашептала:

- Семушка мой родной, Семушка....

Так, на руках и отнёс он Настю в море. Они плавали, дурачились, смеялись.

Выходя на берег, Семён спросил:

- Долго ли я спал, Настёна?

- Да больше часа, это точно! Притих так в одной позе, я даже прислушивалась, дышишь ли? Засоня! Что ночью-то делать будешь?

- Найдём, чем заняться, - хохотнул в ответ Семён.

- А чего это ты меня про детей спрашивал?

- Да, так, спросонья не понял, где мы с тобой, - отмахнулся Семён.

- Слушай, Настя, приедем домой, надо обязательно будет в театр сходить, на оперетту. Помнишь, мы с тобой ходили?

- Чего это ты вспомнил? Когда это было, ещё Светочки не было, а ей уже одиннадцать лет.

- Нет, Настенька, обязательно сходим! Купим тебе красное бархатное платье и пойдём.

- Зачем это мне красное бархатное платье? С чего это ты выдумал всё? Точно перегрелся на солнце! Давай, пошли в тень!

Отпуск они провели, как два голубка, на зависть окружающим. Семён не сводил с жены сияющих влюблённых глаз, старался ей во всём угодить, предупредить её желания. Они подолгу гуляли по пальмовым аллеям отеля, по чистым улочкам турецкого городка, изредка заходя в магазины, где покупали всякую мелочь, сувениры в подарок детям и знакомым. В одном таком магазине Семён увидел красное бархатное платье. Оно висело одно, как бы отдельно от остального товара. Усадив Настю, в одном из ближайших паша, с вазочкой мороженого. Семён на минутку отлучился. Бегом ринулся в магазин, где видел это платье. Платье было на месте. Молодой красивый турок предложил свои услуги. Он неплохо говорил по-русски. Семён с наскаку стал объяснять, что хочет сделать подарок, как это для него важно. Спросил сколько стоит это платье. Цена его ошеломила. Таких денег у них с собой не было. Он уже, понуриив голову, собрался уходить, когда молодой турок спросил его:

- А сколько денег у вас есть?

- Долларов пятьдесят, не больше, - угрюмо ответил Семён.

- Хорошо, приходи с женой, мы что-нибудь придумаем, - улыбнулся турок, и добавил:

- Нельзя так огорчаться!

- Только надо это как-то обставить, чтобы вроде случайно, сюрпризом, понимаешь.

- Приходи, всё будет хорошо, - улыбнулся турок.

Настя со скучающим видом ковырялась в пустой вазочке.

- Где ты так долго ходишь? Эти зыркают на меня так откровенно, как голая тут сижу.

- Пойдём отсюда!

Семён взял Настю под руку, и они прогулочным шагом, не спеша прошли до того самого магазина.

У входа в магазин стоял тот самый Мамед, имя его было написано на шильде, прикреплённой к карману белоснежной рубашки. Он вежливо улыбнулся, поздоровался и спросил:

- Не желаете ли чего-нибудь посмотреть в моём магазине.

- А что, Настенька, давай зайдём, - тут же предложил Семён.

- Хорошо! – согласилась Настя.

Мамед был прирождённый артист. Он предложил на выбор чай, прохладительные напитки, сигареты. Предложил гостям расположиться на диванчике возле небольшого инкрустированного столика.

Отказаться было невозможно. Когда гости согласились на чай, Мамед выглянул в дверь и что-то гортанно прокричал вдоль улицы. Через пару минут в дверях появился мальчонка лет десяти, с подносом в руке, на котором стояли два маленьких пузатеньких стаканчика в подстаканниках с крепким, ароматным чаем. Поставив чай на столик перед гостями, мальчишка быстро удалился. Вот он был, и вот его уже нет. Только стаканчики напоминали о его приходе.

Платье было прямо перед Настей. Она не могла его не видеть. Мамед начал предлагать какие-то блузки, юбки, футболки, украшения. Настя ничего не хотела даже смотреть. Она только отрицательно мотала головой, ничего не надо.

Семён уже начал нервничать, не за этим же они сюда пришли. А Мамед, как бы не замечая этого, всё предлагал и предлагал, халаты, полотенца, тапочки, сумочки, всё, чем богат был его магазин.

Настя уже несколько раз порывалась встать и уйти, но Мамед удерживал её очередной вещницей.

Наконец он небрежно, как бы мимоходом, предложил примерить заветное платье.

Тут же включился Семён:

- Действительно, Настенька, примерь! Человек вокруг тебя ужом извивается, неудобно как-то.

Мамед уже подавал платье Насте. Пришлось той пойти в примерочную кабинку. Когда она оттуда вышла, Семён ахнул. За годы совместной жизни он как-то привык, пригляделся к жене, а сейчас увидел её по-новому. Платье не только подошло по размеру, оно подходило Насте по всем статьям. Королева, да и только!

- Сколько стоит оно? – как мог небрежнее, спросил Семён.

- Семьдесят пять долларов, - ответил Мамед.

Семён онемел. Зачем был этот весь балаган, ведь Мамед прекрасно знал, что таких денег у них нет.

Пока Настя разглядывала себя в большое зеркало, Мамед подошёл к Семёну вплотную:

- Торгуйся! – прошипел он ему в самое ухо.

- Я не умею, - признался Семён.

Мамед расхохотался:

- Ладно, шестьдесят!

- Ты же знаешь, сколько у нас денег, чего делаешь? – горячо зашептал Семён на ухо Мамеду.

- Ладно, для такой красивой пары я сделаю вам красивую скидку, пятьдесят долларов, - и подмигнул Семёну, - но ни цента меньше.

- Хорошо, берём! – сразу повеселел Семён. – Берём же, Настенька!

- Дорого-то как, Семушка!

- Ничего, один раз живём, солнышко ты моё ненаглядное! Ты видишь, как оно тебе к лицу.

- Куда и одевать мне такую красоту?

- В театр будем ходить, Настенька! Летом в парк гулять будем выбираться, вот и наденешь ты это платье. Ни у кого в городе больше нет такого платья, и жены такой тоже больше ни у кого нет.

- Балуешь ты меня! – улыбнулась Настя.

- А кого мне ещё и побаловать, ты одна у меня!

С покупкой, и с пожеланиями счастья от Мамеда, вернулись в отель.

- Не знала я, что ты так торговаться умеешь! Откуда это у тебя?

- Помнишь, гид в автобусе нам говорил, что тут надо торговаться, не уступать. До первой слезы продавца.

Отпуск, как и всё в этой жизни, имеет свой конец. По приезду домой, Настя обратила внимание на то, что Семён как наседка опекал дочерей, каждую минутку проводил с ними. С работы сразу домой, даже во двор к мужикам не выходил в домино постучать.

- Как всё-таки отпуск вдвоём подействовал, - думала Настя. Дома всё привычно, буднично, серо. А там прямо каждый день праздник. И каждую ночь, подсказало сознание. Настя невольно покраснела.

В пятницу Семён немного задержался с работы. Настя уже начала волноваться, когда на пороге появился муж и, радостно потирая, руки объявил:

- Завтра идём в театр! Вот, за билетами заходил! – и выложил на стол две красочные картонки.

В театр собирали родителей всей семьёй! Девчонки суетились вокруг матери. То и дело были слышны их восхищенные возгласы:

- Мамочка, какая ты у нас красивая!

Семён, уже одетый в костюм, в новую, необмятую белую рубашку, возился с галстуком. Вернее, с двумя. Один он сам купил, когда они с женой покупали ему этот костюм, второй подарила тёща на его день рождения. Галстуки были похожи, и Семён примерял их по очереди. Наконец остановил свой выбор на тёщином подарке. Ему, в общем-то, все равно, зато тёща порадует. Семён вспомнил старый анекдот про то, как тёща зятю подарила два галстука. И какой бы из них он не надевал, она всё равно говорила:

- А тот-то, что, не понравился?

Хорошо, что мне только один подарила, - усмехнулся про себя Семён.

Тут же раздался звонок в дверь.

- Я открою, - крикнул Семён.

На пороге стояла тёща.

- Долго жить будете, мама! Только вас вспоминал, вот ваш подарок завязывал.

- Ты бы, Сеня, тот галстук повязал, он поярче будет, - высказалась тёща.

Семён не удержался, расхохотался, а затем рассказал анекдот про два галстука. Теперь уже хохотала тёща.

Не было у них с Семёном трений, как это бывает между зятем и тёщей.

Из спальни вышла Настя.

- Батюшки-светы! – заохала тёща. – Это откуда такая красота?

- Ты чего, мать, дочку не признала? – рассмеялся Семён.

- Да, признала, конечно, признала! Только, я её такой красивой ещё и не видывала!

- А на свадьбе?

- На свадьбе, да что на свадьбе? Она пигалицей совсем была! А сейчас! Королева!

Настя зарделась румянцем, что ещё больше украсило её, немного загоревшее, лицо.

- Что это за ожерелье на тебе, Настенька? Я раньше такого у тебя не видел.

- Это Мамед мне сунул в руку, когда мы из магазина выходили. Сказал, что с тобой я буду, счастлива всю жизнь.

- Ай, да Мамед!

В театр пришли заранее. Прошли в буфет. Взяли кофе, пирожных, уселись за столик. К стойке подошёл мужчина с тростью, чего-то спросил у буфетчицы.

- Смотри, Семён, какой важный мужчина, с тросточкой. Наверное, артист!

Холодок пробежал у Семёна между лопаток.

- Это же Влад! Но.... Откуда Семён мог знать его? Он его никогда не видел.

- Пожалуйста, Владислав Петрович, - произнесла буфетчица, подавая мужчине стакан с соком и бокал, на дне которого плескался коньяк.

Семён чуть пирожным не подавился, закашлялся. Настя похлопала его по спине:

- Не торопись, не отнимут!

Семён отдышался. Мысли колесом вертелись в его голове:

- Что же это получается, я его таким во сне видел?

Не успел он перевернуть эту мысль, как к мужчине подошла, нет, скорее подлетела очаровательная девушка, подседа к нему за столик и застрекотала, как из пулемёта. Го-

ворила быстро, приглушённым голосом, взволнованно. Мужчина только кивал головой в ответ.

И эту девушку Семён уже видел! Но где? Когда?

Семён почувствовал, как ладони его вспотели. Он вспомнил! Это же дочка того, который жаловался им с Ликой, что его жена и дочь не хотели идти к нему на кладбище в его годовщину. Чувь какая-то! Это же сон был! Никогда прежде Семён эту девушку не видел!

Но он же узнал её! И его тоже. Ну, предположим, что его он видел тогда, когда они ходили с женой в этот театр двенадцать лет назад. Стоп! Лица же сказала, что трость он носит всего чуть больше года. Как же так?

- Что с тобой, Сёмушка? Ты весь бледный стал, как мел. У тебя ничего не болит?

- Нет! – ответил Семён, и не узнал своего голоса. Это был голос из сна. Так он разговаривал там, во сне. Или не во сне....

Места у них были хорошие, недалеко от сцены и в середине зала.

Спектакль шёл своим чередом. Семён узнал ещё одного мужчину, владельца белой машины БМВ пятой модели, хоть и был он в парике и в костюме времён девятнадцатого века. Трёх актрис, бывших с этими мужчинами на кладбище, тоже узнал. Отметил это про себя равнодушно, как что-то неизбежное.

С ним что-то происходило. Настя время от времени с тревогой поглядывала на мужа. Он поворачивался к ней и успокаивающе поглаживал по руке, всё хорошо, смотри спектакль.

На сцену вышла главная героиня спектакля. Это была Лица! Она блестяще исполняла свою партию. Задорно пела, лихо отплясывала, звонким, чистым голосом вела диалоги с партнёрами. На Влада смотрела с обожанием. Так много было жизни в ней, веселья, что ноги зрителей сами рвались в перепляс. Живая она была великолепно! Семён смотрел во все глаза. Ему казалось, что какая-то невидимая нить связывает их с ней. Он поймал себя на мысли, что он невольно ревнует Лику к окружающим её мужчинам. «Но, это же был сон! Мы же с ней даже незнакомы! Глупости какие-то в голову лезут» - оборвал себя Семён.

- Чёрт возьми, а откуда же эта моя идея-фикс про красное бархатное платье для Насти? Я же разговаривал об этом с Ликой.

- Мне кажется, что она играет только для меня, она явно выделяет меня из зала....

Семён украдкой огляделся. Все соседи, включая Настю, были увлечены действием, происходящим на сцене.

- С ума схожу потихоньку, - решил про себя Семён.

В антракте Настя предложила взять цветов и поднести главной героине. Когда она стала выбирать алые розы, Семён, неожиданно для себя, предложил взять белые. И пояснил:

- Смотри, все берут красные, а наш букет будет самым заметным на фоне её красного платья.

Настя согласилась. Пять крупных белых роз смотрелись великолепно и на фоне Настиного платья.

- Какой у тебя вкус, Сёмушка!- Настя прижалась к плечу мужа. – Я раньше об этом не знала.

- Раньше я и сам не знал....

- Какой-то ты странный, Сёма! В чём дело? Ты устал?

- Нет, солнышко, всё хорошо! Непривычно мне в галстук, да и ворот у рубашки давит. Как люди всё время так ходят?

- Так расстегни ворот-то, чего мучаешься? И галстук ослабь! Вот, так лучше?

- Да, хоть дышать стало легче....

Спектакль подходил к концу. Настя предложила, чтобы Семён вручил цветы примадонне. Всё-таки, от мужчины ей будет приятней получить букет.

- Пойдём вместе, а букет, так и быть, я вручу....

Шквал аплодисментов прервал Семёна, спектакль закончился! Зрители аплодировали стоя, не отпуская актёров со сцены. Настя и Семён еле пробилась к сцене. Надо было ещё подняться по боковой лесенке на сцену, пройти по ней и вручить букет примадонне. Семён не помнил, как они оказались на сцене. Прямо перед ним стояла улыбающаяся, разрумянившаяся Лика. Рядом с ней, немного сбоку, стояла Настя и что-то говорила Лике. Семён протянул букет актрисе. Та потянулась к нему, приняла букет, поцеловала его в щёку и произнесла шепотом:

- И про цветы не забыл, и платье жене красное, как хотел, купил! Будем жить, Семён....

Андрей КАНЕВ

* * *

Рифмы выжатый лимон
Никому не интересен.
Слышал старый патефон
С грампластинок много песен...

На развалинах души
Вырос храм обыкновенный.
В ход пошли карандаши
И стихи со всей вселенной.

В окна звёздный ветер дул,
Осень листьями влетала.
Там стояли стол и стул,
Вместо шторок – покрывало.

В храме песню пел снегирь,
И свеча горела солнцем.
И ослепший поводырь
Сиживал там у оконца.

Вьюжила в углу зима,
Токовал глухарь рассветный,
И учили букву «а»
Неродившиеся детки.

В храме не было войны,
И как снег любовь по полкам.
У поэта седины
Так и не случилось в чёлке...

«ПОДСНЕЖНИК»

На бруствере окопа талый снег,
В бойнице камни голого предгорья,
И в камуфляжной форме человек
С кровавым озерцом у изголовья...

Смотрю, смотрю в оптический прицел,
И не понять, он наш или из местных,
В ночной тиши «растяжки» шнур задел,
Пополнив список павших безызвестно.

Площадка, словно на ладони вошь,
Пристреляна и этими и нами.
В оптический прицел и не поймёшь
Чей в камуфляже? В общем, - россиянин.

И надо б сползать. Как накроет снег,
Тогда уж до весны – другим забота
Тот в камуфляжной форме человек
Достанется сменившим нашу роту.

Кого послать? Иль сползать самому...
А может там араб? Пусть догнивает...
Он не живой уже. А те пальнут!
Их «эсвэдэшки» промаха не знают.

Под пулями сюда его тянуть,
Погибшего почти что бестолково?
Вдруг с неба повалил ему на грудь
Пушистый снег. Решилось, право-слово!

Пускай покроет будний след войны
И до весны хранит себе кого-то.
А снег кружился, словно знак вины
За чью-то там весеннюю заботу...

ДЫХАНИЕ ОСЕНИ (рассказ)

Погода в эти дни как будто насмехалась над людьми. Весь июль был жарким и знойным. Люди молили

– Ну, хоть бы денёк прохлады и свежести...

Видимо, там, наверху, в небесной канцелярии мольбы эти были услышаны. После чего, небеса покрылись тяжелыми серыми тучами. Бесперебойно стал лить дождь, громыхали и озарялись молниями небеса. И будто подразнить, ненароком вдруг выглянет солнце, и снова через полчаса его скроют осенние тучи, поливая землю холодным дождем.

Осень, в нынешнем году, пришла на месяц раньше обычного. Когда-то, много лет тому назад, до конца августа купались в теплой воде Эжвы, радуясь жарким дням. А если и дождь проливался на землю, то вслед за ним снова выглядывало солнце и обдавало летним жаром все вокруг. Лишь по ночам становилось прохладно. Во время ночной рыбалки приходилось разводять костерок, чтобы погреться возле него. Сидишь так у реки, от сырости пробирает до костей. Над водой к утру белый туман плывет. А иногда он все вокруг окутает. И не понять - где река, где берега, где ты сам. Неуютно делается на душе. И, кажется, что уже никогда не рассеется этот как молоко белый туман. Только треск костерка да редкие всплески крупной рыбы возвращают сознание к действительности, успокаивают, спасают от тревоги. Но как только поднимающееся из-за леса солнце пробудит спящую реку, сразу куда-то исчезает этот танцующий туман, как будто никогда его и не было. Радостный гомон птиц вновь оживляет берега, и становится так радостно на душе. Затем с другого берега начинает доноситься урчание тракторов на пожнях. Кто-то косит, кто-то переворачивает начавшую подсыхать траву, а кто-то складывает её в большие копны, их потом увезут машинами ближе к фермам.

В этом году погода сильно мешает сенокосу. Приходится работать даже в дождливые дни. В последние годы все реже бывает хорошее лето. Прежде крестьяне не успевшее просохнуть сено развешивали на специальные жерди и никогда не оставались без кормов для скотины. Нынешние же технологии позволяют в любую погоду вести заготовку сена.

Приближение осени можно всегда заметить по увядшим листьям осины и тополя, по золотой листве берез. Бывало, приезжая в родное село, любил выйти поздним вечером на крылечко, чтобы послушать уток. Много еще их гнездится вдоль межей и канав в низинах за селом. В вечерней тишине далеко разносится их кряканье. А когда маленькие утята подрастут, они вместе с родителями перебираются на озера. Там учатся летать, самостоятельно искать пропитание. Недалеко уже тот день, когда стаи уток отправятся на юг, с грустью прощаясь с родиной. А пока они, опасаясь охотников, перелетают с одного озера на другое. Собираются на юг журавли, гуси и другая дичь. Наблюдая за их поведением, метеорологи могут предсказать, какой будет осень. Если летят низко – будет она долгой, а если высоко – после короткой осени вскоре придет зима.

Свои заботы в эту пору и у селян. На то она и осень, чтобы сделать запасы на зиму. Сейчас уже не держат на селе крупный скот, как это бывало прежде. Ведь для коровы

около трех тонн сена нужно запастись на зиму. А если нет своей техники, брать ее со стороны накладно. Оттого и отказываются люди от коровушки.

Когда нет работы на селе, люди стараются заработать на сборе и продаже лесных даров. После нынешних дождей белых грибов вышло видимо-невидимо. Земляки из Палевиц говорили:

- Иногда в Чернаме можно за день собрать и сдать грибов на целых пять тысяч рублей. А потом на эти денежки коротать долгую зиму пополам с тем, что выросло на собственном огороде. Приходится как-то выкручиваться...

Еще одно событие произошло. Закрыли школу-интернат в Гаждоре, где работали пятьдесят семь селян из Палевиц. Разговоры о закрытии интерната ходили давно, но люди не хотели верить, надеялись, что это все пустые слова. И куда теперь им идти? Пенсионеры, конечно, пенсию имеют. А как быть другим? Одна из бывших работниц школы-интерната при встрече мне рассказала:

- Вроде бы до нового года обещают выплачивать прежнюю зарплату...

- А что дальше делать будете? – спрашиваю.

Говорит:

- Ума не приложу, вот и запасуюсь грибами да ягодами. Так ведь и в других деревнях и селах запасаются люди осенними дарами.

Все сильнее ощущается дыхание осени и приближающейся вслед за ней зимы. Все темнее становятся ночи. По утрам от резкого северного ветра невольно съеживаешься. А в лесу под ногами все толще слой опавшей с деревьев листьев. Под ней как будто специально прячутся шляпки грибов. Дразнят грибников:

– А ну-ка поищите да найдите нас!

Чернику уже не собрать, такой мягкой стала, что не дается в руки. Зато одно удовольствие собирать теперь почерневшую от спелости бруснику, которую берешь в рот полными горстями, и кажется – нет ничего вкуснее ее. Дозревает клюква. Краснеет шиповник. После первых морозов заметно слаще становится рябина. Дрозды только этого и ждут. Как будто еще вчера под окном рябина красовалась своими красными гроздьями. А сегодня в окне видишь лишь голые черешки. Не видно ни одной красной ягодки. Ранорано утром садятся дрозды на рябину. И вскоре ничего не остается после них. А какое вкусное варенье получилось бы из спелых ягод. Или можно было бы высушить ягоды, а потом вместо лекарства жевать при головной боли. Сам виноват. Не успел собрать.

Какое счастье, что у каждой поры есть своя красота. Эта красота не оставляет равнодушным никого - ни старого, ни малого. После долгой зимы придет радостная весна, за ней щедрое лето и полная золотом осень. И так повторится ещё много-много раз. Ведь нет у жизни конца.

Перевод с коми Галины Марковой, Андрея Канева

Александр ПАРНАЧЁВ

КАК Я СВАЛИЛСЯ С ЗАСИДКИ (рассказ)

Начало октября... То времечко, когда медведь, нажировавшись на ягодниках и овсах, присматривает местечко для берлоги. На Покров мы с друзьями поехали на заранее подготовленную засидку возле деревеньки Ягиб, где раз в неделю Мишаню приманивали свиными потрохами.

Дул сиверок. Моросил противный дождик. Как владельцу лицензии и охотничьего карабина, мне предоставили почётное право ждать зверя на засидке. На высоте метра в четыре она была сделана нами между двух сосен. Другие – более бывалые охотники на прикормленном месте выложили потроха и кайфовали себе в Уазике за овсяным полем...

Я быстро понял, почему. Вскоре я околел окончательно. От желания закурить першило в горле. Благо, со мной был рюкзачок. Я достал термос и немного согрелся.

Увидев всё это, напарники поняли, что охота сегодня не удалась, и стали подрёмывать.

Я вслушивался в звуки, а вдруг зверь ещё придёт?.. Неподалёку в деревне залаяла собака. Кто-то кого-то звал ужинать. Потом послышался звон подойника и в жестяное ведро звонко ударили струи молока...

Темнело. Каждый кустик казался мне медведем. Но, присмотревшись, я понимал, что ошибаюсь. И вдруг из-под самых моих сосен стал выходить медведь. От неожиданности руки мои затряслись, и я не мог поймать мушку, а стук сердца, казалось, заглушает всё вокруг.

Всё-таки я успокоил себя, тихонечко передёрнул затвор. Медведь сделал несколько шагов к прикормке, его поднятая лапа замерла на весу... Он смотрел на меня и в любую минуту, одним прыжком мог достичь леса и скрыться в нём. Между ударами сердца я прицелился и нажал на спусковой крючок. Прогремевший выстрел заставил меня передёрнуть затвор, но что-то там заклинило, я сильно дёрнул его и кубарем полетел вниз с засидки. Пока я летел, включились фары Уазика. Я орал пуще медвежьего и думал, что мои напарники могут в темноте принять меня за зверя. Отдышавшись, я направился к машине.

Назавтра наши собаки обнаружили тушу хозяина тайги в трёхстах метрах от засидки и подняли настоящий хай. Нам оставалось разделать медведя, что мы дружно и свершили.

Юрий ЮРОВСКИЙ

ЛИСТЬЯ ТРАВЫ

Жаль, я не встречусь
с многими друзьями,
Ушедшими
в полночные миры.
Но память
обвивает нас крылами
И прорастает
листьями травы.

Не обниму.
На фото вижу лица.
Им не нужны
ни гимны, ни дары.

Мне ж не нужна
 печальная граница,
Что прорастает
 листьями травы.

Не обниму.
 Не встречусь. Не услышу.
Лишь в этом
 они были не правы.
Их голоса
 доносятся все тише,
Как шорох
 прорастающей травы.

Михаил ГАДОМСКИЙ

ПРИПОЛЯРНЫЕ СУДЬБЫ (повесть)

Воркута, трудно сказать какие ассоциации вызывает название этого города у человека неосведомленного, но если задать вопрос жителю Севера России то каждый второй взрослый человек скажет, что это далекий северный шахтерский город, конечная станция Северной железной дороги, куда спешат поезда из Москвы, Питера, а летом даже из самого Новороссийска.

Кто-то вспомнит реплику в фильме "Джентльмены удачи" произнесенную Крамаровым по сюжету, игравшим в города.

- Воркута - я там сидел.

Другие припомнят предвыборную программу Ельцина и Воркутинских шахтеров, стукающих касками на Горбатом мосту в Москве.

Где они эти люди? Время стирает все, и многие удивленно пожмут плечами, как будто пробуя на вкус, произнося незнакомое название города, отмеченного проколом от булавки на карте в кабинете музея Ленина.

Все собранные в этой книжке повествования прямо или косвенно связаны как с этим северным городом, так и с самим автором, который описывает истории людей, жителей русского севера.

* * *

Разные причины влекли народ в молодой заполярный город. В неизвестность ехала в Воркуту самая смелая молодежь, подгоняемая голодом, отсутствием жизненных перспектив в своих советских деревнях, безысходностью крестьянской судьбы, колхозным рабством и нищетой. Двигались по железной дороге нескончаемые составы, везущие молодых, смелых, красивых людей, со всей огромной матушки России, за лучшей долей, мечтающих о хорошей, сытой жизни, надеющихся заработать и своими руками построить свое будущее.

Так сидела у вагонного окна, со страхом глядя на пестрый желто-красный ковер, бескрайней большеземельской тундры, раскинувшийся до горизонта во все стороны, на

сколько охватывал взор, деревенская девушка Аня. В разговоре с самой собой губы у нее беззвучно шевелились. Как она будет жить в чужом незнакомом городе у практически чужих ей людей, бывших односельчан, которых и помнила она только в бытность свою маленькой девочкой, когда приезжали они в деревню, угощали ее девчущку печеньем и конфетами с ароматным чаем и настоящей сгущенкой.

Помнила она назидательные слова матери, крепкой очерстневшей от тяжелой работы в колхозе женщины:

- Вырастешь, поедешь к тетке Катерине в Воркуту, хорошо зарабатывать будешь, квартиру дадут, в деревню приезжать будешь как барыня. А замуж за шахтера выйдешь, деток нарожаешь.

- А ты то, чего не поехала?

Нюрка упрекала мать, уплетая сгущенку и поглядывая на румяную тетю Катю.

Мать сурово поджимала губы и выговаривала дочери.

- Я вдова военная, а вас пятерых, где б я в городе оставила, поумирали бы все. А дом как я брошу, а корову, а Машку. Да и паспорта у меня не было. А у тебя Аннушка ничего нет, и никто тебя не держит, замуж все равно в деревне не возьмут хроменькую. Балованная была вот и разбила коленку, а теперь нога не сгибается. Там город большой мужиков много, глядишь, кто и пожалеет, замуж возьмет не всю же жизнь мне о тебе горовать. Вон Коля уехал в Череповец, большим человеком стал, токарем на заводе работает, очень его все уважают. И Сережку к себе взял, и Ваньку всех сыночков моих пристроил. Одна ты Нюрка осталась да Таня, но Таня ладно еще в школу ходит пусть при мне остается, а ты уезжай. Даст бог все хорошо с тобой будет.

- Страшно мне мама.

Ревела Нюрка:

- Как я там буду.

- Ничего, к своим едешь, первое время помогут.

Город встретил суровым низким небом, полным отсутствием деревьев, бесшабашной по деревенским меркам сытой и пьяной жизнью. Привыкшая к тяжелому деревенскому труду неприхотливая Нюрка прижилась у тетки Катерины, спала на матрасике на кухне, который расстилала вечером, когда все ложились спать. На кухне было тепло, подушку и одеяло она привезла с собой из деревни. Тетка Катерина была строгой и по деревенским меркам богатой женщиной. Жила с мужем и шестилетней дочкой Маринкой в большой однокомнатной квартире в шахтерском поселке Рудник. Квартира была по тем временам шикарной, дом из бруса, высокие потолки, вода подавалась прямо в кран и печное отопление.

Племянницу она взяла к себе домработницей и успешно взвалила на нее всю домашнюю работу. Посуду, стирку, приготовление пищи и заботу о Маринке. Зато денег за постой с нее не брала, считая, что Нюрка и так обязана ей многим. Без тети Катерины сидела бы в деревне своей хвосты свиньям крутила. А тут сыта и крыша над головой. Сама тетушка Катерина не работала, муж шахтер, бригадир лучшей бригады на шахте, а это что-то да значит вот и квартиру ему дали, и начальство его уважает. А зарплата такая, что они о таких деньгах и мечтать не могли. Тем более работы в Воркуте для женщин почти нет, не пойдет же она жена шахтера горшки мыть. Дома тепло и уютно. Нюрка обед сварит, грузинский чай, белый хлеб. Жизнь сытая, хорошая о такой в деревне только мечтать.

Нюрка, прожив полгода в Воркуте, имея от природы активность и трудолюбие, быстро освоилась и выполняла всю домашнюю работу. Стирала, убирала, готовила, возилась

с разодетой как кукла Маринкой. Иногда тетка отпускала ее погулять к дальним родственникам и в клуб в кино с их дочерью Ниной санитаркой из больницы, которая была она девушкой модной и независимой.

- Уходи от тетки, - говорила Нина Нюрке, - ты им не прислуга. Приходи работать в больницу, комнату тебе дадут в бараке, девочки у нас веселые.

Снова переживала Нюрка, опять плакала, да и к тетушке Катерине она привыкла и к Маринке привязалась, относятся к ней хорошо, за квартиру денег не берут, кормят даром, что не платят ничего, так деньги на кино дают. Со временем желание жить самостоятельно взяло над сомнениями верх. Последней каплей стала выходка пьяного дяди Коли, который в воскресенье устроил пьяный скандал, ругался бил посуду и кричал, что все на его шее сидят, всех он из грязи вытащил своих и чужих еще кормит. Все это кричал он, глядя на испуганную, забившуюся в угол Нюрку.

- Что смотришь, дармоедка, собирайся и иди работать, всю жизнь я буду, что ли тебя кормить, - кричал он.

Потом пьяно заплакал и уснул, склонившись над столом. А Нюрка не спала всю ночь. Боялась взять матрас, из-под ноги у Николая и к утру решила идти работать в больницу.

* * *

Мишка, немцев не помнил по малолетству, хотя многие взрослые с оглядкой рассказывали, что вместе с немцами в город пришел порядок. Военные патрули прекратили преступные выходы местной шпаны. В городе заработали кинотеатр, ресторан и танцплощадка. Забылся предвоенный голод и в Мишкину семью, жившую бедно в небольшом приграничном городке западной Украины неожиданно вместе с немцами пришло долгожданное благополучие. Сестра Оксанка устроилась работать официанткой в кафе и к всеобщему восторгу и восхищению после первого месяца работы принесла паек, такого изобилия продуктов многодетная семья не видела даже в лучшие периоды жизни.

Немцев Мишка не помнил, а вот вкус немецкого шоколада твердого, необычайно ароматного в блестящей упаковке из фольги, доставшегося ему как самому младшему из детей, он запомнил на всю жизнь. И этот вкус чувствовал на губах в самые трудные времена, когда мотался с геологами по заполярной тундре, таская на плечах неподъемный рюкзак с образцами минералов. Сидел в тюремном бараке. Хоронил погибшего в шахте брата. Напивался до бесспамятства, чтобы заглушить боль о разлученной семье, расставание с родными и вспышки воспоминаний о том, как за немцами пришли наши. Как его малыша спрятали от неминуемого помещения в специальный детский дом, сердобольный старик сосед. Как колонна грузовиков с вооруженными солдатами увозила всех близких, родных ему людей, его семью и в последнем замыкающем грузовике сидел хмурый солдат, баюкавший, как ребенка в руках, одетых в рукавички с узором связанные Мишкиной мамой, тяжелую, черную винтовку.

Помнил Мишка старую грушу, растущую на высоком холме, где он ребенком пас ковов. Ее плоды падали на траву и были очень маленькими и сладкими на вкус.

И закружилась, понеслась, жизнь. Длинной железной дорогой нес его состав ко второй родине к долгожданной встрече с сестрой, которая уже отсидела свой срок и звала Мишку к себе в суровый, заполярный город. Ближе и роднее сестры не было у него никого на свете. И он в ожидании курил в холодном тамбуре, под лязг сцепки и сердце сжималось от предвкушения скорой встречи, молодой и счастливой новой жизни, которая ждала впереди.

* * *

В бараке было холодно так, что ночью поверх одеял девчонки накидывали ватники и старые солдатские шинели. Вот уже пятый год Оксана живет в этом холодном городе. Вот уже пятый год думает она о том, что эта ссылка не кончится никогда. Никогда больше не увидеть ей теплые яблоневые сады, розовый куст, цветущий у калитки их маленького домика.

Дрожа от холода, худенькая Оксана выбралась из-под одеяла, опустила озябшие ноги в валенки подбежала к ржавой буржуйке, чадающей тлеющими углями, зашла в глухим тяжелым кашлем. Кашляла долго, до слез, когда прошел приступ, вынула из кармана выцветшего ватника беломорину, привычным движением размяла её тонкими белыми пальцами, прикурила от лучины, глубоко затянувшись сизым табачным дымком, прикрыла глаза.

Через три часа на работу в чертежную мастерскую по темноте и морозу. Оксана улынулась, вспомнив, что тропинка идет мимо стройки, где работают доходные зеки, латыши. Один из заключенных, нескладный высокий парень с интеллигентным лицом, ждет ее каждое утро с грустной улыбкой. И каждое утро она неловко перебрасывает ему через «колочку», замороженную картофелину, морковку или краюху хлеба, которую заранее прячет в карман. Он, неуклюже спотыкаясь в глубоких сугробах, бежит, смешно выбрасывая длинные замерзшие ноги, подбирает переданные продукты, спешно рассыпав их по карманам с благодарностью, озираясь, кивает ей головой и говорит, что-то хорошее на непонятном ей певучем языке.

Такие отношения длились между ними уже три года, и Оксанка, хоть и с трудом, но уже начала понимать, о чем говорит ей этот единственный близкий мужчина, на переплетающемся с русскими словами, латышском.

Иногда, когда не было поблизости охранников, он говорил с ней о том, что умер от воспаления легких его земляк, Андрес с данной ему лагерным начальством, для простоты произношения фамилией, Двойкин. О том, сколько их пленных латышей уже умерло за годы его заключения, и что если бы не она, Оксана, он, как и его товарищи давно умер. О том, что когда рассмотрят его прошение и освободят, он получит хорошую работу. Ведь в той прошлой жизни он был благородный человек, блестящий инженер из уважаемой в Латвии семьи и когда освободится, они обязательно поженятся, и он отвезет её к себе и познакомит с мамой.

Эти мысли согрели Оксанке душу, она щелчком послала окурочек в печь, шаркая валенками, дошла до нар, нырнула под холодное одеяло и зашла в привычном утреннем кашле. Наступало черное Воркутинское утро.

* * *

Пот застилал Ване глаза, темнота, пыль, ляг шахтного железа, тусклый желтый свет налобных фонарей все сливалось в один мощный гул, бивший в унисон с его сердцем. Высокий, широкоплечий не знающий усталости парень вызывал у изнуренных тяжелой работой шахтеров непростое, двоякое отношение. Многие с завистью смотрели ему в широкую обтянутую спецовкой спину. Мол, что малый заработать здесь хочет, только жилы надорвет под землей без году неделя, а уже Иван Иванович, видели мы таких, и другим из-за него покоя нет. Ни покурить, ни отдохнуть. Не наш мужик, не шахтер.

Иван от природы, будучи человеком добрым, не обращал внимания на косые взгляды, редко делился своими проблемами с окружающими и надеялся только на себя. Шел

он по жизни уверенно, не оглядываясь назад, улыбаясь встречным, широкими тяжелыми шагами рабочего человека.

Вперед и только вперед каждый шаг отдавался уверенно как удар шахтерской кувалды. И этой кувалдой махал Иван с ловкостью циркового жонглера.

Чувство стыда и неловкости испытывал перед собственной совестью, а не перед окружающими людьми, которые редко обращали на него внимание, считая парнем чудачковатым. Стыд мучил его, когда поднявшись на гора он мылся в шахтерской бане, надевал чистое белье, и забежав в столовую, чтобы съесть самый дешевый обед, деньги на который были отложены заранее в потайной карман плаща. Чего он в столовой брал вдоволь и ел с удовольствием так это несколько широких кусков белого хлеба, которого в Орловской деревне, откуда он родом, никогда в досталь не было.

После обеда, сидя в общежитии на своей дружинной койке, он просто физически страдал от вынужденного безделья, из-за того, что смена закончилась и до следующей работать не придется. Во сне ему снилось, что его мама наблюдает за ним, хмуро глядя исподлобья, и в её взгляде он видел для себя молчаливый укор. Мол, что же ты сынок отдыхаешь, как же мы долг за дом отдавать станем. И как ушат холодной воды обрушился на него, в холодную Заполярную ночь, вскакивал он со скрипучей кровати. Лихорадочно открывал тумбочку, ища заначку, и в очередной раз пересчитывал уже пересчитанные купюры, шепча одними губами.

- Скоро мама, скоро я заработаю, долг мы отдадим.

Потом он складывал деньги обратно, бережно пряча небольшой газетный сверток на самую нижнюю полку тумбочки. Ворочался на скрипучей кровати в ожидании утренней смены. Вспоминал сестер, маму. Взявшего кредит на постройку дома и внезапно умершего отца. Потом он засыпал, и снились ему яблоны в саду, новый отцовский дом и зеленый заливной луг перед ним, скамеечка и улыбающаяся ему в праздничной одежде мама.

- Скоро я заработаю, долг мы отдадим.

* * *

Холодно ну как же холодно... Нюрка стояла на автобусной остановке, пританцовывая в дешевых войлочных сапогах, ног она уже не чувствовала. Ледяной ветер продувал тонкое пальтишко насквозь, деревянная наскоро сколоченная из необструганных досок и покрашенная зеленой краской будка, от холода не спасала совсем. Люди, словно пингвины, жались друг к другу и цепенели в ожидании от холода.

Каждый день, Нюрка после работы ездила учиться в вечернее отделение медицинского училища, и каждый день до синева мерзла в будке автобусной остановки.

Работать в больнице ей нравилось теплое, светлое, пахнущее свежей краской отделение, удивительная атмосфера белых халатов, запахов лекарств, эфира, еды из пищеблока вызывала у нее, благоговейный трепет.

Такой красоты она никогда не видела и этот восторг не могли затмить ни больные, ни тяжелая, привычная работа.

Для себя она четко разложила все по полочкам, больные отдельно, отдельно сестры, отдельно персонал и отдельно врачи. Врачи были для Нюрки людьми из другого мира и все, что они делали, говорили и даже то, как двигались, вызывало у нее уважение. На врачей, смотрела она благоговейно, и казалось, что выпала ей простой деревенской девушке, великая честь общаться с высшими существами. И она гордилась, когда убирала грязное белье, мыла полы, помогала медсестрам и даже иногда докторам и за все это получала по её мнению огромную зарплату. Да права была мать, столько в деревне ей не

заработать и за год. Работы она не боялась, с девчонками в барачном общежитии дружила.

- Дура же ты Анька, - говорила ей соседка по комнате Лида, глядя в зеркальце. - Смотришь на этих врачей с открытым ртом. Мужики они обычные, я на таких в Смоленске насмотрелась, им лишь одно надо, под юбку к тебе залезть. Надо за доктора замуж выйти, выбрать который по красивей, и начать действовать, а ты все конспекты читаешь.

В отличие от белокурой худенькой Нюрки, Лида была пышногрудой темноглазой брюнеткой, ходила задрав нос и халаты шила на заказ у знакомой портнихи из импортного материала. С врачами она была на короткой ноге, слыла красавицей и постоянной соперницей даже для звезды больницы, Тонечки, врача и члена партии. О Тонечке Нюрка боялась даже думать. Вспомнив о шикарных кольцах на её пальцах, и аромате заграничных духов она тут же уткнулась в конспект по истории, которая давалась ей тяжелее остальных предметов.

Антонина Ивановна, Тонечка жила и работала в Воркуте уже третий год и после родного Ярославля и Ленинградского медицинского института удивить, её чем либо в Воркуте было очень трудно. Выйдя из образованной и интеллигентной семьи, умная, обаятельная, обладающая избранной красотой и твердым характером, пользуясь особым вниманием влиятельных мужчин, она уверенно шла по жизни вперед. Член парткома, грамотный врач, бралась за порой безнадежных больных и не имела никаких последствий и угрозыений совести в случае гибели пациента, а если больного удавалось спасти, дифирамбы её таланту пело все руководство. Сама же Тоня считала больных рабочим материалом, а их смертность издержкой профессии.

В то же время Антонина была желанной гостьей и душой любой мужской компании. Легко затянувшись любимым «Севером», могла, как воду выпить пол стакана чистого спирта не морщась. В больнице поговаривали, что её назначат заведующей поликлиникой, да и сейчас она уже читает лекции в Воркутинском медицинском училище и пишет статьи в газету «Заполярье».

Тарахтя в облаке белого дыма из-за поворота появился рабочий автобус, ожидающие оживились, и подхваченную толпой Нюрку внесли в холодный салон, прижав к стальному поручню. От холода клонило в сон, она стоя дремала улыбаясь ночным огням шахты «Воркутинская». Всего через пол часа будет дома, сидеть с Лидкой в освещенной слабой электрической лампочкой комнате, слушать её рассказы о близоруком рентгенологе, Анатолии Матвейчев, который, ухаживает за ней уже пол года и в субботу приглашает в кино. Пить настоящий чай номер тридцать шесть с твёрдыми, словно камень глыбами сахара и дрожать в преддверии экзамена по истории.

А самое радостное для неё было то, что завтра она опять пойдет на любимую работу в храм под названием больница со знакомым ей запахом лекарств и пищи из пищеблока.

* * *

От непосильной ноши, Мишку шатало из стороны в сторону, лямки рюкзака стальными тросами врезались в плечи, ноги с трудом переступали по земле. Ещё пятьдесят шагов и отдохну. В глазах туман в ушах гул от висящих над головой комаров. Таких комаров раньше Мишка не видел нигде. С лета они прокусывали штормовку, сплошной серой кашей шевелились на накомарнике, не давая дышать, а хуже всего был этот их гул, преследующий даже во сне.

Нет, такая работа не для него спасибо Оксане устроила по блату. Хотя кормили хорошо, комаров Мишка вытерпеть не мог. Ещё геологи эти одержимые, таких камней и возле партии полно, нет надо идти за ними все дальше и дальше, а кому образцы потом переть, конечно, Мишке. Он охнул, оступившись, острая боль пронзила лодыжку, тут ещё инвалидом станешь, как танцевать потом. Вспомнил свои лакированные туфли бережно, чтобы не поцарапать, обернутые фланелью и спрятанные им под кровать в бараке у сестры. Лишь бы не спёрли. Приеду из тундры и на танцы, денег должны дать нормально, надо матери немного отправить. А заплатить должны хорошо так сестры «латыш» Федя, в прошлом Фриц говорил. Сами в кабинетах сидят, а его Мишку в тундру на съедение комарам отправили. Ничего вернусь на водителя пойду учиться, на автобазу устроюсь или в таксопарк, как отцу обещал, были бы деньги. Одежду куплю костюм с отливом, рубашку голубую. Часы от брата золотые остались. В кабак пойду. Он вспомнил как хоронил брата погибшего в Челябинской шахте, нет в шахту ему дорога закрыта. Мишка не дурак, вон в карты даже у воров в зоне выигрывал.

О, грибок под ногами, подосиновик... Не в силах больше двигаться Мишка рухнул набок, вместе с каменным рюкзаком уткнувшись носом в красноголовый грибок, вдохнул его запах, и под не стихающий комариный гул, стал вспоминать родную Украину, сало и самогонку.

Откуда-то навалился тяжелый сон, перед лицом в табачном дыму появился черный сколоченный из грубых досок стол, в руках две измочаленные карты, а в голове единственная мысль о том, чтобы туз пришел. Туз, туз. Мишка медленно перевернул карту рукой, туз, бубновый.

- Двадцать одно.

Он выдохнул с облегчением, привычным движением развернув карты на столе.

- Ничего не получишь, фраер.

Вор взвизгнул и швырнул карты в сторону. Реакция у Мишки была молниеносной, все же бывший футбольный вратарь. Удар, проигравший хрюкнул, надломился, изо рта брызнула кровь. Блатные вскочили, опрокинулся стол.

Он пытался ударить ещё, но почувствовал сковывающую, резкую боль в правом боку и проснулся. Бок ныл сильно, кусок острой породы через рюкзак врезался в ребра.

- Вставай доходяга, сто метров не дошел.

Марьян рывком поднял Мишку на ноги, вместе с рюкзаком, тот хлопал сонными глазами, массируя помятый бок. С неунывающим румяным поваром, поляком они дружили, как же почти земляки. Вечером в палатке под спирт до хрипоты спорили о том, как правильно жить, мечтали о будущем.

- Какого черта тебе навалили, давай пошли обедать.

Марьян как пушинку закинул рюкзак на спину и зашагал к палаткам. Сзади подобрал сломанный подосиновик хромая и кашляя от набившихся под накомарник комаров, бежал прихрамывая Мишка.

* * *

Оксана села на широкий подоконник, поставила рядом алюминиевую, с обмотанной ручкой кружку с чаем и залюбовалась идущим по реке весенним льдом, согретым весенним солнцем кустарником, чернеющим от угольной пыли снегом. Она привычным движением выбила из пачки «Беломорину» и с удовольствием затянулась горьким дымом.

Вот и весна пришла как хорошо на душе и у нее в семье все хорошо. Прошло уже четыре года после освобождения Феде, спасла она его своими перебросками, почти все

латыши погибли, а её Федя умный, выжил. Написал куда надо бумагу, срок ему скостили. Работает теперь начальником участка, хорошая зарплата, паек. Даже квартиру им выделили, вон какая хорошая из окна реку видно, очень красиво.

Да и у Оксаны работа не пыльная, чертежница в геологоразведке, разве найдешь такую работу в Воркуте без образования это же не горшки мыть. Только её стойкость и характер помогли ей пережить ссылку, спасти будущего мужа, бог даст все как надо сложится, о родителях она даже не вспоминала, боялась. Старалась гнать от себя прочь мысли о возвращении домой, да и куда возвращаться. Федя безвыездный ещё шесть лет, все твердит:

- Латвия, Латвия...

А она ему:

- Забыл уже, как в Воркуту попал?

Ни кого из его родственников в живых не осталось. Очень он у неё хороший, умный. Не зря она его заприметила, выделила из серой массы зеков, пусть старше её на девятнадцать лет, это ничего. Не ошиблась и спасла сама. Всю жизнь она себе сама построила и всем помогает. Дочку родила, Наташку просто красавицу, брата Мишку разыскала, на работу устроила, на водителя учится, Федя помог.

Пусть теперь и Мишка им помогает, вон с Наташкой понянчится, а у неё дел хватает да и работать надо. Девчонки говорили, что выставка художественная из Ленинграда приехала, сходить надо обязательно в субботу и Федю вытащить, а то он сутками на работе, отдыхать должен, здоровье беречь. Может быть летом разрешат в санаторий съездить. Люди поговаривают, что скоро все ограничения снимут и можно будет поехать.

А Наталью можно будет на брата оставить, справится, пусть помогает и не забывает, что она для него сделала, а то у него только танцы на уме. Весь в отца пошел, и выпить любит. Оксана затушила сигарету о резную кромку приспособленной под пепельницу жестянки. Надо на работу бежать перерыв заканчивается, дочку покормила, Мишка понянчит, а до работы рукой подать, дорогу перейти. Очень удачно квартира расположена.

Она накинула сшитое из шинельного сукна пальто, повязала платок и, закрыв дверь на настоящий взрезной замок, запрыгала по ступенькам вниз.

* * *

Он стоял уже третий час, переминаясь с ноги на ногу в очереди на ступенях в универмаге «Гостинный двор». Стоять было тяжело, да и времени маловато старшина отпустил за два наряда, да и второй день отпускает. Иван у него на хорошем счету. С учебной нормально, учится на одни пятерки, мать в деревне подружкам рассказывает, радуется. Какой сынок у нее Ванюшка в Воркуте шахтером работал, за дом рассчитались, а сейчас хоть денег не посылает одни подарки, учится в Питере на юриста. Да и что не учится, одевают, обувают, кормят, поят, белый хлеб, а сынок у нее трудолюбивый, выучится, в деревню вернется.

Иван привстал на цыпочки, поправил рукой натерший шею ворот шинели, и в очередной раз посмотрел на блестящую оптику стоящего на витрине фотоаппарата «Зенит». Вот это вещь ни у кого в деревне такого нет, приеду мать сфотографирую это ведь зеркальный объектив, настоящий «Зенит» и тут же помрачнел, сколько же теперь придется копить, а в деревню с чем ехать, всем же подарки надо купить, ну да ничего, подкопит. Ребята говорили со следующего месяца, стипендию добавят, а экономить он умеет.

Вот он заветный аппарат, Иван несет коробку как шкатулку с драгоценностями, старшина вальяжно открывает сейф, излишне резко ставит туда коробку с фотоаппаратом.

- Не дрейфь старик, будет в целости и сохранности, ключ только у меня.

Если бы знал Иван, что пройдет четыре месяца, и этот же старшина будет недолго пожимать плечами и утешать расстроенного Ивана.

- Прости старик, как мог пропасть не знаю? Не жалуйся ни кому, не подводи под монастырь.

А ещё через четыре года уже служа в далекой Ухте, получит от бывшего старшины перевод, шестнадцать рублей двадцать пять копеек.

Время уносит все как река, и забываются уже бессонные ночи, проведенные за учебниками, в которые вгрызлся Иван, как в свое время в забое в пласт угля, с тем же упорством под косые взгляды коллег.

Не болит уже поломанная нога, которую сломал он, как в последствии смущаясь, рассказывал знакомым:

- Книжку торопился взять.

Позади, осталась и учеба в Киевской академии МВД, а пока стоит Иван в очереди на потерянных ступеньках «Гостиного двора» за фотоаппаратом «Зенит». Стоит и волнуется.

- А вдруг не хватит?

* * *

- Внимание, не двигаться и не дышать!

- Дышите, одевайтесь.

В белоснежном халате с аккуратной завивкой за пультом аппарата флюорографии уверенно командовала молодая женщина уверенным мягким голосом.

- За заключением завтра придете, когда врач снимки опишет.

- А сегодня можно?

Смеётся глазами, голубоглазый брюнет Мишка, застегивая пуговицы голубой рубашки.

- Сегодня нельзя. Идите, товарищ, не задерживайтесь, у меня людей много.

Дверь захлопнулась, тут же из соседнего кабинета выглянула Лидка с прической, аля-Софи Лоран.

- Ну, ты идешь или нет, чай стынет.

- Сейчас иду.

Аня раскладывала на стуле снятые кассеты.

Стол был, что надо, девчонки несли на работу к чаю, кто, чем богат.

- Матвейч сегодня злой, работы много.

Лидка закатывает глаза и кивает на кабинет заведующего. Вчера Антонина Ивановна на работу опять не вышла, звонила вечером после партсобрании. Девчонки приснули.

- Ничего, потом опять за четверых трудиться будет.

Лидка, жена заведующего, принесла к чаю тарелочку с нежными, розовыми кусочками семги. Аня печенье и сгущенку. Санитарка Тая вареной картошки и яиц. Надя баночку вишневого варения. Чай пили с удовольствием, обедать, домой не ходили.

Дверь отворилась. На пороге прямая с бледным лицом стояла Антонина Ивановна.

- Опять жрёте, а в Казахстане женщины чай без сахара пьют.

Девчонки засуетились, стали приглашать врача к столу.

- Нет спасибо, пойду покурю, снимки в кабинет.

Цокая каблуками, Антонина Ивановна проследовала к себе.

- Видали, даже чай пить отказалась, еле живая после вчерашнего. Без сахара, - передразнила Антонину Ивановну Лидка.

Все заулыбались украдкой. Действительно дела у Тони в последнее время шли неважно. Её муж инженер телевизионщик на новенькой «Волге» сбил женщину и даже её связи не помогли, дали три года поселения в Ухте. Сейчас он и писать перестал, говорят, там другую женщину встретил. Тоня вздохнула, закурила «Беломорканал». Вчера опять напилась, как дура с работы отпрашиваться пришлось утром. Пальцы дрожали. Да изменилось все в последние два года, и она сильно изменилась, компании с выпивкой после собраний превратились в банальные пьянки. Но когда она поднимала очередной стакан, жизнь становилась красочной, проблемы отступали на задний план. Выпивать она стала чаще и чаще, даже когда оставалась одна. С утра от выпитого накануне, не могла подняться и идти на работу. А руки её не слушались и предательски тряслись. Сдаваться ей нельзя, надо работать, собраться и сдержаться.

Работать ради сына Лени, который в этом году поступает в летное училище, о нем она думает, о его благополучии. На себя Антонина давно махнула рукой, но все так же держалась особняком. Она не такая как все, другая, известный врач, вся Воркута её знает. И пусть работает она на рядовой должности, сняли её с заведования, коллеги её уважают, и боятся, больные благодарят, деньги несут которые она принимает как должное, знания обязаны цениться по достоинству. И заведующий хоть и ворчит, но как специалиста её ценит, а отгулы, которые она себе позволяет с лихвой отработывает, в этом её упрекнуть нельзя. Тоня налила спирт в стакан, не поморщившись, выпила и принялась описывать снимки, горой лежавшие на столе.

Работник ответственный, Нюрка, приходила на работу намного раньше других. Семьи у неё не было и, не будучи обременённой другими обязанностями, она бежала на работу как на праздник, позади учёба в медицинском училище, впереди любимая работа и возможно отдельная квартирка пусть однокомнатная, но зато своя собственная, даже не верить.

Быстро заполнив журнал, она открыла дверь в кабинет и столкнулась со вчерашним посетителем, голубоглазым брюнетом по имени, кажется, Михаил.

Хрустящая кожаная куртка, кепка восьмиклинка, из-под козырька вихор чёрных волос.

«Какой красавец...» - подумала Нюрка и тут же отогнала от себя эту мысль. Строго нахмурилась:

- Что вам надо, товарищ, работаем с восьми?

- Не сердись сестренка, посмотри флюорографию, на линию ведь не выпустят, а мне работать надо. Клиенты ждут.

Она вернулась в кабинет. Где же снимки наверно у Антонины Ивановны. Робко постучав и услышав:

- Войдите.

Нюрка, вошла в кабинет врача.

- Флюорография Косовского Михаила, готова?

- Да. Анна Федоровна пригласите его ко мне.

- Мигом, а то он с утра дожидается.

Нюрка окликнула красавца, водителя в коридоре.

- Входите, врач ждет.

- Спасибо родная, век буду благодарен.

Подмигнув, Михаил заскочил в кабинет.

- Плохи дела твои шофер, легкие затемнены, к работе не допускаю. Обследоваться надо, - отрезала Антонина Ивановна.

- Да ты, что мать не могу я без баранки.

- Я вам не мать, кабинет освободите.

Мишка вышел в коридор, повесив голову, как так? Как ему без руля, ведь он Мишка, лучший водитель в парке.

- Чу, кто это рядом, та светленькая сестричка? Чего тебе, родная?

- Вы не расстраивайтесь, так. Антонина Ивановна она добрая, только принесите ей чего-нибудь.

- Я понял, только чего?

- Я не знаю, Михаил, подумайте, может, конфет хороших найдете.

- Спасибо. А как звать-то тебя?

- Нюра, зовут.

- На танцыходим?

Нюра повернулась и пошла по коридору, на глаза навернулись слезы.

- Да как же я сразу не заметил.

Увидав её хромоту, Михаил погрустнел, забыв о своих больных легких. Зона пролятая. Что же этой стерве, врачихе загнать. Надо с Марьяном посоветоваться, он в этом деле голова, а дело выгорит, сестричку эту в кабак свожу. Закинув в губы «Беломорину» и сдвинув набекрень кепку, Мишка побежал по больничному коридору к выходу.

* * *

- Не умеешь ты жить, не умеешь.

Марьян выпил стопку, крякнул и закинул в рот два колечка копченой колбасы.

- Правильно не всем директорами столовых работать, помоги лучше по старой дружбе.

- Подожди, подумаяю.

Марьян повернулся широкой, обтянутой синим халатом спиной и, сутулясь, ушел в глубину склада. Там он долго ворочал ящики и гремел жестянками консервов. Вернулся минут, через пятнадцать, пыхтя и смахивая испарину со лба, стал выкладывать на грубый рабочий стол деликатесы по тем временам невиданные. Палку «Сервелата», две пачки индийского чая, две банки шпрот, импортный инжир, кулек московских трюфелей, бутылку коньяка.

- Все спрячь продукты московские, на рынке не купишь, ещё цветы купи не жмись и курить бросай, дышать невозможно.

Марьян закашлялся.

- Спасибо всегда ты меня земляк выручаешь.

Мишка складывал продукты в переданную Марьяном картонную коробку.

- Сколько должен?

- Езжай, езжай. Работай, сочтемся.

Марьян оказался прав, коробка подействовала чудесным образом, проблема с флюорографией решилась легко.

- Наливай.

Мишка лихо опрокинул стакан.

- А сейчас готовь червонец и смотри.

Он вскочил, поставил на ржавый колесный диск обломок широкой доски. Запрыгнул в салон «Победы» и с пробуксовкой взял с места. Машина, сверкнув блестящим в шашечках боком, развернулась в гараже, набирая скорость, как пушинка, поднялась с импровизированного трамплина на два колеса, заскользив по гаражу вдоль ровным рядом стоящих такси. У водителей вырвался вздох восхищения.

- Как в цирке, вот дает!

Машина, сделав круг, прикатилась назад, не доехав метра до двери диспетчерской, опустила на четыре колеса напротив красного от ярости неизвестно откуда взявшегося директора таксопарка.

- Опять ты!

Прошипел директор с утра заявление на стол и свободен. Он развернулся и вышел, с оглушительным грохотом хлопнув дверью.

Мужики притихли. Мишка угрюмо вышел из машины.

- Червонец гони...

«Не пропаду», - думал он, шлепая в темноте по лужам. Федя на стройку возьмет, сестра поможет или Марьян. Мишка закурил, улыбнувшись, зашагал к сестре.

* * *

Рай, это рай на земле. Бескрайнее море, белый песок и верхушки сосен. Оксана сидела на песчаном холме, испытывая двоякое ощущение. Впервые за столько лет они с Феей выехали с крайнего севера отдохнуть, да еще, куда к нему на родину. Прибалтика просто ошеломила Оксану своей Западной роскошью, булыжными мостовыми старой Риги, запахом дорогих сигарет, бальзама и кофе. Она смотрела на мужа, который в Воркуте нескладный и как не от мира сего, в родных местах преобразился. Откуда взялась эта стать, манера держаться, благородство движений.

Они бродили по старым улочкам Риги, уверенно шагая, глядя на родные места, где каждый метр булыжной мостовой был знаком ему, каждая выбоина напоминала ему молодость и ту другую жизнь с камином по вечерам, шуршанием маминой юбки, запахом сыра и луковиц тюльпанов и ещё чего-то близкого щемящего сердце. Он смотрел на дома, свои дома, которые сто, двести лет принадлежали его семье, в которых жили его отец и дед. Сейчас в них жили чужие ему люди, ужинали в его гостиной, спали в его спальне. Кто они, откуда взялись. Почему это случилось с его семьей. Конечно это враги, захватчики, воры. Наворачивались слезы, в ушах шумело, боль и гнев мутили разум, и тут же глаза начинало жечь от света прожекторов, в ушах стоял захлебывающийся лай собак, мат конвоя и вой бесконечной заполярной пурги.

Он наклонял голову, протирал очки, бережно обнимал жену, единственного близкого человека, и шептал ей на ухо:

- Дорогая мы будем жить здесь на берегу моря, я буду выращивать тюльпаны, и наши дети Наталья и Янис будут жить здесь с нами в нашем каменном доме. Я все сделаю для этого.

Оксана молчала, глядя на него, думала, какие они все же разные люди. Объединила их проклятая, Воркута сморозила мерзлотой в единое целое. Благодаря ей, он живет на свете и видит родину, а не лежит в общей могиле с другими зеками. Никогда он не предаст её и всегда будет рядом.

Она очень боялась:

- А вдруг опять все повторится, весь этот лагерный ад.

Страх холодной тошнотворный, змейкой полз между лопаток. Вздогнула папираса, выпала из пальцев.

- Господи, храни нас господи.

* * *

- Красота какая, чешские!

- А каблук какой, а мех, а кожа. Ольга, ты счастливая. Как же ты урвала такие, за сколько?

- Сто двадцать рублей отдала.

Девчонки не могли налюбоваться на блестящие, пахнущие и хрустящие кожей на модной платформе сапоги.

- Хватит лапать, сюда давайте.

Холоной в кольцах рукой бывалой торгашки Ольга забрала у подруг сапоги. Привычным движением завернула их в оберточную бумагу.

- Пошла я, ещё в аптеку успеть надо.

Под завистливые взгляды подруг она направилась к выходу, толкнула от себя тяжелую дверь и замерла. Взгляд её уперся в затянутую грубым сукном офицерской шинели широкую мужскую грудь. Золоченые пуговицы зловеще сверкнули гербами.

- Гражданка, попрошу показать содержимое вашего свертка.

Ольга боялась поднять глаза, неужели это происходит именно с ней. С ней, заведующей секцией, продавцом с десятилетним стажем. Самообладание вернулось к ней достаточно быстро. Она обхватила сверток двумя руками и зло прошептала:

- Не отдам, права не имеете.

И неуверенно добавила:

- Менты!

Офицер, напирая, взялся крепкой рукой за сверток, бумага порвалась.

- Товарищи понятые, прошу засвидетельствовать факт.

Оба споткнулись об порог и, борясь за сверток с сапогами, ввалились в тесный коридор подсобки универмага.

Через час, Ольга, с причитаниями всхлипывая и размазывая тушь по щекам, рассказывала, как через знакомого за дикие деньги купила эти сапоги.

Иван со свежей царапиной на щеке вносил её показания в протокол. Сегодня он старший инспектор ОБХСС взял ещё одного спекулянта. Какое это по счету дело, пятнадцатое или двадцатое он уже не помнил. Работать он научился ещё в деревне. Всё что у него было форма, паек, зарплата все дала ему милиция. Всё достойно, красиво, хорошо. Пусть коллеги и глядят со злостью, мол, что за мужик не выпить, не закусить, только работать. Из-за него и нагоняй от начальства всем кто хуже, а зачем жили рвать ведь зарплата у всех одинаковая.

Да, не пьет он потому, что работать надо матери помогать и будущую семью обеспечивать, ему надеяться не на кого.

- Все, гражданка, распишитесь здесь и здесь позже вас по повестке вызовут.

Дверь захлопнулась. Иван достал ключи от сейфа поставил внутрь сапоги, закрыл, опечатал. Никому доверять нельзя, народ в милиции ушлый. Он потрогал царапину на щеке, поморщился, взглянул на часы. Домой пора половина девятого, ну и денек сегодня.

* * *

Анна лежала на раскинутом, на лугу покрывале и с удовольствием жмурилась от теплого солнца. Густая сочная как листья салата трава наполняла все вокруг необычайным насыщенным ароматом. Она отложила книжку и опустила лицо в траву. Земляника на удивление росла в изобилии прямо в луговой траве не так, как у них на скудной Вологодчине. Здесь в маленьком белорусском городе, Гродно она с семьей отдыхала уже неделю. От покоя и устроенности санаторного быта все находились в блаженном состоянии.

Многое изменилось в её жизни за несколько лет. Наконец она получила маленькую благоустроенную квартиру. А главное, что они живут вместе с красавцем, Михаилом, один взгляд голубых глаз которого завораживает и заставляет сердце биться чаще. Ему были рады все, и всегда и сейчас с игровой площадки доносился его баритон и хлесткие удары по мячу.

Живут они вместе, и пусть отношения их не оформлены официально, она счастлива, что растет их сынок, Пашка, вот он с песочными волосами как ягненок пасется в траве неподалеку. Позади остался ситец студенческой жизни, и в последние годы они могут себе многое позволить. Михаил работает механиком на шахте, и в этом году получил отпускные в сумме, которую Аня даже боялась произнести. Они купили телевизор «Электрон», в блестящем, словно намазанном жиром, лакированном корпусе. Михаил, вальяжно сидя в вагоне ресторана идущего в далекий Гродно поезде весело поблескивал коронкой и новыми золотыми часами «Победа» на запястье.

Звонкий удар, мяч отскочил от штанги и влетел в ворота.

- Все мужики, хватит, пойдем винца выпьем.

Мишка вытер пот полотенцем. Да где теперь тот поджарый балагур и картежник. За эти годы он погрузел, приобрел живот, но все ещё вьется вихор, черных с отливом волос и горит лихой огонек в голубых лукавых глазах.

- А я мужики никуда из Воркуты не уеду, там у меня всё, я всех знаю, хоть и зовет сестра в Ригу, не поеду. Сто один год в Воркуте проживу. Наливай!

Он привычно махнул стакан.

* * *

Быстрее заводи успеем ещё в отдел, он грузно опустился на сидение командирского УАЗа.

- Иваныч, может утром поедем?

- Нет, ещё в вечерний развод успеем, время есть, гони.

Вечер наступал быстро, замирала утомленная зноем Ханкала. Сонный постовой, мельком взглянув на пропуски, отпустил веревку взмывшего вверх, подгруженного ржавыми колесными дисками шлагбаума.

- Несет же, на ночь глядя.

Белая шестерка сопровождения, поднимая пыль, лихо рванула вперед её габаритные огни, угольками затухающего костра, замаячили на горизонте.

Водитель уставился на избитую военную дорогу усталыми глазами. Иван потер виски, тяжелая головная боль пульсировала в затылке, его клонило в сон.

- А ну прибавь, вон сопровождение как оторвалось.

Вдруг Иван встряхнулся, тренированный годами службы мозг автоматически выдал сигнал опасности. За окном проносился обычно многолюдный придорожный рынок Берканти-Юрта. Никого?!

Он потянулся к лежащему между сидениями автомату.

- Почему без рожка?

Как в фантастическом фильме по полосе асфальта поскакали красные шарики трассеров.

- Что это товарищ полковник?!

Необстрелянный водитель растерялся и дал по тормозам, УАЗ пошел юзом.

- Стреляют!

Придавая действию бутафорски-дискотечный характер, закутились на крыше красно-синие мигалки. Трассера продолжали свой зловещий танец. Очередь стальными прутами ударила по броне командирской двери.

- Газу, газу давай! - Взревел Иван, хлопая водителя по плечу.

Тот больше, чем пуль боевиков, боясь своего командира и моментально выйдя из ступора, вдавил педаль акселератора до упора в пол. Двигатель зарычал как раненый зверь и, чадя резиной, развернул тяжелую машину вдоль дороги и кинул её вперед, мимо искрящегося асфальта. Ещё бросок, и машина оставила Беркант-Юрт позади, до отдела оставалось подать рукой. Иван что-то кричал в «Моторолу» в животе у водителя сжался предательский как удар под дых комок:

- Пронесло...

Он зло выдохнул, нажал на газ и покосился на «первого».

- До конца командировки дожить бы с таким командиром. Все, завтра на ремонт встаю.

На совещании атмосфера была тяжелая. Командир ОМОН играл желваками.

- Я людей не дам. Никогда в Чечне ночного патрулирования не было. В засаду попадем, людей потеряем.

- А ты что сюда спать и водку жрать приехал, будет ночной патруль, я тебе сказал, выполнять!

Иван грохнул ладонью об стол.

- В таком случае я с себя ответственность снимаю.

Бледный омоновец поджал губы, повернулся и вышел из кабинета.

- Значит, я патруль не выставляю, все равно командовать некому.

Начальник смены выдохнул с облегчением. Офицеры молчали.

- Я буду командовать, поднимай людей.

- Вы не можете товарищ полковник.

- Я, могу. Патрулировать будем.

Боец в грязном бушлате и броннике с удивлением на чумазом лице оттаскивал ерш, освобождая дорогу первому в Грозненском сельском районе милицейскому патрулю.

- Поехали.

Иван улыбнулся. Техника и люди, подавшись вперед, проваливались в черную как сажа Чеченскую ночь. Работать Иван любил.

* * *

Она держала в руках мятой с яркими заграничными марками конверт. Письмо с того света. Слезы застилали глаза и страх. Страх, который, кажется, не покинет её никогда. На конверте крупным убористым почерком сестры, адрес: Нью-Йорк, Рочестер, США.

- Сколько лет прошло, сколько лет. Неужели она жива?

Серебристый «Боинг» стрелой рассек голубое небо. Оксана неуверенно ступала по незнакомой земле.

- Вэлком, Ксана!

Ноги перестали ей повиноваться. Слезы побежали из глаз.

- Ира!

Они обнялись, и заплакали, обе не могли оторваться и насмотреться друг на друга. Так обнявшись, спотыкаясь и причитая, они шли к машине и слезы радости людей вновь обретших семью лились по их щекам. А уже через несколько минут большой белый Мерседес неся, бесшумно лавируя, в потоке машин.

* * *

В дверь даже не постучались, а как-то по животному поскреблись. Анна открыла и отшатнулась, с трудом узнала вошедшую. Одутловатое, пергаментное лицо. Сиплый голос. Она, взяв себя в руки, увела любопытного Пашку в комнату.

- Антонина Ивановна, вам плохо?

Облокотившись на дверной косяк, женщина тяжело дышала.

- Плохо Аня, дай хоть что-нибудь. Опохмелиться надо. Ты не знаешь, что это за болезнь.

Утвердительно она прижала руку к груди.

- Конечно сейчас, проходите на кухню.

Она терялась, не узнавая в ней бывшего врача.

Трясущейся с желтой кожей рукой та, опрокинув стакан, насильно вталкивала водку в горло.

- Аня, пожалуйста, десять рублей, отдам.

- Конечно Антонина Ивановна. Вот возьмите.

- Спасибо Аня, только Мише ничего не рассказывайте.

Она затравлено оглянулась, в глазах появился болезненный блеск.

- До свидания, спасибо.

Запахнув рваное пальто, гостя стала быстро спускаться по ступенькам.

Аня смотрела ей в след, на тапочки, в которые была обута Тоня, и не верила своим глазам. Тапочки были разные по цвету. Как это могло произойти с ней. Как смогла сломать жизнь такую женщину. Девочки на работе говорили, что на Новый год приезжал её сын и с друзьями ходил по району выкупать заложенные матерью вещи. Книги, золото, ковры, хрусталь. Ане стало не по себе. Из комнаты выглянул испуганный, Пашка.

- Мама, а кто эта страшная тетя?

- Мы вместе работали сынок, а сейчас она заболела.

Она погладила сына по голове.

* * *

- Куда ты колодки дел?

- На машину поставил Павлович ещё на той неделе.

- А ну пойдём.

Мишка тяжело поднялся и двинулся в сторону боксов. Рыжий долговязый слесарь неуверенно двинулся за ним.

- Домкрат ставь, колесо поднимай.

- Зачем?

- Поднимай, сказал.

Рыжий побледнел и стал снимать колесо.

- Барабан снимай.

- Не могу, - водитель запыхтел, - надо подбить.

- Кувалду дай.

Мишка со злостью выхватил кувалду из трясущихся рук слесаря. Удар, ещё удар диск соскочил, зазвенел об пол. Третий удар Мишка сделал кулаком, который чавкнул в лицо долговязому. Тот охнул, повалился на спину.

- Ты кого надуть вздумал?

Он сгреб парня за отворот куртки и рывком поднял на ноги.

- Чтобы завтра колодки стояли!

- Все сделаю Палыч, сегодня сделаю.

- Проверю.

Мишка повернулся и тяжело зашагал в кабинет. Сел за стол, широкой ладонью смахнул в сторону наряды. Он же все машины по болтику по бумагам собрал и разобрал, лишь бы слесаря больше получили. Все для людей делает. И все равно воруют, обманывать пытаются. Его не обманешь, он машины как пальцы свои на руке знает.

Слесаря возились с автобусом уже несколько часов, работа срочная завтра автобус должен быть на линии, кровь из носа.

-Механик сделать просил с ним шутить нельзя.

Сергей покосился на напарника, на лице у которого красовался лиловый синяк.

- Целый день провозились, ну разве так можно работать, даже без ужина, только у нас людей могут так заставлять.

- Вроде все сделали.

- Палыч просил, чтобы мы стекла протерли, тряпки на заднем сидении лежат.

- Делать больше нечего. Я ещё мойщиком к нему не нанимался.

- Рыжий тебе, что одного раза мало.

Оба вошли в салон.

- Где тут эти тряпки? А это, что за пакет, Серега?

Аккуратно бок к боку, блестя коричневым стеклом, лежали бутылки «Жигулевского», как сдвинутая набекрень кепка, белела водочная пробка, проступали жирные пятна на свертках с рыбой и колбасой. Отдельно лежали огурцы, помидоры, зеленый лучок и булка пшеничного хлеба.

- Откуда такое, Серега?

Рыжий сглотнул слюну.

- Смотри сюда. Серега мазутной рукой ткнул в обрывок оберточной бумаги, на которой размашистым Мишкиным почерком было выведено: «Ужинайте, мужики, за работу спасибо».

- А ты заладил зверь, зверь.

Серега, в спешке протирая ладони, разворачивал свертки.

* * *

Оксана сидела в кресле на веранде вдыхала насыщенный сосновой смолой морской воздух и смотрела на идущего по извилистой линии приборя мужа, удивляясь его стати и благородной седине волос.

Какие же они разные люди, все в нем какое-то другое. Этот певучий латышский говор, немецкая пунктуальность. Каждый день в одно и то же время, он меряет шагами Балтийский приборя. О чем он думает, гуляя так один, щурясь и вглядываясь в морской горизонт.

Потом час полуденного сна, а потом тюльпаны. За ними Фриц мог ухаживать часами сидя на складном стульчике, с сосредоточенностью и маниакальным упорством, он тон-

ким совочком окапывал каждую луковицу, беря её бережно, словно нежное голубиное яйцо. При этом взгляд его лучился особенной теплотой.

В эти часы, наблюдая за мужем, Оксана понимала, что ничего в его жизни нет ему ближе и дороже, этих белых луковиц и нежных цветов, букет которых в каждый день её рождения, он приносит, как младенца и вручает ей в подарок. Ревность к этим цветам, она старалась гнать от себя, вдыхая их нежный аромат и радуясь своему женскому счастью.

* * *

- Управление, ровняйся! Смирно!

- Товарищ полковник, личный состав управления внутренних дел по городу Воркуте построен.

Иван с удовольствием оглядел ровные ряды подчиненных сотрудников.

- Здравствуйте, товарищи!

- Здравия желаем, товарищ полковник!

Каменным рокотом в холодном воздухе разносились команды. Редкие утренние пешеходы, озираясь, с удивлением на ранний милицейский сбор ускоряли шаг. Покинув плац, Иван вернулся в рабочий кабинет, взял со стола утренние сводки. Отхлебнул из принесенного секретаршей стакана в стальном подстаканнике чай. По паркету в приемной загрохотали тяжелые башмаки, командиры собирались на утреннее совещание. Иван потянулся, нажал на кнопку селектора.

- Всех ко мне.

Буднично по-утреннему захлопали двойные двери кабинета, начинался новый рабочий день.

* * *

Низкое Воркутинское небо, холодный весенний ветер, по загородной дороге, выходясь в талом весеннем снегу, неторопливо ползет старенький Узик. Вдали, как игрушечный городок замерло городское кладбище, украшенное, шпильями и флажками устанавливаемыми Воркутинцами на могилах родственников для облегчения поиска их снежной зимой.

Машина остановилась из неё вышла молодая пара, проваливаясь в весеннем снегу, они добрались до знакомой, зеленой с шариками оградки.

- Здравствуй, батя, я вот к тебе с женой приехал.

Пашка с Таней разгребли снег вокруг памятника, положили к подножью цветы и конфеты, помолчали.

С белой эмали на них смотрел необычно серьезный Михаил.

- Подожди минутку.

Пашка отошел чуть в сторону. Очистил от снега памятник напротив могилы отца. Цветное фото, залучилось молодцеватой улыбкой дяди Марьяна.

- Ладно, Танюшка, поехали.

Смешно прыгая по сугробам, они добежали до дороги. Узик, чихая и буксуя, пока-тился в сторону города.

- Ну что, к родителям?

- Да, Паша, поехали.

- А Иван Иванович дома?

- Сказал, что сегодня пораньше освободиться.

Они ехали по грязным весенним улицам, вдоль тротуаров веселые ручейки уносили с талым весенним снегом остатки зимы. Пашка счастливо улыбался весеннему солнцу, торопил машину в предвкушении вкусного тещиною обеда.

- Забыл бате сказать, что университет закончил. Ничего следующий раз выберусь, скажу.

Татьяна с любовью положила на его руку, сжимавшую рычаг переключения передач, свою маленькую теплую ладонь.

Екатерина ИЗЮМСКАЯ

ДВЕ СПИЦЫ И НИТКА (побасенка)

И если вам кажется, что две спицы - это две параллельные, то да. Так оно и есть. Но самое прекрасное в спицах – их подвижность. Захотел и ... но, впрочем, все не сразу было так.

А в начале нашей истории каждая спица была непреклонна и параллельна. Строга и воспитана. Обе прямые, гордые, красивые, полезные...

И тут в их жизни появилась нитка. Подвижная, мягкая, податливая, яркая и совершенно неверная! Она переходила от одной спицы к другой. И обратно. И опять. И конца и краю этому не было. Она очаровала сначала одну, затем другую спицу. Окутала шерстяным теплом. Привлекла невероятным узором. Каждой спице пообещала вечную память. И всякий раз облегалась спицу как Ева Адама... А потом та же Ева другого Адама...

И рано или поздно это должно было произойти... Спицы прознали друг о друге. По-забыли о нитке и начали биться друг о друга. За эту самую нитку. Да без нитки у них так глупо и бесполезно выглядела эта битва, что смешно стало даже им, спицам. Решили вести себя почтено. Обходить стороной друг друга. А нитку предоставить самой себе. Но ведь нитка не может существовать сама по себе. Как и женщина без мужчины – лишь человек. И так и смя стала обхаживать нитка спицу... Потом другую... Ну что вы, не знаете нитку что ли? Конечно, обаяла. Но гордые спицы предпочли видеть только то, что хотели видеть.

Вот так перестали пересекаться две прямые.

И если вам кажется, что две спицы не знали друг о друге, то да. Так оно и есть. Но ведь бывает и так, что нитка верна одному крючку.

Николай ТЕРЕНТЬЕВ

ТАНЦЫ ЛЮБВИ НА БОЛОТЕ (рассказ)

Грешным делом раньше баловался с ружьишком по весне. Лет пять назад на первомайские праздники собрался за утками, на своё болотце с озерком. Оно раньше всех оттаивало поблизости. Печора ещё стояла. Правда, уже вся посинела и набухла. Вот-вот пойдёт. Снегу ещё хватало, но с пригорков он уже сошёл. Так что в броднях можно было пробраться к заветному месту.

Вышел из дому чуть свет. Пойма реки встретила меня птичьим гомоном. Вся живность уже прилетела из тёплых краев. Над Печорой с гогом протянула вереница гусей.

Охотничья страсть закипела во мне – и я прибавил ходу. Тут с востока брызнули золотые лучи солнца. Сворачиваю от реки, прохожу луг, гровку с ельником. Беру ружьё наизготовку и медленно выхожу на край болота. И вижу четырёх журавлей справа. Они увлечены собой и не замечают меня. А, напротив – в озёрке около десятка уток плавают. Определяю, что это кряквы – желанная добыча каждого охотника.

Однако меня заинтересовали журавли. От бывалых охотников не раз слышал об удивительных танцах этих птиц. Отработал назад и пошёл по лесу, чтобы выйти к журавлям напрямую. Пробрался к вывернутому корню. И длинноногие, стройные журавлики вот они – рядом. В двадцати метрах!..

Затаив дыхание, люблюсь великолепной картиной весны и любви. Мужики, иначе не скажешь. Птицы танцевали, как настоящие артисты. Они кружились, замирали, в такт движениям прихлопывали крыльями. И казалось, что это они делают сознательно. Для меня остановилось время. Я забыл о том, зачем пришёл сюда.

Мне приходилось видеть журавлей издали они казались несколько невзрачными, но вблизи, освещённые солнечным светом, они были по-своему прекрасны и совершенны. Глаза красные, длинный зеленоватый клюв, белая широкая полоска от глаз к шее, на затылке выделяется красное пятно, чёрные высокие изящные ноги...

В тот день так и не сделал ни одного выстрела. Наверное, тогда у меня в душе что-то перевернулось. Нет, я по-прежнему люблю охоту, но весной теперь «охочусь» только с фотоаппаратом.

Рафаил КЛЕЙН

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ НАГРУЗКИ (очерк)

В конце пятидесятых-шестидесятых годов прошлого века были в моде массовые действия, массовые представления по всякому поводу. В них бывали заняты тысячи людей, а любопытных зрителей собиралось до нескольких десятков тысяч.

Эти массовые празднества, в которых были и выступления синезблужников, должны были заменять религиозные праздники, носить атеистический характер. Правда, новые представления строились по образцу средневековых мистерий.

Не миновала эта «эпидемия» и Сыктывкара. Встреча нового года, проводы зимы, праздники строителей, доярок, бумажников, слёта женщин республики и т.п. – становились поводом для театрализованных представлений.

Их сценарии и режиссуру на общественных началах осуществляли заслуженный деятель искусств Коми АССР Н.Н. Масальский и я, ваш покорный слуга. К этому уже призывали основные организаторы торжеств: горисполком и идеологический отдел горкома КПСС. В последнем, особенно ревностной почитательницей театрализованных выступлений была заведующая тем самым отделом, фамилию которой я уже, к сожалению, запамятовал.

Чуть что, она вызывала ответственных и для политической остротки «накачивала» их. Творчески эти мероприятия, Масальскому и мне, кроме хлопот и нервотрёпки ничего не давали. И вот в конце шестидесятых годов меня вызывает заведующая идеологическим отделом и приказывает:

- Так, шестого мая в день поминовения умерших вы должны обеспечить массовое городское представление... Срочно представьте мне сценарий.

- Простите, - говорю, - не так давно кончилась война, и я не скажу, кого я больше видел живых или мёртвых, избавьте меня от этой нагрузки.

- Не отговаривайтесь, а срочно представьте сценарий!

«Ну, - подумал я, - представляю...» И на следующий день принёс план сценария. Вот он вкратце:

«Весь город украшен траурными флагами, везде крупные стрелки-указатели с призывом: «Все на кладбище!». На воротах городского кладбища большой транспарант с надписью: «Добро пожаловать!» Слева от них на щите стрелка с наконечником указывающим вниз с надписью: «Жди меня... (К. Симонов)». С правой стороны такая же стрелка и надпись: «Не плачь напрасно... (М. Лермонтов)».

Почти напротив ворот на здании детского сада крупно: «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть... (А.С. Пушкин)». На здании республиканской больницы рядом с кладбищем надписи: «Пускай умру – печали мало... (Н. Добролюбов)» и «Устал я жить в краю родном... (С. Есенин)». Рядом с моргом надпись: «Тяжело умирать, хорошо умереть... (Н. Некрасов)».

Прочитав, заведомо спросила:

- Вы это серьёзно?

- Да, - ответил я с невозмутимым видом.

- Оставьте...

И она швырнула план сценария в мусорную корзину. Так весёлое представление по поводу дня поминовения умерших не состоялось. Да и другие сценарии мне стали заказывать всё реже и реже. Так я постепенно и избавился от общественной нагрузки.

2008 год

Алексей ИЕВЛЕВ

«СОТРИ МОИ СТИХИ, ЗИМА...» (рецензия)

Когда Андрей Канев, мой друг и соратник по писательскому труду, а по совместительству и призванию души еще и руководитель литературного объединения «ЛИСТ» Сыктывкарского педагогического колледжа имени И.А. Куратова, попросил меня написать отзыв на литературный альманах участников этого литобъединения «Капельки жизни», я испытал двойственное чувство. С одной стороны, надо хвалить... А, с другой стороны, хочется быть объективным.

Все мои сомнения и душевные метания улеглись, когда я, исполняя свой профессиональный и приятельский долг, прочел всю книжку от корки до корки. Мне, человеку, увы, уже не молодому (сужу это по тому факту, что приглянувшиеся мне на улице девушки на меня даже не смотрят), вновь пригрезилось, что мне лет эдак шестнадцать... Ну, может, двадцать.

Я начал писать стихи (наверно, мои тогдашние творческие опыты нельзя было назвать этим высоким термином), когда мне было четырнадцать. Несколько лет назад, перебирая старые бумаги, я наткнулся на две толстые тетрадки, исписанные моим детским почерком. Причем они были уже изрядно истощены – я вспомнил, что когда-то беспощадно вырвал многие творения и выбросил их на помойку. Вместе со всей многолетней перепиской с моей любимой девушкой...

Перечитав всё, что осталось, я понял, что должен отправить и это в небытие. Не потому, что мои юношеские творения показались мне несовершенными. А какими еще они могли быть? Просто они должны принадлежать только мне, моему сердцу и моей памяти. И никому больше. Поэтому моих первых опытов стихосложения больше не существует. Хотя, при желании, я могу вспомнить некоторые из них... И я давно простил и забыл девушку, перепишкой с которой когда-то так дорожил...

«Капельки жизни» - это возвращение в чистую и искреннюю юность. Любой настоящий поэт или писатель, я думаю, не станет оспаривать эту мысль. Читая строки ребят, я вдруг ясно ощутил, что именно так я и думал тогда, именно так мог выражать и выражал свои мысли. И именно потому они могут быть столь ранимы и критикой, и пренебрежением...

Они – пока несовершенны? Да. Но это с лихвой искупается желанием творить.

Они – наивны? Да. Но они правдивы. Честно говоря, если бы, например, я раньше знал, что молодые девушки думают и чувствуют таким образом, может быть, и не лопнула бы, как радужный мыльный пузырь, моя первая любовь...

Я думаю, что «ЛИСТ» - это тот островок счастья и надежды, где можно откровенно и высоко говорить о самом человеческом и Божественном. Где можно хотя бы на время отвлечься от повседневной суеты бытия с ее «надо» и «срочно». Где тебя поймут и поддержат. Где ты сам можешь понять и поддержать другого человека.

Но, одновременно, хочу предостеречь и посочувствовать Андрею Каневу. Он взял очень трудную и ответственную ношу - взял на себя часть бремени духовного становления группы талантливых людей, пускай эта группа и не очень многочисленна. Эту работу, конечно, нельзя пускать по течению, как лист березы в воды бурного ручья... Но и быть капитаном этого хрупкого судна – роль одновременно и видная, и ответственная... И вообще человеку никогда не удавалось в полной мере исполнять высшие функции. «Трудно быть Богом!» - это не я придумал.

В книге очень много авторских находок, из которых и состоит настоящее творчество. Одну из этих строк-находок я выбрал в качестве названия этого моего несколько сумбурного отзыва. Но в глубине души я все-таки надеюсь, что когда «ЛИСТовцы» достигнут моего «предзимнего» возраста, им не захочется, как когда-то мне, расстаться со своими произведениями.

Ирина ВЕЛИЧКО

М. ГЕРЦМАНУ ПРО «ТУПИЦ» (эссе)

Я никогда не страдала оптимизмом, даже в детстве. Мальчик, (отрок, парень) способный руководить своими поступками, понять свои желания, (например, творческие) проявить дипломатию в отношениях с педагогами, отнестись с юмором к обломам, в которых дипломатия не сработала, (бросить всё и с ближайшего понедельника начать жизнь с новой точки отсчета и с новой консерватории...) так вот, этот мальчик, (отрок, парень) из ПЕРВОГО тома – МОЙ НЕВСТРЕЧЕННЫЙ ГЕРОЙ. Я намеренно не упомянула об отношениях героя с девочками, (девушками, женщинами), так как меньше всего имею в виду лирическую тему. Такой парень – допинг для девушек вроде меня - с размытыми желаниями.

Если бы я встретила подобного мальчика четверть века назад, возможно, поняла бы, что ошибка в выборе профессии – еще не конец света, первые обломы в личной жизни – тоже не конец света, научилась бы правильно использовать внутренние резервы, которые, безусловно, были. Объяснюсь точнее. Я не о том, что можно потребительски относиться к празднику в чужой душе. Я о том, что можно научиться создавать праздник – в своей. И совсем не обязательно было бы наличие совместной лирической темы (с заламыванием рук, закатыванием глаз и любовными истериками). Возможно, но не обязательно. На того мальчика, способного на поступки, я до сих пор смотрю задрвав голову, как на недостижимость.

Поэтому первый том романа Михаила Герцмана «Тупица» мне нравится больше, чем второй.

Второй том я читала с не меньшим интересом, но на героя, задрвав голову, уже не смотрела. Потому как годами мурьжиться в старых обидах и остро реагировать на интриги умею не хуже него. (Я не обидела?) Читала и досадовала (Есть такое слово?) – неужели все люди одинаковые?

Однако закончила читать второй том и поняла – ещё хочу. Ворчать очень удобно, когда есть повод. Вы ведь дадите ещё повод поворчать и поумничать?

Людмила ХАНАЕВА

* * *

Пишет брат в письме: «У вас – зима:
Белый снег у самого порога,
Сократился день уже намного,
Ночью звезды смотрят на дома.
Здесь, где я живу, всегда тепло:
Много солнца, зелени и света,
Не сбивает с ног прохожих ветер
И поземкой сроду не мело.
А под Новый год не Дед Мороз -
Санта Клаус зажигает елки.
Остальное то же – стол, засолки,
Колбаса, шампанское и морс».
Только я читаю между строк:
«Как, сестренка, хочется в Россию,
Чтоб увидеть снова белый иней
И ловить ладонями снежок!»

* * *

На серый лес печально глядя,
Осознаешь: пришла пора
Перетерпеть и дождь, и слякоть,
И хмарь недобрую с утра.

Весьма унылая картина
Перед глазами день и ночь.
И ветер, как разбойник, в спину
Толкнуть исподтишка не прочь.

Замрет на миг, опять закружит...
И ты подумаешь не раз:
«Когда ж ледком прихватит лужи,
Застынет под ногами грязь?»

Ну, а зима уж по-хозяйски
От всей души, одним рывком
Не пожалеет белой краски
И вдруг порадует снежком.

Екатерина ФИЛИПЧЕНКО

* * *

Разрывая смуту на душе,
Утверждаю - жить России вечно!
Ленточек георгиевских цвет
На груди, у сердца чуть трепещет.
На плече отцовском карапуз
К солнцу тянет, счастлив откровенно,
Как флажок двухцветный на ветру -
Знак побед и доблести военной,
Счастлива и я: уходит тень,
Лица молодые освещает
Небывалым светом майский день.
Возрожденье памяти. Большая
Радость на душе. И видит Бог,
Дух российский жив, и корни целы.
Мы сильны, наш разум не оглох,
Нас теперь не сбить с пути, и смело,
Громко говорим, пусть недруг чует:
«Нас духовное наследие врачует»!

* * *

Анатолию Вотякову

Ночь. Гриппную. Четыре часа до рассвета.
И стихи Вотякова. Случайно ли это?

В них - душа на разрыв, яркой молнии высверк.
Что меня к ним влечет? Четкий строй свежей мысли.
Позови - он придет из любого далека,
Чувство долга врача приведет точно к сроку.
К беспокойной душе и доверие крепче.
Про ночной разговор двух сердец звезды шепчут.
Разбросала я тоже камней многовато,
Потому понимаю духовного брата.
И купаясь в тепле, добротой запиваю
Горечь дней, накативших откуда - не знаю.
Терапия стиха - неизвестная сила,
Но к утру от недуга меня излечила.

Людмила ЧЕБЫКИНА

* * *

В эту ли сторону едет твой поезд, мой милый?
Необратимого шага, прошу я, не сделай.
Точка возврата близка, и дай Бог тебе силы
Вычислить кнопочки быстрых и верных решений.

Самое сложное часто решается просто.
Прежние чувства порой возрождаются быстро.
Ужин, вино, телевизор, хрустящая простынь –
И невозможно чужое становится близким.

И ни миры, ни планеты уже не волнуют.
Ты теперь только из теплой, привычной постели
Будешь в окно наблюдать, как метели колдуют,
Снегом швыряя в окно: «Ты не с теми! Не с теми!»

Мне ли судить, обреченной на всепониманье,
На всепрощенье, своей лишь вину полагая?
Я буду рада за вас и найду утешенье
В том, что на точке возврата тебе помогла я.

* * *

Я доверюсь тебе,
 как солдат своему командиру,
Как травинка – дождю,
 как ребенок – благому отцу,
Как всё сущее верит

огромному доброму миру,
Что для радости создан,
и радость приносит Творцу.

Я не стану пытаться
решать за тебя да итожить
То, что пройдено,
прожито,
то, что тобой решено.

Наши души
сомнением больше не буду тревожить.

Но,
пути выбирая,
прошу тебя, - помни одно:
В этом мире большом
мы друг друга не выбрали сами –
Тут решаем не мы,
а Господь,
что над нами Един.

Так доверься и ты –
как дитя своей любящей маме,
Как зерно – борозде,
как солдату в бою – командир.

Анатолий ВОТЯКОВ

* * *

Черно-белая картина –
Графика зимы:
Над узором черных линий –
Белые дымы,
Облака висят устало
У крутых вершин
Приполярного Урала
Много долгих зим.
Много осеней и весен,
И холодных лет
На заснеженных вершинах –
Только белый свет,
Белый снег под белым небом,
И от наших лыж
Позади – два белых следа.

...Северная тишь.

* * *

Гаснет в зеркале лужи фонарь
Под светлеющим небом.
Рассвет
Просочился сквозь серую хмарь
Туч промокших,
А сна еще нет.

Не беда –

Я потратил сполна
Отведенный бессоннице срок –
В эту долгую ночь тишина
Подарила мне
Несколько строк.

Татьяна БАРЫШЕВА

* * *

Я счастлива, когда пишу стихи,
И радуюсь, когда восходит солнце,
И восторгаюсь ивой у реки
И разноцветьем флоксов у окна.

Вдыхаю клейких почек аромат
И сладких одуванчиков апреля...
Люблю и дождь, и зимний снегопад,
И запахи лесной осенней прели.

А золото деревьев октября
Воспринимаю, словно дар бесценный.
Прекрасна жизнь! И вертится Земля,
Обласканная звездами Вселенной!

ТВОЁ ПЛЕЧО

Короткие встречи и наши беседы
Вроде бы ни о чем...
Твоя ли заслуга, моя ли победа,
Но рядом – твое плечо.

Моя ли победа, твоя ли заслуга,
Но я, открывая дверь,
В тебе принимаю надежность друга,
И ты этот титул примерь.

Твоя ли заслуга, моя ли победа,
Но рядом – твое плечо ...

Алексей ЗУБКОВ

* * *

Все разбрелись, легли и сонно задышали
Усталый верхний свет сменили ночники.
Так хочется писать – чтоб только не мешали
Походы в туалет и странные звонки.
Невидимый лакей несет горячий чайник,
Огня, чтоб закурить, бумагу и перо.
И в звездной тишине, торжественно-печальной,
Я пробую творить в который раз добро.

И снова сквозь себя процеживаю бездну,
По речке бытия гуляю нагишом,
И белым голубям, созданьям поднебесным,
Что не могу летать, завидую тайком.
Парить бы в небесах, на землю не спускаться,
Со звездами молчать, с луною говорить...
Стезя моя грустна. Приходится признаться:
В который раз добро не вышло сотворить.

* * *

Вязью арабскою дым табачный
Белым по черному – не иначе –
Водит, обманывает, грустит
Плесенью на почерневшей кости
И над страницами

шелестит...

В гранях стакана водою мертвой
Детская память в бреде истерта;
Грация в ликах кривых зеркал –
Чем она мне обернется вяеве?
Плюнул, поставил –

и расплескал...

Страшно ломается в танце тело,
В душном желании плоть вскипела,
И неумело душа согнулась,
Гиблые тускло зовут глаза
Взять. И кольцо со щелчком
замкнулось...

Нина НИКОЛАЕВА

* * *

Опять шумят усталые дожди.
С зонтом шагаю в омут непогоды,
Я предвкушаю радость впереди,
Благословляя прожитые годы!

Прекрасно притяжение сердец.
Я вынесла ранение разлуки,
Была негромкой свадьба без колец,
Но берегли протянутые руки.

Пусть не щадят осенние дожди
Печальные душевные беседы.
С тобой я полюбила слово «жди».
Я после Покрова к тебе приеду.

Игорь ХУДОЛЕЙ

* * *

В этот вечер
снег падал предельно
медленно, крупно, плотно
и, являясь велением неба, - оберегал
от взгляда и мысли извне.

С позиций собственного
возраста и уголовного кодекса
(о ваших неполных шестнадцати веснах)
снег был недостаточно романтичен
для Вас, недостаточно чист –
для меня.

Вы были осторожны
в словах и - приблизительны
в силуэте, поскольку
в наличии был январь,
безлюдный вечер
и не более часа знакомства.

В пространствах, на мгновение
свободных от снега,
возникали фрагменты деревьев,
освещенных окон,
звездного неба – случайные, отчего
все было непостоянно, раздражающе
непредсказуемо.

Наталья ЗОНОВА

* * *

Ветер подхватил мое дыханье
И понес к тебе
Сквозь года, вокзалы, расстоянье,
Равное теперь
Двум шагам до трубки телефонной.
На конце шнура –
Голос твой, забытый и спасенный
Мной вчера,
Голос твой из невозможной дали
Прошлых лет.
Помнишь, у реки с тобой гадали
На рассвет?
Ты прости, и я прощу, конечно.
Нет звонка.
Но пронзит и растревожит вечность.
Мысль – звонка.

НА ПЕЧОРЕ

На берег той реки единственной
Не скоро возвращусь, наверное.
Зайду на баржу, что у пристани,
Как вечный камень преткновения

Лежит давно, от детства раннего,
И сколько до того - не ведаю,
Огромной птицей павшей, раненой
Волнами быстрыми и ветрами.
А берег - крут, и сосны стройные
Там, наверху качают кронами.
Их души мастерски настроены
Тревожить мирозданье стопами.
Не зачеркнуть былого, давнего,
Навеки ставшего мне родиной.
Там память об отце оставлена –
Могилою, в тайге схороненной.

Олег РОЧЕВ

ПРОЩАНИЕ

Проговори со мной всю ночь
О том, что поутру развеется.
Я не могу тебе помочь –
Могу надеяться.
Поговори, повороши
Надежд былых сухие листики,
Плесни в смятение души
Несладкой истины.
Заглянем в омуты зеркал,
Наполним горечью бокалы.
Я для тебя судьбой не стал,
И ты – не стала.
Но все ж, пока свеча жива,
Ты называй меня по имени...
В окно стучится синева.
Прошу, прости меня.

* * *

Вызвездило.
Снова подморозит.
Над стынущей рекой - клочками пар.
Душа сегодня равнодушна к прозе –
Костра мне ближе ласковый пожар.

Предзимний лес безмолвной тайны полон,

В кустах прибрежных падает листва,
А дым костра, настоящий на смолах,
Уносит ввысь и мысли, и слова.

Река звездой играет напоследок,
Шуршит шугой, готовясь в долгий сон.

Наверно, так сидел мой дальний предок
И слушал льдинок тихий перезвон.

Маргарита ПРИЛУЦКАЯ

* * *

В дымном воздухе над городской суетой –
Белой чайки стремительный штрих.
Гулким эхом в дворовых колодцах с тоской
Заметался растерянный крик.

Одинокая птица. Откуда она?
Что волнуется, тяжело крича?
Может быть, заблудившись, не в силах понять,
Как родной потеряла причал,

У которого в пламени белых ночей
На песке пена сети плетет.
И откуда, ветров беспокойных вольней,
Поднимаются чайки в полет.

Где, крыла орошая живую водой,
Под судов океанских гудки
Подживают – срастаются прочной строкой
Души, порванные в лоскутки.

Чайки тоненький росчерк блеснул вдалеке,
Словно солнечно- яркая медь.
И бесследно растаял в небесной реке.
Ей вослед не могу полететь!

Как же так?

Там и мой голубой косогор,
Где на самой излучине дня
Крылья чаек взрезают холодный простор.

Но, увы! Без меня, без меня...

* * *

Сестре

Остались мы на целом свете
С тобой вдвоем.
Но друг от друга на планете
Вдали живем.

Лопочет дождь о чем-то шипло,
Сгоняя снег.
Нагромоздили мы ошибок
За долгий век.

Минуты нынешнего лета –
Без слез горьки.
Не взять, не протянуть ответно
Тепло руки.

Случайность – цепкая хозяйка
Любой судьбы.
В ней равнодушно исчезают
Мои мольбы.

Печаль почувствует, заметит,
Ко мне спеша,
Одна душа на всей планете –
Твоя душа!

Людмила КОПЕЙКИНА

* * *

Николаю Рубцову

Господи! Ночь снова на сносях
И родить тоску уже готова.
Но спасенье – у меня в гостях
Вновь бессонная душа Рубцова.

Знаю, милая, тебе покоя нет.
Ты в такие окна и стучишься,

Где ночами не погашен свет.
Раненая, ты живешь, не снишься.

Неужель до самого утра
Прогорюем над былой печалью?
Я тебе, наверное, сестра.
Дай тебя укрою старой шалью.

Под твоей негаснущей звездой –
Как же ты смогла ее увидеть? -
Как бы ни был призречен покой,
Невозможно землю ненавидеть.

Мокрый путь, кривые тополя
Мне оставила. И что же делать с этим?
Ведь тревожит и меня земля,
Слабую, на этом грустном свете.

Евгений СУВОРОВ

СЧАСТЬЕ
повесть

НА ЛЕСНЫХ ТРОПИНКАХ

-«Господи, почему мне так хорошо?» - не понимаю я, идя по лесной тропинке. Всё радует, всё удивляет, словно я только что родился на свет. Ещё вчера от серого однообразия будней от тоски сводило скулы. А сегодня – летать хочется. Кажется, за спиной выросли крылья, и я вместе с лесными птицами готов порхать с ветки на ветку. Да и с птицами сегодня что-то не то: так весело поют, словно праздник какой. Подлетают к самым рукам: синицы, сороки, вороны, совсем крохотные пунечки и гаечки, - и не боятся. Белка спустилась с дерева почти до самой земли, замерла на стволе сосны головой вниз буквально в двух метрах, и смотрит на меня своими чёрными бусинками глаз, словно ждёт какого-то подарка. Такое маленькое лесное чудо с большим пушистым рыжим хвостом.

– Сегодня Казанская – вдруг вспомнил я – Действительно, большой православный праздник. А в последнее время и государственный - День народного Единства. Видимо, он распространяется и на животных, раз они совсем не боятся людей.

Уже на протяжении двадцати лет я хожу этими лесными тропками по своим грибным и ягодным местам. Кажется, каждое деревцо знакомо, каждый кустик. Грибы давно уже отошли, по ночам начались первые заморозки. Даже снег уже несколько раз пробовал выпадать, но всё никак не покроеет землю. А я всё брожу по лесу... Теперь уже больше за стихами, чтобы просто отдохнуть...

Осень - моё любимое время года...И стихи больше пишутся у меня именно осенью. Сколько их уже пришло ко мне на этих тропочках. На каждом пенёчке, на каждом брёв-

нышке. Ещё и поэтому мне эти места так дороги... Здесь оставлена частица моей души, которой пронизано всё вокруг. Иногда, когда совсем невмоготу, я специально отправляюсь в лес, чтобы пройтись по своим любимым местам: развяться, сбросить тяжесть невзгод, обрести покой и радость.

Но сегодня и без того на душе так радостно, словно вокруг распустились цветы, и светит яркое солнце. Хотя солнца нет и в помине. Небо ммурится грозowymi тучами, гляди того, вот-вот прольётся дождь. Душа моя переполнена любовью к каждой былинке, каждой букашке. Я готов обнять весь мир. Как могу, начинаю возносить хвалу Богу и Пресвятой Богородице. Это стало моей привычкой – молиться всю дорогу, хотя бы творить Иисусову молитву, и Господь откликается на мои слабые призывы. А, может быть, мне это только кажется. Вот опять вдруг, неожиданно повалил снег – пушистый, радостный. Каждая снежинка, как подарок счастья, долго кружится в небе и тихо ложится на деревья, на землю, укутывая всё вокруг белоснежным покровом. Я их ловлю руками, ртом. Останавливаюсь на высоком берегу Емвальки, достаю из кармана блокнот и карандаш, и, глядя на извилистую ленту реки, стремительно записываю:

Затих осенний лес и ни души
на тропочках вдоль речки не гуляет.
Любуюсь, как по ветру камыши
пушинки парашютиков пускают.
Вороны что-то каркают вокруг,
сороки длиннохвостые стрекочут,
и дятел на сосне – мой старый друг
стучит морзянку, видно клюв свой точит.
Как радостно осеннею порой
ловить снежинки ртом и наслаждаться,
и видеть, как пушистою гурьбой
они на листья жёлтые ложатся.
Так хорошо в заснеженном лесу,
когда весь мир любовью Божьей светит, -
увидеть пробежавшую лису,
и птичек, что резвятся словно дети...

Благодарю Бога за посланное мне стихотворение. Всё от Бога, и всё, что происходит с нами – происходит с помощью Божьей. Господь даёт здоровье, счастье, силы... Тем более - вдохновение. Трудно понять причину вдохновения. Не знаешь, когда оно снизойдёт на тебя. Порой приходится ждать месяцами, годами... Я не сочиняю стихов, не вымучиваю их, не высасываю из пальца. Если не пишутся, то и не пишу. Потому что мучительная работа над сделанными стихами сразу же видна: они, как добротные сколоченные ящики – не трогают сердце, не запоминаются, и никак не отзываются в душе. Таким мастерством может овладеть любой ремесленник, научившийся подбирать рифму, но такие стихи далеки от настоящей Поэзии.

Вдохновение чаще посещает меня, когда мне плохо, тяжело, когда происходят какие то потрясения. И стихи, как громоотвод отводят грозу. Выливаясь на бумагу, они снимают с меня боль. Но последнее время всё меньше житейских бурь и невзгод. Уже много лет, как я одинок. Живу с родителями. А сейчас после смерти отца - с одной мамой. Всё, что происходит со мной – происходит на работе, в командировках, да ещё в многочисленных лесных вылазках, и в горных походах.

Мне крупно повезло с моей работой и с коллективом. Быть может – это самое большое везение в жизни – работать во славу Божию, будучи журналистом православной газеты. Служить Господу непосредственно своим талантом. А среди верующих - плохих людей практически не бывает. Какое счастье встретиться с каким-нибудь батюшкой – истинным служителем Божиим, который всего себя положил на алтарь служения Богу; с каким-нибудь старцем, или монахом. А сколько угодников Божьих среди простых мирян, которые горят искренней любовью к Богу: из городов уезжают в сёла, отказываются от обеспеченной жизни, от всех благ цивилизации, и в какой-нибудь заброшенной деревне начинают восстанавливать заброшенный храм... Сам от таких встреч становишься лучше и чище.

Действительно, христиане – свет миру. Обывателю иногда очень трудно понять везущего человека, который радуется болезням и скорбям, потому что человек спасается скорбями. Старец Феогност, которого я хорошо знал, даже вымалывал болезни для себя, чтобы лучше молиться Господу и таким образом пострадать ради Христа. Он, принимая исповедь, брал на себя болезни исповедников, спасая их от таких неисцелимых недугов, как рак, наркомания, пьянство, блуд. И люди, которые должны были по приговору врачей умереть через какие то дни, вдруг после одной исповеди у батюшки исцелялись от этих страшных болезней. В это трудно поверить, но я лично знаю таких людей, которые спаслись по молитвам старца Феогноста.

Таким же образом поступал и афонский старец Паисий Святогорец. Он отмаливал больных раком, а их болезнь просил Господа послать на себя. И когда узнал, что у него появилась злокачественная опухоль, то заплясал от счастья, от того, что жизнь его скоро окончится, и он отойдёт в вечность, предстан перед Всевышним. Преподобный Паисий Святогорец так же почитается в Греции, как у нас преподобный Серафим Саровский. Но и в России его любят, как батюшку Серафима.

ЗОЛОТО ТИМАНА

Я шёл по лесу, и все эти мысли лезли мне в голову. Что же такое счастье? – думал я. - Для кого-то – это любовь, для кого-то счастливая дружная семья, для кого-то успехи в работе.

Вряд ли кто-то сможет ответить на этот вопрос так, чтобы ответ удовлетворил всех. Я сам часто спрашивал себя: «Счастлив ли я?» - и не находил однозначного ответа. Обычно человек счастлив и несчастлив одновременно. В одном везёт, в другом нет. Сейчас, с высоты своей почти полувековой жизни, я могу вспомнить только несколько мгновений, в которые действительно пережил что-то похожее на счастье... И это вовсе не любовные переживания, и не ощущение радости от головокружительных успехов, это не благополучие в семейной жизни, и не удовлетворение от любимой работы. Это вообще далеко от всего того, что в привычном понимании принято называть счастьем. По-моему, счастье – это, прежде всего, состояние души, когда она благодарно затаихает от исходящего на неё тепла и в тихой радости возносится на небо. Такое состояние, наверное, переживают праведники и святые, когда с улыбкой на устах отходят к Господу.

Нечто подобное я пережил в свои восемнадцать лет. Это было в 1979 году, когда окончилась моя первая геологическая практика, и с Четласского месторождения на Тимане мы улетали в Ухту. Всё лето я работал с геологами: жил вместе с ними в брезентовых палатках, ходил в маршруты, кормил комаров, мок под дождём. За три летний месяца я увидел столько, сколько не видел за всю свою предыдущую жизнь - всю необыкновен-

ную красоту седого Тимана: причудливые скалы, удивительные водопады, глубокие ущелья, истоки горных речек, многочисленные обнажения и утёсы...

Впервые своими глазами я видел чистое золото в горной породе, сам намывал золотой песок в ручьях, выбирая по 30-40 штук за один отбор сопутствующих красных гранатов, которые в виде идеальных октаэдров, как застывшие капельки крови, попадались в лоток. В описываемых нами дайках и курумниках мы находили удивительные тиманские самоцветы. Меня поразили крупные вкрапления в породу жёлтого блестящего пирита, по внешнему виду очень похожего на золото. Благодаря опытным геологам я скоро сам научился отличать одно от другого.

В МАРШРУТЫ С ГРАФОМ

Вообще, я многому научился за это лето. Моим первым наставником был главный геолог экспедиции со звучной фамилией Граф. Вначале я думал, что ребята опять шутят, когда после очередной связи с базой сказали мне, что завтра к нам в отряд прилетит Граф. Привыкший ко всевозможным розыгрышам, когда студентов-практикантов заставляют продуть макароны, таскать целый день в рюкзаке тяжеленные образцы, которые оказываются никому не нужны, и совершать ещё кучу разных глупостей, я не поверил про Графа. «Какой – думаю, - ещё граф пойдёт к нам в тайгу? Да и откуда он взялся» Это были золотые времена брежневского застоя, когда Советский Союз был впереди планеты всей не только в области балета и ракет, но и в геологии.

Тем не менее, назавтра Граф прилетел - с королевской осанкой, почти под два метра ростом, стройный, симпатичный мужчина, в полном расцвете сил, с кудряшками серебряных волос, свисающих до самых плеч. Владимир Алексеевич был не только прекрасным специалистом в области геологии, но и вообще незаурядным человеком. Он умел играть на гитаре, хорошо пел, сам писал стихи и сочинял музыку. Нигде не разлучался с фотоаппаратом и видеокамерой. После каждого полевого сезона Граф делал замечательные фильмы, на просмотр которых собиралась вся экспедиция. Увидев меня – стройного, атлетически сложенного паренька, делающего с утра зарядку и лазающего, как Маугли, по деревьям, Граф, почувствовав калоритный типаж, не жалел на меня плёнки. Узнав, что я тоже пишу стихи и песни, Владимир Алексеевич стал брать меня с собой в полевые маршруты.

С утра мы уходили с ним на 15-20 километров по тиманским ручьям и увалам, через каждые пятьдесят метров заносил свои наблюдения в полевой журнал. Я старательно записывал простым карандашом всё, что диктовал мне опытный геолог: как и под каким углом залегают пласты породы, из чего они сложены, какого цвета, на какой глубине, какой имеют радиационный фон. Радиометр, рюкзак, кирку, геологический компас, журнал – всё я нёс на себе. Граф лёгкой походкой шёл впереди меня с небольшим планшетом и кинокамерой. Такая форма обучения дала очень быстрый результат. Вскоре я уже сам определял породы, их залегание и состав. Владимир Алексеевич первое время меня проверял, а потом полностью отдался созерцанию внешних красот, пытаясь запечатлеть их на плёнку, что для него, похоже, было гораздо важнее.

ДО ВОДОПАДА РЕВУН

В большинство маршрутов мы ходили вдвоём с другом, тоже студентом-практикантом Мишкой Шулепиным. И вовсе не по своей непосредственной работе, а в

нерабочее время - по своей прихоти, потому что оба с первого курса были помешаны на туризме. У нас за плечами было уже несколько больших путешествий, а осенью мы вместе с Мишкой в составе большой туристической группы улетали на Тянь-Шань в серьёзный горный поход. И поэтому сейчас набирали форму, тренировались, уходили на целый день за двадцать, иногда за тридцать километров от лагеря, подробно исследуя достопримечательности Тимана. Повсюду с собой Мишка таскал простенькую «Смену», и всё, что видел, снимал на память.

Один из наиболее интересных маршрутов у нас был с истоков Белой Кедвы, от ручья Димтемьель, через многокилометровый водораздел к истокам Пижмы. Светило яркое солнце, весело пели птицы. Тиманское разнотравье с многочисленными благоухающими цветами пьянило голову. То там, то тут буквально из-под ног взлетали глухари и рябчики. Комары и оводы роем кружились над нашими головами, и если бы не москитные геологические сетки и антикомарин, они заели бы нас до смерти. Вдруг зелёная равнина оборвалась крутым склоном, открылась потрясающая панорама. Спускались мы по горному ручью с многочисленными водопадами, которые следовали один за другим. Такого каскада водопадов я не видел ещё ни разу. Узкое ущелье по мере нашего продвижения вниз всё более сжималось над головами, скалы уходили высоко вверх в синее небо. Кое-где было так круто, что приходилось вспомнить про свои навыки в спортивном лазании.

Конечной точкой нашего маршрута был многоводный водопад Ревун, шум от которого в хорошую погоду разносится с Тимана на сорок километров. Над самым водопадом под солнцем постоянно сияет яркая разноцветная радуга. Она совсем не такая, какая бывает в небе после дождя. Это живая радуга, и ведёт она себя как совершенно живой организм. Может пульсировать, перемещаться, угасать, а потом снова вспыхивать искрящими красками. Отщёлкав водопад со всех точек, почувствовав себя первопроходцами, мы с Мишкой двинулись в обратный путь. Неожиданно погода поменялась, солнце скрылось, откуда ни возьмись набежали свинцовые тучи, и заморосил мелкий дождик. Скалы стали мокрыми, что существенно затруднило наш подъём.

Поднимаясь по скалам, я то и дело вскидывал голову, намечая маршрут дальнейшего продвижения, и вдруг перед самым выходом на плато на отвесной скальной стене увидел какую-то пещеру.

– Мишка, глянь, пещера! Может, залезем, посмотрим, чего там? – обратился к ползущему за мной другу.

Тем временем дождь набирал свои обороты, стал идти уже всерьёз, выбивая из нас последнее тепло, а время перевалило далеко за полдень и подкрадывалось к вечеру. Мы давно уже промокли до нитки, устали как собаки и проголодались. Вода хлюпала в огромных болотниках, сухпаёк закончился, в желудке противно засосало...

- Придём в следующий раз, – доносится снизу голос Мишки.- Сейчас надо по свету успеть в лагерь

И вот мы, промокшие, ползём через водораздел по высоким кустам ивняка на исток Димтемьёля, а затем ещё несколько километров уже по темноте спускаемся вниз по ручью до лагеря. Домой, как и в большинстве случаев, пришли поздно ночью. О пещере почти сразу же забылось. Вернуться к ней в тот раз нам так и не удалось, тем более что через несколько дней мы сменили место базирования, перелетев на следующую точку в несколько десятков километров от этого лагеря.

Господь напомнил мне об этой удивительной пещере почти через тридцать лет совершенно необыкновенным образом. Об этом я расскажу ещё впереди.

ВСТРЕЧА С МЕДВЕДЕМ

Нетронутая природа Тимана завораживает. Здесь и сейчас ещё можно встретить глухарей и косачей по двенадцать – шестнадцать килограммов, которые, взлетая, пригибают к земле деревья – как вертолёты. Белки, совы, олени – всё это я видел и раньше, а вот с медведем встретился в первый раз в своей жизни.

Случилось это так. В солнечный июльский день мы всем отрядом находились в лагере. Я кашеварил на кухне, расположенной около самого ручья. И вдруг вижу снизу по долине, с подветренной стороны, метрах в ста прямо на нас идёт огромный бурый медведь.

- Николай, медведь? – говорю старшему технику.

- Где? - взвился он.

- Да вон, видишь, снизу к нам идёт.

Николай – бородатый сорокалетний мужик, заядлый охотник, сухой и быстрый, как горный олень, - сразу же хватается за свой карабин.

- Жека, дуй за ружьём, только тихо, чтобы не спугнуть!

Я бегу наверх к жилым палаткам, расположенным на высоком берегу, достаю ружьё, заряжаю его, осторожно спускаюсь вниз. Начальник отряда берёт свою вертикалку, рабочие вооружаются топорами и кирками, и вот такой вооружённой толпой мы, крадучись, пошли на медведя. А он, не подозревая об опасности, как ни в чём не бывало, вальяжно раскачиваясь, идёт на нас. Жара, зной, медведь на ходу лакомится цветами иван-чая, мотает головой из стороны в сторону, отгоняя назойливых мух. А мы крадёмся ему навстречу по высокой траве. Вот уже метров десять прошли, и тут я вижу, как вперёд на полусогнутых с приставленным к глазам фотоаппаратом выползает Мишка Шулепин.

- Где, где медведь? Покажите мне его!

Мишка почти слепой, ходит с очень сильными очками, которые простой белой резиной закрепляет на затылке. Они никогда у него не сидят, как положено, а всегда вкривь и вкось, как у кролика из мультфильма про Винни-Пуха. Смешной ёжик коротких волос торчит в разные стороны. Всем своим видом, а главное поведением он очень напоминает Шурика из «Кавказской пленницы». Такой же интеллигентный, а, главное, умеющий попадать в нелепые ситуации человек, со смешными дон-кихотовскими усиками и бородкой, отросшими у него за лето.

- Миша, ты чего, обалдел, что ли? – шепчу ему. – Тебя же медведь первого задерёт. Давай назад!

- Покажи мне медведя, я его сфотографирую.

У нас своя, у Мишки своя охота. Не рассмеяться от одного его вида просто невозможно, и я захожусь гомерическим смехом. Медведь, услышав хохот и увидев перед собой толпу вооружённых людей, как заправский спринтер ломанулся по кустам через поляну в лес, только его и видели. Я раньше знал, что медведи хорошо плавают, но чтобы они так бегали - даже не подозревал. Ещё долго из леса до нас доносился треск сучьев.

- Студент – два наряда вне очереди. Столько мяса из-за тебя упустили! - выговаривает мне техник.

Два наряда – это ещё два дня дежурства. Я не обижаюсь. Мне даже нравится готовить. Я давно уже научился, чтобы каша и макароны не подгорали. Главное, не мешать, и не пересыпать соли, а они сами сварятся.

Вообще, медведь очень редко первым нападает на человека, но, к сожалению, такие случаи бывают. И нас об этих случаях перед полевым сезоном при сдаче техники без-

опасности предупреждали. Если уж действительно приходится столкнуться с хозяином тайги, то лучше застыть без движения и подождать, пока он сам отойдёт в сторону. Лучше, вообще, притвориться мёртвым. Не надо смотреть зверю в глаза, двигаться на него, а также делать резких движений. Но обо всех мерах предосторожности сразу же забываешь, как только приходится столкнуться с топтыгиным нос к носу. И такой случай у нас в отряде был.

Среди наших рабочих – двое бывших заключённых из Москвы. Перед Олимпиадой-80 всех бывших зэков во избежание провокаций выслали из столицы, и вот двое таких бомжей пристроились работать у нас в партии. С тридцатилетним Толиком, отсидевшим двойной срок за двойное убийство, я подружился сразу. Классный парень, он и из тюрьмы вышел довольно светлым, неиспорченным человеком. Попал ещё по малолетке, когда зарезал своего соперника, отбившего у него любимую. Второй срок накинули уже за колючей проволокой, когда он там отстаивал свою честь с заточкой в руках.

А вот второй - хлипкий пятидесятилетний мужичок Валера, с впалой грудью, редкими гнилыми зубами и огромной залысиной, как-то долго не мог вписаться в геологическое братство. По зековской привычке он любил шланговать, мог дневную норму в один шурф копать целую неделю.

Однажды, после того, как начальник отряда устроил Валере головомойку за плохую работу, он не пришел на ужин.

- Остался в лесу ночевать, – предположил Николай, – хочет завтра с утра шурф докопать.

Такие случаи уже были, и мы не переживали за нашего подопечного. Разводить рабочих по шурфам, и встречать их было именно нашей с Мишкой обязанностью. Когда тропа была уже натоптана, рабочие возвращались домой самостоятельно. Однако и на следующий день Валера в лагере не появился.

Под вечер мы с Мишкой решили проверить нашего ударника коммунистического труда. Пошли за ним и на середине дороги, где-то в пяти километрах от лагеря на тропе увидели брошенную лопату, кайло, топор и котелок. Не было Валеры и на шурфе, зато повсюду отчётливо были видны свежие медвежьи следы.

– Неужели медведь задрал? - вырвалось у меня.

- Не может быть, – не поверил Мишка – Кости бы остались.

Ещё больше двух недель мы пребывали в неведении относительно судьбы нашего пропавшего бедолаги. Искали его всем отрядом, прочёсывали ближайший лес. Облетали на вертолёте огромные пространства тайги, но всё безуспешно.

Нашли Валеру за 50 километров в охотничьей избушке на берегу Кедвы совершенно случайно. Вертолётчики высадились у избушки, спросить у охотников о пропавшем геологе. А охотником как раз и оказался наш Валера – весь обкусанный комарами, с опухшей рожей, но упитанный и довольный.

Встреча была радостной для всех. Мы обнимались с Валерой, как с самым дорогим и близким человеком, радуясь, что он жив. А он захлебываясь рассказывал нам о своих невероятных приключениях.

Оказывается, после того, как он выкопал пятиметровый шурф и дошел до коренных, уже поздно вечером собрал все свои пожитки и отправился в лагерь. Шёл, низко склонив голову, чтобы не сбиться с тропы, и уже представлял себе горячий борщ с макаронами, как нос к носу встретился с медведем. Несколько мгновений они оба простояли, как вкопанные, совершенно обалдев от неожиданности. Почему Валера не увидел раньше медведя, в принципе можно понять. Но почему медведь не учуял приближающегося человека

– понять очень сложно. Хотя похожих историй в любой геологической партии вам расскажут не один десяток. Первым пришёл в себя медведь и начал принохиваться к непонятному зверю, встретившемуся ему на пути, который мало чем напоминал человека – бесплотное, почти бестелесное сгорбленное существо в полтора метра ростом. Может быть, поэтому медведь и не учуял его. Тем временем Валера стал приходить в себя, наконец-то понял, кто перед ним навис всей своей многотонной массой. Он как бешеный заорал на всю парму и бросился наутёк. Медведь, как потом выяснилось, перепугался не хуже человека, наложил большую кучу и кинулся в противоположную сторону.

Валера этого видеть не мог, он сбился с тропы, забрёл в незнакомый лес и затем плутал несколько дней, ночуя под елями около костра. В конце концов, он вышел на большую реку, спускаясь по которой, набрёл на охотничью избушку. Там и решил остаться до лучших времен, тем более что в избушке оказались продукты и два ящика макарон, оставленные охотниками. Прежде чем Валеру нашли, к нему ещё дважды приходили медведи, так что он, перепуганный до смерти, запирался от них в избе, боясь выйти даже в туалет.

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ БАНЯ

Ещё много всевозможных приключений мне пришлось пережить за это тиманское лето. Сколько было интереснейших маршрутов и тёплых вечеров около костра, сколько душевных разговоров перед сном в нашей большой геологической палатке под треск тёплой печурки. А какая у нас была замечательная баня! Об этом стоит рассказать особо!

В середине июля в наш мужской коллектив с очередным вертолётом забросили двух девушек, и с этого дня жизнь в отряде круто переменялась: ни выматериться от души, ни до ветру сходить около самой палатки. Это особо уняло ребят, не умеющих даже пару слов связать без мата... Все сразу же стали культурными и вежливыми... Появление женщин взбудоражило мужскую половину, уже около двух месяцев сидевших безвылазно в тайге.

Ольга была уже опытным геологом. Она года два или три как работала техником после института. А вот Лариса только что закончила второй курс. Со вторым курсом дружба у нас, первокурсников, на геологическом факультете началась ещё со стройотряда, который был перед началом занятий. Ларису мы знали очень хорошо. Скромная стеснительная девушка, краснеющая по поводу и без повода огромным пунцовым румянцем в обе пухленькие аппетитные щеки. Она тоже приехала на практику. Несмотря на свой небольшой росток и миниатюрную фигурку, Лариса всех мужчин сразу сразила своими выдающимися формами. На пышногрудую светло-русую нимфу, с косой до самых пят, с нескрываемым вождедением стали заглядываться все ребята. А их было пять – совершенно необузданных, голодных до женщин, здоровых мужиков.

По случаю своего приезда Ольга вечером за праздничным ужином, приготовленным из привезенных с большой земли деликатесов, достала из своего рюкзака две бутылки водки и ещё две - вина. У мужиков это вызвало дикий восторг. В порыве эмоций они принялись качать свою спасительницу.

Застолье было шумным и весёлым, с песнями и танцами. Кухонный длинный стол был оборудован нами под огромной разлапистой ёлью на берегу небольшой речки. Уже стемнело, только не на шутку разгоревшийся костёр освещал окружающие деревья, и силуэты танцующих людей. А мы пели и танцевали по очереди с нашими дамами, под

аккомпанемент выдавшего виды волнового транзистора «Рекорд», с перебоями ловившего популярные мелодии из Москвы. Веселились до поздней ночи.

Проблемы возникли потом. Для девчонок на краю нашего лагеря мы установили отдельную палатку. И после того, как начальник отряда отправил всех спать, я не досчитался в своей палатке двух мужиков – Толика и вологжанина Стаса. Через некоторое время в женской палатке начались визги, а затем раздался Ларисин крик: «Женя, помоги!»

Вылетев из геологического спальника, я прямо в трусах ворвался к девчонкам. Успел вовремя. Стас – этот двухметровый, обезумевший от выпитого спиртного и голого женского тела верзила - уже стаскивал с Ларисы трусики. Я припечатал его пару раз по физиономии, а потом матами и пинками выпроводил на улицу. Толик в это время обхаживал Ольгу, которая из солидарности тоже закричала. Я под горячую руку «приложил» и Толика. Загнав обоих кавалеров в свою палатку, я заявил: «В общем, так, мужики, если ещё кто-то хоть раз тронет Ларису, будет иметь дело со мной».

Мужикам два раза объяснять не пришлось, больше никто на Ларису не покушался, все предпочитали любоваться ей издалека.

В банные дни мы это делали в десять пар голодных мужских глаз: испепеляли взглядом нашу геологическую баню, сооружённую из полиэтилена на краю лагеря в виде палатки, когда в ней в кромешной тьме под пламенем свечи мелькали обнаженные силуэты наших девчонок.

Геологическая баня готовится обычно на берегу ручья в считанные часы. Сперва натаскивается на полянку из реки большая куча валунов. Этой работой, как геологипрактиканты, обычно занимались мы с Мишкой. Потом камни обкладываются со всех сторон сухими дровами. Пионерский костёр горит часа четыре, чтобы камни хорошо прогрелись. Затем угли убираются, и над раскалёнными камнями ставится палатка. По какой-то причине такой палатки у нас не оказалось, и мы соорудили баню из полиэтилена, предварительно сделав для него деревянный каркас.

Попариться в полевых условиях в настоящей бане – это ни с чем не сравнимое удовольствие. Приготовив свежие берёзовые венички, мы с Мишкой зашли в предбанник. Разделись догола и сразу же юркнули в банное отделение. Я плескаю на разогретые камни заваренную на лекарственных травах воду. Мощное благоухание распространяется по всей палатке. Пар такой, что уши сворачиваются в трубочку. Вдруг звучит мощный взрыв, осколки камней летят в разные стороны, разрезая полиэтилен.

– Мишка, это чего? – с перепугу спрашиваю своего старшего друга.

– Сланцы стреляют. Сланцев мы с тобой наложили вместе кварцитов. А хрен с ним, подкинь- ка ещё!

Я подкидываю ещё. Мы начинаем париться. В букет тиманских цветов вплетается приятный берёзовый запах.

– Миша, залезай на полок! - Мишка заползает на специально сделанный полк из досок. По очереди мы обхаживаем друг друга веничками, а потом с криками ныряем в речку. От разгорячённых тел валит пар. Мы плещемся, радуемся как дети. И так несколько раз. Настоящее блаженство.

После мужиков, уже когда совсем стемнеет, в баню идут девчонки. И вот мы всем мужским коллективом пьём чай около костра, а глаза то и дело косят на баню, где сквозь отпотевший полиэтилен мерцают соблазнительные женские силуэты. Лариса распускает свои длинные, до самых пят, волосы, и становится похожа на русалку. Её большие груди ещё больше увеличиваются на стенках полиэтилена от падающей тени.

– Нет, Жека, ты мне можешь сразу же морду набить, а я Лару сегодня трахну, – глотая слюни, заявляет Толик.

- Я тебе так трахну - мало не покажется, потом всю жизнь на лекарства работать будешь.

Со мной уже никто особо и не спорит. Знают, что я занимаюсь боксом и борьбой. Да и Ларису ребята сразу зауважали за кроткий нрав и чистую душу. У неё пока даже нет своего парня. Она ещё только ждёт своего суженого, ждёт большой чистой любви. А я просто Ларисин друг, работающий сейчас её личным телохранителем.

СЧАСТЛИВЫЙ СОН

И вот, наконец то, наступил последний день нашей геологической практики. Все вместе мы сидим на вертолётной площадке Четласа со всем нашим геологическим скарбом – снаряжением, палатками, спальниками. Ждём вертолёта. Иногда, из-за плохой погоды это ожидание растягивается на целые недели. Видимо поэтому у геологов необыкновенно обостряется слух, и они безошибочно по едва различимому вертолётному шуму могут определить тип вертолёта за несколько минут до его появления в небе.

Сегодня день погожий, солнечный. Я, уставший от бессонных холодных ночей, отогреваюсь на припекающем осеннем солнышке. Бабье лето... Листья берёз и осин горят весёлым багрянцем. В воздухе плывут тонкие паутинки, откуда-то издалека доносятся крики пролетающих журавлей. О чём-то весело тенькают порхающие синицы. Мне необыкновенно хорошо. Мой первый полевой сезон позади. Я доволен, что всё сложилось как нельзя лучше. Рядом те, с кем мне пришлось делить все тяготы геологической жизни. Даже спиной я чувствую благодарность ко мне всех членов отряда - от рабочих до начальника. Шутки и подтрунивания надо мной, как над студентом, прекратились в первые же дни практики, когда все поняли, что я настоящий мужик, умеющий с одной спички развести костёр, напилить и наколоть дрова. Как деревенскому парню, мне это было даже в радость.

Особенно геологи оценили то, что могу постоять за себя: а в случае чего и в лоб дать. И когда пришлось пустить в ход кулаки, защищая честь слабой девушки, они зауважали меня ещё больше.

Я нежусь под лучами солнца и в благостном расположении души засыпаю прямо на снаряжении. Мне хорошо и сладко, душа устремляется куда то в небеса...

Я не знаю, сколько спал, не помню, что мне снилось, но это был, наверное, самый сладкий сон в моей жизни. Я пережил незабываемые мгновения счастья, подаренные Господом в намоленных староверами тиманских лесах. Ещё, не будучи верующим человеком, я тогда всем своим существом почувствовал невидимую связь с небесным миром, который наполнен добром, светом, божественной благодатью. Я очутился в мире, полном какого то неземного, райского счастья, с живыми ангельскими светлыми сущностями. Этот потусторонний небесный мир стал для меня осязаемым и реальным. Эти ощущения навсегда поселились в моей душе. Безусловно, и в дальнейшем я переживал нечто подобное, вот только почему-то на всю жизнь запомнился именно этот момент.

- Женька, вставай, вертолёт летит, – слышу голос Толика. Отдохнувший и выспавшийся, словно после долгой ночи, я вместе с друзьями начинаю стремительно, под винтами вертолёта, забрасывать на борт весь наш скарб... Вертолёт взлетает в синее небо и несёт нас над бескрайними просторами тайги с живописными излучками больших и малых рек в Ухту...

Так получилось, что больше мне не довелось быть на Тимане ни как геологу, ни как туристу. Хотя мы с Мишкой и разработали прекрасный пеше-водный маршрут на байдарках по нашему переходу из Кедвы в Пижму. За те 30 лет, что минуло с тех пор, я исколесил не только всю Республику Коми, но и весь Советский Союз. Работал в Сибири, Средней Азии, ходил в горные походы по Уралу, Памиру, Кавказу, Тянь-Шаню, Крыму, а вот на Тиман судьба так больше и не забросила.

И всё-таки совсем недавно я снова побывал на Тимане, правда, несколько необычным образом – во сне. Мне приснилось, что я уже, будучи в своём зрелом возрасте, снова поднимаюсь от водопада Ревун в верховья Пижмы, и далее выхожу по нашему ручью на плато. Всё происходит, как в жизни, как тридцать лет назад. Только погода солнечная, радостная... Вверху на скалах я вижу ту самую пещеру, и, уже поднявшись на плато, спускаюсь в неё на верёвке. Это оказались заброшенные подземные кельи пустынников. В одной из них в углу стоит старинная икона Николая Чудотворца, а в другой скелет человека. Небольшой лаз с деревянной дверью ведёт из пещеры прямо на плато.

Самое интересное, что через несколько месяцев после этого сна я побывал в рабочей командировке в Усть-Цильме, где встретился с несколькими людьми, как раз переехавшими в это крупное староверческое село с верховьев Пижмы. От них я узнал, что эти места связаны с поселениями староверов, спасавшихся здесь после раскола XVI века целыми скитами. Именно там, по мнению многих исследователей, нужно искать золото купцов Рябушинских. Об этих закопанных несметных сокровищах писатель Лев Николаевич Смоленцев написал целую повесть и снял отдельный фильм. Тот человек, который хоронил эти сокровища, потом прожил долгую жизнь, но так никому и не сказал о своём кладе.

- Его никто не найдёт до Второго Пришествия Христов, - умирая, сказал хранитель. Энтузиасты Усть-Цильмы предложили мне совершить экспедицию на Тиман, в верховья Пижмы. Я загорелся этой идеей и с нетерпением жду, когда всё сложится так, чтобы мы, наконец-то, отправились в маршрут. Не за золотом Рябушинских, конечно, потому что золота и других полезных ископаемых в кладовых Тимана невероятное количество. И я это знаю, как никто другой. А за новыми невероятными приключениями и впечатлениями.

Может быть, мне снова улыбнётся счастье, и я переживу те самые счастливые мгновения, что пережил здесь в пору своей студенческой молодости. Кто знает?!

* * *

Тем временем, вспоминая о своей геологической практике, я дошёл до лесной избушки, расположенной где-то в десяти километрах от Эжвы. Она стоит на берегу лесного ручья в сосновом бору в тихом, скрытом от людских глаз, месте. Вся уже скорбилась и покосилась от старости, но мне здесь всегда очень хорошо.

Быстро растапливаю печурку. В углу образ царя-мученика, моего любимого святого. В уединённой тиши я люблю читать акафист святому царю-мученику. Снег давно уже прекратился. После молитвы выхожу на улицу, чтобы развести костёр, и сразу чувствую, что в природе что-то изменилось. Всё как-то преобразилось и засверкало. Взгляд сам взметнулся в небо. Оказывается, это сквозь образовавшееся окно в тучах появилось солнце. Оно чуть-чуть прикрыто перистыми облаками, поэтому глаза не болят от ослепительного яркого света.

Я поглядел на солнечный диск, и замер от увиденного - солнце играло, как на Пасху. В своей жизни это чудо я видел всего несколько раз, и всегда оно сопровождалось каким

то совершенно необыкновенным, восторженным душевным состоянием, близким к айфории. Солнце на самом деле играет – то вспыхивает, то гаснет, распространяя вокруг себя причудливые вспышки света. Вокруг диска в яркой огненной полосе с разной скоростью вращается небольшой огненный сегмент, создавая совершенно нереальную картину какого то сказочного действия.

Душа ликует и поёт. В эти минуты посещение Божьей благодати чувствуется особенно явственно. Господь здесь, рядом. Ничто не может скрыться от Его Всевидящего Ока. Каждый наш вздох, каждое слово, каждая мысль видны Господу. И вот сейчас в праздник заступницы земли Русской иконы Казанской Божьей Матери я, замирая от счастья, любуюсь этим потрясающим зрелищем, не в силах оторвать глаз. На фоне движущихся туч создается такое впечатление, что сверкающая огненная колесница катится по небу. Ещё мгновение и вот она уже скрылась за тучами.

А иначе, кажется, сердце разорвалось бы на части...

Пауса КУКЛИНА

* * *

Я все рвалась куда-то к Богу.
Душа звала меня в дорогу.
К полету. В высь.
К вершинам горным.
Была я жизнью недовольна.
Ну а сейчас?..
Что изменилось?..
Что – не случилось, а что случилось?
Нет, не отвечу, лишь скажу:
«Хочу быть с вами, мои родные!
И если примете меня,
то в моей жизни непременно
взойдет счастливая заря!»

* * *

Ах, первый узелок!..
Все началось с обмана.
И вот...
лукавого стезя стелется
под нашими ногами.

* * *

Живу сама с собою в ссоре,
Живу сама с собою споря.
О ладе, о гармонии мечтаю.
А будет ль лад?
Гармония?

Не знаю.

Владимир ОЛОФИНСКИЙ

* * *

Над селом сегодня пролетал
Не в Египет, не в Европу и не в Турцию.
Сон я видел, поливала во дворе
Бабушка поникшую настурцию.
Улыбаясь ласково цветам,
Говорила: «Скоро ль ты приедешь?
Надо срочно траву покосить
На могиле у отца и деда...
Наколоть на холода дрова,
Наносить водички для полива,
Выкопать картошку и вскопать
Грядки все на осень торопливо...»
Сесть в автобус и, махнув рукой,
Вдруг сказать оглохшей поседевшей:
«Жди, приеду летом, как всегда...»
И уехать в осень навсегда
Со слезой на Север надоевший.

* * *

После смерти не умирай,
Суету позабыв – живи,
Не сгорела твоя душа,
Жги глаголом бессмертным жги!
Вместо свечки в руке перо
Горячей золотого огня...
Написавши, что было до
Напиши, что после тебя.
Нам, забывшим читать стихи,
В жизни думавшим, всё пустяк.
На Руси ведь не две беды,
И боюсь не один косяк.
Ты поэт, укажи на всё,
Победив, мы забудем рай.
А без рая, сумев прожить,
После смерти не умирай.

Алексей ИЕВЛЕВ

ЛЕСНЫЕ ПОСЁЛКИ

Поселки лесные –
Живые людские миры –
На карте России
Не сразу отыщешь – малы.

Здесь люди как люди –
Такие же, как и в Москве.
И в праздник, и в будни
Течет жизнь сама по себе.

До Бога далёко.
До леса – рукою подать.
Кому одиноко,
Кому – только здесь благодать.

Под куполом неба,
В излучинах синей реки
И зрелищ, и хлеба
Находят себе мужики.

Здесь жизнь не спесива:
Заботы, работа и дом...
Как будто Россия –
Большая река подо льдом.

Великая сила!
О чем там кричит вороньё?
Здесь дремлет Россия -
Живые истоки ее.

* * *

Нет времени слушать поэтов
Во время чумы и войны.
В года клеветы и наветов
Иные таланты нужны.

В России талантов – богато!
Любых виртуозов - не счесть!

Их всех по чинам и мандатам
Уже рассадили окрест.

Пускай позабыты заветы,
И нет их среди лозунгов дней, -
Пусть скажут хотя бы поэты:
«Не лги.
Не кради.
Не убей».

Геннадий ТРОФИМОВ

ЧЕРЕДА

Это раньше я – хоть куда.
А теперь простите, ребята, –
Обойдутся без нас города,
Нами вынянченные когда-то.

Подлатают их без потуг
По скупой юбилейной смете.
На маршрутах сплошных разлук
Нас, быть может, и не заметят.

Ну, да разве заметишь всех
В суете чиновничьих правил.
Поисковый наш громкий успех
Юбилей свой едва ли справит.

И не надо его справлять, –
Юбилей и так в избытке.
Пусть приходит созревшая рать
Молодых, подкованных, прятких.

Это раньше я – хоть куда.
А теперь простите, ребята:
Наступила их черед
Сделать лучше, чем мы когда-то.

* * *

Для кого пишу, приятель?
А, пожалуй, для себя.

Нет, ни капельки не спятил:
Для себя и... для ребят.

А ребят – довольно густо.
Они тоже для себя
Стихотворное искусство
Увлечённо громоздят.

Значит, стоящее дело,
Коль из года в год
Трепетно и ошалело
Виршеплётствует народ.

Константин КОКОВИН

* * *

Безмерно завидую птицам,
Которым – Шаг с парашюта и – полёт!
Шагать с парашюта легко научиться,
Судьба же не всякому крылья даёт.

Попробуй – узнаешь: крылат или нет.
Шагнул – вбуравился в землю лбом.
Ох! Такие опыты не по мне.
Попробую, может, ещё ... потом.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Туман разлит, как сладкий елей,
В нем утопают лапы елей,
И сонные стада стогов,
Теснясь у зыбких берегов,
Теряя из виду друг друга,
Тревожат мглу вдоль кромки луга.

Все здесь – покой и несмятенье,
Беззвучна тьма в ветвей сплетенье
До первых солнечных лучей,
Что мчатся по траве скорей
Напиться утренней росой.

И отражаясь в капле той

Небесной влаги,
Омоют землю подо мной
При легком шаге.

Альберт БЕРНШТЕЙН

ПИСЬМА ДОЧЕРИ

Письмо первое
Октябрь 1983 года
Дочь!

Письма бывают разные. Чаще всего в письмах делятся обычными сегодняшними житейскими заботами: что, где и почему, какая погода, починка сапог и возвращение долга в 3 рубля, что ели на ужин и чем заполнить следующую посылку и т.д. и т.п. и без этих писем не обойтись. И чем их больше, тем лучше. Ведь это живая весть от родного человека.

Но есть и другие письма, главное содержание которых – мысли и чувства, т.е. категории долговременные, может быть, даже вечные. Вот несколько таких писем мне и хотелось написать тебе. И, конечно, получить ответ на них. Ответ, в котором тоже – мысли и чувства.

Зачем же нужны эти письма? Постараюсь изложить свои соображения.

Письма такого рода – это продолжение нашего разговора, который начался с твоего первого слова «мама» и будет продолжаться до моего последнего слова (это будет тоже слово «мама»). Этот диалог не должен прерываться, как бы далеко мы не были друг от друга.

Письма – это некоторая замена тем личным контактам, которые становятся все реже и реже. Я уже рассказал тебе, как однажды в поезде мне пришла в голову страшная мысль о том, а сколько раз мне предстоит ещё встретиться со своими родителями. Обычно удается встретиться раз-два в год. Так сколько же этих встреч осталось?! Пять? Девять? Две? Так коль существует такая угроза, что встреча, которая уже была – последняя, не жестоко ли ограничивать ещё и контакты через письма? Жестоко и эгоистично.

К слову об эгоизме. Человек, пишущий письмо, думает о том человеке, кому пишет. Часто пишет – часто думает, не пишет – значит, не думает. Все настолько просто, что удивительно непонимание этой простоты. Да, только эгоист не пишет писем. Примеров из жизни предостаточно. Правда, эта ситуация не обязательно стабильна: жизнь меняет людей, и черствый эгоист вдруг (нет, не вдруг!) становится добрым и заботливым по отношению к родителям, к детям и просто к людям.

Письма такого рода – это как бы устранение недоделок (пришел на ум строительный термин!) в воспитании. Ибо только теперь, когда ты живешь за тысячи километров, начинаешь понимать, как многому мы тебя не научили. Не потому, что не умели сами, а потому что казалось, что еще успеем это сделать. И не успели. Может быть, теперь только в письмах постараюсь передать то, что не сделал раньше.

Письма – это весточка в будущее.

То, что я расскажу в них тебе, ты, может быть, передашь своим детям, те – своим. Так и будет тянуться эта ниточка из поколения в поколение. Точно так пришел к тебе из прошлого века «Портупей Прапорщик», о котором рассказывал мне русский дед. Про

этого прапорщика ты, наверняка, расскажешь своим детям. А ведь они будут жить уже в 21 веке. Вот тебе пример ниточки, связывающей век прошлый с веком будущим. А мы, словно бусинки на той ниточке. (Только бы она не порвалась, не сгорела при ядерной вспышке!)

Письма – это живое слово, которое может сохраниться надолго, может быть, на века. Вспомни берестяные грамоты, которые дошли до нас через 7-9 столетий. А слово в этих письмах совсем живое, словно написанное вчера. А письма Чехова, Тургенева, Чайковского... Живое биение мысли в них зафиксировано навечно. (Нет, нет, я не пристраиваюсь к великим...) И все же сладостно до головокружения думать, что (и, вдруг!) это письмо когда-нибудь прочтает мой правнук. (Дневник – это тоже живое слово, но это письмо самому себе, а значит, письмо никому).

Письмо – это зеркало, в котором можно увидеть самого себя. Причем себя десятилетней, двадцатилетней давности (и более). У нас с мамой сохранилось несколько писем с того времени, когда появляется желание сохранить навечно счастливый момент в жизни неповторимо радостную минуту человеческого бытия. Читать сейчас эти письма грустно, приятно и... немного смешно. Тем более, что смеяться над собой вовсе не грешно.

Вот что такое есть письмо. Я мог бы продолжить этот гимн письму, но боюсь, что гимн может превратиться в ораторию. К тому же в перерыве между лекциями едва ли ты успеешь прочитать письмо, написанное более, чем на 5 страницах. Учитывая эти серьезные факторы, закругляюсь.

Будь счастливой, умной, и просто – будь!

Целую. Отец.

Письмо второе

Дочь!

Ноябрь 1983 года

Пусть это письмо будет о любви.

«Любовь и голод правят миром» - сказал некто из великих. Не будем говорить о голоде, сейчас у нас не голодают (лечение голодом и мечта о пирожке с ливером на последней лекции не в счет).

Итак, поговорим о любви, на ней действительно, все держится. О любви к родине; о той любви, которая дарит жизнь; о любви к детям, к родителям.

С какой любви начать разговор? Какая из них самая главная, по какому критерию это определить? И все же я начал бы с любви к родителям. Почему? Да потому, что, видимо, это единственная любовь, не имеющая аналога в природе.

Привязанность к месту рождения присуща и зверям, и птицам, и, наверно, даже рыбам. Сильна в животном мире и любовь к потомству (я видел, как куропатка, защищая гнездо, бросилась на охотника). А о любви в дикой природе, дающей жизнь, написаны тома. Здесь и преданность друг другу на всю жизнь лебедей, и смертельные поединки из-за самки оленей, и брачное токование глухарей.

И только одна любовь не имеет аналога в природе – любовь к родителям: звери и птицы, вырастая из детского возраста, оставляют своих родителей. Так что у людей это единственная любовь, стоящая выше первоосновы всего остального – инстинкта. Это единственная любовь, продиктованная только человеческим разумом. Продиктованная благодарностью за подаренную жизнь, за заботу, порой требующую героических усилий. А благодарить за жизнь можно только самой жизнью. И поэтому однажды мне пришла

мысль, что если бы я мог отдать часть своих оставшихся лет жизни родителям, я это сделал бы с радостью и не задумываясь. Но, увы! (Я этих слов никогда не говорил вслух, да и сейчас доверяю только бумаге. Но и это можно сделать раз в жизни).

Способность пожертвовать чем-то большим, важным – это и есть любовь. И не только это. Она проявляется и в том, что ты бережешь газету с Указом о награждении отца; и в том, что ты можешь уткнуться носом в рубашку отца и плакать ни о чем («не потому, что больно и обидно, а потому, что грустно и светло» - кажется, так?). И есть еще многие проявления искренности и любви.

Я говорю, казалось бы, слишком очевидное. А сколько их, забытых и брошенных стариков. Забытых и брошенных не в буквальном смысле – ни встреч, ни писем, не телефонных звонков. Бог им, этим детям, судья. Такое же отношение их ждет и от собственных детей.

О любви к детям скажу совсем немного. «Это любовь бескрайняя, любовь ни за что», - примерно так сказала одна героиня Достоевского. Если ее нет, этой любви, - это патология в чистом виде. Мне кажется, что я под этот случай не подхожу. А какая она у меня – не мне об этом судить. (Это и есть главная причина моей краткости). Нас с мамой наши друзья, имея ввиду наши отношения к детям, называют сумасшедшими родителями. Не знаю, не знаю...

Ну, а теперь о любви другой. Практически все мировое искусство (живопись, музыка, литература) или во всяком случае большая его часть посвящены этому прекрасному чувству. Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда, Петрарка и Лаура, Руслан и Людмила, Иван да Марья и т.д. и т.п. Список этот можно продолжить без конца, ибо в этом списке почти все жившие и живущие на земле.

Не будем говорить сейчас о природе этого чувства, но жизнь без него тускла, сера и просто невозможна. Не может быть без него и полного счастья.

Математик Софья Ковалевская, будучи уже в зените славы, однажды с горечью воскликнула: «Ну почему меня никто не любит?!» Потому что заменить любовь нельзя ничем.

Однажды одному из партийных деятелей первых лет советской власти (не помню точно кому – Луначарскому или Дзержинскому) на каком-то его публичном выступлении задали вопрос: «Что такое любовь?». Он ответил примерно так: «Если этот вопрос задал пожилой человек, то я ему отвечу: вспомни. Если вопрос задал молодой человек, то ему отвечу: скоро узнаешь. Если вопрос задал человек средних лет, то мне просто жаль его». Я бы такого вопроса партийному деятелю задавать бы не стал.

Повезло, наверно, в жизни. Мне помнится очень много ярких событий, связанных с этим чувством. Вот несколько из них...

Однажды я на перемене заскочил зачем-то в биологический кабинет. Она сидела в полоборота ко мне на фоне окна, рисовала газету. Меня не заметила. Я несколько секунд смотрел на нее и вдруг почувствовал, что теряю сознание: голова закружилась, в ушах зазвенело. Я тихонько закрыл дверь и ушел. И долго не мог понять, что же со мной было. Потом мы как-то были в кино. Места у нас были крайние, боковые. Я мог смотреть и на экран и на нее. В какой-то момент я посмотрел на нее: увлечена фильмом, губы полуоткрыты, красивый волнующий рисунок шеи... Фильм уже я не видел. Потом был выпускной вечер, как некоторый рубеж между тем, что было и тем, что будет.

У любви много эпитетов: с первого взгляда, роковая, безумная... Каждый из них может быть и истинным и ложным. Безумная любовь... Может быть... И все же любовь без ума – это нечто сомнительное. Жаль, что любви порой действительно не хватает ума. Мне это тоже, к сожалению, известно.

Заклячая эту часть письма, верю, что твоя любовь будет счастливой.

«С чего начинается Родина?» - спрашивает поэт и сам отвечает на свой вопрос. Отвечает умно и красиво. Но его ответ не исключает того, что каждый для себя тоже должен ответить на этот вопрос.

Конечно, родина начинается с записи в свидетельстве о рождении места рождения. И даже если этого места человек не помнит и не знает, даже само название этого порой крохотного населенного пункта будет для него полно какого-то тайного смысла, который невозможно объяснить. Ибо это не просто место на земле, а место, где ты появился на свет.

Я плохо помню ту станцию Л.Толстой, из которой уехал в трехлетнем возрасте, спасаемый от войны. Помню большие гулкие комнаты учительской квартиры; огромный школьный сарай, в котором летом горой стояли парты; деда, сидящего на краю стола с очередным шитьем в руках; большую банку с конфетами в буфете; грядки с морковью под окнами; мужчину в шинели, которого мне выдали за отца (алгасовская шутка) и который папиросой обжег мне щеку; эвакуацию в крытой грузовой машине на груде вещей (мне казалось, что машина едет по кругу – так я воспринял тогда относительное перемещение деревьев и строений на горизонте).

Может быть, родина – это место, где впервые осознал себя? Алгасово ... Меня постоянно тянет туда. Мне хватает одного-двух дней, и я уже томлюсь от пребывания там, от безделья, от какого-то несоответствия самого себя этому унылому, хотя и дорогому месту. Уезжаю... и снова тянет в Алгасово.

Бердичев ... Как много связано с ним, как многим я ему обязан. Города рождаются, развиваются и умирают. Бердичев и развивается и умирает одновременно, потому что с развитием в нем умирает то, что делало его моим Бердичевом.

Я знаю, что и тебе все это известно и понятно. Я помню, ты очень не хотела уезжать из п.Заполярного. И когда мы приехали туда с тобой через несколько месяцев после переезда (ты была, кажется, в третьем классе), ты воскликнула вдруг: «О, мой родной поселок! И зачем мы уехали отсюда!» - эти слова буквально полоснули по сердцу. Они и сейчас не оставляют меня равнодушным.

А из этих маленьких провинциальных городов, станций, сел и поселков и складывается та огромная Родина, которую и пишут и произносят с большой буквы. Необъятные размеры ее, многонациональность и многоликость, исторический путь ее – все это в сочетании с кровной привязанностью к родным местам и есть любовь к Родине. Это не лозунги на фанерных щитах, это не трескучие пустые фразы штатных ораторов, нет. Эта любовь – сокровенное, сугубо индивидуальное чувство, которое не вытаскивают из глубин души напоказ по поводу и без повода. Просто оно должно быть. И оно есть.

Вот такие эти простые и непростые понятия.

Сегодня в 3 часа ночи появился в этом мире новый человек – твой племянник, мой внук. Никто пока не знает, кем и каким он будет. Он живет на свете несколько часов, у него нет ни имени, ни фамилии.

Пусть и его не обделит жизнь разной любовью. Пусть...

Целую. Отец.

12.11.1983г.

Здравстуй, nana!

Отвечаю на твое письмо не сразу, но не стану оправдываться, потому что сделала это умышленно. Дело вовсе не в нехватке времени, не в моей занятости, а со-

всем в другом. Ты знаешь, мне не доводилось никогда получать таких писем. Впрочем, письма от дедушки немного похожи на твои. В каждом своем письме он говорит мне что-то очень важное, все это откладывается у меня в мозгу, и я считаю, что очень многим обязана этим письмам, они научили меня кое-чему. Но твое письмо меня просто потрясло, честное слово. Я перечитывала его очень много раз, и каждый раз находила в нем что-то новое, каждый раз я как-то волновалась, открывая конверт.

Я почувствовала себя повзрослевшей, даже не могу точно передать тебе свои чувства. Мне хочется быть маленькой, быть все время с вами, как раньше. Мои соседки подумали, что мне написали что-то страшное, не могли понять, что я плачу, потому что мне очень хорошо, хотя немного грустно. Я столько вспомнила, столько событий прошлого перевернула в памяти, а хорошие воспоминания всегда немного грустные.

Я знаю, что ты прав на счет эгоизма. Надо писать письма, я понимаю. Вернее, сейчас поняла это очень отчетливо, если так можно сказать. Ты прости меня, папа, что я так редко пишу письма. Я буду писать часто, чтобы не прерывалась наша ниточка. Такого просто не может быть, невозможно.

Сейчас сижу дома одна, очень тихо, поэтому, когда перечитывала твое письмо, кажется, что слышу твой голос, как будто мы с тобой разговариваем вечером перед сном.

В последнее время я стала задумываться о себе самой.

Трудно в себе разобраться, так и не знаю, что же из себя представляю. У меня не так уж много друзей, но те, которые есть, по-моему, очень хорошо ко мне относятся. Но так много людей, которые меня не любят, что становится страшно. Когда училась в школе, все думала: вот, поступлю в институт, начнется другая жизнь. У меня будет очень много хороших друзей, у меня не будет никаких врагов. Но получилось совсем не так. Многие люди, которых я уважаю и считаю авторитетом для себя, меня просто не воспринимают всерьез, считают посредственностью. Может, так оно и есть, но я не хочу с этим мириться. Сенечка (ты о нем, наверно, слышал) как-то сказал, что в жизни всегда есть лидеры и нелидеры. У нас на курсе, естественно, то же самое. Моя лучшая, любимая подруга Оля в числе этих лидеров, это заметно. А я вот как будто приставка к ней. Но в наших с ней отношениях я чувствую, что я главнее, она все решает только со мной, и я про себя этим горжусь. Может быть, этого вполне достаточно? Не знаю.

Папочка, я очень постараюсь быть умной и постараюсь быть счастливой, хотя с моим характером это трудно. Пиши мне ещё письма. Очень тебя люблю.

Всё. Оксана. Архангельск.

Письмо третье.

Январь 1984 года

Дочь!

В этом письме мне хотелось бы высказать некоторые мысли, связанные с умением вести себя в обществе, на людях.

Увы, этому целенаправленно и в обязательном порядке у нас нигде не учат, и до всего приходится доходить самому, наблюдая, накапливая, анализируя факты, опыт и мысли других. И свой опыт также. И поэтому культура поведения в обществе стала не

только свидетельством воспитанности человек, но и в значительной степени показателем способности человека к самовоспитанию.

Один мой добрый друг, способный ученый и прекрасный человек, в обществе уважаемых и более старших людей может в разговоре прерывать всех через каждое слово, размахивая при этом вилкой с наколотым на ней шницелем или куриной ножкой. И порой, после совсем уже вопиющей бестактности с его стороны по отношению к одному из присутствующих, остальные взглядом объясняют потерпевшему: «Не судите строго. Он прекрасный человек, но...». Если бы он знал, как много он теряет из-за этого в глазах присутствующих.

Вот и давай поговорим о культуре поведения. Тема эта неисчерпаема, и, приступая к этому письму, я не уверен, что она, эта тема, этим письмом будет исчерпана. И начал бы я эту тему, точнее – перечень рекомендаций, советов с такого важного качества, как уверенность в себе. Это качество полностью зависит от тебя самой.

«...Я уверена в себе, у меня есть все, чтобы быть уверенной в себе. Я неплохо выгляжу: прическа, косметика, одежда, фигура – в порядке. Одним словом, внешность – в порядке. На острое словцо сумею ответить не менее острым. Хотя пикироваться и состояться в остроловии не в моем вкусе. И вообще, это дурной тон. Я далеко не глупа. Итак, все – окей. И – вперед!...» Эту команду самой себе надо повторять столько раз в день, сколько потребуется.

Но уверенность в себе не должна перерасти в излишнюю самоуверенность, развязность и т.д. до наглости и нахальства. Но это предостережение вообще, а не относительно тебя.

И еще несколько советов.

Лучше есть котлету уверенно с помощью одной вилки в правой, чем неуверенно - с помощью ножа. (Ещё лучше – уверенно и с ножом).

Лучше уверенно спросить: «А чем и как кушать седло выхухоля в кляре?», чем неуверенно ковырять это седло штопором.

И, кстати, об умении вести себя за столом – вот послушай цитату из статьи педагога:

«...Современный человек редко оказывается за столом в одиночестве. Обычно рядом с ним находятся другие: семья, друзья, даже незнакомые люди. И, в первую очередь, уважением к сотрапезникам продиктованы практически все правила и нормы застольного этикета.

Незнание этих норм, неумение их выполнять или пренебрежение ими может стать причиной многих огорчений. Как справедливо заметил поэт:

Невеж застольных много есть, -

Избавь нас, боже, рядом сесть!»

И далее. Лучше уверенно себя чувствовать в школьном платье, чем неуверенно в джинсах с меховой оторочкой.

Лучше уверенно ответить: «Не знаю», чем неуверенно что-то объяснять из малоизвестного.

Лучше уверенно сказать: «Я этот танец не умею», чем неуверенно танцевать.

И последнее в этой связи: уверенность в себе ни в коей мере не исключает скромности. Не буду доказывать необходимость этого качества – это общеизвестно. Но от нескольких советов не удержусь.

Быть скромным – это значит никогда не хвалить себя и как можно меньше говорить о себе. А так хочется рассказать о самом любимом человеке – о себе. Что купила третьего дня, что вкусного съела вчера в кафе. Но другим что за дело до твоей покупки и вчераш-

него аппетита. Они с удовольствием прежде всего хотят рассказать о себе. И эти рассказы, как правило, остаются интересными только для автора.

Быть скромным – это ни в коем случае не означает необходимости «жаться по-ламу» и «молчать в платочек». Застенчивость – это тоже недостаток. Иногда бывает, что человек, который желает побороть свою застенчивость, впадает в другую крайность – начинает вести себя развязно, вызывающе.

Упаси тебя бог от этих промашек.

Быть скромным – это еще и означает – быть самим собой, а не играть одну из придуманных ролей, подходящей для данного случая. Кто-то из педагогов сказал, что если не знаешь, как поступить, поступай естественно.

Даже в самой неприятной ситуации, когда что-то заставило тебя смутиться, смешаться, покраснеть, можно выйти из этого положения весьма естественно, сказав: «Ну, ты (вы) меня просто в тупик поставил (-а, -и)» или (шутя): «Нехороший ты человек, так меня смутил (-а)». Такое поведение куда лучше, чем лепетать что-то невразумительное или обидеться до слез.

Очень важное качество, которым к сожалению, обладают немногие, – это умение слушать других. Часто приходится наблюдать, как в стайке молодых людей все говорят одновременно, не слушая никого. А, точнее, каждый слушает самого себя. Что остается после такого общения? И при таком общении, конечно, выигрывает тот, кто умеет слушать. Такой человек пользуется и доверием, и уважением. Ибо, если он слушает, значит, вникает, сопереживает. Более того, принимает участие. А соучастия так все хотят.

Человек должен знать свои недостатки. Но не для того, чтобы заниматься самобичеванием и самоунижением. (Это уже самосуд, который преследуется по закону. И адвокат не поможет!) А для того, чтобы бороться с ними, с недостатками. И не выставлять их на обозрение, как нищий рубище.

Человек должен знать свои достоинства. Знать, что их у него гораздо больше, чем недостатков (кстати, большинство из которых – мнимые). Имеющие глаза и уши достоинства увидят и услышат.

Хотелось бы, чтобы ты уловила в этом письме не менторский тон (хотя он и есть), а страстное желание передать тебе свой опыт и знания в этом сложном вопросе. Мне хотелось научить тебя тому, чего порой не умею я и сам, хотя и знаю о необходимости и важности этого умения.

И последнее. Все хотят быть счастливыми. И ты хочешь счастья. И мы хотим счастья. Так будь же счастливой. Жванецкий говорил о ком-то: «счастливая «от ничего». А у тебя сверх этого «ничего» столько ещё есть всего: молодость, красота, в перспективе – любимая работа и, конечно, любовь (а куда она денется, будет, черт возьми!). Так будь же счастливой. Их все так любят, счастливых.

Итак: «...я уверена в себе, у меня есть все... у меня будет счастье...»

Целую. Отец.

P.S. Получил твоё письмо. Рад ему и очень доволен им. Я сохранию его. И другие тоже. Они ведь будут...

***Письмо четвертое
Февраль 1984 год
Дочь!***

В этом письме я хочу поделиться с тобой мыслями о том, кем тебе быть в жизни.

Прежде всего тебе предстоит быть человеком. Это было уже определено самим фактом твоего рождения. А быть человеком – совсем не просто. Потому что в это слово «человек» вкладывается понятие не только о видовом отличии, но и, главным образом, высокий смысл, который вкладывают во фразу: «Он (она) – настоящий человек». И этот высокий смысл включает в себя так много составляющих, что только одно перечисление качеств, определяющих настоящего человека, может занять несколько страниц.

Ум, доброта, справедливость, обаяние, работоспособность, смелость, любовь в разном (но высоком!) смысле, готовность к самопожертвованию, настойчивость в достижении цели, самокритичность, интеллигентность...

Интеллигентность... почему-то мне захотелось остановиться немного на этом понятии. Есть темы, сложные и важные, к которым надо возвращаться неоднократно. И эта – одна из них. Это естественно, т.к. это понятие вмещает в себя так много, что можно воспитывать в себе эти качества всю жизнь, приближаясь к совершенству, достигнуть которого теоретически просто невозможно.

Воспитывать в себе интеллигентность – это, значит, постоянно анализировать свои поступки, постоянно помнить о необходимости такого анализа. Но ни в коем случае это не должно быть причиной скованности, «зажима», как говорят актеры. Могу ли я помочь тебе с помощью этого или другого письма. Не знаю... И все же не удержусь дать несколько советов. Интеллигентный человек не может себе позволить иметь дурные привычки (шмыгать носом, закусывать губы, грызть ногти, вытирать нос пальцами, разглядывать свой носовой платок (если он есть), быть неопрятно одетым, «встревать» в каждый разговор, дергать бровью, перебивать говорящих и т.д. и т.п.

...Итак, тебе предстоит быть человеком. Я уверен, что ты им будешь...

Тебе предстоит быть женщиной. Это тоже предопределено фактом твоего рождения и включает в себя множество компонентов: быть женщиной – это значит быть женой, матерью, любимой, любящей, заботящейся.

Чаще всего (а, может быть, всегда), главное в жизни женщины – семейное счастье. И ничто его заменить не может. Семейное счастье – это так просто и так сложно. Все вроде бы знают, что необходимо для этого счастья и как обеспечить его. Но не всех это счастье посещает.

Однажды в одной компании я был свидетелем разговора о семейном счастье. И что здесь только не говорилось!.. Многозначительные и великомудрые слова так и витали в воздухе: эмансипация, идеалы, помощь в хозяйстве, носит на руках, сдувает пылинки, единство взглядов, супружеская верность, взаимопонимание...

Потом поднялась одна пожилая женщина, весьма неглупая как специалист и в житейском плане (я это знаю) и сказала:

- Все, что вы говорите, почти верно. Но не главное. Чтобы быть счастливой надо стирать, готовить, ухаживать, лелеять и ласкать. Вот тогда в семье будет счастье.

И никто из прежних диспутантов ей не возразил. Потому что чаще всего семейное счастье разбивается об эгоизм одного или обоих супругов. И главное для семейного счастья (при прочих компонентах) – не быть эгоистом. Это так понятно и так сложно. Ибо делается это счастье и умом, и сердцем, и трудом.

Часто можно слышать о ком-то, что вот, мол, не удалось у них семейное счастье. Эта формулировка в корне неверна. Правильнее будет не «не удалось», а «не захотели, не сумели».

Почему-то уверен, что твое счастье состоится...И в свое время оно придет.

И ещё надо быть в жизни специалистом своего дела. Тебе повезло: ты будешь заниматься делом, которое сама выбрала и которое тебе нравится. Но этого не достаточно. Я считаю, что дело, которое делаешь по долгу службы, надо делать обязательно хорошо. Или не делать совсем. Полупрофессионалы всегда вызывают сожаление, а часто и раздражение: и все они вроде бы понимают и умеют, но все делают намного ниже среднего уровня. Главная причина – отсутствие прочих и постоянно пополняемых знаний. Их отсутствие не заменить общими рассуждениями и интуицией. И при этом они, полупрофессионалы, весьма рьяно защищают свою точку зрения, построенную на песке.

У К.Маркса есть прекрасная мысль: «Невежество – демоническая сила», А как ярко эта сила проявляется в споре двух невеж! (Кстати, сам спор – это и есть проявление невежества). Я думал, что вся жизнь – это постоянная борьба с собственным невежеством.

Есть профессии, где профессиональное невежество приносит вред только одному человеку. А врач-невежда – это преступник.

Возможно, что тебе предстоит держать в жизни ещё один выбор, отвечая себе на вопрос: кем быть и какой быть?...

Понимаю твоё недоумение: о чем речь?

А вот о чем.

Какой-то части людей везет с рождения: они рождаются с какими-то способностями от природы: к музыке, к спорту, к литературе... Уверен, что и тебя природа отметила этим, уверен, что у тебя есть способности к литературе. Те рассказы и сказки, которые ты писала в возрасте начальной школы, явно несут на себе печать природного дарования.

Будет очень обидно и несправедливо, если эта божья искра с годами погаснет. Конечно, к этой искре необходимо еще умение и желание работать. Писание – работа тяжелая. Совмещение же профессий врача и писателя – случай нередкий. Писание – это еще и самосовершенствование. Это я знаю из своего опыта. С тех пор, как я стал писать очерки для журнала «Север», я заметил, как улучшается стиль, оттачивается мысль, становясь более глубокой и лаконичной. Одним словом, пиши. Стихи, заметки, маленькие рассказы, (и письма – мне!). Это занятие дает огромное удовольствие. А если ещё и печатают... Для начала можешь печататься даже в своей институтской газете. Авторитет печатного слова у нас огромен.

... Я постоянно думаю о будущем твоём и Лены, проигрываю мысленно различные варианты. Те варианты твоего будущего, которые я изложу в этом письме, мне кажется, могут стать действительностью с высокой степенью вероятности. А для этого нужно стараться быть немного умнее, чем ты кажешься самой себе, работать чуть больше, чем можешь и хочешь; быть добрее и терпимее к окружающим; быть настойчивее в достижении тех целей, которые сама ставишь перед собой.

На мою и нашу помощь в достижении поставленных задач можешь рассчитывать, как на самоё себя и даже больше. Потому что у каждого наступает в жизни период, когда вся жизнь в детях.

И последнее. Конечно, мне хотелось бы получать ответы на эти письма. Очень сложно писать не зная, что доходит до адресата.

Целую. Отец.

Письмо пятое
Март 1984г.
Дочь!

Письмо начал в Трускавце,
продолжаю в гостинице «Славутич»

Мне стало известно об анонимном опросе, который проводился в вашей группе, и его результатах, касающихся тебя. Знаю, что результаты тебя огорчили. Это понятно, в конце концов, эти результаты есть ничто иное, как критика, а она редко бывает приятной, даже, если она и абсолютно объективна. Но критика в большинстве случаев бывает полезной. Она заставляет задуматься, оценить себя и свое поведение, умение находится в контакте с окружающими. Думаю, что и в этом случае можно извлечь из нее пользу.

Самое первое, самое разумное и самое простое объяснение: у тебя есть три явных или скрытых врага. (Так я назову для простоты и краткости недружелюбно настроенного по отношению к тебе твоего однокурсника). И в этом нет ничего плохого. Врагов не имеют только дураки. Или равнодушные ко всем. Или одинаково ко всем радушные – это тоже разновидность равнодушия, глупости или лицемерия. А личности всегда имеют врагов, они их просто не могут не иметь.

Я вчера закончил читать отличную книгу мемуаров Э.Миндлина о писателях и поэтах. Даже такой сверхдобрый писатель и человек как К.Паустовский (его произведения проникнуты добротой, любовью к людям, к прекрасному в них) имел врагов. Потому что он никогда не кривил душой, говорил только то, что думал, говорил в глаза дураку - что он дурак, подлецу – что он подлец, лицемеру – что он лицемер. Конечно, он говорил об этом тогда, когда не сказать этого было нельзя.

Вот, пожалуй, такое объяснение результатов опроса является основным. Я считаю, что вероятность справедливости такого объяснения процентов на 95. Ну, а в 5 случаях из 100 возможно другое объяснение. Да, возможно. Попытаемся вместе в этом разобраться.

Представим себе такой гипотетический случай. Тебе и твоей подруге N поручили вместе сделать какой-то определенный объем работы: помыть пол, выпустить газету, подежурить в больнице и т.д. Но твоя подруга N – немного с ленцой, и тебе приходится делать работы несколько больше половины. Тебя это естественно возмущает, ты заявляешь подруге, что если она и дальше будет такой лентяйкой, то ты с ней вместе работать не будешь. Справедливо такое заявление? Безусловно! Надо ли его делать? Ни в коем случае! Дело в том, что даже самый отъявленный лентяй себя таковым не считает. Поэтому твой упрек может быть воспринят как несправедливое оскорбление со всеми вытекающими последствиями. Поэтому в этой гипотетической ситуации с подругой N лучше найти какой-то другой вариант отношений: не работать с ней в паре, или делить с ней работу четко пополам, или делать заведомо большую часть работы, или... какой-то четвертый... десятый вариант, который придумаешь сама, которые подскажет тебе жизнь.

Представим другой воображаемый случай. У твоего товарища F на носу небольшая бородавка. Он иногда над этим подшучивает сам и вроде искренне смеется, когда это делают другие. Я же считаю, что позволять такую шутку в адрес товарища F ни в коем случае нельзя. Вспомни, ведь каждый любит и хранит те свои фотографии, которые считает удачными, выигрышными. А товарищ F фотографируется всегда только так, чтобы его бородавка была менее заметной. Я взял случай, когда недостаток человека явно виден. А сколько есть недостатков, которые их обладатели считают незаметными для окружающих. Сказать о таком недостатке даже нечаянно - верный способ нажать врага. Почему я придумал этот случай? Я вспомнил твои шаржи (или посвящения) на одноклассников. Все там было сделано умно и остроумно. Но всегда ли эти шаржи могли нравиться

тем, кому они посвящались? Едва ли. Даже если шаржируемый смеялся вместе со всеми. Лучше в таких случаях говорит о мнимых или будущих достоинствах, чем о явных недостатках. (Я вспомнил, как испортилось настроение у ведущего «Кинопанорамы» режиссера Рязанова, когда художник тут же при нем изобразил его очень толстым).

Я не уверен, успела ли ты перечитать те главы в книге, в которых говорится о том, как приобрести друзей и как избежать врагов. Даже, если ты и прочитала, то полезно будет к этому вернуться: не все усваивается с первого раза, а те советы и рекомендации – особенно. Особенно потому, что рекомендации очень просты, а простое часто воспринимается труднее, чем сложное.

И ещё потому, что выполнение некоторых из этих рекомендаций требует работы над собой. А это всегда сложно. И все же в своих последующих письмах я вернусь к этим правилам.

А сейчас я хотел бы вернуться к началу своих рассуждений и этим закончить тему: в 95 случаях из 100 закономерно, что умный и принципиальный человек может и должен иметь врагов. И хорошо, что они у тебя есть. И если бы вдруг их не оказалось, их надо было бы срочно завести!

Один из руководителей нашего объединения и большой специалист по застольным тостам всегда среди прочих провозглашает такой: «За наших достойных врагов! Пока они есть – мы чего-то стоим».

И больше не терзай себя.

А в порядке шутки – следующие стихи. (Не суди строго, в стихотворчестве мне с тобой равняться трудно.)

*Для кручины - нет причины.
И с лица прочь скорби мина!
Любим мы – и мы любимы,
Ненавидим – те враги нам.
У амебы равнодушной
Нет друзей и нет врагов.
Даст сожрать себя послушно –
Что ж, удел ее таков.
Ну, а люди – человеки?
...Lupus est иль..друг и брат?
Испокон веков вовеки
Было так и будет так.
Есть на свете подлость, хитрость...
С ними можно ли мириться?!
«Из-за пазух камни выбрось,
Недруг! Выходи сразиться!»
Есть на свете сплетни, слухи,
Что растут, как слон из мухи.
Сплетнику – фонарь под глаз,
Пусть теперь он помнит нас.
Выводы мои беспорны!!!
Вот и все! Закончим диспут.
Завершим его мажорно,
И не будем больше киснуть.*

Итак, я хотел поговорить вот о чем. Письма к детям – известный способ общения и воспоминания. И даже – литературный жанр. Действительно, жил ребенок постоянно рядом, и вдруг в один прекрасный день (а, может, не прекрасный) этот ребенок оказывается за тысячу километров. И сразу возникают десятки проблем и в том числе: «а вот об этом (или о том) мы с ней не поговорили, наше мнение ей не сказали, и ее мнение нам неизвестно» и т.д. и т.п. И восполнить этот пробел могут только письма. Конечно, в этом случае письма не должны быть односторонними, общение обуславливает участие в переписке обеих сторон. Телефонный разговор – это всего лишь условный знак: жива, здорова и только. Письма же – это обмен мнениями, мыслями. Поэтому одно другое не заменяет.

Я уже говорил раньше о роли писем в воспитании. Действительно, активный процесс обучения жизни идет до 22-23 лет. (Учиться, конечно, нужно всю жизнь, но главное познается именно в этом возрасте). Так, что у тебя осталось 4-5 лет этого периода. И хотелось бы, чтобы наши письма сыграли какую-то роль в этом обучении. Ведь главную школу жизни ребенок всегда познает от родителей. Можно сказать, что воспитание в этом случае – это передача опыта родителей детям. И делать это с помощью писем можно только в том случае, если есть обратная связь (ответная реакция).

Недавно я прочитал «Письма к сыну Честерфильда». Прекрасный образец воспитания и ...литературного жанра. И к своему глубокому огорчению в послесловии этой книги я узнал, что писал он в пустоту, никому, потому что его сын оказался совсем не тем человеком, за которого принимал его отец. Все старания отца, вся его мудрость не дошли до адресата таким образом. Вот почему нужны ответные письма.

Так что, дочь, пиши нам. Говори о своем мнении по тем вопросам, которые я затрагиваю в письмах. Изложи свою точку зрения. Мне очень понравился ответ на первые мои письма. Я буду хранить его до конца своих дней.

Целую. Жду. Надеюсь. Отец.

Письмо шестое
6 мая 1984 года
Дочь!

Получил твое длинное-предлинное письмо (по времени написания): ты начинала писать его в начале марта, продолжила в апреле. Я же пишу тебе ответ на него в мае. Учитывая это, а также содержание наших писем (возвышенно-романтическое с философским уклоном в разные стороны!) лет через сто наша переписка образует эпохальный эпистолярный роман объемом в полторы школьных тетрадей без обложек.

Биохимия... Почему-то это название предмета вызывает у меня тревогу. Чтобы как-то заглушить ее, я начал вспоминать, как я учил и сдавал в техникуме аналитическую химию, которая, как мне кажется, находится в родстве с этой «био».

Почему-то преподавательница этой моей химии смотрела на меня, как кролик на удава. (Или как помешанная с манией преследования на другого буйного помешанного с манией величия). Я на ее глазах сливал в одну посуду все свои растворы и растворы соседей по столам, смотрел на свет на эту адскую смесь (если она не взрывалась) и говорил наобум результаты анализа и процентное содержание веществ, входящих в нее. Преподавательница кивала головой: «Верно», ставила мне в журнал пятерку и отпускала с практических занятий с миром, как досрочно выполнившего работу. Мне кажется, что

после моего ухода у нее было желание забаррикадировать стульями дверь и до конца занятый петь и танцевать от радости, что до следующего занятия она в безопасности.

...Едва ли мой опыт общения с аналитической химией будет тебе полезен, и поэтому тебе придется учить и зубрить.

...Настроение...Хандра... Сложные понятия. Из твоих писем я вижу, что «еще немного, еще чуть-чуть», и ты все поймешь, и ты будешь уметь управлять своим настроением, а не оно тобой. Это же так просто – отсекаешь все лишнее, что мешает в данный момент. Это же так просто – задавать себе настроение, следовать этому заданию и получать удовлетворение от власти над собой. Умение управлять другими или хотя бы ладить с другими, начинается с умения управлять собой, или хотя бы ладить с собой. Можно найти в своей душе какую-то болячку, гладить ее, ковыряться в ней, страдать от этого и умиляться своим страданием.

А можно к этой болячке отнестись совсем иначе. Вот несколько вариантов.

«Разве это болячка? Вот у других бывает болячка – так болячка. А это – мелочь...»

«Болячка?...Да нет никакой болячки и не было. Просто показалось...»

«Господи, да без такой болячки и жить нельзя. У всех есть, бывает, и у меня тоже. Подумаешь...»

Применение этих вариантов опять-таки требует умения управлять собой.

И еще о выборе места в жизни. Кем быть? Какой быть? Конечно, все это сложно. Видимо, невозможно заставить себя стать кем-то, к чему не лежит душа. Выбор и приобретение профессии должны происходить естественно, без насилия, повинуюсь складу ума, наклонностей, велению души. Из этого не следует, что теперь можно просто сидеть и ждать, когда какое-нибудь дело само не придет в руки. Нет и нет. Дело в том, что и склад ума и наклонности – это результат активной позиции человека. Из-за лени души, просто лени и равнодушия можно остаться на уровне 6 или 10 классов, и это уровень так же определит какое-то место в жизни.

Как я выбирал профессию? Мое детство пришлось на период бурного развития физики, а тут еще где-то в классе 4-5-ом мне попала в руки книга о Майкле Фарадее. И с этого момента я уже знал, что мое дело в жизни будет обязательно связано с электричеством. А потом по мере взросления я пришел к мысли, что моя профессия должна быть из числа трудных: очень не хотелось, чтобы кто-то мог упрекнуть в желании идти по легкому пути. И еще, мне хотелось, чтобы профессия требовала личной смелости, чтобы это было по-настоящему мужское дело. И то, что выбрал, видимо, было единственным вариантом, удовлетворяющим всем этим условиям. Ощущал я в себе и способности к изобретательству и журналистике. И они не остались за бортом. И жалею я только о том, что в сутках всего 24 часа, и я не успеваю в каждой из освоенных мной областей деятельности работать столько, сколько хотелось бы.

А как сложится у тебя? Медицина и биология сейчас на необычайном подъеме. Столько об этом написано интересного, что, кажется, вторую жизнь, если бы она у меня была, можно было бы посвятить этому. А, впрочем, разве жизнь детей – это не вторая жизнь родителей?

А, впрочем (еще раз!), здесь меня явно занесло: жизнь детей – это их жизнь и только. И строить ее они должны исходя из своих соображений. А если нужны наш опыт, наш совет, наша помощь – вот они, пожалуйста, берите!

Ты находишься в том возрасте, когда идет интенсивный процесс обучения всему: профессии, общению, поведению. Другими словами, идет обучение жизни. Я не буду давать тебе советы, как учить биохимию – это ты знаешь лучше меня. А вот как учиться

всему остальному, есть множество способов. И один из них: учиться наблюдая. Наблюдая, кто, что и как говорит, как ходит, одевается, держит нож и вилку, здоровается, смеется и т.д. и т.п.. При этом – впитывать положительный пример, отрицательный – отрицать прежде всего в себе. И в этом нет мелочей. Достаточно увидеть, как кто-то некрасиво вытирает нос, чтобы самой так не делать никогда. Надо присматриваться и пытаться понять, почему одних все любят, других – едва переносят, к третьим равнодушны. Надо присматривать и пытаться понять, почему люди совершают те или иные поступки. Что движет ими? В жизни всегда рядом оказываются желающие подать дурной пример: они уговаривают, соблазняют, высмеивают в случае отказа. Им ведь лучше, когда их лагерь увеличивается, значит, их поведение вроде бы становится нормой.

И это тоже надо понимать.

Буду заканчивать. И это письмо получилось не очень коротким.

Целую. Отец.

P.S. Не удержись от последнего замечания. Ты как-то говорила, что мои письма порой трогают тебя до слез. Спасибо, приятно знать, что слова мои доходят до сердца. Надеюсь, что они также доходят и до ума.

P.S.S. Твое телеграфное поздравление маме пришло поздно вечером 4-го. А в половине первого уже 6-го мая ты еще раз поздравила ее по телефону из Ленинграда. Это позволило сегодня утром маме заметить (шепотом – с горлом у нее дела неважные), что ее день рождения начался и закончился твоими поздравлениями. Спасибо.

Александр ЛОБАНОВ

* * *

Откуда мне памятен гул тех сражений
И даже порой - траков гусениц лязг?
От генов, зачавших меня поколений,
Военной прогорклости маминых ласк?

Першеньё гортани, слезинка в ресницах
И пот на ладонях, когда в честь неё,
Той давней Победы, салютом искрится
Вечернее майское небо моё...

Откуда всё это? Война, очевидно,
Жива в небесах и влияет на нас
Страданием жертв, бесконечно невинных
И недооплаканных в наших сердцах.

Под Вязмой и Гжатском, в лесах под Смоленском,
В полях и болотах, наверно, не спят
В истлевших шинельках бойцы, ополченцы,
Возможно, мечтая вернуться назад.

И тщетность надеж их тягучим флюидом
С небес оплывает на землю, как гжель,
И бродит российский солдат, словно идол,
Среди потемневших от крови земель.

* * *

Ворвалось с жаром в крови мартовское солнце
На кем-то выскобленный за ночь небосвод
И покатилося, разрывая против ворса
Попревший войлок залежалых непогод.

Беду накликивать пытаюсь, сетью трещин
Покрылись луж промёрзших насквозь зеркала,
А с черепиц и подворотних поперечин
Сперва закапала, чуть позже – потекла

Уже иная агрегация сосулук
И упрессованного снежного пласта,
И стал – как песня оживившийся проулок,
И померещилось, что вот она – весна!

А северянину для счастья много ль надо?
Изголодавшись, солнцем давится в заглот
И, по разбрызгавшейся слякоти с бравадой
Ногами шлёпая, фланирует народ.

Капель к полудню набурила столько скважин,
Ещё чуть-чуть – фонтаном брызнет чернозём,
Он шевелит своими чреслами, он влажен,
И каждый корень в нём весенне возбуждён.

Хоть всем заведомо известно, что под вечер
Опять закрепит в заморозку, как в запор,
Но эти солнечные шальные предтечи
Ложатся жирною чертой под вечный спор

Зимы с весной, когда последняя по праву
Берёт вращение планет к себе во власть,
Даря Земле, её цветам, деревьям, травам
До жизни жадную неистовую страсть.

Анатолий ПОПОВ

ГРИБОЕДОВУ

Когда-то милый давний Чацкий
Решился прочь скорей умчаться,
Столицу бросить, въехать в глушь -
Пожалуй, с Чацким соглашусь.

Но как сказал поэт в то время:
-" ...не то, что нынешнее племя..." -
Промолвил это он про нас,
Про тех, кто здравствует сейчас.

Все нынче рвутся, мчат в столицу,
А их расхищенные лица
Настигла эта же чума:
Всё то же горе от ума...

ТЕЛЕГРАММА ОТ МАЯКОВСКОГО

Надо бы на самого себя
наброситься,
Только -
лишь самому.
Это надо же -
так опростоволоситься,
Вползая в хомут!
А там колея,
оглобли,
вожки
И кучером
чёрте кто...
Здравствуй, Попов!
До чего ты дожил?
Почти
до каких-то
чёртиков!

Алексей КАРПОВ
пародии

БАСТИОННАЯ ЛАБУДА

*И падут под взглядом томным
Воздыхателей ряды -
Неприступных бастионов
Нет для женской красоты.*

В. Томский

(«Красное знамя» от 18.07.2003 г.)

Пишет он о взгляде томном,
О вздыхающих рядах,
И в сраженьи бастионном,
Терпят рифмы его крах.

О паденьях — не победах,
Фотки с женской красотой...
Жирной пищей отобедав
Брызжет он на «ню» слюной.

То ли лабуда какая,
То ли битва на мечях...
То ли ум больной играет
В гордой тыкве на плечах?

Тут не просто разобраться,
А ведь хочется узнать:
Может, вам под силу, братцы, -
Что же он хотел сказать?

Если я чего и понял
В этой зауми пустой, -
То, что автор шибко склонен
Только к жизни холостой.

ФАЛЬШИВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

*В поцелуях пенных струй
Ты идешь ко мне ликуя.
Что ж я к этим поцелуям
Свой добавлю поцелуй.*

В. Томский

(«Красное знамя» от 8.08.2003 г.)

Не о чем писать, и всё тут...
Стопка фоток на столе,
Там девица вся в заботах
Нет ни ниточки на ней.

Весь в мечтах — к нему идет
Будто бы она, ликуя.
Он, готовый к поцелуям,
Приготовил пенный рот.

И ведь так уверен в том,
Что она с ним встрече рада.
Вот и пенную тираду
Выдал в стиле голубом...

Есть такие в свете лет:
Жизнь их — самолюбование.
Могут взять поэта званье...
И уже строчит «поэт».

И уже готов нести
Слово в массы непременно.
И от выпердов нетленных
Мир, конечно, не спасти.

ДЕЛО В ШЛЯПЕ

*То ли любишь, то ли нет ли?
Я застыл, раскрывши рот.
То ль считать тебя одетой,
То ли, блин, наоборот.
Чтоб и мне такое ляпнуть?!
Вмиг придумал я: «Ага,
Если что — останусь в шляпе,
Но разденусь до нага».*

В. Томский

(«Красное знамя» от 31.12.2003 г.)

То ли любишь, блин, богатых?
А его не любишь, блин?
С фотки ты глядишь куда-то...
А ведь он такой — один.

Есть в редакции занятые –
Разевать пошире рот!
Обожает дам без платья,
В платье же — наоборот.
И тебя, когда увидел,
К удивленью своему,
Он не понял — в голом виде
Ты, иль — кажется ему.
Может, что-то ты забыла,
Иль надеть или же снять.
Графомана возбудила
В жилах ты его опять.
То ль считать тебя одетой,
То ли, блин, наоборот.
То ль ты в чем-то, то ли - нет ли -
Он никак не разберет.
Ведь еще с времен ушедших
Чуток он... до неглиже.
Он пока не сумасшедший,
Разве, что... на рубеже.
Тут он понял — дело в шляпе:
В ней ведь можно донага...
В кабинете тихим сапом, -
Вдруг разделся сам. Ага!

Ирина САМАР

* * *

Поэт читал стихи
И, обнажая душу,
Снимал с себя грехи.
И, не дыша, зал слушал.

А самый дальний ряд
Внимал всего жаднее.
Там каждый был бы рад
Стать строчкой вдохновенья.

И девочка одна
Всех позади сидела.
И больше всех она
Стать строчкою хотела.

* * *

Губы – как бархат.
Руки – капкан.
Сильные, глядят...
А сердце – вулкан.

Нежной былинкой
К тебе прорасту.
Стану пылинкой
И душу прочту.

* * *

Прожить тебя до дна,
Чтоб сразу же уйти.
Забывать тебя дотла
И все к тебе пути.

Полжизни уложить
В короткий миг любви
И навсегда забыть
Все странности твои.

Совсем не замечать
Случайных, редких встреч.
И напрочь потерять!
...Нет, навсегда сберечь.

Валентин ОХАПКИН

ЧАША ТЕРПЕНИЯ

(очерк)

Этот очерк - о малоизвестной стороне жизни известного человека. Я познакомился с ним осенью 1967 года. И встречаясь, всегда поражался его раскрепощенности, поистине детской непосредственности. Своим поставленным актерским голосом он громко, не стесняясь присутствующих, декламировал в мой адрес: «От старейшего еврея принимай физкульт-привет!». Иной раз трудно было определить, - шутит он или говорит всерьез. Звали его Рафаил Соломонович Клейн. Но все близкие, друзья и студенты называли его Александром Соломоновичем. Александр Клейн – такой сценический и литературный псевдоним он взял себе.

Трудно даже представить, что пришлось пережить этому человеку: два с половиной года плена у немцев, двадцать три дня в камере смертников, два расстрельных приговора (от немцев и от советского трибунала), замена расстрела 20-ю годами каторги, тиф,

попытка самоубийства. И все-таки он остался жить. И не просто жить! - написать несколько книг, защитить диссертацию, активно участвовать в общественной жизни страны. При этом - любить людей, не озлобиться, не мстить.

Никогда я не видел его ноющим, злым, павшим духом. Он всегда был полон жизненной энергии, начинен юмором и смехом. Часто говорил: «Я всегда шучу, это моя суть: я с детства обожаю передразнивание».

В плену и тюрьмах он пережил душевные невзгоды, не раз смотрел смерти в глаза, но не уронил при этом чести солдата, никого не предавал.

«Да, я владел немецким языком почти как русским, а грамматику знал, пожалуй лучше, но зачастую в глаголах намеренно пользовался инфинитивом (прошедшей формой), чтобы не ошарашивать собеседника парадоксальным знанием языка... Я говорил на немецком языке, но думал всегда только по-русски. Сейчас, да и тогда, на все обвинения в предательстве я бы ответил: «Из меня фашист как из говна пуля».

С детства Александр Соломонович обладал феноменальной памятью, которая спасала его в плену и лагерях. Читая его книгу «Дитя смерти», просто поражаешься, как может человеческий мозг удерживать в своей памяти столько названий, имен, фамилий. Он помнил, к примеру, номер своей винтовки!

Ко всему привыкает человек, и через 4-5 лет люди могут отвыкнуть от свободы, и их мысли могут перестроиться на тюремный ритм жизни.

В лагере, похлебав баланды (ведь тело не душа, его насытить легко даже баландой), «Сашка-артист» (кличка в лагере) своим поставленным, актерским голосом, для поддержки духа заключенных читал по памяти «Графа Монте-Кристо», «Три мушкетера», «Собор Парижской богородицы», «Королеву Марго», стихи Пушкина, Некрасова, Чеховскую «Шуточку» - одну из самых лиричных и загадочных рассказов великого писателя. Он рассказывал заключенным о Ю. Цезаре, А. Македонском, Наполеоне, некоторых учил писать и читать, рассказывал историю Древней Греции, Рима, России. С особенным воодушевлением воспринимали осужденные стихи Гольца-Миллера «Слушай» - всем казалось, что это написано про Александровский централ.

Как-то он читал поэму Некрасова «Размышления у парадного подъезда». По окончании чтения надзиратель спросил его, что он читал. Тот ответил: - Некрасова.

- А в какой он сидит камере? – спросил надзиратель.

- Он давно умер – пришлось ответить Клейну.

Но самым большим успехом у заключенных пользовались фривольные стихи Пушкина, Лермонтова, в особенности Баркова, - такие как «Полтава», «Царь Никита», «Боярин Орша», «Петергофский госпиталь».

Отринутый тоталитарной эпохой от нормальной жизни, исхудавший от вечного недоедания, как говорится «квёлый», - в минуты отчаяния «Сашка-артист» ставил перед собой вопрос: зачем жить, когда нет никакой радости, когда называют жидовской мордой, когда бьют и унижают? И однажды решил свести счеты с жизнью: порезал вены кусочками стекла. Только не учел, что вены надо вскрывать в теплой, почти горячей воде. Сокамерники ругали его за малодушие: «Сашка, уйти из жизни - не фокус. Жить надо. Жажда жизни рождает стойкость. Наше спасение - в терпении». Простые бесхитростные слова заключенных напомнили ему прочитанную когда-то цитату великого Гете: «Пока в нас теплится жизнь, нужно нести свой крест, по мере сил держаться и не падать духом».

Жизнь не раз поворачивалась к нему спиной, таковыми были извивы его судьбы-непруги. Но ведь не зря в народе говорят: «Кому суждено спореть – не потонет». Сокамерники по-своему любили «Сашку-артиста» - за стихи, рассказы, и даже за его неправ-

тичность. Частенько говорили: «Молодец! У тебя голова как у Маркса!» Природа действительно щедро наградила его блестящей нестареющей памятью, божественным даром слова, а потом и жизнелюбием.

Последние свои годы, почти ослепший, он с блеском читал студентам и преподавателям колледжа культуры, где проработал многие годы, преподавая искусство сценической речи, «Историю театра», «Историю мировой художественной культуры». На встрече тогда звучали стихи М. Светлова (особенно он любил стихотворение «Итальянец»), М. Дудина, Ю. Друниной, Б. Чичибабина. Александр Соломонович был знаком с выдающимися деятелями культуры нашей страны – Наталией Сац, Ролланом Быковым, Даниилом Граниным, дружил с сыном Михаила Зощенко – и о них он тоже часто рассказывал. Вообще Александр Соломонович очень любил преподавательскую деятельность, всегда хотел работать. Несмотря на то, что уже почти не видел, жаловался мне: «Привозили бы меня на лекции в колледж, я готов и с транспортом договориться».

А когда-то, на каторге в Сиблаге, на постройке плотины его, интеллигента, не привыкшего к тяжелой физической работе, надзиратели заставляли нагружать тяжелые тачки с глиной и покрикивали:

- «Сашка, бери больше, кидай дальше! Пока летит – отдыхай!».

Мне хочется рассказать читателям о его блестящем юморе, розыгрышах, байках.

В мой 60-летний юбилей он написал и опубликовал в газете «Вечерний Сыктывкар» статью, которая называлась «Многогранность». Вечером звонит:

- Валентин Ефимович, Вы не еврей?

- Нет! - изумляюсь я. И на полном серьёзе начинаю объяснять, что родился в Костромской глуши, там, где Иван Сусанин спас царя Михаила Романова, что в те края даже татары не добрались.

- А ведь Вас «обрезали!» – утверждает он, удивляя меня ещё больше. Я - в полном недоумении. Наконец он разъяснил мне, что редакция газеты не полностью напечатала его статью, сократив тезис о моих спортивных достижениях. Это купирование он и назвал обрезанием.

Однажды он меня спросил:

- Валентин Ефимович, сколько Вам лет?

- 65 – отвечаю.

- Ну, вы еще молодой, только не пейте водки и не поднимайте тяжестей – это вам мой совет. (Сам он пить никогда не любил).

- Александр Соломонович, советы замечательные, но слишком запоздали – ответил тогда я.

Как-то, возвращаясь из колледжа, он рассказал мне анекдот о замерзающем воробье, спасенном коровой лепешкой, но затем погубленный кошкой.

- «А выводы таковы», - сказал он - «Не всякий, кто тебе гадит – враг, не всякий, кто вытаскивает из дерьма – друг».

Последний шуточный его звонок был с налетом грусти.

- Валентин Ефимович, я уже совсем не вижу, хотя лужку мимо рта еще не проношу. Память еще остаётся. И, помолчав: «Только вот душа - умирает...».

Опять после небольшой паузы:

- Я Вас очень уважаю. Прошу Вас, не забывайте меня. И еще - Н.Н. Массальского.

Заканчиваю я эту часть отрывком из стихотворения А.С. Клейна «Утешение», которое напечатано в книге «Свидетель и жертва»:

... От двадцатого столетья

Не стоял я в стороне.
Я – и жертва, и свидетель
Бурь, гулявших по стране.

В своём рассказе мне хочется коснуться неизвестного увлечения нашего героя. Это увлечение – шахматы. Многие преподаватели увлекались этой замечательной игрой, но никто из них и не подозревал, что А.С. Клейн увлекался шахматами страстно, что шахматы сыграли немалую роль в его жизни, в её перипетиях.

В феврале 2003 года он позвонил мне и поздравил с выходом литературного альманаха «Сыктывкар», в котором был напечатан мой очерк «Гамбит Чернецова». Очерк ему понравился. И тут же он начал читать стихи о шахматах, а потом признался:

- Знаете, эта игра помогла мне пережить тяжелые времена плена и каторги. У меня даже есть мечта: написать сценарий о шахматах.

Но не будем забегать вперед, а начнем от «печки».

...Киев. Дом с плоской крышей. «На ней мы играли в футбол и побеждали все другие дворовые команды. Они не умели так ловко обходиться нижними пасами, а их вратари боялись падать на бетон» («Дитя смерти»). Эти слова напомнили мне В. Набокова, который тоже любил спорт и особенно шахматы, играл в турнирах, составлял шахматные задачи и написал «Защиту Лужина». Школьником Рафа Клейн занимался в шахматной школе при Академии Наук Украины у Ф.П. Богатырчука, лучшего рентгенолога Украины, бывшего чемпиона Киева и Украины, международного мастера, интеллигентного и очень мягкого человека. (В 1942 году он стал бургомистром Киева, сотрудничал с немцами и впоследствии эмигрировал в Канаду). Затем Рафа стал заниматься шахматами в Киевском дворце пионеров у Константинопольского А.М. - международного гроссмейстера, заслуженного тренера СССР, 5-ти кратного чемпиона Украины, вдумчивого и объективно-аналитика, наставника женской сборной СССР по шахматам. В сеансах одновременной игры со своими наставниками приходилось участвовать и Р. Клейну. В основном он терпел поражения, но однажды добился ничьей!

В этом же кружке Киевского дворца пионеров занимался и Д. Бронштейн – «Дусик» (так его все звали). Он был на два года младше Клейна. Узнав о его неслыханном успехе, «Дусик» вошел в клуб и почтительно спросил: «А кто тут Рафа Клейн?»

По-разному сложились шахматные судьбы у этих любителей. Один из них стал Давидом Бронштейном, международным гроссмейстером и арбитром, заслуженным мастером спорта, претендентом на мировое первенство 1950 года, шахматным литератором, великолепным мастером атаки с редкой фантазией и точным расчетом, обладающим даром психологического проникновения в замыслы соперника, принимающим мгновенные решения в цейтнотах.

А Рафаил Клейн на первенстве Украины не дотягивал до полуфинала, а в институте все же был в первой тройке игроков, равной по силе примерно первому разряду. Но нет сомнений в том, что если бы Клейн серьезно увлекся шахматами, он бы стал замечательным мастером игры. Но в жизни победили не шахматы - победила сцена, увлечение театром.

Затем была война, ополчение, плен. Не предполагал он, что в плену ему придется встретиться с шахматами – причем, на самом серьезном уровне.

Далее в моем очерке эпизоды «шахматных баталий» будут излагаться так, как это описано в книгах А. Клейна «Дитя смерти» и «Клейменные» - с небольшими изменениями и добавлениями.

Лагерь близ Чудово.

... Это случилось 20 апреля, в день рождения фюрера. Клейна послали за веревкой, чтобы вытащить упавшего в говно (яму от туалета) пьяного обер-ефрейтора полевой жандармерии. Он пошел – и попал в помещение, где как раз немцы играли в шахматы. На мою просьбу дать веревку они стали возражать:

- С какой стати мы будем пачкать свои веревки в говне. Пусть ищут в другом месте.

Они говорили, а он смотрел на шахматную доску...

- Здесь мат в три хода! – сказал Клейн.

- Ты играешь в шахматы? Впрочем, все русские хорошие игроки – «альохин», «боголюбов». А как тут мат в три хода?

Клейну понадобилось 4 минуты, чтобы показать мат в три хода и обыграть немца.

А упавшего в нечистоты вытащили с помощью досок разломанной уборной.

Вохово. Штатсгут (совхоз).

Столяр Эрих Баум вырезал из дерева шахматы и обыгрывал своих солдат. Клейн предложил ему сыграть. Он согласился, и стремительно проиграл три партии подряд. Тут подошел Хорст фон Бляйхерт, его непосредственный начальник: «Пленному не положено сидеть на одной скамейке с немцем!».

... Из комнаты, где немцы играли в шахматы, слышались хохот и веселье. Клейн стоял у двери и поджидал своего шефа. Вдруг он услышал крик «оберста»:

- Доставить его сюда!

Когда его подвели к играющим, он сказал:

- Лейтенант утверждает, что ты хорошо играешь. Я бы хотел с тобой сразиться. Только как? За одним столом нам сидеть не положено... Принести еще одну доску!

- Я могу сыграть и без доски, а ля вёлг (вслепую. Фр.) – ответил Клейн.

- Он еще условия ставит?! Оставайся на крыльце, тебе будет сообщать мои ходы, а ты будешь говорить свои! И «оберст» выбрал белые фигуры.

Клейн избрал Сицилианскую защиту, и в стане противников (а играли они всем штабом) началось замешательство. Немцы двигали фигуры, разбирая варианты, потом забывали, где какая фигура стояла, и ему приходилось восстанавливать положение на доске. «Оберст» продолжал играть в совершенно безнадежном положении и успокоился, только получив мат.

- «Русский слишком нахален – произнес один из немцев - Надо его пристрелить». Чтобы он не успел перейти к действиям, Хорст фон Бляйхерт приказал Клейну быстро следовать за ним.

Больше «Сашке-артисту» не пришлось играть с подполковником, хотя он и настаивал, а однажды – уже без злобы – сказал: «Хорошо играешь. Опасный противник».

- «Яволь!» (так точно!) – «Сашка-артист».

Единственным «культурным развлечением» в камерах, тюрьмах вообще-то было домино. Но в Кировской тюрьме были и шахматы. Ни одного соперника у Клейна не было. Старый лагерник, русский немец Бруно играл слабо. Единственным удовольствием от игры с ним было то, что Клейн мог перекинуться несколькими фразами по-немецки.

Александровский централ. Одна из наиболее страшных каторжных тюрем близ города Иркутска (среди ее арестантов был Н.Г. Чернышевский с 1867 по 1871 годы). Георгий (Жорик) Шенберг, немец, инженер из Харькова, сделал однажды из хлеба маленькие шахматы. Естественно, очень скоро кто-то их съел. Тогда Жорик, черпнув на прогулке немного земли и глины, сделал другие фигурки, прибавив к ним самую мизерную долю хлеба. Когда они высохли, то сделались твердыми и несъедобными. Ему было лет 35. Начитанный, хорошо образованный, знавший и любивший музыку, он был для заключен-

ных интеллектуальным стержнем в Александровском центральном. Но в шахматы он играл слабо. Впрочем, никто в камере Александровского централа не сыграл с Клейном даже вничью.

Сиблаг. Эстонец Константин Ясько, грузный, крупный с внимательными серьезными глазами, слегка прихрамывающий, был, кажется офицером в Эстонских или Латышских войсках «СС». Ему 30 лет. Он – чемпион зоны, но он играл в силу третьего разряда и постоянно проигрывал. Еще легче Клейну проигрывал заведующий кухней, бывший капитан советской армии, попавший в плен Барабанов. В зоне Клейну удалось организовать шахматный турнир (до сих пор хранил его таблицу), где он занял первое место, и далеко позади остались его соперники Барабанов и Ясько.

Матч ... через проволоку.

Заключенные узнали, что к ним прибыл чемпион Сиблага – Добросмыслов, участвовавший в каком-то первенстве Москвы. Они познакомились. Он сказал, что имеет первый спортивный разряд. Состязание проводилось через огневой пролет по обе стороны проволоки. В плену Клейн ни с одним немцем не сыграл вничью; у всех выигрывал. Не встречал он достойных соперников и в тюрьмах и в лагерях. И если Добросмыслов был осужден на 5 лет (статья его не была политической), то он мог участвовать в каких-то состязаниях. Клейн же был лишен этой возможности. Договорились о небольшом матче из 3-х партий.

Придя с плотины и наскоро похлебав баланды, Клейн уже стоял в двух шагах от «запретки». По другую сторону проволоки ожидал его соперник, который был лет на 10 старше. Тут же стояли больельщики, пригрозившие ему, что если он проиграет, то выкупят в отхожем месте. Словом, то был матч века: «Не дрейфь, Сашка!» - говорили ему заключенные.

Он не дрейфил, но все же опасался - ведь он сражался за честь каторжан! Целого лагеря!

Игра началась.

Добросмыслов избрал не лучший вариант, и на 15 ходу, ввиду неизбежной потери ферзя, вынужден был сдаться. На следующий день игралась вторая партия. Игра носила упорный характер, и к отбою не закончилась. Пришлось партию отложить. На стороне Клейна было позиционное преимущество. После «домашнего анализа» Клейн сделал единственно правильный ход, и Добросмыслов сдался. Матч завершился убедительной победой Клейна. Его поздравляли, хвалили, качали. Он был счастлив.

Воркута. В 1951 году, на поезде Клейн приболел, и отправился в медпункт. Его встретил высокий, одетый в «москвичку» заключенный, назвавшийся фельдшером – Таргародским. Он оказался поляком. Это был милый интеллигентный человек. Увидев на столе шахматы, Клейн предложил ему сыграть и выиграл две партии. Он не обиделся, вышел в другую комнату и вернулся с куском хлеба: «Ешь! Заслужил!».

Ну, а дальше уже была сцена. Александр Клейн долго шел к ней, но верил, что подмокши, огни рампы вдохнут в его истерзанную душу новые силы.

А теперь – о неосуществленной мечте А. Клейна. Как-то, будучи в Москве, он зашел в гости к Н.И. Сац. «Она меня уважала – говорил он, - даже хотела женить на своей племяннице. Просила меня написать сценарий о шахматах и пьесу о пионерах. Знаешь, Валентин Ефимович, эта женщина в министерство культуры открывала дверь, что называется, ногой». Сац Наталья Ильинична, советский режиссер и театральная деятельница, народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда, художественный руководи-

тель Московского театра для детей. Автор пьес, либретто детских опер и балетов, Лауреат Ленинской и Государственной премий.

И о каком же шахматном сценарии шла между ними речь?

А.С. Клейн хотел написать о Лопесе де Сегура Рюи, испанском шахматисте и теоретике 16 века, священнике из города Сафра, одном из первых шахматных мастеров, автора книги «Об изобретательности и искусстве игры в шахматы». Эта книга многократно переиздавалась. До 19 века один из дебютов даже носил название «Дебют Рюи Лопеса» (испанская партия).

Белые стремятся овладеть центром доски, и, как правило, готовят наступление на королевском фланге:

1. e 2 – e 4 e 7 – e 5
2. Kg 1 – f 3 Kb8 – c 6
3. Cf 1 – b 5.

Лопес являлся автором контргамбитов.

В 1575 году состоялся турнир при дворе испанского короля Филиппа II. Это были Первые Международные соревнования в истории шахмат, в которых играл и Лопес. И он проиграл.

Это все, что я мог узнать о Лопесе де Сегура Рюи. Сюжета же повести, рассказа или сценария о нем А.С. Клейн мне не сообщил.

Бог мой, какой только стороной ни поворачивалась «судьба-фортуна» к этому человеку! Об этом он однажды написал:

...Ее справедливость –
Загадка для всех,
Ей любо – не любо,
Табу – не табу,
В лукавые губы
Целую судьбу.

Что еще тут можно сказать? Только «Suum cuique!» - в переводе с латинского - «Каждому свое!».

Евгений КАРПОВ,
из цикла «Голос надежды»

* * *

Однажды вечером в промозглом сентябре,
Когда душа от одиночества устанет
Позволь тебе напомнить о себе
Дождем по окнам робко барабаня.
Горит в квартире желтый, теплый свет,
Дочурка с куклой спать уже ложится.
Ты смотришь в темень – никого там нет,
А ты стоишь и ждешь, тебе не спится.
Несется прочь твоя ночная мгла
Стихают непогода, пересуды.
С той стороны оконного стекла

Я на тебя смотрю и верю в чудо.

ДОЖДЬ

Ты не заметила – я был
Дождем за окнами твоими.
Шел по земле и всем твердил
Как клятву дорогое имя.
Ты не заметила – я был
В траве, на стеклах и асфальте.
И все на свете позабыв
Себя до капельки истратил.
Ты не заметила – я был,
Но к утру высохнут все лужи -
Ты любишь солнца летний пыл
И дождь тебе совсем не нужен.

СНЕГОПАД ЛЮБВИ

А сегодня на город наш
Вновь обрушился снегопад.
Это ранней зимы кураж?
Аномальных явлений ряд?

Только голову не ломай
Изумленно ей не крути
Так случилось - на сердце май,
И летит снегопад любви.

Он - веселый румянец щек
И сиянье любимых глаз,
А вокруг нас кружит снежок
Увлекая в чудесный вальс.

Сколько снежности намело!
Не растает? Начну гадать,
Но ладоней твоих тепло
Успокоит, как никогда.

Евгений СОЦКОВ

* * *

Как только я тебя увижу,
Так грусть уходит прочь с души.
Тебя ничем я не обижу,
Приди ко мне в ночной тиши.
Пусть за окном промозглый ветер,
И дождь косою стучит в окно,
Приют наш будет, тих и светел,
Под крышей сухо и тепло.
В глаза взгляну твои большие,
Губами щёк твоих коснусь,
К утру, отбросив сны цветные,
В твоих объятиях проснусь.
Садов ты райских порожденье,
Рёв водопада, пенье птиц,
Реки спокойное течение,
Ты боль и радость без границ.

**Огден НЭШ (1902-1971),
американский поэт,
авторизированный перевод
Екатерины ШИРШОВОЙ**

* * *

Не мил мне ветер наших зим,
Что с севера летит.
Я стал болезнен, утомим,
Всё колет и болит...
В округе вешаются все,
Кто зрел метель во всей красе.

Вот солнце летнее опять
Сжигает этот мир.
И Фаренгейта проклинать
У всех хватает сил.
Я был бы счастлив, если б жар
Ушёл куда-то и пропал.

Весною плакать я готов,
Ведь грязно всё вокруг.
Букет, промёрзший от ветров,
Сжимают кисти рук.
Поэт воспел весну? Что ж, пусть,

А для меня весна – лишь грусть.

Туманна осени пора
И очень холодна.
Раздеты снова, как всегда,
Деревья догола.
От ревматизма не уйти...
Ах, осень! Как себя спасти?

Зимою солнце – красота!
И летний ветер – тоже!
Весна прелестна и нежна,
А осень так пригожа!
Но неохота воспевать
Сезонов года благодать.

Инна ВОРОПАЕВА

* * *

Хотела очень всё забыть,
Что чувствовать могла,
И не хотела я любить,
В душе царила мгла.
Он бросил сына и меня,
Совсем ушёл к другим.
Теперь не мы его друзья,
Лишь сигаретный дым...
Но встретился мне на пути
Единственный такой,
Ему сказала я: «Прости,
Не стану я другой...»
И он не требовал любви,
А просто так любил
И мою душу всю в крови
Однажды излечил!

Пётр МАЛАФЕЕВ

СЕВЕРНЫЙ АЭРОДРОМ

Не могу без полётов и света,
Уже с детства мечтал я о том,
Был уверен, что ждёт меня где-то

Новый Северный аэродром!
У пилотов лихая повадка,
Круг, снижение к земле под углом,
Жизнь моя – это взлёт и посадка
Это Северный аэродром!
Я всегда возвращаюсь под вечер,
Стопроцентно уверенный в том,
Под шасси ты подставишь мне плечи,
Старый Северный аэродром.
И когда бы и где бы я не был,
Я всегда возвращаюсь в свой дом,
Там, где синее, звездное небо,
Там, где Северный аэродром.

Виктор БУРДИН

* * *

Что-то невеселая
Выдалась пора –
Мы с тобою в ссоре
С самого утра.
Разошлись как дети
В разные углы,
И на всё на свете
И друг на друга злы.

Гости не приходят,
Телефон молчит.
Мы от наших судеб
Выбросим ключи.
Что должны быть вместе –
Гороскоп наврал,
Мы с тобою в ссоре
С самого утра.

Пусть зальют соседи –
Нам-то всё равно,
Мы играем роли
Глупого кино.
Все свои обиды –
Старые гроши
Мы с тобой достали

Из глубин души.

С лёгкостью бросали
Гневные слова,
И хотя мы знали –
Никто не виноват,
Разошлись как дети
В разные углы,
И на всё на свете
И друг на друга злы.

* * *

Мне на сердце темно
От внезапной разлуки,
От того, что не могут
Никак позабыть
Эти глупые губы
И дерзкие руки
Неслучайную нежность –
Погрешность судьбы.

Мне на сердце тревожно
От предательской мысли
Что за нас и до нас
Было всё решено.
Моя воля стреножена,
Мой полёт стал бессмыслен.
Образ твой потускнел,
Окружен пеленой.

Что-то стало не так,
Что-то стало иначе,
И вино не пьянит,
И не сладок мне мёд.
Ты мне сердце сожгла
И прогнала удачу.
Так смотри же, как я
Завершу свой полёт.

* * *

Я крадусь тяжелой ночью
Краем детства, краем отчим.

Не отец уже, а отчим
Колыбель качает грустно –
В колыбели тихо, пусто.
Я крадусь к себе обратно...
Где отец? – по срочным, ратным
По делам уехал рано.
Поделом. Но шлёт исправно
Что-то тонкое, болезненное.
Что же это? Что такое?
Пробираюсь вязкой ночью,
В колыбель смотрю тревожно –
Мне бы лечь, да вот не можно:
Что-то тонкое, болезненное
Не пускает, держит прочно.
Мне бы лечь да всё исправить –
Укачать себя до смерти...
Колыбелью жизнь отмерьте –
Не убавить, не прибавить.

Владимир АЛЕКСАНДРОВ

ЛЮБОВЬ МНОГО ЗНАЧИТ

Я никто без тебя,
Только тело в ночи,
Я хочу жить любя,
Пока сердце стучит.

Снова дома одна
Телефон твой молчит,
А на небе луна,
Одиноко кричит!

Видно, жалко ей нас,
Не смеётся, а плачет,
И, наверное, рассказ
Зря этот начат,

Ведь мне трудно решить
В жизни эти задачи.
Без любви не прожить –
Это многого значит...

КАТЯ-КАТЯ, КАТЕРИНА...
(рассказ)

Холодной зимней ночью, Катя любила открывать занавески и смотреть, пристроившись на подоконнике, как луна освещает замерзшие снежные сугробы. Порой она вспоминала о матери, которая точно так же сидела ночью на подоконнике вместе с дочерью и говорила, что вот это и есть самое настоящее человеческое счастье. Незаметно для себя, Катя засыпала.

Лето. Речка. На берегу сидят двое, он заботливо накрыл ее своим пиджаком. Она доверчиво прижалась к нему.

- Кать, ты не бойся, я тебя не оставлю. Вот увидишь, я через год институт закончу, квартиру сниму, от родителей съеду. А потом и ты школу закончишь. Ко мне приедешь, в институт поступишь.

- Долго еще, Егорушка, до этого времени. Ой, смотри через полчаса поезд твой.

- Знаю, а уйти не могу. Я сам боюсь, что меня оставишь.

- Глупый, на кого я тебя променяю? Почему оставлю?

- Ты провожать меня пойдешь на станцию?

- Нет, не люблю я проводов.

Катя встала с травы, сняла брошенный пиджак, отдала его Егору.

- Пойду я, мать, наверное, уже задалась. До свидания!

- До скорого!

Егор взял ее за руку и сильно сжал.

- Пусти, Егор, больно! Пусти...

- Кать, чего это я тебя добудиться никак не могу.

Катя, открыв глаза, увидела рядом Матвея, соседского паренька.

- Катерина, миленькая, пойдешь, посмотри Машку, она рождает, а теленок плохо идет. Она, бедная воет, а мать бежит то ко мне, то к ней. А я, что я? Ничего не могу сделать.

- А как же ветеринар?

- С утра в город поехал. Так до сих пор нет.

- Ладно, пойдешь.

Катя надела пальто, взяла чемоданчик с лекарствами и инструментами. Они вышли во двор.

- Мы сейчас придем, я в сарай пойду, а ты домой иди, матери ромашку завари, спать ее положи. Потом сам ко мне приходи.

Катя кинулась в сарай к корове. Забежав, осмотрелась и увидела скрючившуюся корову.

- Машенька, милая, что случилось. Давай я тебя посмотрю.

Катя наклонилась над коровой: возле нее лежал маленький теленок и дрожал от холода. Мать его была мертва. Катя сбросила с себя пальто и накрыла им теленка. Он уткнулся своим носом ей в теплую руку.

Вскоре пришел Матвей. От увиденной картины, он повалился на сено и долго не мог ничего сказать.

- Матюш, хватай теленка, замерзнет.

Катя попыталась разбудить Матвея, который как неживой смотрел на нее. Затем он встал, поднял на руки теленка и пошел прочь из сарая.

Катя побежала впереди него, чтобы открывать двери.

Через час теленок лежал на печи, рядом с матерью Матвея. Сам же он разогревал чай.

- Катя, извини, что в такое позднее время тебя побеспокоил.

- Ну, чего уж там, природа не спрашивает, поздно ли, рано ли.

- Что верно, то верно. Раз ты уж все равно здесь, может, поговорим.

- Нет, Матвей, у тебя все разговоры, что о свадьбе. Не бывать этому, ты же знаешь. Люблю я тебя, но как брата, друга, не больше. А теперь, извини, пора мне. Пойду я.

Матвей, молча, смотрел, на то, как она одевается и выходит за дверь.

Домой Катя шла закоулками, чтобы путь сократить. Не понимала она, как так вышло, что вечный друг ее, Матвей Тарасов, проходу ей не дает, все время замуж зовет. Не любит она его, и хоть шесть лет прошло, все равно Егора забыть не может. Он приехал сюда, в деревню на практику. А она как увидела, так и влюбилась. А потом он уехал. За такими мыслями, она не заметила, что уже дома.

С самого детства, Матвей не любил дворовые игры, предпочитая им книги о загадочных приключениях, пиратах и многом другом. Но ни одна книга не могла заменить ему Кати, девочки, с которой он сидел за партой с первого класса. Он знал ее с самого детства. Именно с ней, состоялся его первый, такой неожиданный и волнующий, поцелуй. Он ревностно наблюдал за ее первой любовью. Он готов был побить каждого, кто посмел бы сказать что-то дурное о ней. Вдвоем они прожигали долгие ночи, наблюдая за закатами и восходами.

Когда летом, после девятого класса, Катя начала встречаться со студентом Егором, он был готов убить счастливого соперника, но его удерживало то, что Катя любила Егора. Она рассказывала Матвею обо всем, что происходило между ней и Егором. Скоро Егор уехал. А через год Катя уехала учиться в институт.

Вернувшаяся Катя была не похожа на ту, прежнюю. Она стала серьезнее, строже. Матвей уже не мог просто подойти к ней, поболтать. Но вскоре ему представился такой случай.

Был осенний тихий вечер. Матвей гулял по деревне, размышляя над какими-то своими проблемами. Навстречу ему шла Катя.

- Что же ты, Матюш, совсем перестал к нам заходить? А может, подружку завел и некогда тебе друзей старых навещать?

- Нет у меня никого. А не захожу, потому что не зовешь.

- Сейчас зову. Пойдем к нам, матери нет, к сестре в город поехала. Я тебя чаем напою, посидим, поговорим.

Дома Катя поставила чайник, накрыла на стол. Сначала он не знал, что говорить. Но потом, его как будто понесло.

- Катя, мне нужно поговорить с тобой. Я очень давно хотел с тобой поговорить. Дело в том, что я давно, очень давно люблю, люблю тебя. Подожди, не перебивай, я потом не скажу, не смогу. Катерина, милая, я был бы самым счастливым человеком на Земле, если бы только имел какую-то надежду, что ты...

- Подожди, подожди, Матвей! Не хочу я, чтоб между нами какие-то недоговоренности были. Прости, меня, Матюш, только ведь ты сам знаешь, я Егора люблю. Пусть уже года четыре о нем ничего не знаю, но верю, что мы с ним обязательно встретимся. Матюш, подожди...

Последних слов ее он уже не слышал, он выбежал на улицу. В глазах его было темно, сердце стучало с удвоенной скоростью. В висках стучало: «не любит, не любит».

Спустя полгода Катя проснулась утром и пошла на речку. Каково же было ее удивление, когда, придя домой, она узнала, что началась война. Было это 22 июня 1941 года.

Во всей деревне, после мобилизации, остались одни бабы, старики и дети. Катя с матерью целыми днями шили для солдат вещмешки. А в конце сентября

Катю призвали. Мать долго плакала, когда узнала, что дочь сама подала прошение об отправке на фронт. Катя собирала вещи и слушала материны причитания. Она еще не знала, что это была ее последняя встреча с матерью.

Место, куда послали Катин отряд, было заселено немцами, еще с начала войны. Катя наблюдала за их пьяными разборками, за насилием над женским населением. Она была готова броситься на этих проклятых немцев, но ее все время крепко держал за руку Матвей. Скольких усилий стоило ему удерживать Катю, не дать ей ввязаться во что-нибудь, грозящее ей смертью. Она ругала его, называла «врагом советского человека», но потом успокаивалась и извинялась.

Когда распределяли по отрядам, он попросился вместе с ней, и с тех пор не отпускал от себя ни на шаг. За последние три месяца парень очень изменился: повзрослел, возмужал. Катя уже не могла просто так прийти к нему, посидеть, поболтать. Сейчас Матвей был уже не мальчик.

Готовилась масштабная операция по уничтожению немцев. Накануне у Кати состоялся разговор с командиром, Петром Семеновичем.

- Катерина, не мне тебе объяснять, каково положение в Красной Армии. Людей не хватает. А одни так и норовят, вместо того, чтобы родину защищать, задницу твою прикрывать. Я так думаю, что ты меня понимаешь?

- Так точно, Петр Семенович.

- Молодец, в связи с этим ночью переправляешься в другой отряд. Матвеем ни слова. Поняла?

- Так точно, - сказала Катя.

- Тогда исполнять.

После разговора, Катя подошла к Матвею. Она присела возле него у костра и взяла за руку. Она чувствовала, что может это их последняя встреча с ним. Он как будто понял всю ее боль, тоску и молчал. Потихонечку все начали расходиться. Когда все разошлись, и они остались наедине, Матвей повернулся к ней, но Катя закрыла его рот рукой и потянулась к нему губами. Почему она это сделала, она не понимала. Может, подумала, что этот поцелуй будет беречь его в той, завтрашней жизни, в которой ее не будет рядом с ним. А потом был тихий вечер, наедине с ней. Их последний вечер. В этот вечер она принадлежала только ему, не было между ними никакого Егора.... А назавтра она исчезла. Как роса, иней. Катя не оставила ни записки, ни письма. В тот же день его ранили, взрывом ему оторвало ногу. Вскоре его демобилизовали.

Случилось это, в начале мая 1942 года. Их группа должна была очистить территорию от немцев. Матвея и еще нескольких ребят отправили вперед, для ведения разведки. В избе, где жил немецкий полковник, остались еще несколько русских людей, среди них были дети. Взрослые были убиты сразу, детей он тронуть не посмел. Но грозился взорвать гранату, если «русские сволочи» не дадут ему уйти. Пока ребята отвлекали немца, Матвей пробрался через сени в дом. Увидев, что дети заперты в амбаре, он по одному начал выводить их. Когда остался последний ребенок из пяти, немец обнаружил его и использовал гранату. Матвею оторвало ногу, мальчик остался невредимым, только был очень напуган. Меньше всех повезло немцу, его голову разнесло на части....

Новый отряд принял Катю гостеприимно, она сразу же нашла здесь знакомых и друзей. Новый командир был ее учитель по географии. Так что, никаких проблем не было.

Волею судьбы, или по какой другой причине, назавтра отряд был найден и окружен немцами. Не выжил почти никто, кроме Кати и еще нескольких ребят. Всех их взяли в плен. Затем по очереди водили на допрос.

Катю привели последней. Завели в бревенчатую избу, бывшую ранее сельсоветом, посадили на скамью. Когда вошел человек, ведущий допрос, Катя долго

не могла поверить своим глазам. Перед ней стоял Егор. Он тоже увидел ее, сел рядом.

- Видишь, Катя, как все получилось. Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Не удивляйся, что я здесь. Слабый я, Катя! Вижу, вижу, ненавидишь меня. Но меня не ненавидеть, меня пожалеть надо...

Он еще долго что-то говорил, но Катя уже не слушала его. Заметив у него на боку револьвер, она уличила момент и выхватила его. Егор, удивленный смотрел на нее и шептал:

- Катя, ты чего? Не надо, одумайся! Я побег тебе устрою, сбежишь.

Но Катя уже ничего не видела, только Егора, предавшего не только родину, но и ее. Она выстрелила...

Через полминуты в дом вошел немец. Не долго думая, он выстрелил в Катю. Последнее, что она видела, был залитый лунным светом, сугроб. До прихода партизан она не дожила всего два часа.

После демобилизации Матвей вернулся домой, к матери, в деревню. Там Матвей узнал, что многих ребят увезли немцы. Катина мать, попытавшаяся остановить немцев, была расстреляна. Ее похоронили соседки, дом подожгли солдаты. Словом, его любимую деревню немцы оставили заброшенной. Но для него она стала вообще пустой, не было здесь больше веселого смеха, звонкого голоса Кати.

Через месяц матери Кати пришла похоронка. Но не застав получателя в живых, почтальон оставил похоронку соседям.

Только после войны, Матвей узнал, где похоронена Катя. Каждый год, 9 мая он неустанно ездит на ее могилу, падает на колени, плачет, извиняется, за то, что не уберег ее.

9 мая 1965 года на могилу никто не пришел, единственный ее посетитель умер, не дожив одного дня до годовщины великой Победы.

Виктория БАЖУКОВА

* * *

Щенячьи глазки
Так просят ласки.
Мохнатым ушком
Он поведет.
И влажный носик
С надеждой просит.
И на подушке опять уснет.
Коротколапый,
На вид он слабый,
Но всякий знает -
Он подрастет...
Как воспитали,
Таким он станет.
Что получает,
То отдает.

Анастасия СУВОРОВА

* * *

Почему я люблю так весенние грозы?
Потому ль, что природа кричит,
Что проснулась от зимних морозов
И капелью природа зазвенит.

Что вернуться из призрачных далей,
Будут петь нам о южных краях
Птицы, что так давно не видали.
Вот их гнезда на стылых ветвях.

А гроза говорит нам о страхе земном,
Что природа сильнее и мудрее нас.
Что мы – лишь отголосок, частичка её
И короток в мире наш час.

Станислав МИРОШНИКОВ

НЕПРЕДВИДЕННЫЙ ГЕРОЙ (рассказ)

Вступление

Я с детства мечтал, чтобы это случилось со мной, и не желал ничего, кроме этого, но получилось так, что я получил всё, кроме того, чего желал...

Писать стихи, как строить дом...
И чтоб уютно было в нём,
Надо фундамент заложить,
Дровами печку растопить,
В вине мыслишки утопить,
Тогда и сказка будет жить.
Рассказ писать другая тема,
Он сложен, словно теорема,
Он необычайно красен,
А иногда чрезмерно страстен.
Но мой рассказ будет другой,
Он сложный будет и чужой,
Он будет сказочен и дик,
Жизнь у героя канет в миг,
Злодеев будет там навалом,
И жизни трек будет, как слалом.
В конце героя ждёт любовь,

Ну, а в начале, его кровь
Станет синюшной, словно слива;
Глаза зелёны, как крапива,
И будоражить будет дам,
Шныряя быстро по дворам,
Нью-йоркским улицам, проспектам,
В гостях приветствовать респектом.
Другом ему будет: она.
Ну, скажем так - подружка Лана.
Он резок и силен, как бич,
Имя героя, будет: Стич.

Герои:

Стич Волдрайн - герой.

Лана Фицджеральд - подруга героя.

Стела Волдрайн, миссис Стела - мать Стича.

Стич Нортен - погибший отец Стича.

Джин Грей - бабушка Стича.

Брендон Фротз - отчим Стича.

Пёс, Джек Крисмас, Воробей, Даррил Пеппер,

Бык, Норд Тинкер - школьные "бандиты".

Спик - собака Стича.

Крис Поутон - монах.

Ди Уорлок, Джон Рекл, Даф Нотсбер,

Лора Кантиспер, Джейн Натспи - учителя школы "Брукс".

Мери Дарес - директор школы "Брукс".

И МНОГИЕ, МНОГИЕ ДРУГИЕ...

Глава 1. Начало

В ноябре 1992 года, ровно в 12:00 часов, в Нью-Йорке, в обычном родильном доме на свет появился маленький, кричащий, незаметно светящийся для глаз окружающих малыш. Сразу же его мать, Стела Волдрайн, дала ему имя отца, Стича Нортена – Стич. Малыш радостно улыбался на руках у Стелы, а она даже и не подозревала, что этот беззаботный и голодный мальчик в свой седьмой день рождения сможет летать и даже творить землетрясения...

В полтора года у него выступили зубки, хотя больше подойдёт слово клыки, он вставал на ноги и даже пытался ходить! Ел он много. Через шесть месяцев Стич выговаривал слова: мама, кушать, я, дерево... И когда ему что-то не нравилось, он издавал горловой рык, больше похожий на раскат грома. Мама нервничала, как же он будет находиться с другими детьми. И её переживания перешли в болезнь, раз за разом у неё случались инфаркты и через три года Стела Волдрайн почилла в бозе...

После смерти матери мальчика забрал к себе близкий друг матери - Брендон Фротз. Умный, обаятельный и сильный мужчина учил Стича жизни, отстаивать своё мне-

ние словами и кулаком, учил самообороне и вождению машины. Учёба длилась три с половиной года, затем пришла пора учиться в школе.

Школа стояла около Бруклинского моста, вечно жужжащего автомобилями. Учителя вечно жаловались директору, что не могут уже терпеть этого рёва, но Мери Дарес - директор школы, раз сто подавала заявление на строительство шумопоглощающей стены, но получала один и тот же ответ:

Обращение

Уважаемая мисс Дарен, мы понимаем ваши неудобства и обещаем построить шумопоглощающую конструкцию, как только будут средства.

Администрация района "Бруклин".

Глава 2. Видение

Но наш рассказ не про этот конфликт. Всё началось в семь с половиной лет. Стич как обычно пошёл в школу и остановился около витрины магазина. Ему не понравилось что-то в отражении и, присмотревшись, он увидел, как начало искажаться его отражение. Сначала у отражения появилась вторая пара рук, затем из выемок между пальцев начало вырастать нечто на подобие лезвий, далее из-за его спины появились чёрные, как у ворона, крылья, его кожа приняла синеватый оттенок, и под конец, повернувшись, он увидел за спиной хвост. Очнувшись, Стич осмотрел себя и не обнаружил на себе ничего из того, что увидел.

Придя домой, Стич выпил чашку кофе, своего любимого, марки "Chibo" и пошёл рассказать то, что увидел, Спиду, подобранному им в парке псу породы Бассенд Хаунд. Последний беспечно лежал около дворовой сосны и пытался отогнать от себя давно надоевшую муху. Стич присел рядом с ним и начал рассказывать о новостях в школе и о видении синекжего крылатого демона с двухметровым хвостом, но тут он услышал девичий смех со двора через дорогу, там жила Лана. Стич давно мечтал о том, чтобы она была его девушкой, он слагал о ней стихи, песни, пытался высказать ей свои чувства, намекнуть о том, что он к ней не ровно дышит, но она была слепа, а может быть мала для отношений.

- Как она прекрасна, - сказал Стич вслух, не заметив, как сзади подошёл его отчим.

- Да, это так, - как раскат грома прозвучал голос мистера Фротза.

Любой человек бы вздрогнул от внезапного ответа из-за спины, но Стичу было до лампочки, он не боялся ничего, кроме потери своей возлюбленной.

Стич повернулся, улыбнувшись, спросил:

- Как дела на работе?

- Всё О'кей, а как ты?

- У меня всё так же, - ответил герой, и, повернувшись на носочках, ушёл в старый особняк на Фиарстрит, где он любил почитать Ричарда Стайна, известного писателя-фантаста.

Он прошёл рядом с тем магазином, на витрине которого давиче увидел странного синекожего монстра, но не увидел ничего странного. Завернув за угол, молодой человек увидел, как Воробей и его банда: Пёс и Бык, рылись в саквояже старого бомжа. Стич, хоть и был слабее каждого из них, крикнул:

- Подонки!

Воробей первый заметил пятиклашку и приказал "подручным", дабы они догнали Стича и наказали. Стич был слаб, но легче бандитов, поэтому и бегал быстрее. Ноги его привели на Фиарстрит к тому старому особняку, где он провёл больше половины своей жизни. На этот раз двери были открыты, и Стич без проблем забежал внутрь. Бандюги заметили, где он исчез, и так же ворвались в особняк.

Глава 3. Бой

Стич побежал на второй этаж с целью спрятаться в спальне, выпрыгнуть в окно и смыться от разбойников через задний двор. Но не смог, кто-то закрыл дверь спальни. Герой, заметив в углу кладовую, дверь которой была открыта, ринулся к ней и, вжавшись в заднюю стенку, стал молить бога, дабы Воробей и его команда не заметили его, беспомощного и напуганного.

- Где он?! - крикнул Бык.

- Откуда я знаю? - ответил Пёс.

- Вы его упустили! - прорычал яростно Воробей и, дав подзатыльник Быку, пнул стоявшую около перил швабру. И всё бы ничего, но отлетела эта швабра к тому самому шкафу, где схоронился наш герой и ударила последнего по сахарной кости. Стич, скорее от внезапности, а не от боли громко айкнул, чем и привлёк внимание бандюг.

- Интересно, - прошипел Пёс. - Кто это там?

- Вот уж не знаю, - решил поддержать разговор Бык. - А может, посмотрим?

Они подошли к открытому шкафу и увидели трясущегося Стича. Тот, посмотрев на бандитов наивно-невинным взглядом прошептал:

- Молодцы ребята. Вы нашли меня, а теперь давайте я закрою глаза и вы спрячетесь.

- Не выйдет, Стич, - грозно сказал Пёс.

Тут подскочил Воробей и с размаху ударил герою в живот, после него, с размаху врезал Стичу в глаз Пёс, и завершил наказание Бык, безжалостно ударив в солнечное сплетение. Стич упал.

- Идиот! - воскликнул Воробей, дав Быку очередную затрещину. - Ты, наверно, убил его! Побежали-ка отседа, пацаны.

И они убежали, оставив труп Стича на полу второго этажа. Так его жизнь и кончилась. А можно было бы и дальше писать всякую хрень.

Анастасия ВАСИЛЕНКО

РОЗОВЫЙ ВЕЧЕР

Розовый вечер,
Солнца багряный закат,
Нежный, ласковый ветер

Тёплого платья бархат.
Спускается шаль, завеса,
Бьётся сердце в набат.
Устремивши взгляд в небеса
Слышен в природе лад.
Розовый вечер
- гордая дрожь струн волшебницы,
Дорог полоса...
Ласковый ветер
Унёс за крылом птицы,
Творца чуда...

* * *

Как медленно падает снег,
Падает и тает...
Тихо произносишь слова – улетают...
Давай посмотрим глаза в глаза
- в них чистая светится слеза.
Я очень скучаю
по добрым, согревающим душу словам.
И я не забываю
Говорить их вам,
Тем, кто мне дорог.
Сколько бы не было потерь и тревог,
Ваш голос согреет мне душу.
Согреет в бурю, в стужу...
Слова любви
Так много значат в целом мире.
Ненужно забывать их говорить
Слова любви
Произнеси мне на заре
- не забывай любить.

ЗВЁЗДНЫЙ ВЕТЕР

Дует тёплый ветер
Привнося свой лад.
Торжествуют весны светлые дни.
И каждый этому рад.
Весна устроит пир
Веселия парад.
Он грянет на весь мир

Бал-маскарад.
Цветенье трав, течение вод,
Небесный звездопад.
Наполнен ими небосвод,
Роняет он свой звёздный град.
Вдруг звёздный ветер принесёт
На крыльях пыль небесных звёзд,
Свивая на своём пути
Прозрачность птичьих гнёзд.

Андрей ПОПОВ

* * *

Кто-то тайную волю изрек,
Кто-то свел в напряжении скулы,
Чья-то мысль, словно пуля, мелькнула —
И я выбран как верный залог.

Эй, поэт, затаись между строк
И смотри в автоматное дуло! —
Гаркнет резко исчадьё аула,
Палец свой положив на курок..

Я — заложник столетней беды,
Мне в лицо она весело дышит...
Праздный мир с одобреньем услышит,

Что меня, приложив все труды,
Обменяли на сумку с гашишем
И на остров Курильской гряды.

* * *

И. Д. Шамрай

Прием процедур и таблеток,
Нелепый больничный халат,
Смиряют волненье диетой,
«Дышите ровней»,— говорят.

Твой строгий покой не нарушу.
С диагнозом я не знаком.
Но душу, бессмертную душу,

Вдруг станут лечить порошком?

И, горьких испив люминалов,
Подумаешь: сил больше нет,
Доверчиво примешь усталость,
Как добрый и здравый совет.

Тревожные слезы иссушишь,
Друзей поменяешь и быт...
Скажи — пусть не трогают душу.
Не лечат. Ничем. Пусть болит.

Анатолий ИЛЛАРИОНОВ

* * *

Бегут по тропке муравьи,
Несут соломинки свои.

Летят по небу облака,
Судьба небесная легка.

Играет солнце стрекозой,
Гуляет бабушка с козой.

Букашки спрячутся в траве,
А барабашки в голове...

Вот, так,
В моих родных краях:
Все по уму,
Все при делах.

* * *

А зима идет на убыль
И дела не так плохи,
И обветренные губы,
Шепчут новые стихи.

Да и жить намного проще,
Облака на юг бегут.
И березовые рощи
Песни русские поют.

ПРО ЖИЗНЬ, ЛЮБОВЬ И СОБАКУ

(рассказ)

Светка Снегирева всегда мечтала стать журналисткой или работать на местном радио. Не зря говорят, что даже имя и фамилия человека определяют характер и, возможно, судьбу. Вот и Светка, была похожа на эту зимнюю птичку, очень заметную в заснеженном городе. Девчонки на филфаке, где Светка училась, были бойкие, общительные и талантливые, но Светка все-таки выделялась своим особым мировоззрением, потому что любила жизнь, родителей, город в котором жила и вообще, все искреннее и красивое.

С журналистикой не получилось, так как однажды, Светка вообще потеряла речь, как следствие сложной операции. Но сила любви к жизни воскресила ее как волшебную птицу Феникс. Светка вышла замуж и стала Сурковой. Из красивой сказочной птички она превратилась в хозяйственного сурка, который днем и ночью чистит свою нору, а также всех, кто в этой самой норе проживает. Муж литературой не увлекался, а книги русских классиков использовал в бытовых нуждах. А Светка писала стихи везде и всюду: в парке, гуляя с детьми, в бесконечных очередях магазинов и банков, в монотонном движении автобуса.

Тишину в квартире прервал телефонный звонок. Выбраться из-под теплого пледа было непросто, так как отопление еще не подключили и жители провинциального городка, усыпанного бесконечной желтой листвой, согревались, как могли.

Это звонила Ирина - верная школьная подруга. Дружба и любовь в понимании Светки были взаимосвязаны между собой: если человек способен полюбить, пусть даже цветок в своей квартире, значит, в дружбе с другим человеком он не будет последним эгоистом. И вообще, после одной неприятной истории, в которую Света была вовлечена, она сделала определенный психологический вывод: страшно и дико от того, что твоей подругой, коллегой или просто знакомой может оказаться такая Дама Пик, которая тебя и твою семью сдаст сотрудникам правоохранительных органов. И это, конечно, уже не история Алисы в стране чудес.

Водитель милицейского Уазика спросил у Светки про собаку. Еще в институте Света читала батюшку Фрейда, который утверждал, что случайных знаков, снов и фраз не бывает. И собака - это мужчина, а кошка - женщина. Отношение к тем или иным животным определяет предпочтения в личностных отношениях. У Светки не было собаки - больше года назад она развелась с мужем. А может быть наоборот, не было мужа, потому что кошки ей нравились больше собак.

Но все-таки, она продолжала любить, и так хотелось быть любимой, что Светка невольно подумала о том, что необходимо изменить отношение к собакам. Вот такая вот история...

Нина ОБРЕЗКОВА

* * *

Цвета твоих глаз
сошью себе я платье...
Одену
и ищи меня в небесах...
Или с глади воды,
с волн
тихонечко в лодку свою возьми...
Может,
усну я среди василькового поля...
Только не вспугни мой сон.
Цвета самых любимых глаз сошью себе я платье –
Найди меня,
стороною не пройди.

* * *

Я из твоего колодца полной горстью
зачерпну воды,
вкусной,
чистой...
Я из сердца твоего зачерпну тепло
сердцем своим...
Не знаю я,
долго ли, коротко ли буду жить,
Одного боюсь –
чтобы тепло в твоём сердце
вдруг не закончилось.

Анна ЧАЛЫШЕВА

* * *

Электричка в пути догоняет рассвет,
А мы догоняем судьбу.
Мы будем бежать еще тысячи лет,
А ты все что можешь, забудь.
Рассеянный свет уезжавших машин
Тыловишь куском стекла.
Я вижу пламя твоей души,
Расколотой пополам.

Считая секунды, ты смотришь вперед,
Но видишь один туман.

Знаешь, от мира, который врет,
Можно сойти с ума.
Мы верим тем, кто умеет петь,
Тем, кто знает, о чем поет.
И мы не верим, не верим в смерть,
Пока она к нам не придет.

Мария ИГОНИНА

* * *

Сквозь пальцы время. Не держу..
Ни капли света. Не успею.
О чем молчала – не скажу.
Чем обжигалась – не жалею.

Одна возможность на двоих.
Одна мечта. Одна дорога..
Мы на краю. И ветер стих..
Одна любовь. И это много.

Александр СЕЛЯКОВ

ДЕД, ПРАДЕД И Я (рассказ)

Почему-то кажется, что мой дед был последним таким. Я преувеличил, конечно, такие и до сих пор живут, но дед, мне, естественно, ближе, чем другие пожилые люди. Он видел войну, но не любил говорить о ней, даже медали никогда не доставал. Он больше по мирным делам был спец – корзинки из бересты плел. И не только. Всякие безделушки тоже. В шкафу до сих пор хранятся миниатюрные лапти, которые он мне сплел на день рождения. Но меня в то время, как многих других мальчишек, интересовало больше то, что связано с войной. Она была для нас поэтичной, красочной, благородной. Я выпрашивал у бабушки дедушкины медали, цеплял их на футболку, делал из диванных подушек баррикады и воевал. За кого? Ну, конечно, за наших.

А дед в это время, если на улице было лето, выходил в маленький дворик, разговаривал с мужиками о рыбалке и об огородах, хотя сам никогда не был ни дачником, ни рыбаком. Мой кудрявый и веснушчатый дед был созерцателем. Впитывал в себя воспоминания. Жил ими.

Дедушкины воспоминания о войне – самые неприятные для него. Они клокотали в нем, когда я надевал медали. Он переживал, поэтому и выходил во двор, а мне слова поперек ни разу не сказал. Любил так. А я же не знал, что деду неприятно, медалями не ограничивался, расспрашивал. Но он мне ничего не говорил. Хотя нет, вру. Один раз рассказывал, когда на дне рождения выпил. Отвел за руку на кухню, открыл банку огурцов, достал из кармана початую бутылку водки, посадил меня на колени и тихим бархатым голосом рассказал, как в его окоп залетела немецкая мина. Она впилась в земляную

стенку. Дед сказал, наливая рюмку, что в тот момент слышал, как стучит сердце, несмотря на то, что вокруг бабахали выстрелы. Мина не взорвалась.

Дед хотел научить меня плести корзины из бересты. В его сарае до сих пор висят ленточки сушеной березовой коры, сухие ветки, стоит кисловатый запах. Дед любил порядок, поэтому здесь все на своих местах (мне бы так). Верстак теперь покрыт пылью. На нем стоят коробки с инструментами, в углу – велосипед, за дверью – широкие лыжи косяного цвета. Он приводил меня сюда несколько раз, рассказывал, объяснял, но я был плохим учеником – смотрел по сторонам, а не на то, что показывал дед.

Он все прекрасно понимал, вздыхал, но потом улыбался и выводил из сарая мой маленький велосипед. Мы называли его толстошникком. Это было веселее – нестись с ветерком, чуть подпрыгивать на камешках и сломанных ветках или вязнуть в горячем песке, когда между спицами, как в песочных часах, пыльным золотом льется песок...

Про своего прадеда я так много не знаю. Мне известно только то, что он был полным георгиевским кавалером, то есть в разное время его наградили всеми четырьмя георгиевскими крестами. Таких людей мало. Я горжусь прадедом и когда была жива бабушка, просил рассказать про него. Она показывала фотографию, где он сидит на стуле с наганом в руке, длинные черные закрученные усы, рядом – гильза от снаряда с цветами. 1918 год. Воевал за «белых», а потом – за «красных». По убеждениям. Бабушка говорит, что прадед был благородным и гордым. В советские годы у него пытались отобрать кресты, он их закопал, а затем, спустя годы, - выгонял журналистов, пытавшихся разузнать его судьбу. И они, и я остались ни с чем. А ведь сколько о дворянском благородстве он мог рассказать мне, о ценностях, которые остались в девятнадцатом веке, когда прадед был маленьким мальчиком. Он наверняка не запускал воздушных змеев, не убегал на рыбалку, когда его дед брал в свою огромную руку маленькую ручишку будущего георгиевского кавалера. Мой прадед слушал своего деда внимательно, впитывал через тонкую кожу вековую силу.

Я не знаю, как прадед умер. Не помню, как прощался с дедом. Но у меня есть черно-белые фотографии. Дед лежит в гробу с открытым ртом. Мне стыдно. Я до сих пор не умею плести из бересты корзины. И некому научить.

Юрий ИОНОВ

* * *

С огорода у озера – мать и сыночек –
Шли мы вязью заросших дорожек
И цветы по пути собирали: выюнок,
Василек и мышинный горошек.
И стояли цветы старом доме у нас,
Напоенные влагою вволю,
Словно в знак благодарности радуя глаз
И дыша ароматами поля.
Но – мальцу – мне уже навевали цветы
И иное, щемящее что-то:
Ширь степей, огород у озерной воды,
Нашу дружную с мамой работу.

...Моя старая мама теперь далеко,
Те цветы полевые – не ближе;
Но картину из детства представлю легко,
Лишь цветы городские увижу:
Будто снова раскинулось поле у ног,
И глазами знакомых хороших
Улыбаются мне василек и выюнок,
Ярко-красный мышинный горошек.
И, восторга от их красоты не тая,
Рвут цветы, щебеча, как синички,
Молодая и крепкая мама моя
И ее синеглазый сынишка.

* * *

Темно-русый мальчишка, я полночью черной
В темной речке среди черноземных полей
Окуней темнопинных ловил увлеченно,
Встав под кронами черных степных тополей.
Белой северной ночью спешу до рассвета
Белорыбицу вынуть из светлой реки,
До того набродившись по белому свету
И по белому снегу, что – белы виски...

Сергей ЖУРАВЛЁВ

СКИФСКИЕ БАБЫ

Гордые лики степных изваяний.
Строгие лики.
Солнце застыло в скрещении дланей
бликом страданий.

Пестрый удод на плече, растопырясь
суетной кляксой,
что-то орет, подзывая подругу...

Запах полыни, шорох ковыльный,
скрип тарантаса,
юные смерчи, рожденные зноем
бродят по кругу,
не нарушая уклада-покоя
древнего шляха.

В детское лето уже не вернуться,
а рад бы..
Но, улыбаясь глядят сквозь столетия
скифские бабы.
Светлый Ангел-Хранитель
на вешнее поле сойдет.
Светлый Ангел-Хранитель
на Вечное поле сойдет!

Валерий ВЬЮХИН

НЕКТО

Этот тип с желтизною залысин
Окружающим мало знаком.
Он упрям, молчалив, независим,
С непрактичным, но трезвым умом.

Век двадцатый с тяжелой одышкой
И его придавил, словно пресс.
Был он тихим и скромным мальчишкой,
В запрещенные игры не лез.

Он годами в душе, словно в тигле,
Плавил жизни сырой матерьял.
Что иные минутой постигли,
Он мучительно долго искал.

Он по воле дурацких условий
Унизительно медленно рос,
Но имея характер воловий
Мог тянуть перегруженный воз.

Налегал без надрыва и всхлипа,
Как обьеженный веком Пегас.
Бог лепил из него прототипа
Вероятно кому-то из нас.

БЫЛОЕ

Когда воскреснет все бывшее,

Сияя, как иконостас,
В лицо безмерно дорогое
Смотрю не отрывая глаз.

Все память ясно сохранила,
Как под магическим стеклом,
Что возвышало и пьянило,
И продувало сквозняком.

Что в нас вошло, как дрожь по кронам,
Пронзило судьбы, как лучом.
Былое дивным камертоном
Звучит в присутствии твоём.

Александр СУВОРОВ

ДУША

Разглядишь ли в бинокль театральный,
Что творится в актёрской душе?
А она перед сценой финальной
Умирает в игре гениальной
И не думает о барыше.

А она, может быть, не воскреснет,
В горле горьким застрянет комком.
И бинокль театральный не треснет,
И огонь в громком зале исчезнет,
И актёр душу в урну – плевком...

НЕСОМНЕННАЯ ТЯЖЕСТЬ СУДЬБЫ

Невесомая тяжесть легла,
Будто грех на усталую душу,
Ждёт, что я позаброшу дела,
Что себя, словно город, разрушу.

Ждёт, что сдамся на милость врагам –
Равнодушию, скуке и лени,
Врёт, что бросит меня к их ногам,
Что поставит меня на колени.

Я иду, как всегда, по прямой,
Доверяя любви и надежде –
Не согнулся и на ночь домой
Возвращаюсь с работы, как прежде.

И над строчками бьюсь досветла
В страшных поисках истины вечной.
И счастливо сгораю дотла,
Обмирая от боли сердечной.

Вот, добавилась новая прядь
В бороде – совершенно седая.
А судьбе лишь бы мир изменять,
Пылью дней на душе оседая...

Вениамин ПОЛЕЩИКОВ

ДЕКАБРИСТ В КОМИ КРАЕ

В декабре 2010 года исполнилось 185 лет со времени вооруженного выступления против государственного строя Российской империи в Петербурге 14 декабря и на Украине 29 декабря 1825 года.

В феврале 1821 г. на основе «Союза благоденствия» возникло Южное общество с центром в Тульчине, руководимое Директорией из трех человек. Фактическим вождем общества стал полковник П.И. Пестель, автор программы Южного общества («Русская правда»). Пестель считал, что верховная власть должна принадлежать народу. Каждая губерния, волость, уезд должны были иметь народное собрание и посылать выборных (делегатов) в Верховное народное собрание – Народное вече. Оно могло издавать законы, объявлять войну и т.д. Пестель собирался уничтожить и крепостное право, и военные поселения.

Осенью 1822 г. в Петербурге оформилось Северное общество, возглавляемое Думой из трех человек. Председателем общества стал капитан генерального штаба Н.М. Муравьев, автор программы Северного общества («Конституции»). Умеренные члены Северного общества ее поддерживали, но Рылеев, братья Бестужевы, Оболенский и Пуцин разделяли взгляды Пестеля, изложенные в его «Русской правде». В 1826 г. предполагалось объединить Северное и Южное общества и летом того же года совершить военный переворот. Но жизнь внесла в эти планы свои коррективы.

19 ноября 1825 г. скончался император Александр I. Возникла ситуация междуцарствия: первоначально все присягнули брату Александра – Константину Павловичу, но по завещанию покойного императора наследником был объявлен другой его брат – Николай Павлович. Новая присяга была назначена на 14 декабря 1825 г.

Заговорщики решились на военный переворот. Они знали, что их заговор оказался раскрыт – о преступных намерениях Николаю I доложили И.Дибич и Я. Ростовцев. Вечером 13 декабря на квартире у Рылеева обсуждался план действий и распределялись обязанности. Члены Северного общества решили выступить на следующий день утром,

использовав в качестве повода церемонию присяги. Заговорщики собирались заставить сенаторов подписать «Манифест к русскому народу», который провозглашал свержение самодержавия, отмену крепостного права, формирование Учредительного собрания для создания конституции. Доставить Манифест в Сенат собирались Рылеев и Пуцин.

14 декабря около 11 часов на Сенатскую площадь вышли три полка: лейб-гвардии Московский, лейб-гвардии Гренадерский и Гвардейский морской экипаж. Составленный накануне план сразу рухнул. Декабрист А.И.Якубович, которому было поручено арестовать царскую семью, в последний момент отказался это сделать, опасаясь цареубийства. Не явился на площадь диктатор восстания Трубецкой. 3000 восставших солдат и 30 офицеров-декабристов построились в каре вокруг памятника Петру Великому. Петербургский генерал-губернатор М.А.Милорадович, герой Отечественной войны 1812 г., попытался уговорить восставших присягнуть Николаю и вернуться в казармы, но П.Г.Каховский выстрелом из пистолета убил его. Около 6 часов вечера по приказу Николая по солдатам стали стрелять картечью из пушек. Одни скрылись в ближайших улицах, другие были арестованы.

Вскоре произошло восстание декабристов на юге. К его началу П.И.Пестель и вся Тульчинская управа были арестованы, поэтому С.И.Муравьеву-Апостолу 29 декабря 1825 г. удалось поднять только Черниговский пехотный полк. 3 января Черниговский полк был разгромлен, а тяжело раненый С.И.Муравьев-Апостол и другие руководители восставших арестованы.

К следствию привлекли 579 офицеров и 2,5 тыс. солдат. Солдаты были биты шпицрутенами и разосланы в штрафные роты. Специально созданный Верховный уголовный суд рассмотрел дела 121 декабриста. Пятеро были приговорены к смертной казни: П.И.Пестель, К.Ф.Рылеев, С.И.Муравьев-Апостол, М.П.Бестужев-Рюмин и П.Г.Каховский. Их повесили 13 июля 1826 г. в Петропавловской крепости. Более 120 человек сослали в Сибирь. Другие офицеры были разжалованы в рядовые и отправлены в боевые части на Кавказ.

В 1856 г. Александр II вернул из ссылки 40 декабристов.

Один из декабристов – Перетц Григорий Абрамович – отбывал ссылку в Усть – Сыльске.

Внуки Г.А.Перетца (В.Н. и Л. Перетц) в память о своем деде написали небольшую книгу «Декабрист Григорий Абрамович Перетц» (Биографический очерк. Документы). Она издана АН СССР в 1926 году и приурочена к столетию восстания декабристов.

С некоторыми сокращениями мы приводим этот очерк.

«Григорий Абрамович Перетц родился в 1788 г. в местечке Дубровне Могилевской губернии. Он был сыном небезызвестного впоследствии финансового деятеля, коммерции советника Абрама Израилевича Перетца, принимавшего деятельное участие в деле эмансипации еврейского населения западных губерний, присоединенных к России после разделов Польши. Абрам Израилевич, сын раввина в гор. Левартове (в Галиции), родился в 1771 г.; он был в родстве с известным берлинским раввином Гиршем Лебель; обладая прекрасными способностями и обещая стать ученым талмудистом, он снискал себе благоволение шкловского богача и ученого раббиа Иошуи Цейтлина, управляющего делами Потемкина.

Дом Цейтлина в имении Устье (Могилевской губ.) являлся настоящим центром духовной и финансовой аристократии евреев в Белоруссии и Литве; многие ученые раввины, писатели и даже умеренные представители «Мендельсоновского просвещения» находили приют в этом жилище богатства и учености (Гессен. Евреи в России, 1906, с.79).

Женившись на дочери Цейтлина – Сарре, А.Перетц не нашел семейного счастья; когда он переселился, по совету Потемкина, в Петербург, жена его не последовала за ним и осталась у отца с сыном Гиршем (Григорием) и дочерью Цирелью.

В Петербурге Абр. Изр. скоро занял видное место не только среди немногочисленной еврейской колонии, которую правительство как бы «не замечало». Он стал богатым откупщиком и подрядчиком по кораблестроению, славился своим умом и много лет спустя, даже потеряв все состояние, был «долго памятен столице по своим достоинствам и по своим огромным делам» (Бар. Корф, Жизнь и деят. гр. Сперанского). Еще при Павле I он заключил в товариществе с херсонским купцом Штиглицом контракт на откуп крымской соли, что оказалось не без значения для его старшего сына, на старости лет вернувшегося к торговле солью.

В это же время, по предположению Гессена, Абр. Изр. познакомился с поэтом и министром Державиным, которому было поручено расследование быта евреев в Белоруссии, и с гр. Кутайсовым, с помощью которого удавалось помогать евреям, страдавшим от пристрастного суда. Несколько позже его аттестует известный педагог и литератор Н.И.Греч: «Откупщик Перетц – жид, но человек добрый и истинно благородный». Он, в звании коммерческого советника, пожалованном ему 4 марта 1801 года, вел в Петербурге открытый дом, принимал у себя, по словам барона Корфа, «весь город». В числе его гостей был Канкрин, ранее служивший у него по финансовой части и впоследствии – министр финансов и граф; но особенно близок он был к Сперанскому. Эта дружба многим не нравилась в высшем обществе, особенно Державину. «Сперанский совсем был предан жидам через известного Перетца, которого он открытым образом считался приятелем и жил в его доме» - говорит Державин в своих «Записках», а барон Корф высказывает предположение, что Сперанский «поддерживал эту связь потому более, что в огромных финансовых знаниях Перетца он почерпнул те практические сведения, которых и по воспитанию, и по кругу своей деятельности не мог иметь. Впрочем, связь с Перетцем ни для кого не могла быть зазорной (Гессен, с.80-81). Упомянутый Греч в своих записках, однако. Рассказывает случай, который обнаруживает отношение «общества» к этому столь уважаемому человеку! Безак, бывший начальник Сперанского, разорился, и боясь умереть с голода, «впал в большое недоумение»... «В это время богатый откупщик Перетц... зная ум, способность и опытность Безака, предложил ему место помощника в конторе, с жалованьем в 20.000 р. в год, и сверх того подарил ему каменный дом. Безак решился принять эту должность, поправил свое состояние и ... испортил всю карьеру званием жидовского приказчика. Подумаешь, как несправедливы суждения света. Что тут дурного и предосудительного? Он пробыл у Перетца три года и затем они разошлись», (Гессен, с. 80, прим).

Вместе со своими ближайшими друзьями Ноте Хаймовичем Ноткиным и Львом Неватовичем А.Перетц стоял на страже интересов угнетенного еврейства, добываясь для него хотя бы минимума политических прав. В 1803 г. правительство впервые созвало еврейских депутатов для участия, в качестве совещательных членов в занятиях образованного тогда известного комитета о благоустройстве евреев; в нем кроме выборных членов приняли участие лица, приглашенные членами комитета с разрешения Александра I. Среди них Гессен называет и близкого к Сперанскому, работавшему в комитете, А.Перетца. Но эти его работы остались без признания у потомства.

...А.Перетц принадлежал к группе «миснагдим», враждовавшей с сектантами – хасидами. Он питал неприязнь к хасидской партии. «Эта неприязнь обошлась ему дорого. В результате подпольной борьбы, отлученный от синагоги Петербургской общиной и, может быть, вследствие этого потерпевший частичный упадок дел и разорение, Абрам Изр.

принял христианство уже тогда, когда это не могло ему ничего прибавить- ни уважения общества, ни материальных средств».

Во втором браке с де-Сомбер Абр. Изр. имел четырех сыновей и пятерых дочерей. Скончался Абр. Изр.Перетц 63 лет, в 1833 году.

* * *

Судьба Григория Абрамовича, по сравнению с его многочисленными младшими братьями, была совершенно исключительной. Если те все унаследовали административные и финансовые таланты отца, Гр. А. унаследовал едва ли не лучшее, что мог получить в наследство: способность увлекаться освободительными идеями и достаточную волю для того, чтобы по мере сил, проводить их в окружающую среду. Он помнил свое детство; живя в богатстве и вращаясь в высшем обществе, он замечал и помнил отношение этой среды к еврейству. Это обстоятельство, как и гуманистическое образование в равной мере питали его свободолюбие.

До 15 лет он жил у деда, рабби Иошуи Цейтлина в им. Устье, в той ученой и вместе с тем прогрессивно настроенной среде, о которой мы рассказали выше. Здесь он, под руководством деда, получил начальное, традиционное еврейское образование, пока отец не потребовал его к себе. Старик с тревогой отпустил внука в Петербург в сопровождении одного из наиболее ранних ратоборцев просвещения между евреями в России, Менделя Левина, известного в еврейской литературе многочисленными сочинениями.

В начале 1803 г. Гирш А. прибыл под отчий кров, вскоре был крещен и назван Григорием, и началось его образование во вкусе европейской науки того времени. Главным его наставником был учитель незаурядный – швейцарец Лоран из Лозанны, впоследствии (в 1826 г.) профессор Ришельевского лицея в Одессе, который преподавал ему: французский язык, геометрию и алгебру по сочинениям Лежандра и Лакрона, географию и статистику по соч. Пинкертон и Мальт_Брюна; историю по сочинениям Милиота, Босуэта, Гольдсмита и Вольтера, эстетику и словесность по сочинениям Батте и Лагарпа и политическую экономию по сочинениям Смита и Сэя», кроме того, он изучал Кондильяка. При том Гр. А. наиболее старался, по его показанию, усовершенствоваться в истории, географии, статистике и политической экономии. В 1810 или 1811 году он слушал курс политической экономии, который читался публично профессором Балугианским в Педагогическом институте (предтече Лгр. Университета). Еще с 1801 г. юноша, по обычаю того времени, был зачислен предусмотрительным отцом на службу в канцелярию государственно-го казначея, откуда в 1809 г. был переведен в экспедицию о государственных доходах в чине титулярного советника; в 1813 г. был откомандирован в канцелярию кн. Куракина по борьбе с чумою в Новороссийском крае и в том же году уволился в отставку. По - видимо-му, на юге прожил Гр. А. до июля 1817 г. Вернувшись после почти пятилетней отлучки, и по его собственным словам, «быв долго почти без дела, занимался много чтением, между прочим, и политических сочинений Монтескье, Руссо, Бенжамина (Констана) и Вольтера. Сие, и господствовавшие тогда в публике неудовольствие правительством породили во мне свободный образ мыслей, в котором окончательно утвердил меня полковник Глинка, принявший меня в члены Тайного Общества» (показ. 25 мая 1826 г.). С Глинкой познакомился и сошелся Гр.А. на службе в канцелярии петербургского военного генерал-губернатора М.А.Милорадовича, куда поступил в 1818 году и откуда уволен был 18 декабря 1825 года, по горячим следам декабрьских событий. В январе 1822 года он поселился «в.д. гр. Гудовича близ Аларчина моста, что ныне (в 1826 г.) Энгельгардтовых),

затем женился на баронессе Марии Гревениц и имел до ареста двух сыновей – Григория и Алексей. Третий, Петр, родился уже после удара, постигшего семью.

Для дальнейшего источником являются показания Гр.А., данные Следственной комиссии по обнаружению тайных обществ.

Основываясь на этих показаниях, можно лишь приблизительно установить дату вступления Гр. А. в Северное Общество: он был принят в члены в 1818 или 1819 году полковником Ф.Н.Глинкою, его сослуживцем, с ведома двух других членов – Семенова, служащего в Министерстве Народного Просвещения и Кутузова, офицера Измайловского полка, и ему в свою очередь поручено было вербовать новых членов, которые принимались с согласия старших. Таким образом он принял прапорщика Искрицкого, офицеров Сенявина, Дребуша, Данченко и служащего Морского Министерства Устимовича.

Организация приема была задумана весьма конспиративно: «письменного устава», сообщает Гр.А., «я не видел; напротив, иногда говорено было, чтобы не иметь ничего письменного, кроме записок об именах кандидатов в члены для сообщения старшим членам, и записки сии, по миновании в них надобности, уничтожались. Нельзя было никому сообщать об Обществе и никого принимать в члены без согласия старшего члена, «который должен был относиться тоже к старшему и так далее; нельзя было никому объявлять о многих членах», не велено было говорить, что Общество только что составилось, ниже, что оно давно состоит, а глухо – что Общество существует». Требовалось повиновение младшего старшему во всем, что касается Общества. Паролем, по которому члены узнавали друг друга, было принято по предложению Перетца, еврейское слово «хеирут» (свобода), и в случаях нужды «члены должны были сообщить это слово взаимно, постепенно по одной букве каждый». Члены Общества, стоявшие в связи с Гр.А., по - видимому, получали от него «ключ для переписки, коего объяснить почти невозможно, но удобно объяснить с книгою в руках» (п.20). Дабы скрыть цели свидания, Гр. А. и Искрицкий, не застав друг друга дома, оставляют записки «под предлогом пособия в займе денег». Трудно думать, чтобы лицо вербующее членов, устанавливающее пароль, знающее о плане организации Общества, справедливо и метко говорящее «об ошибках в день 14-го декабря с обеих сторон» и критикующее очень удачно тактику заговорщиков, действительно было так мало осведомлено о заговоре, как это хотел показать в своих первых объяснениях Гр.А.

Помимо вербовки точно указанных выше членов, из коих Дребуш и Данченко ко времени следствия умерли, Гр. А., согласно с общей задачей, для достижения цели старался о распространении всеобщего недовольствия, делал гласным несправедливость и ошибки правительства». Этим Гр.А. занимался, по его показаниям, около двух лет. Для того слоя заговорщиков, к которому принадлежал Гр. А. и его знакомые, республика Пестеля казалась преждевременной. Побуждаемые к вступлению в Общество идеей «общего блага, а не корыстью, ни честолюбием» (Перетц говорил Глинке, чтобы в случае успеха, «не искать ничего, а, напротив, оставаться в том положении, в каком тогдашние обстоятельства кого застанут», п.8). Интересующий нас кружок мечтал лишь о конституции, притом весьма умеренной, о чем встречаем не раз упоминания: Перетц внушал Искрицкому, согласно со своими убеждениями, что для России выгоднее образ правления монархически-представительный (п.20); в беседе с Глинкою «под успехами Общества разумел введение монархически представительного правительства (п.12).

На чем же тогда были основаны надежды членов Общества на успех их идей в массе? На это отвечает Гр.А. в п.15: «Надежды Общества основаны были: во-1х, на умножении членов, во-2х, на возрастающем с годами влиянии каждого из них; в – 3х, на продол-

жени со стороны правительства распоряжений, неудовольствия породивших, которые, будучи всемерно оглашаемы, более ещё оно бы усилили, и, в 4х, на постепенном знакомстве публики с политическими правами и порядками народов конституционных». Таким образом, Гр. А. Перетц и его ближайшие единомышленники полагали надежду на естественный эволюционный процесс, который, в силу изложенных причин, должен был дать свои результаты.

Каковы же были те ошибки и несправедливости правительства, которые питали и поддерживали глухую оппозицию интеллигентных кругов? На этот вопрос имеем в показаниях Гр. А. отчетливый и правдивый ответ: «рассуждаемо было: о тягости налогов, об излишестве войск и военном поселении, об упадке флота; о невыгодном займе 1811 или 1812 г., при коем за рубежом ассигнациями даны облигации на 50коп., о разорительных для России иностранных займах, с 1817 года без существенной нужды сделанных; о систематической медленности правительства в удовлетворении претензий частных людей; о многих несправедливостях, особливо в делах с казенным интересом сопряженных; об отягощении войск учением; о вояжах и строениях покойного государя императора, о малой его внимательности к гражданской части; о множестве чиновников и скудном жаловании, яко главных источников запутанности и злоупотреблений; об учреждении министерств, об отягощении войск учением (вторично); о Государственном Совете, о взыскательности тогдашних великих князей – Николая Павловича и Михаила Павловича, наиболее о ныне царствующем государе императоре, коего описывали сккупым и злопамятным; о самовольстве вельмож; о весьма недостаточном и несвоевременном пособии губерниям, в коих был неурожай и голод, о восстановлении Польши; о преимуществе завоеванных поляков и финляндцев перед завоевателями россиянами, о расходе России для Царства Польского, об определении в бывшие польские губернии губернаторов из поляков и переводе в Литовский корпус поляков, в других полках состоявших; о причислении Выборгской губернии к Великому Княжеству Финляндскому; о строгости, подавшей повод к Семеновскому бунту, о строгом с сим полком поступлении, несмотря на то, что покойным графом Милорадовичем якобы обещано было прощение; о бесполезном походе гвардии и неудовольствии тем войск; о недостатке законодательства; о Священном Союзе и о делах Испании и Италии. Все единогласно осуждали меры правительства».

В позднейшем показании 18 марта он добавляет: «Изложенные мною в 9-м пункте прежнего моего объяснения суждения, заключающие многочисленные осуждения, негодования и укоризны, служат вящим доказательством моего чистосердия, по которому я предпочел выставить вину свою во всей полноте, нежели уменьшить ее какою – либо утайкой» (п.14-й). Мало того, в исходе декабря 1825 года он подал императору чрез статс-секретаря Кикина записку «О некоторых государственных предметах». Но правительство само создавало, что в его машине не все было благополучно. Насколько этот «обвинительный акт», написанный запуганным узником имп. Николая, был смел и справедлив, видно из того, что он был использован б. правителем дел Комитета Боровковым и внесен в «Свод» мнений декабристов о состоянии государства наряду с мнениями А.Бестужева, Батенкова и Штейнгеля (см. Шильдер, Имп. Николай I, 1903,с.31-32; Русская Старина, 1898, т.96, с. 354-362) и представлен императору 6(18) февраля 1827 г. И интересно, что итог исполнительного чиновника был: «необходимо исправить неисчислимые беспорядки и злоупотребления». Авторы же обличений в это время томились в каторге и ссылке.

Был еще пункт недовольства, о котором умолчал в своем показании Гр.А.Перетц, но который его тревожил и мучил. Он, вероятно, не раз лично испытал некоторое неудобство своего происхождения, хотя бы получив отказ принять его в масонскую ложу в 1811 г., с

ложною ссылкой на правило, запрещающее будто бы принятие в масоны евреев. Кстати сказать, он в это время принадлежал уже к евангелически-лютеранскому исповеданию, и эта ссылка не могла сыграть роли без влияния господствовавшего в то время и среди русской интеллигенции антисемитского настроения. Наиболее просвещенный и свободо-мыслящий из декабристов республиканец Пестель был враждебно настроен против евреев и выражался о них довольно резко. Он не прочь был и совсем освободить от них Россию и предлагал основать еврейское государство в Малой Азии.

Введший Гр.А.Перетца в Северное Общество Ф.Н. Глинка и потом отрекшийся от него, называвший его в своих показаниях с пренебрежением «балагуром», дает еще одну черту, освещающую мечты его, очевидно навеянные не столь чтением освободительной литературы, сколь беседами и всею деятельностью его отца, Абр.И.Перетца. Вот что говорит Глинка: «В одно утро он (Гр.Перетц) очень много напевал о необходимости общества к высвобождению евреев, расселенных по России и даже Европе, и к поселению их где-нибудь в Крыму или даже на Востоке в виде отдельного народа; он говорил, что, кажется, отец его, когда еще был богат, имел мысль о собрании евреев; но что для сего нужно сообщество капиталистов и содействие ученых людей и проч. Тут распелся он о том, как евреев собирать, с какими триумфами их вести на все сие и проч. И проч. Мне помнится, что на все сие говорение я сказал: «Да, видно, вы хотите придвинуть преставление света? Говорят, что в писании сказано (тогда я почти не знал еще писания), что когда жиды выйдут на свободу, то весь свет кончится». (Из следст. дела, Ю.Гессен, «Евреи в России», 1906, с.139).

Эти заключительные слова Глинки, да и весь этот эпизод могут нам многое пояснить в показаниях Гр.А., чувствовавшего себя, не в пример многим своим сотоварищам, одиноким, брошенным на произвол судьбы, которого топят своими показаниями наиболее близкие люди, с которыми, как ему казалось, связывали его не только политическая солидарность, но и долгие дружеские отношения.

Можно представить себе, что чувствовали по подавлении восстания его непосредственные участники и лица, знавшие и сочувствовавшие ему, хотя бы и отстранившиеся от Тайного Общества в последнее время, - в 1824 – 25 гг. Судя по тому, что уже в конце декабря Гр.А. был устранин от службы, арест его последовал, по - видимому, в феврале 1826 г. Все это время он, слыша об арестах бывших его соумышленников, переживал тяжелое нравственное состояние в ожидании, что его постигнет та же участь. Ища спасения он замышляет уехать из России и просит Искрицкого подписать не своим почерком адрес на письмо в Лондон к миссионеру Way, которого просит принять в свои сотрудники. (Дела III Отд., с.146). Наконец дошла и до него очередь. Он был арестован 21 февраля с приказанием: «Приписываемого Перетца посадить по усмотрению и содержать строго». Он был помещен в Петропавловской крепости на главной гауптвахте, и начались допросы согласно выработанным пунктам. Ответы требовались письменные, благодаря чему они в точности дошли до нас. Видимо, за время ожидания у Гр.А., как и у многих других, привлеченных Комитетом, созрело решение чистосердечно рассказать все, в чем он принимал участие и, может быть, этим облегчить свою судьбу. История, которой принадлежат все участники Тайного Общества, высказала свое суждение о значении восстания 14 декабря. В перспективе 100 лет тонут и блекнут мелочи, свойственные эпохе, вроде наивной веры в спасительность «чистосердечия», веры, которую разделяли почти все, начиная с таких безукоризненных людей, как Рылеев, кончая третьестепенными, самыми скромными участниками заговора. Так, например, кН. С.Трубецкой, предполагавшийся диктатор, обнаружил с нашей, современной точки зрения непростительную откровенность

назвав массу лиц, причастных к делу; А.Бестужев сделал первое важное открытие о Тайном Обществе; Н.Муравьев «советовал с другими о том, чтобы донести правительству о намерении Якубовича покуситься на жизнь государя», «скоро и чистосердечно признался и добровольно открыл разные подробности относительно заговора»; В.Дивов «первый сам собою признался чистосердечно в таких преступлениях, в коих даже не был подозреваем», барон В.Штейгель скоро и чистосердечно признался и открыл важные подробности о мятеже»...

...Дело о Гр.А. двигалось таким путем: 24 февраля с него было снято первое показание, в котором он дал краткие сведения о своем отношении к Тайному Обществу, о вербовке для него членов, о принадлежности к Обществу в течение лишь двух лет и об отстранении от него. Сообщил – скрывая истину – что о событиях 14 декабря заранее ничего не знал, в этот день в событиях никакого участия не принимал и сношений с членами Общества не имел, дал только Искрицкому, арестованному до него, 100р.; поручения принять в члены Общества Кутузова, сына ген. – губернатора – не давал. ...Наконец, что он, Перетц, давно отдалился от членов Общества, за что терпит от них разные неприятности чрез их наговоры и происки.

12 марта 1826 г. Перетц категорически заявляет, что никаких сведений кроме как ранее сообщенных, не имеет.

Измученный заключением и неизвестностью он 19 марта «умолял» Комитет о разрешении добровольно подвергаться пытке, чтобы прекратить, наконец, свои страдания. Он просит дозволить ему принять св. тайны у евангелического пастора, получить благословение отца, проститься с женою и благословить детей...

Схема поведения Гр. А. Перетца на допросах свелась к тому, что он вначале отрицал все неизвестное Комитету, ограничиваясь сообщением лишь о себе. Постепенно он делает «чистосердечные» признания, рассказывает, с кем и где встречался, что говорил, каковы были надежды Общества, в чем заключались неудовольствия его членов существующим порядком. Он мужественно принимает на себя вину, чистосердечно раскаивается в содеянном в течение пребывания в недрах Общества, просто объясняет, почему он своевременно не донес правительству обо всех известных ему участниках».

...Как и многие другие, даже обладавшие многими друзьями и заступниками, хорошим здоровьем, безукоризненным происхождением, обещавшим некоторые гарантии даже в условиях следствия и суда 1825 г., Гр.А. выразил глубокое раскаяние и признал, что сочтет себя счастливым, доказав, что если согрешил, то единственно по заблуждению, и что, нарушив долг, «взамен того пожертвовал всем земным для исполнения долга верноподданного и сына отечества».

Не принимая активного участия в восстании, отдалившись от Тайного Общества задолго до 14 декабря и поддерживая связь с теми из членов, с которыми связывала его общность литературных и культурных интересов, будучи по природе своей слабого здоровья, на которое он ссылается в одном из показаний, и более склонен к постепенству, чем к революционной деятельности Перетц не мог ожидать, по сравнению с другими, особо сурового наказания. Так, по-видимому, смотрел и Комитет. Таких лиц оказалось по квалификации Комитета 64. Они были, вопреки всему изложенному, включены в «список лиц, прикосновенных по разным случаям к делу о тайных обществах, которые не были требованы к следствию».

В отношении их были определены «исправительные меры наказания».

«В соответствии с изложенным общим мнением в частности по докладу Комитета 15 июня, «о титулярном советнике Перетце, высочайше повелено: продержав еще два месяца

ца в крепости, отослать на жительство в Пермь, где местной полиции и иметь над ним бдительный тайный надзор» (Дело, Гос. Арх., л.101 и III Отд., с.147).

Три ближайших к Перетцу лица отделались гораздо легче: полковник Глинка, привлечший его в Тайное Общество, был оставлен от службы при Петербургском ген.- губерн. и выслан на жилище в Петрозаводск, где «во уважение прежней его службы и недостаточного состояния дозволено употребить его там по гражданской части с чином коллежского советника», Семенов, по выдержании 4 месяцев в крепости, был отправлен в Сибирь, но не в ссылку, а на службу без повышения в чине. Искрицкий 7 июля 1826 г. переведен был тем же чином в Орский гарнизонный батальон с выдержанием в крепости еще 6 месяцев.

... Пермь, куда прибыл Гр. А. 25 августа 1826 г., была довольно глухим местом, как и Пермская губерния, где дворянская интеллигенция была в ничтожном количестве, о чем можно судить по соотношению казенных и помещичьих земель (из суммы 30,6 млн. дес. Помещичьей лишь 9 млн.). Город в климатическом отношении был очень неудобен для сосланного: суровая и долгая зима должна была мало содействовать сохранению физического здоровья, привыкшего к более мягкому климату.

«...Здесь, вдалеке от культурной жизни, прожил Гр.А.Перетц до 1827 года, а затем был переведен в еще более глухую провинцию, в Устьсыольск – 13 августа 1827 г., где прожил до 1840 года, когда ему было разрешено переехать в Вологду. За эти 14 лет Гр.А. потерял жену (умерла в 1830 г.), отца, состояние, здоровье его было совершенно разрушено: обнаружались признаки эпилепсии. К тому же на его попечении осталось трое сыновей – Григорий Гр., Алексей Гр. И Петр Гр. В год ссылки им было – старшему 2 года, второму 1 год, а младший родился уже после высылки отца в Пермь. Как состоявший под надзором полиции, Гр.А., несмотря на свое образование и служебный опыт, не мог поступить на службу. Это ему удалось лишь позже, в Вологде.

В Вологде по ходатайству военного губернатора г. Вологды и Вологодского гражданского губернатора Перетц был определен в число канцелярских служителей Приказа Общественного Призрения 26 марта 1840 года, затем исправлял должность смотрителя заведений с 15 мая по 16 июля 1840 г. Недолго пришлось послужить Перетцу в Приказе Общественного Призрения; болезнь побудила его выйти в отставку. Он был уволен из Приказа 7 июня 1841 г. Спустя два года вынужденного бездействия, он вновь определяется на службу: по представлению Вологодского Гражданского губернатора - Перетц был «определен к нему г. Министром Внутренних Дел чиновником особых поручений 1843 г. апреля 7». А «по Указу Правительственного Сената определен советником в Вологодское Губернское Правление 1844 г. июля 1», но и от этой должности, согласно прошению за болезнью, был уволен 23 июля 1845 г. Так кончились попытки Перетца вновь войти в колею служебной жизни. Она оказалась ему решительно не по силам. И, пользуясь тем, что по ходатайству Вологодского гражданского губернатора Николай I еще 19 апреля 1841 г. разрешил «дозволить Перетцу свободно проживать и служить, где пожелает, кроме С-Петербургской и Московской губерний, за поручительством шурина его, помощника статс-секретаря в Госуд. Совете, барона Гревеница», он, выйдя в отставку в 1845 г., переехал на жительство в Одессу, так как состояние его здоровья требовало пребывания в теплом климате, а пенсия за 20 лет службы размере 2/3, о которой он хлопотал, по - видимому, дозволила ему надеяться на безбедное существование. Старость и одиночество приблизились к нему, и много лет лишенный семьи, он 6 июня 1846 г., будучи 58 лет, вступил в брак с молодою девицею Елизаветою Антоновою, по происхождению румынкою. Этот брак, однако, не оправдал его надежд: подарив ему сына Николая (отца составителей

этого очерка), молодая жена скоро скончалась, оставив двух сирот – престарелого отца и сына – младенца.

Интересная черта для характеристики Гр.А.: лютеранин, и, как мы видели, религиозный человек, он венчается, а затем крестит сына в единоверческой Петропавловской церкви.

Находясь в ссылке, Гр.а. не переставал заботиться о воспитании и образовании своих детей. Ко времени его переезда в Одессу старший его сын Григорий Гр. Уже окончил СПб Университет и служил в Комиссариатском Департаменте Военного Министерства; второй, Алексей Гр., учился в Университете, а затем служил переводчиком Новоселицкой таможни; что же касается третьего сына: Петра гр., то он, видимо, последовал по стопам своего отца и, будучи замешан в каком-то политическом деле, еще 18-летним юношей был уволен в отставку и был поселен в Сибири, где прожил до преклонных лет. Их всех до самой своей смерти поддерживал Гр. А. присылкой денег, и, как видно из писем к Гр.Гр., суммами для 1840-1850 гг. довольно крупными.

В Одессе Гр. А. прожил до конца своих дней, иногда выезжая по делам в г. Николаев и в Крым; он занялся финансовыми делами, вернувшись к торговле солью, чем занимался некогда его отец. Но на первых порах жизни здесь было жить очень тяжело; 15 июня 1846 г. он писал старшему сыну: «пока не имею никакого постоянного занятия, с большим трудом содержу себя и не предвижу никакой возможности пристроить тебя». Он скончался в 1855 году, не дождавшись светлого дня, блеснувшего для его единомышленников, и оставив малолетнего сына Николая круглым сиротой.

Так кончилась эта жизнь человека для своей эпохи незаурядного, значительно превышавшего по образованию и способностям многих из той военной среды, в которой редутировалось большинство декабристов...»

От автора:

Ознакомившись с биографией декабриста Григория Абрамовича Перетца, у автора этой статьи возникли несколько вопросов, на которые, как кажется, после некоторых поисков и раздумий удалось получить ответы.

Прежде всего интересно было знать, какой след оставил Перетц в истории Коми края. Ответ на этот вопрос дает историк Л.П. Рощевская в статье «Декабрист в Усть-Сысольске», помещенной в книге «Связь времен». Книга издана в 2000-м году. В ней Л. Рощевская предполагает, что «видимо, Г.А. Перетц имел отношение к созданию первой в Коми крае Усть-Сысольской общественной библиотеки, открывшейся в ноябре 1837 года».

Перетц, состоя членом Тайного общества декабристов, принимал в ней деятельное участие. Оно выразилось в том, что он был не только ее членом, но и занимался вербовочной работой. Именно им завербовано, по его показаниям, четыре человека. Им же предложен пароль для связи с другими декабристами – «хейрут». Кроме этого, Г.А.Перетц занимался пропагандистской работой, а именно – «делал гласным несправедливость и ошибки правительства».

Принимая во внимание деятельность Перетца можно было ожидать более сурового его наказания. Однако он не был даже под судом. Его отправили в ссылку в Пермь.

Из биографии Г.А.Перетца видно, что его отец был хорошо знаком с рядом выдающихся государственных деятелей России того времени. Из всех них мы выделим одного, а именно Михаила Михайловича Сперанского. С целью, какую роль он сыграл в судьбе Григория Абрамовича, мы познакомимся с ним ближе.

«М.М.Сперанский (1772-1839) родился в с. Черкутине Владимирской губернии, в семье приходского священника. Свою фамилию Михаил получил при поступлении во Владимирскую семинарию от дяди Матвея Богословского. Из Владимира в 1790 г. Сперанского за отличную учебу и примерное поведение перевели в Петербургскую Александро-Невскую семинарию, считавшуюся лучшей в России. В 1795 г. Михаил Михайлович окончил ее и остался в ней преподавать.

За 12 лет, с 1795 по 1807 гг. он прошел путь от преподавателя до статс-секретаря императора Александра I. Вначале он служил домашним секретарем у генерал-губернатора князя А.Б.Куракина. К началу царствования Александра I, в 1801 г. он был уже действительным статским советником. Тогда он познакомился с «молодыми друзьями» Александра I, с которыми обдумывал планы государственных преобразований. Сперанский стал управляющим канцелярией Непременного совета, созданного императором для разработки реформ. Одновременно Сперанский был на службе в Министерстве внутренних дел, статс-секретарем его главы В.П.Кочубея, который стал посылать своего секретаря с докладами к императору.

Александр I оценил таланты Сперанского и назначил его в 1808 г. членом комиссии составления законов и товарищем (заместителем) министра юстиции и своим главным советником по государственным делам. Теперь все документы, адресованные императору, проходили через М.М.Сперанского. В 1809 г. он подготовил проект государственных преобразований в Российской империи, включавшей постепенную ликвидацию крепостного права, введение суда присяжных и создание двухпалатного парламента. Однако этот проект не был осуществлен. В 1810 г. Сперанский начал финансовую реформу. Года же по его инициативе был создан Государственный совет. Однако политические противники Сперанского организовали придворную интригу, в результате которой в 1812 г. его сослали в Нижний Новгород под строгий надзор полиции, а оттуда – в Пермь, где он прожил до 1816 г.

С 1816 г. начался новый этап чиновничьей карьеры Сперанского. Александр I назначил его пензенским губернатором, а в 1819 г. генерал-губернатором Сибири. Лишь в 1821 г. он вернулся в Петербург и стал членом Государственного совета и сибирского комитета, а также управляющим Комиссией по составлению законов. Сперанский был составителем Манифеста 13 декабря 1825 г. о вступлении на престол императора Николая I. Участвовал в работе Следственной комиссии по делу декабристов.

В 1826 г. Сперанский возглавил II отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, занимавшееся кодификацией законов. В начале 30-х гг. М.М.Сперанский руководил группой чиновников, занимавшихся составлением «Полного свода законов Российской империи» в 45 томах, а также «Свода законов» в 15 томах. Он также участвовал в деятельности целого ряда секретных комитетов 20-30-х гг. 19 в., читал курс юридических наук наследнику престола, будущему императору Александру II. В 1838 г. Николай I назначил его председателем Департамента законов Государственного совета. 1 января 1839 г. император пожаловал Сперанскому графский титул, но вскоре 11 февраля 1839 г. Сперанский скончался». (См. Иллюстрированную энциклопедию «Россия», М.2007г.)

Мы так подробно рассказали о М.М.Сперанском потому, что по нашему предположению именно он, от которого зависела судьба многих декабристов, принял участие в судьбе Григория Абрамовича Перетца.

М.М.Сперанскому царь доверил определить степень виновности и меру наказания каждого декабриста. От него зависело «кого казнить, кого миловать». В «Записках княгини

М.Н.Волконской» приводится пример, подтверждающий эту мысль. Декабрист Гавриил Батеньков (1793-1863) – подполковник корпуса инженеров путей сообщения. Примыкал по своим взглядам к умеренному крылу Северного общества. После 14 декабря был приговорен к 15 годам каторги. Его не отправили в Сибирь, а заключили в крепость. Первые два года он просидел в одиночке Свартгольмской крепости (на Аландских островах) и 18 лет в Алексеевском рavelине (до февраля 1846г.). Все эти годы он провел в полном одиночестве. В эти годы у него появились признаки душевной болезни. По мнению историка А.А.Сабурова роковую роль в судьбе Батенькова сыграл М.М.Сперанский. Боясь, что Батеньков, находясь в общении с другими декабристами, может сообщить о Сперанском нежелательные сведения, он добился такого наказания, при котором тот был полностью изолирован от товарищей, от живого мира вообще.

Родственники декабристов принимали в них деятельное участие, использовали свои связи, знакомства, друзей для смягчения их участи. Нет сомнения, что Абрам Израилевич Перетц не использовал свои старые связи. Ведь он, как мы помним, находился в хороших отношениях с Егором Францевичем Канкрином, который в молодости служил у него по финансовой части и эта выучка под началом Перетца привела к высокой должности министра финансов (1823 – 1844). Но особенно близок А.И.Перетц был к Сперанскому, который и жил в его доме. По нашему мнению, именно Сперанский смягчил участь Г.А.Перетца, над которым и суда не было. В ссылку Перетца отправили в Пермь, именно в то место, где некогда был в ссылке и сам Сперанский. Согласитесь, что ссылка в этот город несколько лучше, чем ссылка или каторга в Сибирь. В судьбе Г.А.Перетца принял участие и его шурин, помощник статс-секретаря в Государственном Совете, барон Александр Гревениц. Именно по его поручительству царь разрешил свободно проживать Перетца, кроме С-Петербургской и Московской губерний, еще 19 апреля 1841 года.

26 августа 1856 года был опубликован манифест об амнистии декабристов, восставляющий их в правах. К этому времени, по данным С.Г.Волконского, осталось в живых 19 человек.

Григорий Абрамовича уже не было в живых. Он умер в 1855 году, в этом же году умер и император Николай I.

Почти два столетия прошло со времени эпохи декабристов. Отдельные планы Григория Абрамовича Перетца, такие, как создание государства евреев, осуществились. И в этом его глубокое предвидение. Он был глубоко прав, когда высказывался за эволюционный путь развития. Но по волею марксистов-ленинцев Россия встала на путь «перманентной» (непрерывной) революции. Это разрушительный и губительный путь и для страны, и для народа с большими испытаниями, войнами, со всеми потрясениями нашего времени, безумством политиков и властей.

Этот очерк составителем подготовлен накануне праздника 8 марта. В связи с этим нельзя не вспомнить и о жене Григория Абрамовича Перетца – баронессе Марии Гревениц (девичья фамилия). Как и многие декабристки, она последовала в ссылку за мужем и разделила его участь. В поэме Н.А.Некрасова «Русские женщины» памяти декабристки А.Г.Муравьевой посвящены проникновенные строки:

«Пленителен образ отважной жены,
Явившей душевную силу,
И в снежных пустынях суровой страны
Сокрывшейся рано в могилу».

Эти слова вполне можно соотносить и к Марии Перетц.

**КНИГИ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ, АЛЬМАНАХИ РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ КОМИ В 2009 ГОДУ**

Несмотря на экономический кризис в стране и мире издательская активность республиканских авторов по сравнению с прошлыми годами в 2009-м практически не снизилась. На этот раз из оказавшихся на моём рабочем столе книг меня заинтересовали поэтические сборники: Алексея Иевлева «Скажите о любви красиво», фотоальбом «Сыктывкар – мян кар» (со стихами Альберта Ванеева, Надежды Мирошниченко, Галины Бутыревой, Владимира Тимина, Андрея Канева, Алексея Иевлева, Валентина Охапкина, Людмилы Ханаевой), «В тоске календаря...» Юрия Ивенсона, а так же «Это всё о тебе» Юрия Ионова. Из вышедшей в свет прозы: книга Александра Сугорова «Земля на всех одна», сборник повестей и рассказов Алексея Иевлева «Пророк», книга повестей Альберта Бернштейна «Портупей-прапорщик из Алгасова» и «Урок длиною в год», романы Григория Спичака «Цитала. Украденный посох» и Елены Киселёвой «Тропинки Сухарского леса». Не остались без внимания и литературные альманахи «Сыктывкар», «Литературный Кироводск», «Стихия» и «У камелька», а также ноябрьский номер журнала «Наш современник» и поэтический сборник эжвинских авторов «Нет места на земле дороже...». Они, на мой взгляд, дают полное представление о тенденциях развития литературного процесса в нашей республике.

А ещё, как мне кажется, к выше названным произведениям и их авторам целиком и полностью подходят слова народного писателя Коми Геннадия Юшкова: «Глубина и ясность художественного произведения должна обеспечиваться всей душевной силой автора – сознанием правоты, непримиримостью к злу, тревогой по поводу негативных явлений. Писатель, поэт, хотя и называют их певцами, но суть они не певцы, вернее, больше, чем певцы. Они исследователи и воители».

ПОЭЗИЯ

*Красное дерево сказок
Вырастим в нашем дворе.
Красное, но не такое,
Чтоб в огневом сентябре
Вспыхнуло спичкой-осиной
И раздарило листву
Нетерпеливым порывам
В ветреную игру...-*

такими строчками начинается одно из стихотворений, особенно понравившихся мне при прочтении попавшего в руки нового, только что с печатных станков, томика. Красное (в смысле до завидного – «красивое») дерево сказок добротно и, есть надежда, что на века вырастил во дворе коми региональной литературы известный поэт **Алексей Иевлев**.

В 2009 году вышел в свет небольшой его поэтический сборник, который назван **«Скажите о любви красиво»**. Обложка книги решена в гламурных розовых тонах на манер пудреницы в сумочке любой уважающей себя натуральной блондинки. На первый взгляд никчёмная вещица, а выбросить жаль. Что, поверьте мне, обманчиво, как говорит-

ся, в этом случае произведение полиграфического искусства надобно встречать не по одежке, а по внутреннему его содержанию. В книгу вошли чуть более семидесяти лучших стихотворений, написанных о любви. Лейтмотивом всей книги, её центром и главным кодом авторской мысли можно назвать стихотворение «Любовь, как стихи, не обсуждают...», именно в нём, как мне кажется, и заложена позиция Иевлевского лирического героя в отношении романтических чувств между мужчиной и женщиной. Приведу его полный текст:

*Любовь, как и стихи, не обсуждают.
Ей или верят,
Или отвергают,
Или смеются,
Или предают...
А, может быть, надежду подают...
И, может быть, без злого намеренья...
Но я – не юн:
Мне ведомы сомненья.
Я различаю яд в бокале слов.
Я вижу правду в злом обмане снов.
И сам себе надежды подаю...
Ты думаешь, я плачу?
Я пою.*

Но, не смотря на авторскую сентенцию «Любовь, как и стихи, не обсуждают», возьму на себя смелость, и, не касаясь напрямую такого жизненно-философского понятия, как «любовь», порассуждаю на тему любовной лирики Алексея Иевлева, представленной в новом издании.

В своей статье «Пример высоких и нормальных отношений» поэт Валерий Вьюхин отметил: «Книга стихов Алексея Иевлева «Скажите о любви красиво» является подборкой лучших стихотворений поэта, написанных в последние годы. Не смотря на то, что автор выбрал всего лишь одно направление своего творчества – любовную лирику, – на самом деле даже в этом он успел показать всё разностороннее богатство души и высокие чувства лирического героя в наиболее трепетных, ранимых и в последнее время более всего опошляемых человеческих отношениях – отношениях мужчины и женщины. Благородство и ревность, обида и надежда, желание быть вместе и гордость за любимого человека – всё это есть в представленном сборнике стихотворений».

Так в одном из своих стихотворений («Я уже не скучаю...») автор со свойственной ему искренностью признаётся любимой:

*Я уже не скучаю –
Я жить не могу без тебя!
И к вечернему чаю
Напишется песня дождя.
Я на каждую ноту отвечу –
Удар на удар.
Излечу-искалечу,
Притихну, как старый пожар.
Буду тлеть осторожную
Радугой в росном лугу.
Погасить невозможно –*

Не трогай, а то обожгу.

«Книга А. Ивлева, - пишет далее Вьюхин, - представляет собой образец высокой, качественной и профессиональной поэзии. Самое главное – она адресована читателям разных возрастов. И тем, кто уже испытал чувство любви. И молодёжи, подрастающему поколению – как пример и образец чистых, высоких и совершенно нормальных отношений, к которым и должны стремиться нормальные люди».

Ярким подтверждением высказанной Вьюхиным мысли выступает стихотворение, названное поэтом «Ваши пальцы пахли ладаном...», оно иллюстрирует собой отношение Ивлева, вернее его лирического героя, к пониманию «чистой» любви:

*Светлой любви –
Вы иного не стоите!
Только бы мимо неё не пройти...
Руку свою
Мимоходом
Позволите
К чьим-то губам поднести.
И позабудете этого,
Этого –
Мало ли их на Руси...
Пусть их потом величают
Поэтами –
Дома и на небеси.*

В данном стихотворении появляется в творчестве Ивлева мотив некой салонности, излишней отдалённости образа любимой, мотив возвеличивания её в некий слишком заоблачный образ, чуть ли не Блоковской дамы в кабацкой кутерьме окружающего мира. На протяжении всего сборника стихов мы, как бы, наблюдаем в развитии чувства земной любви от этой её сложной фазы, «салонного» начала до тёплой, уютной обыденности со своей «приземлённой» романтикой уже состоявшихся взаимоотношений («Альфие»):

*Купи себе платье.
Ты солнечна в каждом из них.
Сейчас не умеют носить кринолины и шлейфы.
Но голос твой выше любого звучания флейты.
Пусть чудо и жизнь совпадут в этом мире на миг!*

Поэзии Ивлева всегда был присущ тонкий юмор, основывающийся на гротесковой разнице положений. Так, например, происходит и в стихотворении «Был вечер...», в котором лирический герой в потёртых джинсах и тапках на босу ногу, чистит картошку, размышляя о том, как бы поудачней убить одним ударом тапка побольше тараканов, как вдруг:

*Звонок.
Из другого мира
На кухню впорхнула Джильда,
А, может быть, Дездемона,
Сбежавшая от супруга
В финальной сцене спектакля.*

С появлением женщины из сказочного мира, начинаются «фейерверк чувств» и «карнавал событий» совершенно не свойственные обстановке. И вот что происходит дальше:

*Внимая потоку страсти,
Я молча накинул куртку
И через чёрный город
Отвёл Дездемону к маме.
Вежливым был и тактичным.
Вернулся к своим проблемам
И в тапках на босу ногу
Молча дочистил картошку,
Решив, что душить не стану
Женщин в своей постели.*

В ироничном ключе решён в стихотворении «Бесспорно, что твоя рука изящнее моей...» извечный вопрос «за что?» один человек любит другого, и эта «перчинка» как нельзя лучше разнообразит и без того привлекательную лирику поэта:

*Не буду спорить о груди,
О линии бедра,
О талии...
Ты в красоте – прилежна
И хитра.
Здесь спора нет...
Но ты скажи,
Чтоб счастлив был вполне:
Ну что такого ты нашла
Хорошего
Во мне?*

Трогательно в поэтическом творчестве Иевлева звучит мотив не только зарождающегося чувства любви, но и её, как бы помягче выразиться, - летальность («Храни тебя Господь...»):

*Храни тебя Господь...
А я не сохранил.
И даже голос в телефонной трубке
Я не узнал
И должен был спросить:
«А это кто?»
И, выслушав ответ,
Не задохнулся,
Как когда-то раньше.
А рассказал спокойно и легко,
Что жизнь, увы, не только нас разводит
И лечит временем...*

В стихах о любви Иевлева много философско-жизненной информации, до которой лирический герой доходит своим умом и сердцем, а автор щедро делится ею с читателем:

*Как много нужно женщине!
Как мало!*

Почувствовать себя царицей бала...

Любовь и разлука всегда идут в человеческих взаимоотношениях рука об руку, поэт задаётся вопросом: «Кто первый выдумал разлуку – Я или ты? Тем, кто идёт на эту

маку, Шаг до беды...», разлука с любимой для лирического героя мучительна, осязаема и... очень лирична:

*В хрустальных вазах
В комнатах пустых,
Покинутых недавно,
Но надолго,
Где эхо в одиночестве умолкло,
Стоят букеты из цветов живых.
Как радуга, цвета пересчитав
И перепутав результат с восторгом,
Они живут в своём величье гордом,
Самих себя до лепестка отдав
Тебе...
А ты уехала...*

Но для настоящей любви, как считает поэт, любые расстояния, любые государственные границы, не преграда, и любая разлука, есть надежда, что она не навсегда:

*Ты звонила из Вены.
Было восемь утра.
Сказала:
«Хороший город.
Но в городе нет
Тебя.
Утро дарило окнам
Солнечные лучи.
В самом центре
Европы
Тихо вздохнула
Ты
И прошептала в трубку:
«Скоро приеду.
Жди».*

В своём отзыве на поэтический сборник «Глубоко земная книга» писатель Сергей Журавлёв высказал свою точку зрения на место его в творческом процессе республики: «Небольшая по объёму книга стихов сыктывкарского поэта Алексея Иевлева «Скажите о любви красиво» актуальна и интересна тем что, несмотря на избитость темы (кто из поэтов не писал о любви?), отношения между мужчиной и женщиной показаны во всём их чувственном многообразии. Читатель вместе с автором и лирическим героем фактически сопереживает и проживает целую историю трепетной и уважительной любви, которая, конечно, не исключает взаимного разлада, непонимания, но «через тернии» ведёт и зовёт за собой не в постель, как большинство нынешних авторов бестселлеров и телевизионных сериалов, а «к звёздам», призывая познавать высокое на небесных вершинах, а не в подвалах, грязных подворотнях и злачных местах. И вместе с тем, это глубоко земная книга, так как чувствуется, что абсолютное большинство произведений в ней адресовано нашей современнице, а не выдуманному образу. Книга адресована широкому кругу читателей. В её стихотворениях кто-то, возможно, прочтёт собственную историю, а кто-то, наверняка, будет ориентироваться в своих чувствах на эту высокую, а потому несущую большой культурный и воспитательный заряд, поэзию».

*Скажите о любви красиво –
И искренне,
И высоко.
Скажите о любви счастливо –
Не легковесно, но легко...*

Так сборник избранных стихов Алексея Иевлева начинается, и в завершение рассказа о нём хочется сказать, что поставленную задачу автор блестяще выполнил, он сумел рассказать нам о любви к женщине и легко, и искренне, и высоко.

Настоящим гимном столице республики Сыктывкару получился фотоальбом **«Сыктывкар – мян кар»** вышедший в 2009 году в ООО «КРТ», иллюстрированный, если можно так выразиться, поэтическими произведениями сыктывкарских поэтов. В нём опубликованы **стихи Альберта Ванеева, Надежды Мирошниченко, Галины Бутыревой, Владимира Тимина, Андрея Канева, Алексея Иевлева, Валентина Охупкина, Людмилы Ханаевой** и других. Искренние строки любви посвящены нашему родному городу, его людям, его традициям. Открывается книга стихотворением народного коми поэта Владимира Тимина:

*Сыктывкар – моя прекрасная столица,
Небо голубое над тобой.
Вижу горожан родные лица –
Город мой, зову тебя судьбой...
(перевод с коми Андрея Канева)*

Написать поэтическими строчками о природе можно по-разному, а можно и так («Опять у осени»):

*Опять у осени на знамени –
Олень от ярости кричащий,
И взрывы лиственного пламени
В тяжеловесной хвойной чаще.
Опять за крайнюю палаткой
Роса поблёскивает дико,
Рот обжигает горько-сладкая
Оледенелая брусника.
И скалы, дремлющие, в Ладогу
Опять опущены по пояс,
Воды распластannую радугу
Рассматривают, успокоясь...*

И по прочтении этих строк, сразу становится ясно, что их написал настоящий, состоявшийся, пусть и не признанный при жизни, стихотворец. Я не даром сразу привожу творческие «образчики» из новой книги, попавшей мне на рабочий стол, а с потаённой целью: одновременно, с первых строк исследования, окунуть читателя в магию авторского слова. Позволить залюбоваться им, почувствовать притягательность, свежесть и новизну, не смотря на стоящие под стихами даты.

Он и о ещё одном «вечном», о любви, пишет сугубо по-своему, самобытно, в этом случае не оглядываясь на «классиков»:

*Блок плакал у портрета
Изменщицы жены.
Писал стихи про это –
Они не сожжены.*

*От них векам осталась
Банальности взамен,
Предсмертная усталость
Романов и измен...*

«В тоске календаря...» - так назван сборник стихов **Юрия Ивенсона** (1908-1996), вышедший в свет в 2009 году в издательстве «Геопринт» к 100-летию автора. Книга вместила в себя чуть более шестидесяти стихотворений. Открывает издание портрет Ю. Ивенсона кисти художника С. Торлопова. Редактировала сборник Н.А. Боринцева.

Как литератор Юрий Павлович Ивенсен до последнего времени был мало известен, хотя его судьба учёного геолога, проработавшего ряд лет в КНЦ УрО РАН, часто переплеталась с развитием в стране русской советской литературы. Найденные в его архиве стихи были написаны (датированы автором) с 1928 по 1991 годы, в большей своей массе они ещё нигде не публиковались. Тем книга и примечательна, что открывает читателю замечательную личность известного учёного с ещё одной творческой стороны и дарит потомкам интереснейшее в литературном плане поэтическое наследие практически неизвестного автора.

Вот такие стихи, например, написанные двадцатилетним «максималистом», в подражание кабацкому есенинскому циклу (в одном из его стихотворений «Сады обледели сплошь...» периода «Юности» встречаются даже такие «хулиганские» строки: «И весь ты – подлое трепло. // Кастетом бы тебя литым!»):

*Я пригвождён к трактирной стойке.
Я пьян давно. Мне всё равно,
Вон – счастье моё на тройке
В серебристый дым унесено.
Летит на тройке. Потонуло
Вдали времён, в пыли веков,
И только душу захлестнуло
Серебристой мглой из-под подков.*

Ивенсен был дружен с Борисом Пастернаком. Будущий Нобелевский лауреат подарил ему две книги со своими стихами и с трогательными дарственными надписями. Но он же и отвратил студента второкурсника литературного института от «профессионального» занятия литературным трудом, сказав, что писать-то он всё равно будет, а вот профессию необходимо приобрести посерьёзней, да поустойчивей. Вот романтически настроенный Юрий Ивенсен и стал геологом, уйдя со второго курса литфака. Но тяга к поэтическому творчеству, прав оказался Пастернак, никогда его не покидала. И своего «учителя» в литературе он помнил всегда, посвящал ему поэтические строки, вот например, такие («Итог»):

*Слыл футуристом Пастернак,
Шла жизнь...
И под конец осталась
Одна осенняя стерня,
Одна последняя усталость.
Газетный, на углу, киоск
И переделкинская дача.
Стихов томительный хаос,
Судьбы нелёгкая удача.
Остался неумытый тьл.*

*Ушла поэзии атака.
А он – всё это оплатил
И – умер. Медленно. От рака.*

Издатели сборника стихов назвали его «В тоске календаря...» не случайно. Это название, как мне кажется, было избрано совершенно не зря. Оно, как нельзя лучше иллюстрирует содержание книги, разделённой, не мудрствуя лукаво на три раздела с говорящими названиями: «Юность», «Зрелость» и «Старость». Правда, ключевое слово в названии не «тоска», а именно «календарь», как нечто хранящее в себе время. Ведь Юрий Ивенсен родился в самом начале и ушёл из жизни в самом конце двадцатого века. Он был его истинным сыном. Прожитая Ивенсеном «эпоха» чётко отразилась в его поэтическом творчестве. Вообще, Юрий Павлович был смелым человеком, так он не боялся писать в 1937 году и, больше того, хранить в своём архиве следующие строки («1937»):

*Коли портрет из ряда выпал –
Изображённый пал.
У гроба не поднимут вымпел,
Скорее – пару шпал.
Опять висят портреты эти!
Кого не достаёт?
Об этом знают даже дети
И даже каждый идиот.
Поочерёдно, из обоймы
Уходят в яму тьмы...
Мой друг, обнимемся с тобой мы, -
Пока ещё – не мы.*

В годы репрессий в нашей стране сажали в ГУЛАГ и за меньшее, а Юрий Ивенсен в самом начале пятидесятых мог себе позволить срифмовать («Ощетинились крыши...»):

*Вечерами пьём мадеру,
Утром – ходим в Мавзолей.
Наш отец, Великий Сталин,
Жить позволил веселей.
И живём мы, молодые,
Неубитые пока,
Без обдуманной печали
И солидного пайка...*

Но Ивенсен был и человеком «своей социалистической эпохи», видевшим романтику в совершившейся в семнадцатом году революции («Очевидцам Октября»):

*Не всегда брэнчали гитары,
Ударяла судьба под дых,
Но в одном, несмотря что стары,
Превосходим мы молодых –
В том, что видели блеск Рассвета,
В том, что слышали Гром Грозы
И запомнили чудо это,
Чудо – молнию, как азы.
Пусть наступят дни золотье,
Кругом станут за другом друг!
Пусть получают все молодье*

Нашу память из наших рук!

Как отметил в своей статье «Юрий Павлович Ивенсен» академик Николай Юшкин: «Он увлекался философией, логикой, естествознанием, фотографией. Учился в музыкальном училище по классу скрипки, считался талантливым музыкантом. Однако главным увлечением была поэзия. Писал талантливые стихи, дружил со многими литераторами, особенно с Б.Л. Пастернаком, который был его кумиром». Что, несомненно, имело своё мощное влияние на творчество Ивенсена, который умело даже в любовную лирику мог не без искромётного юмора «вплести» строки полюбившегося автора («К NN»):

*А ты Ахматовой цитатами
Опьянена. От слов слаба.
Птенцами кажутся пернатыми
Стихов наивные слова.
Но видя смутное, как марево,
Твоё лицо у самых губ,
Я вспомнил то, о чём говаривал
Остряк бывалый Сологуб:
«Любовь нежнейшая к Ахматовой
Всегда кончается тоской;
Как ни целуй, как ни обхватывай
Доска останется доской».*

Широка, если можно так выразиться, географическая составляющая («В Ашхабад, куда угодно, только подальше...», «Кафирниган», «Признание Батуму», «Кавказ угрюмо горбит горы...», «Джурада Кельды», «Кузнь-Лунь», «Отъезд», «Я писал Вам с Тибета и Кольского...», «Мы околдованы в Абхазии...» и другие) поэзии Юрия Ивенсена. Много поэтических строк им было создано в Душанбе и о Душанбе («С тобою скромной, чуткой, нежной...»):

*Твоя любовь – закат безбрежный,
И я, как тополь, в ней тону.
Цветущей вишни трепет снежный –
Любовь, я у неё в плену.
О, как бы я хотел тебе
Быть миром, счастьем и судьбой,
Тебе, и в душном Душанбе
Всё заменившей мне собой...*

В этих географически обозначенных стихах автор с любовью описывает те места в родной стране и за её рубежами, где пришлось жить и работать. Вот каким, например, предстаёт перед лирическим героем Ивенсена столица Киргизии (ныне Бишкек) Фрунзе («26 августа 1947 года»):

*А Земли и Воды союз,
Влажный лепет в арычной глине,
Счастье плещется – я боюсь –
Через край перельётся, хлынет...
Нет. Высок у арыка край,
Льётся счастье из Ада в Рай.
Тишина. И узор берёз,
Россыпь звёзд, колоннада клёнов,
Фрунзе, сердце, тоски торос –*

Всё уходит в ночное лоно.

Большую работу по составлению поэтического сборника «В тоске календаря...» провёл сын автора Валерий Ивенсен. Вот что он отметил в предисловии: «Всю жизнь Юрий Павлович писал стихи. Благодаря лично Н.П. Юшкину и Институту геологии Коми НЦ УрО РАН, которые подтолкнули меня к действию, я привёл личный архив отца, в том числе и стихи, в относительный порядок. В подборку стихов я включил лишь те, которые будут интересны всем читателям. Он написал много поэтических поздравлений родственникам, друзьям и знакомым по случаю знаменательных дат и событий. Но поскольку они носят личный характер, их я не включил в данную подборку. Я, очевидно, последний, кто может разобраться в этих стихах...». И это, мне кажется, жаль, потому что у такого «большого» человека, как Юрий Ивенсен, и круг знакомств был достаточно высок и наполнен известными на уровне страны людьми. Интересно было бы прочесть, какими их видел в своём творчестве поэт. Вот, например, стихотворение «Суета сует» посвящено некой Марине, которая «В те далёкие сроки // Рвёт рукой она юной // Гениальные строки, // Как цыганские струны...». И можно только догадываться, не о Цветаевой ли это (?):

*Прочь! Разбейте, отриньте,
Не судьбы варианты!
Пусть ведёт в лабиринте
Только нить Ариаднь!
И вернулась Марина
В родные пенаты,
И горчайшего сплина
Натянулись канаты.
В судомойки просилась...
Отказали ей? Нет ли?
Пела только про силу,
Упокоилась – в петле.*

Если оставшиеся за обложкой сборника стихи-посвящения были такого же плана, то во истину искренне жаль, что они не вошли в опубликованную подборку.

Далее Валерий Ивенсен пишет, с чем я тоже не могу согласиться в полной мере: «Признаюсь, перечитывая подборку, я понял: эти стихи довольно грустные, видимо потому, что писались они по настроению, для себя, а не для печати. Но, с другой стороны, ведь и жизнь была такая сложная». Мне же наоборот, после прочтения сборника, поэзия Юрия Ивенсена показалась не только жизнеутверждающей и оптимистичной, но и не чурающейся пусть порой скрытого и явно в глаза не бросающегося – юмора. Юрия Ивенсена «плачущим поэтом» на манер Пьеро в известной сказке Алексея Толстого про Буратино (прототип – Блок) – никак не назовёшь. И тому есть масса текстовых подтверждений. Приведу, например, одно из них на такую, казалось бы, грустную тему разлуки с любимой («Каждый раз тебя покидая»):

*Каждый раз тебя покидая,
Опять сажусь я в пыльный вагон.
Опять меня почти до Китая
Добросит поезда жаркий разгон.
Не знаю – такого ли ты искала,
Но я повсюду тебя искал.
Пройду я осыпи, броды и скалы,
И мы окажемся выше скал.*

И на этой, как говорится, высокой ноте и закончить бы свой рассказ о книге стихов «В тоске календаря...» Юрия Ивенсена, которой дорога теперь к читателю открыта, которая останется теперь в анналах не только русской литературы Коми края, но и в русле полноводной реки российского литературного процесса на долгие годы, храня память о талантливом человеке поэте и геологе. Но закончить мне хочется словами благодарности тем людям, энтузиастам, которые бережно собрали сборник из хаотично разбросанных временем по архивным материалам стихов, и тем самым сохранили для людей ещё одно самобытное поэтическое Слово.

«Это всё о тебе» - так назвал свой новый **сборник стихов** член Союза писателей России, автор двух десятков книг поэзии и прозы, изданных в Москве и Сыктывкаре, многоплановый русский поэт **Юрий Ионов**. Книга вышла в издательстве «Полиграф-Сервис» в 2009 году, составили её произведения, ранее опубликованные в нескольких сборниках «Белой ночью», «Праздник проводов зимы», «Солнце отражается Печорой» и «Сумерки века». Поэзия Ионова легка и ажурна, как вот, например, эти строки:

*Улицы мела метель-колдунья,
Заметая все следы тепла.
Тоненькая девочка-шалунья
Зябко на углу меня ждала...*

В этом поэтическом сборнике представлены автором стихи те, которые были написаны несколько десятилетий назад и совершенно новые, ещё не известные читателю. В одном из них (Таёжный загар) о своём нынешнем творчестве поэт пишет:

*Я восемь месяцев в сытучем
Снегу торю свои следы
И месяц лишь в песке зыбучем
Печатаю их близ воды.
Целебна для души, конечно,
Снегов российских белизна.
Но слишком, слишком быстротечна
На нашем Севере весна...*

Нынешний сборник Юрия Ионова составили несколько поэтических разделов. Это: «Ощущение любви», «В России мои корни», «Век – волкодав», «Отметины Севера», «Жить, значит, рисковать», «Грустная улыбка». И в каждом из разделов есть программные авторские стихи, так в предпоследнем цикле в одном из подобных он сокрушается о не случившемся, но свято верит в будущее:

*Всё то, чем грезил в юности ночами,
Не состоялось, выгорев дотла.
А жизнь уже осталась за плечами –
И не заметил, как она прошла.
И чтоб потом не числиться бы в «нетях»
На переключке мёртвых и живых,
Вдруг так захочешь повториться в детях,
Свой почерк, след в веках оставить в них...*

Поэзия Юрия Ионова всегда отличалась высоким патриотизмом, так его, как говорится, авторская позиция не всегда совпадает с официальным политическим государственным курсом, поэт пишет:

*А в России – снега, как всегда,
И синицы щебечут по скверам.*

*Только мрачными стали года,
Только жизни кончаются скверно.
Да, синицы ни сеют, ни жнут,
Но каким-то обходятся кормом.
А людей – пригнетают и жмут,
Приучив к бесконечным «реформам»...*

Книга Юрия Ионова «Это всё о тебе» получилась в известной мере итоговой для всего творчества автора. В её разделах любовная, пейзажная, философская, гражданственно-публицистическая лирика. Темы, чувства, настроения в поэзии этого литератора так же многоцветны и переменчивы, как поток самой жизни, в котором ежеминутно радость сменяется горем, а любовь омрачается горечью наших общих больших потерь на трагическом сломе драматического века.

ПРОЗА

Передо мной лежит книга прозы известного в республике автора **Александра Сугорова**, вышедшая в свет в 2009 году, которую он назвал **«Земля на всех одна»**. В это документально-художественное издание вошли около тридцати художественных очерков («Мы лёгких путей не искали», «Мне снятся яростные атаки», «Мы – подранки войны», «Об огнях пожарницах, о друзьях-товарищах...» и другие), повествующих о судьбах простых людей, переживших вместе со страной перипетии её нелёгкой истории. Вообще, жанр художественного очерка в русской литературе Республики Коми явление в литературном процессе региона достаточно распространённое. Одним из ярких авторов этого направления и является Александр Сугоров.

Военная тема в русской прозе нашего региона активно в конце двадцатого и в начале нынешнего века разрабатывалась такими известными в Коми и за её пределами писателями-фронтовиками, как Александр (Рафаил) Клейн (роман «Дитя смерти»), Юрий Коврижных (рассказы «Чёрная метка», «Пеликан» и другие), а также уделил внимание в своём творчестве этой теме и народный писатель Республики Коми Геннадий Юшков в повести, посвящённой высадке немецкого десанта на территории нашего края. Хочется отметить, что книга Александра Сугорова «Земля на всех одна» как нельзя лучше вписывается в общую орбиту вышеперечисленных произведений не только тематически, но и уровнем прозаического таланта автора.

В одном из очерков «Солдатские письма» Александр Сугоров приводит наиболее яркие выдержки из фронтовых треугольников. Интересным фактом является то, что во многих из них встречались проникновенные строки замечательного русского поэта Константина Симонова из стихотворения «Жди меня». Как они уместны в книге:

*Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня,
Ожиданием своим
Ты спасла меня...*

Александр Борисович Сугоров, автор сборников очерков, эссе и зарисовок «Живи с добром в сердце», «Хранители зелёного золота», «Не хлебом единым», его очерковые

произведения публиковались в коллективных сборниках, выходявших в свет в разные годы, «Летописцы», «Сыктывкар и сыктывкарцы», «Профессор Худяев», «Соратники» и других. Он родился во Владивостоке в 1949 году, после службы в армии, окончил филологический факультет Коми Государственного педагогического института, работал в школе. В 1972 году в качестве литературного сотрудника был приглашён на работу в Сыктывдинскую районную газету «За коммунизм», затем трудился в областных газетах «Молодёжь Севера» и «Красное знамя».

Вот что о новой книге Александра Сугорова и о нём самом написал в своей статье «Зло вселенной – война, слезами полна» народный писатель Чувашской Республики Денис Гордеев: «Он, будучи учеником девятого класса средней школы, принёс в редакцию районной газеты «Знамя Октября» первую заметку. Впоследствии он стал своим человеком в журналистской среде. Я в те годы работал ответственным секретарём редакции, каждую заметку Александра внимательно читал, подсказывал ему, как строить информации, репортажи, статьи, очерки. Потом паренёк исчез и появился только через несколько лет. Мы с ним встретились в Чебоксарах, Сугоров с гордостью показал мне удостоверение сотрудника областной молодёжной газеты. Наша беседа за столиком в ресторане затянулась, нам было, что сказать друг другу. После этой встречи я написал повесть «Чужая кровь», которая была опубликована в журнале «Родная Волга». Повесть имела читательский успех. Главным героем литературного произведения стал Александр Сугоров. В последующем, если он приезжал в Чувашию, то обязательно мне звонил. В конце 2008 года он меня удивил, подарив сразу три увесистые хорошо изданные книги, автором которых являлся: «Живи с добром в сердце», «Хранители зелёного золота», «Не хлебом единым». А ещё показал рукопись четвёртой «Земля на всех одна». Прочитал рукопись, как говорится, от корки до корки с большим удовольствием. Скажу по-отечески: спасибо тебе, Александр Борисович, что ты помнишь о подвиге наших отцов и матерей, и своим литературным талантом дал новое звучание недалёкому, но самому громкому и горестному событию двадцатого века – Великой Отечественной войне. Книга «Земля на всех одна» – ещё одна важная и нужная страница в сокровищницу подвига нашего народа».

Когда-то Александр Сугоров стал прототипом главного героя повести своего земляка писателя. А нынче сам разнопланово и захватывающе «вывел в люди» на страницах своей книги «Земля на всех одна» уже своих литературных героев «простых тружеников войны» Агнию Белых («У войны не женское лицо»), красноармейца Николая Выборова («В Кирилл лун началась война»), старшего сержанта Григория Михайлова («Солдатами не рождаются»), сержанта Потапия Выборова («Вместо учёбы – фронт») и многих, многих других незаметных вершителей великой Победы.

Сборник очерков отличает простой повествовательный язык. Размеренная, неброская, казалось бы, авторская речь, доносит до читателя трагические страницы истории нашего государства так ярко и выразительно, что эти самые простые слова берут за душу и уже никогда не забываются («Медаль «За отвагу»):

«После недельного отдыха наша батарея двинулась вперёд, на Украину. И опять началась череда непрерывных, кровопролитных, драматических боёв и трудных передвижений.

Украина встретила нас запахами пепелищ, трупным смрадом, крупными следами фашистских зверств. Трудно было смотреть в освобождённых сёлах на печальные лица стариков, детей, женщин. И ещё тяжелее слушать их рассказы о зверствах фашистов. Отступая, гитлеровцы жгли дома, угоняли стада, зачастую в спешке уничтожая коров и

лошадей. На полях и вдоль обочин мы часто видели трупы животных с огромными вздувшимися животами.

Оккупантов проклинали все, без исключения...»

Завершает интересную и очень живо написанную книгу очерков Александра Сугорова «Земля на всех одна» нетленный отрывок из поэмы Роберта Рождественского «Реквием»:

*Если молнии в тучах заплещут жарко
И огромное небо
От грома оглохнет,
Если крикнут
Все люди земного шара, -
Ни один из погибших
Даже не вздрогнет.*

Замечательный русский писатель И.С. Тургенев отмечал: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без неё не может обойтись». И данная книга тому подтверждение, именно эту сакраментальную мысль на её страницах и доказывает автор на протяжении всего повествования. Люди разных национальностей и вероисповедания в суровые годы войны стеною встали на защиту Отечества. Не всем было суждено вернуться с поля боя. Выжившие в аду XX века не сломились, подняли из руин сёла и города, вырастили детей, которым жить в современной России дальше.

Сборник лучшей прозы повестей и рассказов **Алексея Ивлева «Пророк»**, вышедший в свет в 2009 году в издательстве «Полиграф-Сервис», возьму на себя смелость назвать этапным в творчестве этого ставшего маститым писателя. В него вошли повести «Без нас спокойнее на свете», «Пророк», «Страницы, не вошедшие в отчёты» и рассказы «Первая экспедиция», «Африка», Новогодние рассказы и «Толя».

О его повестях «Без нас спокойнее на свете», «Пророк», а также цикле рассказов – повести, посвящённой геологической практике автора, «Страницы, не вошедшие в отчёты» я уже неоднократно писал. Они интересны и необычны своей новизной для литературного процесса нашей республики, а исполнены в жанре политического детектива и дневниковых записей геолога-бродяги. Поэтому большее внимание уделю рассказам.

Цикл Новогодних рассказов составили три повествования «Сказка», «Дед Мороз пошёл косяком» и «Новогодняя встреча». Рассказ сказка написан с доброй улыбкой старого волшебника, создающего свой призрачный сказочный мир для детей, о двух сестрах. Разных по возрасту разных по восприятию окружающего мира. Одна из них серит в Деда Мороза, вторая чуть старше – нет. Писатель в этом рассказе как бы сталкивает два миропонимания оптимизма и пессимизма, в результате чего выигрывает позитивное, волшебное восприятие новогоднего праздника. Обе сестры получают подарок от Деда Мороза именно тот, о котором тайно мечтали.

Следующий рассказ цикла «Дед Мороз пошёл косяком». В нём за основу взята анекдотичная история, когда верящего в новогоднюю сказку ребёнка за один предновогодний вечер в общежитии поздравляют аж три бригады Дедов Морозов и Снегурочек от разных организаций. Причём комизм ситуации заключается ещё и в том, что это происходит неожиданно и для родителей, ведь морозный старик с внучкой должны были прийти только от их работы.

Именно в стиле добрых рождественских историй написана потрясающая новелла, заключающая цикл «Новогодняя встреча». Она о памяти людской, о человеческой любви к родителям, самым близким людям. Стоило главному персонажу съездить под новый год

в Коломенское и в одном из старинных деревянных храме затеплить свечу в память об ушедшем отце, как тот пришёл к нему в сон и поговорил о жизни, о не виденном никогда внуке, снова спаяв своим незримым присутствием оставленную после смерти семью.

Тонко выписан в рассказе «Толя», венчающем прозаический сборник, психологизм поведения маленького человека, искренне познающего окружающий мир. Его глазами мы видим взрослых, их поведение и поступки. Такой неординарный писательский взгляд на мир «больших вещей» открывает читателю нашу жизнь с совершенно порой неизвестной ему стороны, маленького человека.

Тонкий лирик в поэзии Алексей Иевлев не устаёт удивлять читателей многоплановостью и многожанровостью своего литературного творчества. Он зрелый писатель со своей позицией и своим видением, со своим писательским стилем и авторским свойственным только ему почерком.

«Поистине это душеспасительная епитимья, – отмечал в своё время Уильям Сомерсет Моэм, – размышлять об огромном количестве книг, вышедших в свет, о сладостных надеждах, которые возлагают на них авторы, и о судьбе, ожидающей эти книги. Много ли шансов отдельной книге пробить себе дорогу в этой сутолоке? А если ей даже суждён успех, то ведь не надолго. Один бог знает, какие страдания перенёс автор, какой горький опыт остался у него за плечами, какие сердечные боли терзали его, и всё лишь для того, чтобы его книга часок-другой поразвлекла случайного читателя или помогла ему разогнать дорожную скуку. А ведь, если судить по рецензиям, многие из этих книг превосходно написаны, авторами вложено в них немало мыслей, а некоторые – плод неустанного труда целой жизни. Из всего этого я делаю вывод, что удовлетворения писатель должен искать только в самой работе и в освобождении от груза своих мыслей, оставаясь равнодушным ко всему приходящему – к хуле и хвале, к успеху и провалу». **Книга повестей Альберта Бернштейна «Портупей-прапорщик из Алгасова» и «Урок длиною в год»** – плод долгих бессонных ночей писателя, история семьи, сокровищница его чувств и мыслей даруемая им тебе, читатель.

Вообще, бытоописательная проза в своей традиции в русской литературе уходит корнями в конец восемнадцатого века и полна именами классиков и авторов уже подзабытых любителями филологии, но, тем не менее, продолжающих интересовать своими «семейно-портретными» романами сердца и души образованных, интеллигентных читателей. Не стоит, правда, обольщаться тем, что в современном мире высоких скоростей и нанотехнологий эта во всех отношениях качественная, вдумчивая, «медленная» проза широко востребована, однако и списывать её с «витражей» нынешнего литературного процесса, как мне кажется, пока ещё рановато.

Тем эта проза, обретающая на современном этапе своего развития разнообразные, будь то детективные, фэнтези, другие остросюжетные, литературные формы, и интересна, что история одной отдельно взятой писателем семьи зачастую, так накрепко переплетается с судьбами стран и народов, что становится не просто произведением эпическим, а историческим срезом, калкой описываемого автором времени. Именно такими, на мой взгляд, вышли из-под пера автора и получились повести известного в Республике Коми и за её пределами литератора Альберта Бернштейна повести «Портупей-прапорщик из Алгасова» (публиковалась в литературном альманахе «Сыктывкар») и «Урок длиною в год» (публиковалась в сборнике «Земляки мои, северяне»).

Мне доводилось уже не раз анализировать творчество Альберта Бернштейна, писать о его нескольких книгах художественных очерков. Но эта, которую мне посчастливилось прочитать в рукописи особенная. В ней автор раскрылся с неизвестной мне доселе

стороны тонкого, лиричного прозаика, не журналиста-очеркиста, а истинного писателя, ценителя и популяризатора великого русского слова. Редко на излёте жизни истинный талант литератора даёт такой эмоциональный всплеск, когда каждое написанное слово, как говорится, ко двору. «Сила и красота, – заметил однажды Демокрит, – суть блага юности, преимущество же старости – расцвет рассудительности». Так, каждое слово деда в сказке о портупее-прапорщике несёт такую смысловую нагрузку, что начинаешь вдумываться, и просто оторопь берёт от той силы, что в этих самых простых на первый взгляд словах заложена.

Повесть «Портупей-прапорщик из Алгасова» – это песнь четырём малым родинам писателя. С величайшей любовью Альберт Бернштейн повествует в ней о станции с многоговорящим названием Л. Толстой (бывшее село Астапово), где он родился, о селе Алгасово на Тамбовщине, где провёл детские годы, о легендарном Бердичеве, и, конечно же, о приполярной Воркуте, городе, в котором прошли самые значимые, зрелые годы жизни писателя. Для Бернштейна это не просто географические населённые пункты – это целые куски жизни его самого, его семьи, его страны, его литературных героев. Причём, мастерство автора позволяет ему в работе над произведениями художественно возвыситься над документальностью материала обеих («Портупей-прапорщик из Алгасова», «Урок длиною в год») повестей.

Речь персонажей в повести «Портупей-прапорщик из Алгасова» сугубо персонафицирована, что говорит о незаурядном профессионализме автора и доскональном знании им предмета и ситуаций описания. Встречаются в ней и старинные русские словечки, и гремучая смесь украинско-русско-еврейской речи, что, несомненно, лексически значительно обогащает текст произведения. Отсюда и замечательные диалоги между героями его прозы:

«- Ты откуда сейчас? – спросила она.

Я объяснил.

- Ты что, пёхом пришёл? Как приехал-то? На мотоцикле? - допытывалась она.

- На машине, - отвечаю.

- А машина где?

- Вон стоит, - показал я.

Она выглянула в ту сторону.

- Дак у тебя была белая, а это зелёная...»

Отдельное место в повести занимает сама сказка о Портупее-прапорщике, женившемся на заморской принцессе. Видимо, пришедшая в русский сказочный изустный фольклор из петровских времён. Рассказывает её детям дед, причём поступает так хитро, деля весь текст на «серии», останавливаясь на самых интересных местах, чтобы дети вовремя засыпали и на следующий день ждали продолжения неведомого действия. И не понятно всё ли старик рассказывает так, как было в сказке изначально, или сам добавляет в неё своё виденье волшебного и человеческого мира, не понятно. Да и не важно тут понимание этого момента, важно, на мой взгляд, просто прочесть эту пересказанную дедом сказку и проникнуться её простыми жизненной философией истинами.

В повести практически не встречается длинных, подробных описаний природы, что удачно не загромождает текст. А там где они за редким исключением встречаются, совершенно не навязчивы, зато дают полное представление о том месте, где происходит описываемая сцена. Главное место в текстовой ткани произведения занимают люди, вот тут писатель Альберт Бернштейн красок не жалеет. Благодаря чему перед читателем

встают в полный рост герои его повести, их можно живо представить, словно ты смотришь хорошую постановку в провинциальном, лишённом столичного выпендрёжа, театре.

Главный персонаж произведения, от лица которого и ведётся повествование, от начала и до конца повести проходит вместе с нами практически все этапы своей насыщенной событиями жизни. От самого своего рождения в Астапово и до самого расцвета жизненных и творческих сил в Воркуте. И вот уже немудрёную, но с исконной житейской философией сказку о портупее-прапорщике своему внуку рассказывает уже он сам. Вот и: «Идёт Портупей Прапорщик из века восемнадцатого в двадцатый, перешагнёт и в двадцать первый. И вместе с ним протягивается тонкая связующая нить от прежних поколений к тем поколениям, которые придут после нас. Только не порвалась бы эта ниточка, только не порвалась бы...»

Если, подводя итог анализу повести Альберта Бернштейна «Портупей-прапорщик из Алгасова» задать вопрос: «Так всё-таки, о чём она?», уместно, думаю, будет процитировать Гегеля: «Добродетель стала искусством, которому должно и можно выучиться, но судьба которого при этом оказалась странной: в то время как остальные искусства были усовершенствованы и одно поколение училось у другого, одна только нравственность заметным образом не умножилась, и получается так, что здесь каждый вынужден учиться заново и не может использовать опыт предшествующих поколений».

Обе повести и «Портупей-прапорщик из Алгасова», и «Урок длиною в год» полны лиризма, любви. Любви к дорогим сердцу местам, к родным, к любимой женщине. А это значит, Альберт Бернштейн не может не писать помимо прозы и стихи. И он их пишет. Я говорю об этом потому, что читал и слышал их. Свой небольшой поэтический сборник «На рубеже веков» автор открывает таким вступлением:

*А я, пургою обожжённый,
Живу теперь в другом краю.
Стихи душою обнажённой
Пишу и сам себе пою.*

Стихи Бернштейна поразили меня глубоким философским наполнением. Особенно его романы, в которых в нескольких четверостишиях вмещается всё сразу – любовь, грусть, размышления о жизни и смерти. После вдумчивого прочтения романсов, становится ясно, что поэзия и проза в литературном творчестве Альберта Бернштейна взаимно проникают друг в друга, словно подпитываясь лиризмом из неиссякаемых источников авторской влюблённости в жизнь. Такое взаимное проникновение рождает свою, только этому писателю присущую философию жизни. Это самое философское понимание естественного течения жизни позволяет автору повестей «Портупей-прапорщик из Алгасова» и «Урок длиною в год» быть одновременно и внутри описываемых им событий и глубоким аналитиком, наблюдающим эти события со стороны.

Итак, коль уж в повести «Портупей-прапорщик из Алгасова» повествование автором ведётся в спокойном, почти былинном стиле народного сказителя, то рассказ об одном прожитом годе простой воркутинской учительницей Аллой Георгиевной («Урок длиною в год») выстроен на едином нерве, борьбы за жизнь. Именно в этот год Алла Георгиевна пережила не одно, а целых два своеобразных рождения. Первое чисто в физическом плане, перенесла сложнейшую операцию, а второе в плане профессиональном. Никогда ранее она не вела уроков в классе, попавшем ей под классное руководство сразу же из начального звена. С настоящей любовью автором выведен образ этой по-своему очень мужественной и умной женщины. Со знанием дела (на уровне «Педагогической поэмы» Макаренко) показан школьный «производственный» процесс. Трогательно изображена её

борьба за ум, душу и сердце «маленького отщепенца» в, казалось бы, таком дружном и во всех начинаниях передовом классном коллективе, Саши Гинкина. А ведь ещё Аристотель сказал, что: «Учителя, которым дети обязаны воспитанием, почтеннее, чем родители, которым дети обязаны лишь рождением: одни дарят нам только жизнь, а другие – добрую жизнь». Кто кого учит жизни – педагог своих питомцев или они его? Конечно, это процесс взаимный.

Повесть «Урок длиною в год» Альбертом Бернштейном была написана достаточно давно, исполнена она по всем канонам созданного Максимом Горьким соцреализма. Она уже издавалась, причём ни где-нибудь, а в одном из московских издательств. Писатель намеренно не стал осовременивать своё произведение и, на мой взгляд, поступил совершенно правильно. Лично мне повесть интересна именно в таком виде, без современных кошмаров и «ужасиков» нынешней школы, коими полны, как «молодёжные» сериалы, так и Интернет. Главное в ней не погоня за «закрученным» сюжетом и описанием гнусностей детской наркомании и мерзостей педофилии, с одной лишь целью как можно жёстче, пусть одновременно, «пощекотать» нервы нынешнему обывателю, а портретные зарисовки личностей учеников и педагога, с целью запечатлеть их как можно реалистичней и сохранить для потомков на века. В чём, можно с полной уверенностью заявить, автор представленных на суд читателей повестей «Портупей-прапорщик из Алгасова» и «Урок длиною в год» достаточно преуспел. Писателя Альберта Бернштейна с полной уверенностью можно назвать мастером семейного портрета.

Находясь на двойном изломе своей, казалось бы, давно устоявшейся жизни, Алла Георгиевна мысленно восклицает: «Как жаль, что я не вела дневник, - в который раз с огорчением думала она, - как жаль». И эта дневниковость записей, вернее памяти жизни, тех моментов её, на коих она жидется, бьёт, что называется в самую точку. Ведь одной из основных мыслей обеих повестей Бернштейна и «Портупей-прапорщик из Алгасова», и «Урок длиною в год», является ощущение тех боли и страха предчувствия воспоминаний общих моментов с близкими людьми, когда их уже не будет на этом свете.

А закончить мне свои мысли о повестях Альберта Бернштейна «Портупей-прапорщик из Алгасова» и «Урок длиною в год» хочется словами немецкого писателя Томаса Манна, которые, на мой взгляд, как нельзя лучше передают суть творчества автора этой книги: «Мы восхищаемся искусством, когда оно умеет говорить языком жизни. Но нас ещё больше захватывает жизнь, когда она, сама того не зная, говорит языком подлинного искусства».

В ОАО «Дом печати – ВЯТКА» увидел свет в 2009 году роман Григория Спичака **«Цитала. Украденный посох»**. Книга вышла пятитысячным тиражом. Главная мысль, она выведена на обложку издания, над которой автор искренне задумывается в романе звучит примерно так: «Из других миров к нам ходят много и часто, и это знают все. Но, кажется, у нас появились парни, научившиеся ходить *ТУДА* и возвращаться...».

Повествование в романе ведётся от первого лица и даёт намёк на некую автобиографичность произведения, что было свойственно почти всей предыдущей прозе писателя. Так случилось, что мы со Спичаком земляки, и многие описываемые географические места в романе мне знакомы. Читается он легко, несмотря на некоторую экзотичность взятой темы и выводов, которые делает автор.

Григорий Спичак – член Союза писателей России, автор трёх сборников рассказов, сборника стихов, сборника афоризмов и миниатюр. Его произведения публиковались во многих российских и республиканских литературных альманахах и сборниках.

Герой романа «Цитала. Украденный посох» ставит со своим другом Рудольфом Киком чудовищные эксперименты над собой и своим мозгом. Они ищут «сверхсознание», но странным образом находят коридоры во времени и между мирами. Это и есть ЦИТАЛА... Россия в это время проводит не менее чудовищные эксперименты над собой, но только что она ищет, долгие годы не знает ни её элита, ни её службы безопасности, ни её народ. Разными путями экспериментаторы находят Бога. Но Бог теперь спрашивает за смерть пророков и за период блужданий. Именно об этом роман Г. Спичака «Цитала. Украденный посох».

Вот что написали о романе Анна Бендюжик и Сергей Федотов в своей статье «Роман Г. Спичака «Цитала: возвращение к прочитанному»: «Язык простой и понятный – как будто едем с попутчиком в поезде, и он потихоньку под стук колёс раскладывает свою жизнь. И вместе с тем ловко обыгранные слова, яркие метафоры делают повествование лёгким и запоминающимся, несмотря на обилие слоёв, плоскостей, измерений. Цитала. Яркое, многообразное, насыщенное, глубокое действо с ходами и выходами в разные двери истории, литературы. Психологии – каждый найдёт свой выход, свой путь и свои ответы...»

Бывает так, что идёшь одной дорогой с единомышленником, другом по литературному творчеству и не замечаешь этого и лишь, когда вдруг ощущаешь, что рядом этого человека нет, он отстал, или опередил тебя, или ушёл куда-то в сторону только своих чувств и мыслей, начинаешь испытывать чувство родственное тоске, непониманию. А через много лет вдруг снова сталкиваешься с этим человеком и уже решаешь для себя, что вот сейчас-то уже никогда не выпустишь его из своего поля зрения.

Так произошло в моей творческой судьбе с замечательной писательницей **Еленой Киселёвой**. Она публиковала свои первые рассказы в литературном альманахе «Сыктывкар», который в те времена начала девяностых годов прошлого века тоже делал свои первые шаги. И вот я с душевным трепетом держу в руках её исторический роман «Тропинки Сухарского леса», действие которого разворачивается в 20-х годах XX века, в его центре фигура легендарного карпатского «Робин Гуда» Николая Шугая, его трудная жизнь, любовь и смерть. Книга вышла в издательстве «Эском», и прочитал я её, как говорится, на одном дыхании. Так захватил сюжет, так понравился стиль авторской речи, захватили многоплановость описываемых исторических событий и конкретных людских судеб. Само название произведения «Тропинки Сухарского леса» роднит главного героя с его историческим собратом, жившим много веков назад в лесу Шервудском.

Откровенно порадовало меня то, что тот лиризм, свойственный ранней прозе писательницы Елены Киселёвой, никуда не ушёл, а развернулся в романе с ещё большей откровенностью и притягательностью. От чего текст романа читается легко, без внутреннего напряжения, хотя события, описываемые в нём, как раз бы и должны угнетать читателя своей печальностью, а иногда и трагизмом.

Действие романа «Тропинки Сухарского леса» происходит в двадцатые годы на территории нынешней Закарпатской области. Область лежит на юго-западе Украины и граничит с такими государствами, как Польша, Словакия, Румыния, Венгрия. Здесь живут украинцы, русские, венгры, чехи, словаки, немцы. Отчасти поэтому язык местного населения своеобразен. До сих пор здесь используются исконно старославянские слова: живот (в значении жизнь), перст, чело, очи, погань и другие, но встречаются и иностранные – фертиг, анцуг, шпацир и тому подобные. И автор филигранно пользуется в канве романа всей этой многослойной лексикой.

Главный герой многопланового повествования – молодой крестьянин Никола Шугай. Это историческое лицо. Дезертировав из Австро-Венгерской армии, он оказался вне закона. Елена Киселёва сумела тонко передать личные переживания персонажа своего романа, психологизм его последующих поступков. Многие повествовательные задачи она решает через диалоги действующих лиц, вкладывая порой в уста героев авторскую позицию.

Сложное это было время – уже бродил по Европе «призрак коммунизма», а люди тяжело переживали последствия Первой мировой войны, распад великой Австро-Венгерской империи, в составе которой долгое время жили. Когда-то в юности я зачитывался романом Стаднюка «Опрышки и Кармелюк», подобно чувству романтики того времени испытал читая «Тропинки Сухарского леса». Писательница сумела передать дух, самую суть той сложной эпохи перемен. Вот и Николай Шугай следует собственным представлениям о справедливой жизни. Он воспитан на народных легендах о народных мстителях, опрысках, и сам готов действовать их методами.

Елена Васильевна Киселёва (Репинска) родилась в Закарпатской области. Там же окончила среднюю школу. На Севере живёт с 1972 года. Окончила филологический факультет Коми государственного пединститута. Работала пионервожатой, директором Дома культуры, администратором на республиканском телевидении, инструктором отдела по связям с общественностью Сыктывкарской городской администрации. Её проза печаталась на страницах газет и журналов, выходила в коллективных сборниках «Авария» и «На изломе». Была редактором газеты «Украинский вестник» (на украинском языке), издававшейся Украинской национальной автономией в Коми. Её авторские передачи на литературные темы звучали на республиканском радио.

С выходом в свет с печатных станков романа «Тропинки Сухарского леса» можно с полной уверенностью сказать, что когорта известных русских писательниц нашей республики (Тамара Ломбина, Елена Габова (Столповская), Марина Плеханова) пополнилась ещё одним именем замечательной русской писательницы – Елена Киселёва (Репинска). Её роман стал несомненным украшением женской прозы региона и заметным явлением в литературном процессе Республики Коми.

Как будто именно об этих книгах прозы А. Сугорова, А. Иевлева, А. Бернштейна, Г. Спичака, Е. Киселёвой и написал почти двадцать лет назад Г. Юшков: «Болью ли, тревогой ли, правотой ли – читатель должен быть задет за живое. Писатель не имеет права ублажать читателя, подсовывать ему чтиво. Образно говоря, писатель должен быть уже на той стороне ручья от читателя, а не после него, по готовому мостику туда переходить. Это верно и по отношению к историческому произведению, которое тоже должно нести новое. А чтобы быть за ручьём первым, надо дерзать, рисковать». Остаётся только воскликнуть: «Как, несомненно, прав классик!»

АЛЬМАНАХИ, ЖУРНАЛЫ, СБОРНИКИ

Ежегодный литературный альманах «Сыктывкар» отметил в 2009 году свой десятилетний юбилей. С каждым годом это издание имеет всё большее влияние на процессы развития литературного процесса в нашем северном регионе. На этот раз около восьмидесяти русских и коми (в переводах) писателей представили в сборнике свои произведения.

Прозу опубликовали Андр. Попов (рассказ «Как я стал рядовым запаса»), Г. Спичак (рассказ «Глаза человека»), Т. Ломбина (рассказ «Мёртвая невеста»), А. Ульянов

(рассказ «Было бабье лето»), А. Бернштейн (повесть «Портупей-прапорщик из Алгасова»), Л. Галоян (рассказ «Тепло родного очага»), И. Белых (рассказ «Восточная дорога» в переводе с коми Г. Марковой, А. Канева), Е. Суворов (повесть «Сердце сжималось от боли»), Н. Терентьев (рассказ «И помахал мне лапой на прощанье»), А. Парначёв (рассказ «О недоварившихся носках и ещё кое о чём»), Т. Курочкина (рассказ «Доброта»), В. Мальцев (рассказ «Человек родился!» в переводе с коми А. Канева), В. Гринер (повесть «Знойное лето 54-го»), В. Лычковский (рассказ «Как Егор Николаевич в плен попал»), дебютировал с рассказом «Степаныч» поэт и бард А. Вотяков.

Из этого прозаического и авторского разнообразия мне особенно хотелось бы выделить рассказ Александра Ульянова «Бабье лето» и повесть Евгения Суворова «Сердце сжималось от боли». Оба эти произведения написаны по канонам традиционного реализма, с тонко выписанным психологизмом действующих лиц, яркими описаниями природы и быта простого человека, живущего на земле. Рассказы Н. Терентьева и А. Парначёва исполнены в русской традиции, берущей свои истоки из произведений Тургенева и Пришвина, охотничьего хожалого рассказа, они интересны местным северным колоритом. Более подробно о повести Альберта Бернштейна написано в той части статьи, которая посвящена выходу в свет его книг повестей.

Жанр художественного очерка в литературном альманахе «Сыктывкар» представлен именами С. Журавлёва (очерк ««Ветер времени отсеет сор от зёрен...» или об авторе негромких песен о стороне озёр лебединых», посвящён истории жизни и творчества Василия Журавлёва-Печорского), В. Охапкина (очерк «Записки учителя», посвящен мыслям и взглядам на спортивную педагогику заслуженного работника Республики Коми), И. Величко (очерк «Фиалки с Монмартра», посвящён жизни и актёрской деятельности замечательной артистической семьи Эрнста Васильевича и Юлии Анатольевны Вербиных), В. Злобина (очерк «Незримая рука ваша...» о родителях-воркутинцах). Каждый из представленных очерков по-своему интересен силой и величиной описанных авторами личностей, сыгравших каждый в своей мере значительную роль в истории нашей республики.

Примечателен выход в свет десятого сборника ещё и тем, что на его страницах опубликовали свои творческие отчёты такие литературные объединения как «У камелька», руководитель Л. Ханаева (поэзия: Л. Ханаева, Л. Чебыкина, И. Худолеев, Н. Зонова, О. Рочев, М. Прилуцкая, Е. Филиппенко; проза: Е. Суворов, А. Вотяков), лито СГУ, руководитель Андр. Попов (поэзия: В. Устюгов, Е. Кепплин, А. Паршукова, М. Самарин; проза: А. Селяков, Т. Ривчак, К. Костромина), лито при еженедельнике «НЭП», руководитель Е. Карпов (поэзия: Е. Карпов, Э. Фейзуллаева, Т. Пашинская, Н. Бывалина), лито «ЛИСТ» НКЦ СГПК им. И.А. Куратова, руководитель А. Канев (поэзия: А. Беляевой, Ю. Коначова, Л. Шлычковой, В. Александрова, В. Бажуковой; обзор: А. Канев «Русская литература Республики Коми в 2008 году»).

Впервые опубликовали свои произведения в сборнике сыктывкарских литераторов, и успешно, на мой взгляд, дебютировали Мария Кочедыкова со сказкой «В волшебном лесу» и Екатерина Изюмская со своей побасенкой «О Тришечке». И Кочедыкова и Изюмская в своих произведениях вводят читателя в исконно свой фантастический, волшебный мир современной сказки, написанной в стиле близком фэнтези. Они интересны как новизной повествовательной формы, так и сюжетной необычностью.

Поэтический блок в альманахе «Сыктывкар», как всегда занял своё достойное место на его страницах. Открывается сборник стихами двух корифеев поэзии народных поэтов республики Надежды Мирошниченко («На 300-летие Сибирской губернии», «А где-

то здесь я обронила слово...», «Это не стихи, когда – стихи...») и Владимира Тимина («Если в ширь дорога вечна...», «Жить учил я отца – лез из кожи...», «Не без юмора» в переводе с коми Александра Суворова и Андрея Попова). Строки Н. Мирошниченко явились своеобразным эпиграфом ко всему творчеству российских литераторов, в том числе и авторов, опубликованных в «Сыктывкаре»:

Это не стихи, когда – стихи.
А стихи, когда твоя страна
В рост встаёт на краешке строки.
И теряет выправку война.
Это не стихи, когда – стихи.
А стихи, когда на сердце боль
Так изводит душу за грехи,
Что писать, иль вешаться изволь...

Москвич Владимир Силкин, замечательный русский поэт и большой друг авторов из нашего северного региона страны, тоже опубликовал свою подборку стихов в нашем столичном альманахе («Скоро, скоро заметёт...», «Занедужил декабрь, занедужил...», «Встал, а осень под окном...»). Его стихи полны верой в будущее, любви и патриотизма, тонкого чувства природы и яркого психологизма человеческих взаимоотношений. А ещё только своё «стило» правит бал в его поэтических произведениях. Творчество Владимира Силкина богато разнотемьем, оно многопланово и многослойно, его стихотворное слово на протяжении многих лет является одним из самых звонких, значимых и весомых в современном литературном процессе России. Творчество этого поэта родственно моему, одной из тем, тема войны, которую мы оба знаем не понаслышке, одна из болезненных «горячих точек» поэзии Владимира Силкина:

Выходили из огня,
Выходили на «растяжки».
Друг в горах спасал меня,
Друг поил меня из фляжки.
Не спасла его броня,
Не помог житейский опыт...
Долго ж целится в меня,
Хмурый снайпер из окопа.

Ещё со стихами выступили в альманахе питерский поэт О. Чупров, приднестровские поэты В. Ткачёв, Р. Кожухаров, С. Чернолев, воркутинцы В. Максимов, А. Бобров, а так же А. Некрасов, В. Подлuzский, Ю. Ионов, А. Ельцова, В. Вьюхин, Н. Герасимов, А. Клейн, А. Карпов, М. Кузьмина, В. Олофинский, А. Лобанов, М. Курочкин, В. Демидов, Е. Горчаков, А. Иевлев, С. Соколов, А. Суворов, С. Кокорин, Н. Обрезкова и В. Цивунин. Стихи несколько лет назад ушедшего из жизни Анатолия Илларионова хранились в архивном портфеле альманаха «Сыктывкар» и ранее ещё нигде не публиковались.

Прискорбно и больно, когда уходят из жизни твои друзья-товарищи по литературному цеху. Так уж получилось, что не смогли увидеть и поддержать в руках новый десятый юбилейный номер, порадоваться публикации давнишние и верные «однополчане» нашего совестного издания Александр Николаевич Парначёв, Александр (Рафаил) Соломонович Клейн («Кого ни вспомню, нет давно...», «Обед готов...») и член редколлегии «Сыктывкара» Виктор Иванович Демидов («Вездеход в тундре», «Подснежник»). Нет таких слов, чтобы выразить боль утраты. Мы их не забудем.

Литературный процесс нашей республики в лице Виктора Демидова потерял не только замечательного поэта и прозаика, но и его постоянного «организатора». Работая в республиканской газете «Красное знамя», (прошу не путать с «КРАСНОЕ ЗНАМЯ севера») он вёл в этом издании «Литературную страницу», в которой публиковал все литературные новинки, знакомя с ними многотысячную читательскую аудиторию. Смею надеяться, что у руководства и коллектива редакции «Красного знамени» хватит прозорливости не «поручить» продолжение сего важного дела бесталанному и обладающему совершеннейшей литературной безвкусицей Валерию Туркину, так мешавшему жить В.И. Демидову, так равняемому на этот «общественный литературный пост» ведущего вышеозначенной полосы.

Альманах «Литературный Кисловодск», можно сказать, совершенно случайно попал ко мне в руки, к сожалению, такова участь многих региональных изданий в России, которые известны по большому счёту только в республике, крае, области их издания. Его 35-й номер увидел свет в сентябре 2009 года в Северо-Кавказском издательстве «МИП» и был посвящён 195-летию со дня рождения гениального и любимого многими русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова.

География поэтов и писателей наполнена представителями таких городов России, как Москва, Санкт-Петербург, Челябинск, Новокуйбышевск, Магадан, Тольятти, Астрахань, Таганрог, Ростов-на-Дону, разумеется, в основном же прозаические и поэтические произведения опубликовали в нём писатели Пятигорска, Кисловодска, Ставрополя, Ессентуков, Будёновска. Присутствуют в книге стихи и зарубежных авторов (Франция, Израиль). Таким образом, альманах знакомит читателей с интереснейшей литературной палитрой произведений творческой интеллигенции Кавминвод, Ставрополя, России и зарубежья, принимая на себя смелость, претендовать на роль не регионального, а общероссийского издания. Координатором этого проекта является русский поэт Станислав Подольский.

Приятно удивило меня то, что на страницах издания увидели свет произведения и наших республиканских авторов из Ухты Геннадия Трофимова и Анатолия Плякина.

Поэтическую подборку Геннадия Трофимова «Слова на камне» составили пять стихотворений (Чтобы не была сажа бела или «на дорожку», Костерок, Запредельность уводит друзей..., Хлопя снежные на землю сырую..., Всё, что мог сказать, уже сказали...). Поэзия этого автора пронизана светом веры и дружбу между людьми, связанными своей судьбой с геологией. В них вечная тяга в дорогу:

Не сидится мне, не сидится.

Что-то гонит вперёд и вперёд.

А в руках задремала синица.

А по небу журавль плывёт.

Уже давно известно, что одна из самых романтических профессий – геология, напрямую связана с литературным творчеством (самый яркий представитель этого направления, на мой взгляд, Юрий Визбор). Отдаёт дань этой тенденции в литературном процессе и Геннадий Трофимов:

Камни я держу на книжных полках,

Но потуг своих не прерывал –

Отыскать на каменных осколках

Самые нетленные слова.

Творчество Анатолия Плякина в альманахе «Литературный Кисловодск» представлено как прозой, так и поэзией. Он представил на суд читателя два небольших рас-

сказа «Рыбаки ловили рыбу...» и «Фото на память...». В первом рассказе описывается анекдотичный случай, приключившийся с несколькими друзьями геологами на рыбалке. В нём Плякин раскрывается как автор, тонко понимающий и чувствующий природу: «Дело было на одной из рек, впадающих в Баренцево море. Стояла солнечная осенняя погода. Ночами уже появились лёгкие заморозки, а пожелтевшая тундра местами сохраняла пятнышки выпавшего за ночь снега...».

Второй рассказ я бы охарактеризовал как философски-политическое эссе. В нём автор, любитель фотографии вспоминает, как дважды лишился на некоторое время своего фотоаппарата и фотоплёнки, которые изымали в разные периоды прошлого века представители власти Советского Союза и Гвинеи. Необоснованно обвиняя его в попытке шпионажа. В конце рассказа писатель заключает: «Разные страны, разное время, а результат один...».

Стихотворение Анатолия Плякина «Северные приметы», на мой взгляд, является гимном неброской северной природе, признанием ей в любви:

Седые пряди на берёзе –
Настала осень.
А если листья облетели –
Грядут метели.
Коль в полдень наступает тьма –
Пришла зима...

При прочтении альманахов «Литературный Кисловодск» принёс мне массу приятных впечатлений, опубликованная в нём литература интересна и высококачественна, и что мне особенно понравилось: без скидок на заявленную в названии провинциальность издания.

Порядка тридцати сыктывкарских и эжвинских авторов объединил в 2009 году под своей крышей **литературный альманах «У камелька»**. Откровенно радуется то, что, несмотря на все трудности, это литературное издание продолжает быть ежегодным. Возглавляет редколлегию журнала «У камелька» литератор Людмила Ханаева. Восьмой номер альманаха несколько отличается, на мой взгляд, от предыдущих большим профессионализмом и жёсткостью отбора публикуемых материалов, что позволяет говорить о несомненном творческом росте не только авторов эжвинского литературного объединения, но и членов редакционной коллегии. В которую помимо самой Ханаевой вошли ещё М. Прилуцкая, Л. Чебыкина и редактор коми текстов М. Удоратина.

Традиционно в альманахе «У камелька» присутствуют наряду с рассказами и стихами литературоведческие статьи, посвящённые авторскому коллективу издания. В восьмом выпуске это работы А. Канева («О поэзии и прозе авторов «У камелька»»), Р. Куклиной («Исповедь до дна...») и А. Карпова («Не забывай, когда душа светла»). В этих работах даётся профессиональный литературоведческий разбор поэзии и прозы «камельковцев», говорится о тех тенденциях современной русской «провинциальной литературы», которые ярко отражаются в произведениях эжвинских авторов.

Блок прозы представлен в сборнике рассказами и эссе четверых писателей. Это Екатерина Филипченко (рассказ «Человек человеку»), Татьяна Барышева (рассказ «Братья наши меньшие»), Людмила Ханаева («Школьный вымогатель») и Алексей Фролов (эссе: «Гном-писатель», «Тетрадь в клетку», «Супермаркет»).

Рассказ «Человек человеку» Е. Филипченко прост по сюжету: живут старик со старухой на окраине городка в «деревенском» окраинном районе, где и вода из колонки и дрова из дровяника. Живут дружно, дети выросли, неспешный быт одиноких стариков

налажен. Как вдруг в какой-то момент старику становится плохо. Он отказывается от ужина, травки, заваренные женой не помогли, пришлось вызвать скорую помощь... И вот тут-то старики и сталкиваются с дикой чёрствостью людей в белых халатах, которым по должности бы положено быть милосердными особенно к немощным людям. Так и не осмотрев деда, его сначала везут в больницу, там нет места, и его отвозят назад, только водитель спешит и до дома не довозит, мол, сам дойдёшь. Больной старик падает в канаву и там почти умирает и если бы не проходившие мимо молодые люди, которые доносят старика до дома на руках, так бы принял этот человек мученическую ничем не заслуженную смерть на обочине дороги. Рассказ берёт за душу читателя поднятой в нём проблемой современного человеческого общества: каждый сам за себя, человек человеку – волк... Трагедия маленького, никому не нужного человека не потеряла с гоголевских времён («Шинель») своей актуальности. Эту мысль Екатерина Филипенко умело доказывает своим рассказом «Человек человеку».

Проблему человека и природы поднимает в своём рассказе «Братья наши меньшие» ещё одна эжвинская писательница Татьяна Барышева. Мир человеческих взаимоотношений тесно переплетён с миром природы, с жизнью её представителей. Ведь совсем рядом с дачниками, выстроившими на окраине леса жилой дом существуют дятлы, выбивающие дробь из деревьев, жабы, вызывающие своим кваканьем дождь, кошки и семейка ежей. Полудикие кошки и лесные ежи, чувствуящие себя в лесополосе полноправными хозяевами, живут в непосредственной близости от людей, облюбовав себе место под дощатым настилом для летней трапезы. Жизнь благообразно течёт своим чередом в этом сложившемся мирке, и, казалось бы, ничто не может разрушить сложившееся её течение. Однако, у писателя Татьяны Барышевой на этот счёт своё мнение. Она считает, что подобное совместное сосуществование человека и природы в современном мире не может быть вечным. Что по её мнению очень печально. Ведь «венец природы» и её покоритель – это зачастую агрессор, подчиняющий себе окружающую среду, не задумываясь, будет ли ей хорошо, если хорошо только ему. Рассказ заключает «маленькая трагедия»: подъехавший на автомашине сосед задавил двух ежей, даже этого не заметив, которая оказывается для ежиной семейки настоящим горем... Усиливается эффект восприятия прозы эжвинской писательницы за счёт удивительной русской лексики, используемой автором в рассказе.

Сложный мир человеческих взаимоотношений, развивающийся в современной российской школе, брошенной на произвол судьбы в свободное плавание в современном мире «экономической свободы», перекосы в воспитании, казалось бы, благополучных детей из обеспеченных семей со свойственной этому автору яркостью показан в рассказе Людмилы Ханаевой «Школьный вымогатель». И главной героине, учителю вспомогательной школы, в которой занимаются больные дети, эти перекосы, несомненно, видны в более чётком освещении, возможности сравнения. Сюжетная канва рассказа заключается в следующем: десятиклассник в «нормальной» школе ловит на переменах пятиклашек, колотит их и отбирает выданные на школьные обеды деньги. Малыши боятся рассказывать дома о своём мучителе, и лишь случайность помогает главной героине рассказа, учительнице обратить внимание на синяки на теле своего сына. Она сама без чьей либо помощи бросается на помощь своему ребёнку и, в конце концов, после невероятных усилий добивается справедливости. Поступив, как настоящий педагог от бога, женщина учит добру шестнадцатилетнего подростка, учит замечать своих детей занятых зарабатыванием денег родителей, учит выживать в жестоком современном мире своего мальчика. Прозу Л. Ханаевой можно без преувеличения назвать «наизидательной». Её рассказ – это

всегда совет, всегда правдивая, почти документальная история, взятая непосредственно из жизни, этим её творчество, на мой взгляд, и интересно для читателей.

Прозу Алексея Фролова я охарактеризовал бы так: философские эссе в традиции «смешливой прозы» Даниила Хармса. Гномы всю свою сознательную многовековую жизнь тесали камни, но вот в рассказе «Гном-писатель» появился один, которому захотелось стать писателем. Только у него так ничего и не получилось потому что: «Жаль только что не камнями пишут» - резюмирует автор. В эссе «Тетрадь в клеточку» ученик рвал методично на мелкие кусочки тетрадь в клеточку, потому что... буквы и циферки жалобно смотрели на него из неволи, из-за решётки клеточек. Может показаться простым анекдотом, подслушанным на улице, эссе «Супермаркет». Но это только на первый взгляд, ведь уже на второе прочтение начинаешь понимать, насколько глубокий философский смысл заложен в это коротенькое повествование. Приведу пример текстовой концовки: «Но за одной из дверей не было ни Помощников, ни прекрасностей. Не было там пёстрого праздника красок и звуков. Там было удивительно тихо и пусто. Это был Отдел Свободы, за порогом которого ждала Неизвестность. Открывать эту дверь было немного страшно, но именно над ней скромно белела надпись «Выход»».

Альманах «У камелька» отдал дань году коми языка, объявленному в республике в 2009 году. На его страницах были опубликованы стихи и проза коми авторов. Поэзия Геня Горчакова, Людмилы Втюриной, Валентины Оверинной и проза Раисы Куклиной. Под рубрикой «Дебют» были опубликованы стихи Лилии Петровской («Составлю я букет...»), Ларисы Чарушиной («В нашем доме зима не бывает зимой...», «От нас с тобой останутся стихи...») и Ольги Изюмовой («Захлёбываюсь в своём ожидании...»). Дебютировала здесь со своими русскими стихами и Людмила Втюрина («Стекло», «Издалека, из далека...»). В разделе «Наши гости» читатель найдёт стихи Нины Обрезковой и Валерия Вьюхина, членов Союза писателей России, давнишних друзей эжвинского литобъединения «У камелька».

Поэтический «костяк» литературного альманаха «У камелька» составили стихи корифеев и местной литературной элиты: Виктора Бурдина, Евгения Суворова, Людмилы Чебыкиной, Анатолия Вотякова, Алексея Зубкова, Нины Николаевой, Игоря Худолея, Натальи Зоновой, Олега Рочева, Маргариты Прилуцкой, Людмилы Копейкиной и Галины Векшиной, которые пишут и публикуются в различных изданиях уже давно и являются сложившимися авторами. Представленные ими стихи показывают читателю во всём разнообразии художественный мир этих авторов, их восприятие действительности, чувства и мысли. Можно с полной уверенностью сказать, что благодаря их творчеству книга получилась по настоящему цельной и интересной.

Вышел в свет ожидаемый одиннадцатый ноябрьский номер московского журнала **«Наш современник»** с несколькими авторами на своих страницах из Республики Коми. Радует то, что в него не попали всякие там «блатняки» ради забивки оплаченной региональной площадки, а напечатаны произведения действительно достойных поэтов и писателей, достойных представить литературный процесс нашего северного края на российском уровне.

Настоящая проза – это всегда пересказ жизни нашей, глубинной, народной, далёкой от столичного «выпендрёжа» и всяких там «артов» и «сюров». Именно, как мне кажется, в традиционной манере «деревенской» прозы написаны рассказы **Тамары Ломбиной** «И затеплилась звезда», «Новое имя» и рассказы **Нины Обрезковой** (в переводах с коми Игоря Вавилова) «На семи лодках», «Село меняется к лучшему». В этих четырёх рассказах персонажи не надуманы, а искусно списаны с реальной жизни. Истинные народные

характеры и истинные народные жизненные ситуации возведены в этой высокопробной прозе практически до идеала. Их хочется читать и перечитывать, просто потому, что в них далеко забытое, но родное и светлое, то, ради чего стоит жить – народная совесть.

Поэзия представлена стихами таких состоявшихся русских поэтов нашей республики как **Надежда Мирошниченко** («Русская сказка», «Пока мы с тобой по земле колесили...», «Речка Чёрная Калитва...», «А сегодня сердцу стало грустно...», «А он спросил: «А ты меня любила?»», «На 300-летие сибирской губернии»), **Андрей Попов** («От русской Непрядвы остался ручей...», «Кто-то тайно приказы изрёк...», «Сердце болит от шума...», «Шумный рынок – фрукты и одежды...», «Всё сбудется, Марина...»), **Валерий Вьюхин** («Удел», «Державность», «Время рассудит», «Взамен») и **Алексей Иевлев** («Старик! Ты из тех, кто выжил...», «Когда за окнами в снегах уснула ночь...», «Скрипки хотя бы во сне, половина...», «Нет времени слушать поэтов...»).

Глубинный философский смысл имеет литая поэзия Андрея Попова, его подборка стихов в журнале названа «Время братья за серьёзный труд». Его стихи – это действительно труд со стопроцентной самоотдачей человека, на которого снизошло прозрение: «Сердце болит от шума, // Знобит от магнитной бури. // Можно о смерти думать, // О милой литературе...» Поэт достиг возраста мудрости, возраста всё понимающего взгляда на жизнь и её обстоятельности, возраста, когда уже можно подводить некие итоги:

*От русской победы остался музей,
Словарь и терпенье пехоты.
По этому поводу водки не пей
До патриотической ревоты.
В незваных гостях не растрачивай дни,
Щедры на расплату поэты...
И русскую Родину не хорони,
Пока есть стихи и ракеты.*

В поэзии Надежды Мирошниченко всегда в любом объёме её поэтического творчества, будь-то полноценный увесистый том стихотворений или небольшая журнальная подборка («По вертикали») целый мир чувств и ощущений, любви, света и надежды. Её поэзия бывает женственной и лукавой, воюющей с ветряными мельницами и очень конкретно патриотичной. Люблю читать её новые стихи и никогда не возвращаюсь к старым. Так же как нельзя войти в одну воду дважды, нельзя дважды испытать то яркое чувство прикосновения к её восхитительному всепоглощающему творчеству:

*Пока мы с тобой по земле колесили
И тратили жизнь и слова,
Ржаная и медная осень России
Свои предъявила права.
Ржаная и медная, что тебе надо?
И что тебе наша душа!
Зачем ты вприпрыжку бежала за нами,
Седой листопад вороша?*

Свою поэтическую подборку в журнале «Наш современник» Валерий Вьюхин назвал: «Храни себя, Россия». Его поэзия, на мой взгляд, всегда была несколько политизированной, естественно, для сильного русского поэта, в хорошем смысле этого понятия. Особенно отклик души поэтической на реалии современного мира стал проявляться в творчестве Вьюхина в последние годы. И обладая даром некоего поэтического предвидения, литератор, искренне веря, пишет:

*Узнается всё без прикрас,
Кто чем во властители вылез.
Кто нас долбанул о Кавказ,
Да так, чтобы кровью умылись.
Всплывёт и мотив, и цена,
Когда уличат в вероломстве.
Когда-нибудь их имена
Ославлены будут в потомстве.*

Тонкий лирик Алексей Иевлев назвал свою подборку стихов в журнале «Пусть скажут поэты». Как живущий среди нас обычный человек поэт Иевлев практически всю свою первую половину жизни посвятил скитаниям в экспедициях, кропотливой научной работе, и снова выездам «в поле», и, как мне кажется, только сейчас стал понимать сладость домашнего очага, семейного уюта, величие простоты обыденной жизни. Меня всегда стихи его поражали совмещением в них этого самого тонкого лиризма (читай аристократизма) и некой гусарской бесшабашности. Он может написать так: «Нет времени слушать поэтов // Во время чумы и войны. // В года клеветы и наветов // Иные таланты нужны...», а может и вот так:

*Когда за окнами в снегах уснула ночь,
Устав считать на небе бриллианты,
Мы возвратили полкам фолианты,
Послушали, как мирно дышит дочь,
И перебрались тёмным коридором
На нашу кухню, и включили свет...
О, странный возраст середины лет,
Когда согласие предпочитаем спорам,
Когда уже не нужно проверять
На прочность устоявшиеся чувства,
Когда в любимом ценишь не искусство,
А силу в искушеньях устоять...*

В последнее время всё большее значение, как это ни странно звучит, стали играть для литературного процесса юбилейные даты предприятий республики, ухтинских, воркутинских, усинских промышленных компаний. Так и произошло с эввинским гигантом лесоперерабатывающей промышленности, сорокалетие ОАО «Монди Сыктывкарского ЛПК» ознаменовалось опубликованием стихотворного сборника под светлым названием «**Нет места на земле дороже...**». Вышла в свет книга в сыктывкарском издательстве «Полиграф-Сервис». И открывается стихами **Нatalьи Бузаевой** («Бабье лето», «Годы скользят перелётными птицами...», «От сладости цветов и ароматов трав...»):

*Пролетят, как паутинки,
И растают в зыбкой дымке
Зной и ветер, стук капли,
Краски радуге и метели.
Бабье лето, бабье лето
В золото-серебро одето,
В капюшоне неба синем,
По подолу белый иней...*

Помимо новых имен в русской литературе Республики Коми, эта книга стала для меня интересной оформлением художественной фотографией Андрея Таширева, Ирины

Котовой, Андрея Сухинского, Сергея Дуксо. Умело подобранные фотопейзажи, как нельзя лучше, гармонируют с поэзией эжвинских авторов. А, иногда, и подчёркивают свежесть стихотворного слова, посвященного родной северной природе. Как, например, это происходит в поэтическом творчестве **Юрия Габдулсалихова** («Если утром солнце светит...», «Над Москвою солнце шло к закату...», «Про деда», «Хорошо жить без славы и золота...», «Не люблю болото...»):

*А в деревне все люди добрые.
Есть посадят поближе к окну.
Я в ответ расскажу историю,
А нальют, так и песню спою.
Солнце красное к вечеру мается,
На балконе прохладно уже.
Как прекрасно, как чудно мечтается
На девятом, на этаже!*

Во вступительной статье «Мир красив. Это лишь заметить нужно...» характеризую эжвинских поэтов, представивших свои стихи на читательский суд, Андрей Самоделькин написал: «Надеюсь, что вам будет приятно окунуться в мир их творчества, восхититься неповторимым своеобразием стиля и духа каждого из авторов. Не сомневаюсь, что многие из них предстанут для вас совершенно в другом качестве, ведь, согласитесь, в будничной суете нам так сложно остановиться, чтобы хотя бы на минутку заглянуть в душу тем, кто рядом. Сейчас у вас есть такая возможность. Не упустите её и обязательно мысленно поблагодарите авторов за мгновения чистой радости от прочтения строк и созерцания мира таким, как видят его они». И трудно с ним не согласиться, начинаешь понимать это, читая и перечитывая некоторые разделы книги. Ведь как заметила известная в творческих кругах писательница **Людмила Чебыкина** («Осень», «Вьётся пыль за автобусом...», «А я уезжаю от белых ночей...», «Уговори меня, уговори...», «Внезапное лето»):

*О веще таинство преображенья –
Святая наука для непосвящённых!
В нём только сияние и приближенье
К высокому небу, где нет обречённых.
Вот здесь, вдалеке от проблем и правительств,
В спокойствии тихого праздника цвета
Подумаю только: «Берёзы, святитесь!
Я счастлива тем, что увидела это».*

Настоящим открытием, на мой взгляд, станут для любителей поэзии стихотворные подборки ранее не известных авторов **Ольги Лодыгиной** («Когда весна своей капелью...»), **Алексея Мелихова** («Вдоль Вычегды, северной речки...», «На фотографии помятой...»), **Дениса Миленина** («Жаль, что меня вам не понять...», «Разные», «Зачем всё важное вдогонку говорят...»), **Василия Смирнова** («Коми край вековой тайги...», «Весна пришла! Проснись, открой глаза...»), а также **Лилии Харатовой** («Ожидание весны», «Тихой поступью, несмело...», «Вместе с папой, вместе с мамой...», «Я тебе открою тайну...», «Волшебный дар – любовь...», «Шампанское, букет из чёрных роз...») участницы литературного объединения «У камелька», для неё мир взрослых это тоже сказка:

*Я тебе открою тайну,
Никому не говори.
По ночам лесные эльфы
Зажигают фонари.*

*И танцуют, и смеются
Возле маленьких лампад.
Только люди их не видят,
Потому, что ночью спят.*

Несколько особняком, на мой взгляд, в ряду представленных поэтов, стоит стихотворное творчество **Владимира Гоголя** («Морозным утром выхожу из дома...», «Валим», «На потребу толпы не блистай...», «Любовь к родному пепелищу...», «Не придумано ещё средство...», «Мне нравятся российские берёзы...»). Его поэзии свойственно ярко выраженное мужское начало, иногда в нём присутствует, едкий сарказм, но и его поэзия не лишена тонкого лиризма, пусть даже с налётом неизбывной грусти:

*Не придумано ещё средство,
Видно, это от нашей лени,
Чтоб обратно вернуться в детство,
Чтоб уткнуться к маме в колени.
А бывают в жизни минуты,
Когда тошно от тихой грусти,
И судьба навивает пути,
Только в детство уже не пустят...*

Особым профессионализмом отмечена лирика **Виктора Бурдина** («Мои желания легки, как мотыльки...», «Этот город мы строили сами...», «Мы уже не друзья – нашу дружбу разъела рутина...», «У меня в копилке счастья...», «На полпути к мечте...»). Его поэзию можно назвать сугубо традиционной, развивающейся в реалистическом русле, чем, в общем-то, она по большому счёту и интересна в захлестнувшем современный литературный процесс, мало понятными излияниями несвойственных русскому человеку чувств подражания западным зачастую упадническим образчикам. У Бурдина свой голос, только он мог так написать, его поэтический стиль не спутаешь:

*Нам теперь не понять – что нашли мы, а что потеряли,
Нам оплакивать поздно взаимность несбывшихся встреч.
На случайных друзей нашу нежность давно размменяли,
Да и то, что осталось, едва ли удастся сберечь.
Значит, стали сильнее мы ещё на одно расставанье,
Если выжить смогли в раздирающей сердце тоске.
Может, в жизни другой я тебя приглашу на свиданье,
Чтобы звёздные знаки любви начертить на песке.*

Поэзия авторов сборника «Нет места на земле дороже...» разнопланова и пусть не всегда рифма пока ещё точна, а кое-где необоснованно хромает ритм, в стихах эжвинских литераторов преобладает позитивное настроение и возвышенные чувства, искренность и любовь к окружающему миру. Что, несомненно, не может не нравиться любому читателю во все времена...

В 2009 году в издательстве Сыктывкарского государственного университета вышел в свет литературный альманах **«Стихия»**, который объединил под своей обложкой молодёжное творчество студентов учебных заведений республики. Как написал в предваряющей книгу статье ректор СыктГУ В.Н. Задорожный: «Поначалу мы планировали издать небольшой поэтический сборник студентов Сыктывкарского госуниверситета. Но так случилось, что в творческий водоворот, в который окунулись составители этого издания, попали учащиеся и других учебных заведений. И мы, признаться, рады этому. Ведь и фестиваль студенческой песни «Альма-матер», на котором у меня родилась идея созда-

ния этой книги, направлен на то, чтобы объединить всех: тех, кто только «пробует слово на вкус» в стихах и прозе, и тех, кто уже сделал свои первые шаги в мир литературы».

В литературный альманах «Стихия» вошли произведения учащихся Сыктывкарского университета, студии «ЛИСТ» Сыктывкарского гуманитарно-педагогического колледжа им. И.А. Куратова, Коми государственного педагогического института, Лицея народной дипломатии, Ухтинской современной гуманитарной академии и Сыктывкарского лесного института.

Поэзию в сборнике представили **Владимир Устюгов, Илона Врубляускайте, Мария Шведова, Анастасия Добрынина, Анастасия Кунакужина, Михаил Мигловец, Максим Самарин, Марина Штекляйн, Дарья Осипова, Павел Вануйто, Ольга Изюмова, Дмитрий Сиротин, Анна Чалышева, Мария Игонина, Дарья Снегирёва, Наталья Торлопова, Клавдия Костромина и Алесандр Сергиенко**, который в одном из своих стихотворений («Многогранник») написал:

*Барабанный бой в один удар сердца.
И ты слышишь, как тени ползут к тебе.
Пальцы не могут с пленом бороться.
Продолжается топот, где-то внутри.
Окоченевшее утро, дышать, чтоб согреть.
Ночью ты видел сон, твой долг умереть.*

В разделе прозы со своими рассказами выступили: **Георгий Зюзов** («Первое»), **Иван Оверин** («Герой войны»), **Ольга Юдина** («Глаза цвета неба», «Ошибка»), **Анастасия Татаринова** («Сумерки», «Я отрицаю все законы», «Картины»), **Даниил Шомысов** («Фатал»).

Широко представлена в сборнике студия «ЛИСТ» Сыктывкарского гуманитарно-педагогического колледжа им. И.А. Куратова. Стихи в книге опубликовали её представители: **Дарья Чистоусова** («Прекрасна осень золотая, та...», «Всё проходит»), **Ольга Катышева** («Есть что-то странное в людях...», «Когда наступит время холодов...»), **Анастасия Суворова** («Вновь декабрь – последний месяц года...», «На дворе случилась осень...»), **Лана Шлычкова** («Какая синь в глубинных облаках...», «Незабудковая нежность...», «В поднебесные делянки...»), **Виктория Бажукова** («Моя маленькая родина»), а также на суд читателей вынесены стихи **Виктории Мартыновой**, одной из первых выпускниц студии «ЛИСТ» и, пожалуй, самой талантливой на сегодняшний момент поэтессы, выпускницы студии («Ты спой о весне», «А вот и дождь...», «Бывшее», «Вечность»), которая создаёт, на мой взгляд, прелестную чисто «женскую» лирику, ту самую поэзию, что близка русскому сердцу, наверное, с самого детства:

*Причудливые тени на воде.
Дожди весь август.
Лето умирает.
И так естественны и слёзы, и хандра,
Таблетки, хмурый врач, и чай с малиной...
Все говорят, что ты больна ангиной,
А ты июлем солнечным больна.*

А самой талантливой, опять же, на мой взгляд, выпускницей литературного объединения СыктГУ является юная поэтесса **Елена Кепплин**. Подборка её стихотворений самая значительная и не только по объёму в сборнике: «Дороги», «Светел путь», «Твой мир», «Бабочки», «Стреноженные кони», «Из покоя», «Жертва», «Сердце», «Ребёнок и лошадь», «Первоцвет», «Отрада и печаль», «Нежность» и другие. В общем, более трид-

цати стихотворений. Удивляет точность её философских оценок порой обычных жизненных ситуаций, чем и отличается литература настоящая от потуг графоманов:

*Мы – соль, поэтому нам горько.
Нас растворяет полумгла.
А на окне вагона шторка
До потрясения бела.
Как хорошо, что мы такие,
Без соли долго не живут.
Лежим – притихшие, нагие,
И руки по рукам плывут.
Мне страшно, лишь глаза закрою,
И кажется – в глухой овраг
Наш поезд катится слезою,
Не остановится никак.*

Приятно было узнать, что впервые опубликовавший свою прозу в литературном альманахе «Сыктывкар» выпускник СПИ **Максим Чупров**, ныне является студентом Литературного института имени М.Горького. Он опубликовал в сборнике «Стихия» фантастический рассказ «Степь». Действие, которого происходит на закате жизни человечества, страшно становится от нарисованной картины, однако хочется верить, что светлое начало в творчестве этого автора всё-таки со временем займёт более широкие позиции. Рассказ далёк от современного стиля «фэнтези», написан добротным языком традиционной фантастики начала и середины двадцатого века.

Подводя некий итог сказанному, можно резюмировать, что образчики русской части литературного процесса Республики Коми, вернее временно́го отрезка длиной в 2009 год, о которых шла речь выше, на мой взгляд, дают полное представление о путях развития нашей провинциальной литературы. Особенно меня порадовали, да, наверное, не только меня, а огромную аудиторию читателей, прозаики. Романы Спичака и Киселёвой, повести Иевлева и Бернштейна являются значимыми произведениями, дающими повод российскому литературному процессу обратить внимание на наш северный край, как на авангард русской прозы на современном этапе его развития.

С о д е р ж а н и е

- О. Елфимов. Любимому городу и великой Победе**
Е. Бернштейн. Разные дни войны в воспоминаниях солдата
(документальная повесть)
Н. Щукин. Прошу считать меня солдатом... (стихи)
П. Булатов. Птица ворон... (стихи)
В. Демидов. Вернись дыханием весенним... (стихи)
Н. Мирошниченко. Ой вы, песни, ой вы, реки... (стихи)
В. Силкин. Аксиома молчания (стихи)
А. Канев. Марш-бросок (отрывки из романа)
А. Елфимова. Не провожаешь и назад не ждёшь... (стихи)
В переводе с коми И. Вавилова, Н. Кузьмина.
Т. Ломбина. Давным-давно в детстве (рассказ)
А. Некрасов. Письмо с ответом (стихи)
С. Кокорин. Нарды (стихи)

В. Гоголь. Красное платье и белые розы (повесть)
 А. Канев. В окна звёздный ветер дул... (стихи)
 И. Белых. Дыхание осени (рассказ)
 В переводе с коми Г. Марковой, А. Канева
 А. Парначёв. Как я свалился с засидки (рассказ)
 Ю. Юровский. Листья травы (стихи)
 М. Гадомский. Полярные судьбы (повесть)
 Е. Изюмская. Две спицы и нитка (побасенка)
 Н. Терентьев. Танцы любви на болоте (рассказ)
 Р. Клейн. Избавление от нагрузки (очерк)
 А. Иевлев. «Сотвори мои стихи, зима...» (рецензия)
 И. Величко. М. Герцману про «Тупиц» (эссе)
 Л. Ханаева. На серый лес печально глядя... (стихи)
 Е. Филипченко. Разрывая смуту на душе... (стихи)
 Л. Чебыкина. Я доверюсь тебе... (стихи)
 А. Вотяков. Чёрно-белая картина... (стихи)
 Т. Барышева. Я счастлива, когда пишу... (стихи)
 А. Зубков. Зимняя сказка (стихи)
 Н. Николаева. Опять шумят усталые дожди... (стихи)
 И. Худолей. В этот вечер... (стихи)
 Н. Зюнова. Ветер подхватил моё дыханье... (стихи)
 О. Рочев. Проговори со мной всю ночь... (стихи)
 М. Прилуцкая. Одинокая птица... (стихи)
 Л. Копейкина. Море моё студёное... (стихи)
 Е. Суворов. Счастье (повесть)
 Р. Куклина. Ах, первый узелок... (стихи)
 В. Олофинский. А для тебя звучат те же песни... (стихи)
 А. Иевлев. В России талантов – богато! (стихи)
 Г. Трофимов. Черета (стихи)
 К. Коковкин. Безмерно завидую птицам... (стихи)
 А. Бернштейн. Письма дочери (письма)
 А. Лобанов. Откуда мне памятен гул тех сражений... (стихи)
 Анат. Попов. Когда-то милый давний Чацкий... (стихи)
 А. Карпов. Пишет он о взгляде томном... (пародии)
 И. Самар. Поэт читал стихи... (стихи)
 В. Охапкин. Чаша терпения (очерк)
 Е. Карпов. Снегопад любви (стихи)
 Е. Соцков. Как только я тебя увижу... (стихи)
 О. Нэш. Не мил мне ветер наших зим... (стихи)
 авторизированный перевод Е. Ширшовой
 И. Воропаева. Хотела всё забыть... (стихи)
 П. Малафеев. Северный аэродром (стихи)
 В. Бурдин. Что-то невеселая выдалась пора... (стихи)
 В. Александров. Любовь много значит (стихи)
 Д. Чистоусова. Катя-Катя, Катерина... (рассказ)
 В. Бажукова. Щенячьи глазки... (стихи)
 А. Суворова. Почему я люблю так весенние грозы... (стихи)

- С. Мирошников. Непредвиденный герой (рассказ)
- А. Василенко. Розовый вечер (стихи)
- Андр. Попов. Кто-то тайную волю изрек... (стихи)
- А. Илларионов. Бегут по тропке муравьи... (стихи)
- Ю. Соболева. Про жизнь, любовь и собаку (рассказ)
- Н. Обрезкова. Цвета твоих глаз... (стихи)
- А. Чалышева. Электричка в пути догоняет рассвет... (стихи)
- М. Игонина. Сквозь пальцы время. Не держу... (стихи)
- А. Селяков. Дед, прадед и я (рассказ)
- Ю. Ионов. С огорода у озера – мать и сынок ... (стихи)
- С. Журавлёв. Скифские бабы (стихи)
- В. Вьюхин. Былое (стихи)
- А. Суворов. Несомненная тяжесть судьбы... (стихи)
- В. Полещиков. Декабрист в Коми крае (очерк)
- А. Канев. Книги поэзии и прозы, альманахи русских писателей Республики Коми в 2009 году (статья)